

Владимирский государственный университет

**СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ,
ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**Материалы II Всероссийской научно-практической
конференции**

5 декабря 2025 г.

Владимир 2026

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
Гуманитарный институт
Кафедра социологии

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ, ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции

5 декабря 2025 г.

Под общей редакцией кандидата экономических наук В. С. Щитко

Электронное издание

Владимир 2026

ISBN 978-5-9984-2308-6

© Коллектив авторов, 2026

УДК 316.3

ББК 60.52

Редакционная коллегия:

В. С. Щитко, канд. экон. наук, доцент (*ответственный редактор*)

В. Н. Аргунова, д-р социол. наук, доцент (*член редколлегии*)

С. А. Ефимова, канд. ист. наук, доцент (*член редколлегии*)

С. А. Орлова, лаборант кафедры социологии (*секретарь редколлегии*)

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Современное российское общество: новые вызовы, особенности трансформации и перспективы развития [Электронный ресурс] : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. 5 дек. 2025 г. / под. общ. ред. канд. экон. наук В. С. Щитко / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых ; Гуманит. ин-т, Каф. социол. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2026. – 336 с. – ISBN 978-5-9984-2308-6. – Электрон. дан. (2,96 Мб). – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10 ; Adobe Reader ; дисковод CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

Статьи, вошедшие в сборник, посвящены анализу современного состояния российского общества, выявлению основных рисков и драйверов социального развития.

Сборник предназначен для социологов, политологов, философов, педагогов, журналистов, специалистов в области рекламы и связей с общественностью, социальной работы и работы с молодежью, изучающих проблемы современного общества, может быть полезен студентам направления подготовки 39.03.01 «Социология» для более глубокого изучения таких дисциплин, как «Общая социология», «Социология глобализации», «Социология молодежи», «Социология семьи и личности» и др.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Князева Н. С., Нечаева И. И.

**ОБЩЕСТВО РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: ОСОБЕННОСТИ
СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ С РАС
НА ПРИМЕРЕ Г. ВЛАДИМИРА 9**

Шевченко В. М.

**К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ ФОРМИРОВАНИЯ РИСКОВ
АУТОДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЯХ..... 17**

ДОКЛАДЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Аверин К. В.

**ЦИФРОВАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ
УПРАВЛЕНИИ: ОТ ДЕКЛАРАТИВНОЙ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ
К АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ БЮРОКРАТИИ (НА ПРИМЕРЕ
САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)..... 25**

Аргунова В. Н.

«СЧАСТЛИВАЯ АПАТИЯ» ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ..... 32

Банькина Е. Р.

**МЕДИАПОРТРЕТИРОВАНИЕ В ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ
В ЭПОХУ СВО 37**

Белокрылина А. А., Орлик Е. Н.

**СЕЛЛЕРЫ МАРКЕТПЛЕЙСОВ КАК НОВЫЙ ТИП
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ 44**

Бочаров И. И.

**НОВАЯ ФУНКЦИЯ ЖУРНАЛИСТА КАК СУБЪЕКТА
ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ КОММУНИКАЦИЙ
В КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКЕ 49**

<i>Васькова А. А.</i> УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ ПЛАТФОРМЕННЫХ РАБОТНИКОВ СЕРВИСНОЙ СФЕРЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕТЕРМИНАНТ И ФАКТОРОВ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ	56
<i>Волченкова Е. В., Бушкова-Шиклина Э. В.</i> ВЫЯВЛЕНИЕ СКЛОННОСТЕЙ К ДЕВИАНТНЫМ ФОРМАМ ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ ГРУППЫ РИСКА	69
<i>Воротенькина С. Е., Ефимова С. А.</i> АНИМЕ-СООБЩЕСТВА В РОССИЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ	74
<i>Галиулин А. Р., Юсупов Р. Г.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ.....	82
<i>Гутова А. А.</i> ЭФФЕКТ АЛГОРИТМА В ЦИФРОВЫХ СЕТЯХ: КАК ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМЫ ФОРМИРУЮТ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНТОВ	88
<i>Егорычева М. А., Аргунова В. Н.</i> ПРОБЛЕМА ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ В МАЛОМ ГОРОДЕ.....	95
<i>Зякин Н. Ю., Ефимова С. А.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ.....	100
<i>Киреев М. А., Аргунова В. Н.</i> АПОФАТИЗМ КАК ЯДРО ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ САМОБЫТНОСТИ	117
<i>Китаева А. А., Панкратова Е. В.</i> ЖИЗНЕННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ОТНОШЕНИИ СЕМЬИ И БРАКА	124
<i>Кленин П. В.</i> ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ТЕОРИИ ГЕНДЕРА: ОТ СИМОНЫ ДЕ БОВУАР К ДЖУДИТ БАТЛЕР.....	129

<i>Комарова К. Л., Ефимова С. А.</i>	
СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РОССИЙСКОГО ФРИЛАНСЕРА	134
<i>Коробова О. О., Ульяновина А. Ю.</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ЖЕНЩИН ЧЕРЕЗ САМООБРАЗОВАНИЕ.....	144
<i>Куликов В. А., Щитко В. С.</i>	
КИБЕРБУЛЛИНГ КАК СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ.....	151
<i>Лебедев Н. А.</i>	
РИСКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В РАМКАХ ТЕОРИИ УЛЬРИХА БЕКА	156
<i>Лествиг Е. С., Ермилова А. В.</i>	
БРИКС КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО- ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ РОССИЙСКИХ СПОРТСМЕНОВ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИЗОЛЯЦИИ	161
<i>Лоза В. Г., Глухова М. Ф.</i>	
РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ И РУССКАЯ ОБЩИНА: УКРЕПЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ И СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	168
<i>Лю Ин</i>	
ИССЛЕДОВАНИЕ ВЫЗОВОВ И ПЕРСПЕКТИВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИИ.....	175
<i>Макарова Д. Д.</i>	
BUSINESS-FRIENDLY КАК ОСНОВА КОМПЕТЕНТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РАМКАХ ЦИФРОВОГО ПОЛЯ ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТА ТУРИЗМА И ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА	179
<i>Мельников М. В.</i>	
ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ: УКРЕПЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ВЫБОР ДЛЯ СЕБЯ...	186
<i>Михайленко М. Д., Яковлева И. И.</i>	
ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ Г. ИВАНОВО	192

<i>Молодкин А. Б., Орлик Е. Н.</i> ШЕРИНГ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ОСОЗНАННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ.....	199
<i>Мулина Н. А.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ.....	206
<i>Николаенко П. С., Панкратова Е. В.</i> РОЛЬ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ИВАНОВО).....	212
<i>Орлик Е. Н., Щитко В. С.</i> СОЦИОЛОГИЯ ДЛЯ НЕСОЦИОЛОГОВ: ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ.....	220
<i>Павлова В. А., Мельниченко Н. Ф.</i> ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ К СОЦИАЛЬНО- ТРУДОВЫМ ОТНОШЕНИЯМ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ.....	226
<i>Петросян Д. И.</i> ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ К МИГРАЦИОННЫМ ПРОЦЕССАМ.....	235
<i>Правдивая К. В., Птицына Н. А.</i> ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРАЖДАН СТАРШЕГО ВОЗРАСТА В МАЛОМ ГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КОХМА ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ).....	242
<i>Семенова Е. В., Ефимова С. А.</i> КАРЬЕРОЦЕНТРИЗМ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ТРЕНД: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОМИНИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ.....	249
<i>Смылова Л. В.</i> АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ПОЯВЛЕНИЮ И РАЗВИТИЮ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА КАК МЕТОДА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	258

<i>Тихонов Н. В., Щитко В. С.</i>	
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЦЕННОСТИ, СИМВОЛЫ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ	264
<i>Трутнева А. М.</i>	
МОТИВАЦИЯ ЖЕНЩИН В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	269
<i>Удовыдченко А. С.</i>	
ТЕЛЕСНОСТЬ ГУМАНОИДНОГО РОБОТА В КОММУНИКАЦИИ «ЧЕЛОВЕК – МАШИНА»	275
<i>Цао Юаньюань</i>	
КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ И КИТАЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: МЕХАНИЗМЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» И ВЫЗОВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА	279
<i>Царев Д. Э., Щитко В. С.</i>	
ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПУТЬ К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ИЛИ ЦИФРОВАЯ ИЗОЛЯЦИЯ.....	284
<i>Цзи Чжюянь</i>	
НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОПРЯЖЕНИЕ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» И ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА.....	290
<i>Чжу Чжэну</i>	
ДИСКУРСИВНАЯ СИЛА КИТАЯ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ВЫБОРА: ЗАПАД/ВОСТОК.....	296
<i>Чжуан Ваньлу</i>	
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ	301

<i>Чубаров А. И., Мухаев Р. Т.</i> К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОМ МЕХАНИЗМЕ АДАПТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ.....	306
<i>Шалимов А. Б.</i> ОТ КРИТИКИ К ОНТОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА.....	310
<i>Шибанов К. С.</i> ДИНАМИКА БЕДНОСТИ И НЕРАВЕНСТВА ДОХОДОВ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ.....	316
<i>Яблочкова А. Д., Панкратова Е. В.</i> КОНФЛИКТЫ В СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ РОДИТЕЛЬСКИХ СЕМЕЙ СТУДЕНТОВ ИВГУ)...	324
<i>Язева Д. М., Яковлева И. И.</i> ГРАЖДАНСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ.....	331

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Князева Наталья Сергеевна
кандидат социологических наук
ВООО АРДИ "Свет", г. Владимир
E-mail: yelena.taranova.79@inbox.ru

Нечаева Ирина Игоревна
кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: nechaevaii@list.ru

ОБЩЕСТВО РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ С РАС НА ПРИМЕРЕ Г. ВЛАДИМИРА

Аннотация. В статье рассматривается понятие «общество равных возможностей» и особенности социализации детей и подростков с расстройствами аутистического спектра. Отмечается рост распространенности РАС в России и мире, приводятся международные данные и сравнения, раскрывается роль общественных организаций в поддержке детей с РАС.

Ключевые слова: общество равных возможностей, социализация детей и подростков, расстройства аутистического спектра (РАС), аутизм, синдром Аспергера, инклюзия, общественные организации

Изучение любого социального явления начинается с изучения термина.

Термин «общество равных возможностей» не имеет одного конкретного автора, так как является развитием идеи социальной справедливости, предложенной еще в середине XIX века иезуитом Луиджи Тапарелли д'Адзельо. Эта идея получила развитие в трудах различных философов и политических деятелей, которые, основываясь на принципах социальной справедливости, в дальнейшем развили понятие равных возможностей.

ИИ дает следующее определение этого термина. «Общество равных возможностей» – это модель общества, основанная на принципах социальной инклюзии, где у всех людей, независимо от их пола, возраста, социального статуса, этнической принадлежности, физических или ментальных особенностей, есть равные возможности для полноценного участия во всех

сферах жизни. Это означает, что создаются условия для равного доступа к образованию, работе, отдыху, творчеству и общению».

На практике реализация этой модели означает устранение барьеров как физических, так и информационных для людей с ограниченными возможностями здоровья. Но также очень важным является наличие возможности у людей с особенностями в передвижении посещения общественных мест, получения образования, трудоустройства и творческой самореализации и их интеграции в социум.

И, конечно, инклюзия, как способ вовлечение граждан с особенностями в активную общественную, экономическую и культурную жизнь.

У каждого пятидесятого ребенка в России есть инвалидность. Это примерно один ребенок на каждые два типовых школьных класса. Каждый год число таких детей увеличивается. С 2010 года, по данным Росстата, в России стало на 158 тысяч детей-инвалидов больше. Доля детей с инвалидностью от всего детского населения тоже выросла почти на 15%.

Почти четверть этого прироста приходится на расстройства аутистического спектра. Только за пять лет, с 2018 года, число детей с инвалидностью из-за РАС выросло с 24,3 до 44 тысяч, что составляет на 80%. Из них 24% детей с инвалидностью получили ее именно из-за аутизма.

Тенденция увеличения диагностируемых случаев РАС наблюдается во всем мире. Особенно высокие цифры представляют США. Данные последних популяционных исследований год от года в течение последних 20 лет показывают неуклонный рост распространенности расстройств аутистического спектра (РАС).

Согласно данным, опубликованным Центрами по контролю и профилактике заболеваний США (CDC) в апреле 2025 года, расстройство аутистического спектра регистрируется у 1 ребенка из 31 (в возрасте 8 лет), причем у мальчиков в среднем в 3,4 раза чаще, чем у девочек [4].

Методы исследования включают анализ данных о детях, проживающих в разных штатах США, и сбор информации о диагнозах на основе медицинских, страховых и образовательных документов. Исследование проводится в разных регионах и на большом объеме информации, поэтому результаты показывают репрезентативные данные о распространенности РАС среди детей.

Статистика степени распространенности аутизма начала проводиться в мире с 1966 года, однако еще 20 лет назад аутизм / расстройство аутистического спектра считался редким нарушением развития (регистрировалось всего 2–6 случаев на 10000 детей).

Необходимо отметить, что на сегодняшний день эти исследования проведены по крайней мере в 37 странах, и все они указывают схожие тенденции, так что оснований сомневаться в правильности полученных данных о росте встречаемости аутизма нет [3].

Всемирная организация здравоохранения пока использует более консервативные данные и предлагает считать верной статистику 1 к 100. В систематическом сборнике, посвященном распространенности аутизма в мире, также приводится статистика 1 к 100.

В России за последние несколько лет число детей до 14 лет с диагнозом «аутизм» выросло почти в два раза: с 29 тысяч в 2018-м до 50 тысяч в 2022-м. Каждая четвертая ментальная детская инвалидность связана с расстройством аутистического спектра. Согласно данным Росстата РФ за 2023 год, численность детского населения составляет около 31 миллиона, это означает, что прогнозируемое количество диагнозов «РАС» в России составляет более 300 тысяч [2].

К сожалению, на сегодняшний день ситуация с постановкой диагнозов «РАС» остается очень сложной. Пока не существует и подтвержденных методов лабораторной диагностики РАС (данный диагноз невозможно поставить по анализу крови или с помощью методов нейровизуализации, таких как КТ или МРТ).

Аутизм – поведенческий диагноз, который ставится на основе результатов наблюдений за ребенком, интервью с ухаживающими взрослыми или с самим человеком, а также с использованием специальных шкал. Диагноз ставится прошедшими специальное обучение профессионалами: психиатром, психологом или неврологом. Поэтому знания о том, как диагностировать РАС, и подготовка специалистов имеют решающее значение.

Доступ к услугам специалистов в более раннем возрасте может помочь детям лучше учиться в школе и повысить качество жизни взрослых с РАС в будущем.

Исследования распространенности РАС имеют огромное значение для выделения и распределения ресурсов, планирования предоставляемых услуг на уровне стран и отдельных регионов.

Необходимо также отметить, что при планировании и реализации программ помощи детям с РАС и их семьям невероятно важно обращаться к практикам с доказанной эффективностью.

Эта группа детей и подростков требует повышенного внимания и индивидуального подхода.

Дети и подростки с РАС часто имеют трудности с общением, социальным взаимодействием и проявляют стереотипное поведение. У них может быть повышенная чувствительность к стимулам (звукам, свету), ограниченные интересы и стремление к рутине. Признаки могут включать замкнутость, избегание зрительного контакта, повторяющиеся движения и непредсказуемые реакции.

Эти дети предпочитают одиночество, не ищут контакта с другими детьми и взрослыми, им сложно заводить друзей и понимать социальные сигналы. Они могут избегать зрительного контакта, а их речь и эмоциональные проявления могут не совпадать с возрастом. Их взгляд может быть направлен на жесты или губы, а не на лицо собеседника.

Для таких детей характерно совершение повторяющихся движений (раскачивание, тряска руками). Они нуждаются в строгом соблюдении порядка, рутине. Любые изменения могут вызывать сильное беспокойство или истерику. Громкие звуки, яркий свет и прикосновения могут вызывать сильное раздражение или дискомфорт.

Несмотря на внешнюю отстраненность, дети с РАС испытывают эмоции, такие как злость, страх, сострадание, просто не всегда демонстрируют их привычным для окружающих образом.

Период полового созревания может быть особенно тяжелым и сопровождаться агрессией, паническими атаками и депрессией. В некоторых случаях РАС может проявляться в виде самоповреждения (укусы, удары).

Общеизвестно высказывание о том, что не бывает двоих похожих детей с РАС, поэтому каждый ребенок или подросток с таким диагнозом является объектом повышенного внимания специалистов.

Работа с каждым из них строится с учетом его функциональности. Наиболее высокофункциональными являются дети с синдромом Аспергера.

Некоторые дети с синдромом Аспергера обладают особым талантом, который позволяет добиваться хороших профессиональных результатов в будущем. У них превосходная механическая память. Синдром Аспергера проявлялся у Микеланджело, Ньютона, Моцарта, Наполеона, Рузвельта, Теслы, Черчилля, Форда, Фишера, Илон Маск также заявляет о наличии у него

этого синдрома. Люди с синдромом Аспергера избегают контактов с окружающими, т.к. им сложно проявлять эмоции и общаться. Они очень чувствительны к звукам, прикосновениям и запахам. Имеют очень хорошую память и детализируют объекты так, что часто не воспринимают их внутреннего смысла.

Вместе с тем высокофункциональных аутистов не более 10 %, большая же часть из них – это дебилы, по разным данным от 50 до 70 %. Причем из них 30% остаются невербальными.

Наше общество предпринимает попытки, иногда весьма успешные, для реализации модели общества равных возможностей. Субъекты федерации имеют разный опыт и уровень достижений в этой области своей деятельности. Вместе с тем большая часть инициатив и усилия по созданию условий для реализации прав людей с особенностями принадлежит общественным организациям. Если авторитет общественной организации велик, она является получателем президентских грантов, привлекает спонсоров, ее деятельность приносит реальную пользу обществу, то руководство города и области во многом поддерживают инициативы организации.

Примером такой общественной организации является ВООО АРДИ «Свет» [1]. Как следует из информации председателя ВООО АРДИ «Свет» Л.И. Кац, за 28 лет работы организация много сделала для реализации прав детей, молодых людей с инвалидностью на развитие, образование, трудовую занятость, достойную жизнь.

В ВООО АРДИ «Свет» работают классы «Школы жизни», с 2001 года начато обучение детей со сложной структурой дефекта в коррекционных школах 8 вида области. Глухие и слабослышащие дети обучаются в интеграционных классах общеобразовательной школы №14 г. Владимира. С 1998 года дети и молодые люди с ограниченными возможностями занимаются компьютерной грамотностью, круглогодично иппотерапией и лечебной верховой ездой (у организации есть свой крытый манеж), репетируют в «Театре Дружбы и Добра особенных детей и молодых людей» и выступают с постановками для жителей области, выезжают с гастрольями в другие города. С 2005 г. молодые люди, не имеющие основного общего образования, ранее признанные «необучаемыми», получают профессию «швея», «повар» в ВЭТК.

В АРДИ «Свет» трудятся и заняты молодые люди с инвалидностью, в том числе недееспособные. Для них работают швейная, ткацкая, вязальная,

гончарная, свечная, полиграфическая мастерские, секция по изготовлению мягких игрушек, производится обучение мелкому ремонту в доме.

ВООО АРДИ «Свет» разработала и реализует программы для молодых людей с тяжелой формой инвалидности – обучение самостоятельному (сопровождаемому) проживанию по программе «Школа жизни», а с 2003 года – в «Учебных квартирах» для подготовки детей и молодых людей с тяжелыми психофизическими нарушениями с 14 лет к самостоятельному (сопровождаемому) проживанию, чтобы, оставшись одни после жизни родителей, ребята с инвалидностью могли себя обслуживать, остаться жить в привычной домашней обстановке. Работает 10 учебных квартир.

В 2014 году ВООО АРДИ «Свет» открыла и квартиру постоянного сопровождаемого проживания, в которой числится 5 молодых людей с 1-2 группой инвалидности, недееспособных, с сопровождением педагогов. Это уникальный опыт сопровождаемого проживания во Владимирской области.

Разработаны, внедрены и работают с 2012 года стационарозамещающие технологии: приемные семьи для одиноких людей с инвалидностью (дееспособных и недееспособных). Работа этих форм позволила ликвидировать и не допустить рост очереди в психоневрологические интернаты, которая в 2011 году составляла 400 человек.

298 недееспособных человек обустроены в приемные семьи, 144 одиноких человека с инвалидностью обрели семью. Всего 452 человека живут в домашних условиях.

В организации работают программы для детей с инвалидностью рождения. С 2011 года функционирует центр ранней помощи молодым семьям с детьми с особенностями развития «Мишутка и его друзья». Ежегодно развивающие программы проходят более 100 детей с 2 до 14 лет.

В центре «Мишутка и его друзья» занятия с детьми проводят специалисты по адаптивной физкультуре, дефектологи, психологи, логопеды.

Молодые люди с ограниченными возможностями здоровья с сентября этого года получили возможность заниматься по программе творческого развития, разработанной Князевой Н.С. и Нечаевой И.И., согласованной с руководителем ВООО «СВЕТ» Кац Л.И. и специалистом методистом организации. Программа включает в себя знакомство с живописью, балетом, классической музыкой, занятия логопедией и получение первоначальных навыков игры на музыкальных инструментах. Знакомство с работами русских и зарубежных художников, создание собственных рисунков различ-

ными техниками на различные сюжеты проходит под музыкальное сопровождение по теме рисунков. Знакомство с мировыми балетными и театральными постановками сочетается с показом видеороликов и иллюстраций. Молодые люди знакомятся с творчеством К. Моне, С. Андрияки, В. Серова, В. Васнецова. Послушали и посмотрели отрывки из балетов «Лебединое озеро», «Щелкунчик». Сейчас эти молодые люди готовят собственный концерт для родителей с исполнением на клавишных инструментах новогодних песен. Некоторые из них еще недавно не умели читать и не могли держать в руках кисти для рисования.

Целью программы творческого развития является реализация право на творчество и расширение возможностей самовыражения молодыми людьми с ментальными нарушениями.

Список литературы

1. Владимирская областная общественная организация в поддержку детей-инвалидов, инвалидов и их семей «Ассоциация Родителей Детей-Инвалидов «СВЕТ»: сайт. – URL: <https://svet33.ru/> (дата обращения: 30.11.2025 г.)

2. С 2018 года число детей с аутизмом в России практически удвоилось. Теперь их предлагают лечить устаревшими препаратами // [Электронный ресурс] // URL: <https://tochno.st/materials/s-2018-goda-cislo-detei-s-autizmom-v-rossii-prakticeski-udvoilos-v-novykh-rekomendaciiakh-minzdrav-predlagaet-lecit-ix-ustarevsimi-preparatami> (дата обращения: 30.11.2025 г.)

3. Статистика аутизма в России и в мире // [Электронный ресурс] // URL: <https://nakedheart.online/articles/statistika-autisma-v-rossii-i-mire> (дата обращения: 30.11.2025 г.)

4. ‘Autism Epidemic Runs Rampant,’ New Data Shows 1 in 31 Children Afflicted // [Электронный ресурс] // URL: <https://www.hhs.gov/press-room/autism-epidemic-runs-rampant-new-data-shows-grants.html> (дата обращения: 30.11.2025 г.)

Knyazeva Natalia Sergeevna
Candidate of Sociological Sciences
VOOO ARDI "Svet", Vladimir
E-mail: yelena.taranova.79@inbox.ru

Nechaeva Irina Igorevna
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: nechaevaii@list.ru

**SOCIETY OF EQUAL OPPORTUNITIES: FEATURES
OF SOCIALIZATION OF CHILDREN AND ADOLESCENTS WITH
ASD ON THE EXAMPLE OF VLADIMIR**

Abstract. The article discusses the concept of "society of equal opportunities" and the features of socialization of children and adolescents with autism spectrum disorders. It notes the growing prevalence of ASD in Russia and around the world, provides international data and comparisons, and highlights the role of public organizations in supporting children with ASD.

Keywords: society of equal opportunities, socialization of children and adolescents, autism spectrum disorders (ASD), autism, Asperger's syndrome, inclusion, public organizations

Шевченко Виктория Михайловна

старший методист

*Государственное бюджетное учреждение центр
психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи*

Невского района Санкт-Петербурга, г. Санкт-Петербург

аспирант

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: viktoritchshevchenko@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ ФОРМИРОВАНИЯ РИСКОВ
АУТОДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**

Аннотация. Аутодеструктивное поведение несовершеннолетних представляет собой серьезную социальную проблему, требующую комплексного изучения и разработки эффективных мер профилактики. Подростковый возраст является наиболее уязвимым периодом в формировании паттернов поведения и, прежде всего, деструктивных. Целью исследования является комплексный анализ факторов риска и маркеров аутодеструктивного поведения среди несовершеннолетних. Основными задачами являются выявление и систематизация основных факторы риска аутодеструктивного поведения среди несовершеннолетних; определение уровня осведомленности родителей о признаках аутодеструктивного поведения; оценка эффективности существующих мер профилактики в образовательных учреждениях. Предполагается, что риски аутодеструктивного поведения формируются под влиянием комплекса взаимосвязанных факторов (семейных, личностных, социальных и школьных), а эффективность профилактики зависит от системности наблюдений и междисциплинарного взаимодействия специалистов. Использованы следующие методы: анкетирование родителей, статистический анализ данных, качественный анализ результатов, системный подход к оценке факторов риска. Результаты исследования могут быть использованы для: совершенствования профилактической работы в образовательных учреждениях, разработки профилактических программ, повышения компетентности родителей в вопросах профилактики, улучшения межведомственного взаимодействия специалистов. Исследование опирается на

теоретические наработки и эмпирический опыт работы с несовершеннолетними, что позволяет предложить конкретные рекомендации по усилению профилактической работы в образовательной среде.

Ключевые слова: аутодеструктивное поведение подростков, суицид, психолого-педагогическая профилактика, аутоагрессивное поведение, программа профилактики

Аутодеструктивное поведение представляет собой устойчивую форму активности, направленную на причинение вреда собственному физическому, психическому или социальному благополучию. В этом плане подростковый возраст является наиболее уязвимым.

Основными проявлениями аутодеструктивного поведения несовершеннолетних принято считать несуицидальные самоповреждения (так называемый, селфхарм); суицидальные мысли и попытки; расстройства пищевого поведения; рискованные увлечения (экстремальные виды досуга); аддиктивное поведение: химическая и поведенческая зависимость; бунтарство, включая пренебрежение социальными правилами.

Среди ключевых групп факторов риска аутодеструктивного поведения можно выделить:

- семейные факторы: дисфункциональные отношения, конфликты, насилие, гиперопека или гипоопека; отсутствие эмоциональной привязанности, игнорирование потребностей ребенка; модели деструктивного поведения в семье (алкоголизм, агрессия, суицидальные эпизоды); развод родителей, смена состава семьи;

- личностно-психологические факторы: низкая самооценка, чувство беспомощности; высокая тревожность, склонность к депрессии; импульсивность, неразвитые навыки самоконтроля; перфекционизм, страх неудачи; незрелость механизмов совладания (копинга);

- социальные и средовые факторы: травля в школе или онлайн; изоляция, отсутствие значимых социальных связей; давление референтной группы (требования соответствовать нормам субкультуры); доступность психоактивных веществ, пропаганда рискованного поведения в медиа; переживание утраты (смерть близкого, разрыв отношений);

- школьные факторы: трудности в обучении, страх «провала» на экзаменах; конфликты с педагогами или одноклассниками; непонимание со

стороны учителей, обесценивание усилий ученика; перегруженность, несоответствие требований возрастным возможностям; отсутствие доверительного контакта со школьным психологом);

– био-психологические и возрастные факторы: возрастные и личностные особенности (гормональная перестройка, эмоциональная лабильность); наследственная предрасположенность к аффективным расстройствам; черепно-мозговые травмы, хронические заболевания; особенности темперамента (высокая чувствительность, возбудимость); субъективное ощущение зависимости от других.

Признаки аутодеструктивного поведения можно разделить на:

– вербальные, когда подросток часто говорит о своем душевном состоянии; о смерти: «Я собираюсь покончить с собой», «Я не могу так дальше жить»; косвенно намекает о своем намерении: «Я больше не буду ни для кого проблемой», «Тебе больше не придется обо мне волноваться»; много шутит на тему самоубийства; проявляет чрезмерную заинтересованность вопросами смерти; прощается и обвиняет себя и т.д.;

– поведенческие: раздает другим личные вещи, приводит в порядок дела; демонстрирует радикальные перемены в поведении; проявляет признаки беспомощности, безнадежности и отчаяния; злоупотребляет психоактивными веществами; проявляет агрессию по отношению к окружающим; отдаляется от семьи и друзей;

– ситуационные: социальная изоляция; проживание в нестабильном окружении; ощущает себя жертвой насилия (физического, сексуального, эмоционального); предпринимал раньше попытки суицида; самоубийство совершал друг или родственник; перенес тяжелую потерю (смерть близких, развод родителей); слишком критично настроен по отношению к себе); физиологические (отсутствие аппетита или ненормально повышенный аппетит; признаки вечной усталости, упадок сил, апатия; общая двигательная заторможенность или бездеятельность, адинамия; расширение зрачков; сухость во рту («симптомы сухого языка»); тахикардия; повышенное артериальное давление; ощущение стесненного дыхания, нехватки воздуха; ощущение комка в горле; головные боли; бессонница или повышенная сонливость; чувство физической тяжести, душевной боли в груди; двигательное возбуждение.

Мы подчеркиваем кумулятивный характер воздействия факторов: сочетание 2–3 рисков многократно повышает вероятность аутодеструкции. К ключевым механизмам формирования рисков в образовательной среде

необходимо отнести накопление стресса (хроническое напряжение без адекватной разрядки); дефицит ресурсов (отсутствие навыков саморегуляции и поддерживающих отношений); нормализацию деструктива (восприятие самоповреждения/суицида как «выхода» через медиа или группу); стигматизацию и изоляцию (страх обратиться за помощью из-за осуждения).

Учитывая теоретические наработки и эмпирический опыт разработок в сфере профилактики аутодеструктивного поведения несовершеннолетних на базе государственного бюджетного учреждения центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи Невского района Санкт-Петербурга в соответствии с планом реализации мероприятий по профилактике деструктивного и аутодеструктивного поведения несовершеннолетних обучающихся общеобразовательных учреждений Невского района Санкт-Петербурга, нами был проведен опрос родителей обучающихся общеобразовательных учреждений Невского района Санкт-Петербурга с целью определения общего уровня осведомленности о деструктивных и аутодеструктивных проявлениях в среде несовершеннолетних. В исследовании приняли участие более четырех с половиной тысяч родителей из 55 школ. В качестве ключевых результатов опроса можно выделить следующие. На вопрос о времени, проводимом с ребенком, 79,8% опрошенных указали ежедневное времяпрепровождения; 11,8% несколько вечеров в неделю; каждые выходные – 5,4%; около 1,7% практически не проводят время с детьми; 1,0% указали индивидуальные обстоятельства (рабочий график, отдельное проживание).

61,7% родителей в той или иной степени помогают с домашними заданиями; 0,4% полностью вовлечены («делаю все задания с ребенком»); родители старшекласников чаще ограничиваются контролем факта выполнения.

Среди признавших наличие у детей проблем в школе 28,3% связывают их с трудностями в обучении; 12,3% с проблемами с дисциплиной; 12,1% – сложности во взаимоотношениях с одноклассниками; 1,4% родителей не знают, есть ли у ребенка проблемы в школе; 6,3% дали развернутые ответы, выделив, конфликты с учителями (35 упоминаний); недостатки преподавания (28); организационные трудности (18); проблемы с администрацией (12); психологические сложности (15).

По вопросам социального круга ребенка 98,1% родителей сообщили, что у ребенка есть друзья; 78,2% знакомы с друзьями ребенка и имеют их

контакты; 14,4 % знают о друзьях только со слов ребенка, но имеют контакты; 2,4 % не знакомы лично и не имеют контактов; 81,1 % знают, с кем ребенок общается в интернете; 18,9 % не знают.

Частые конфликты в семье отмечают 3,6 % родителей; отсутствие частых конфликтов – 79,3 %; затруднились ответить – 17,0 %. Среди главных причин споров с родителями отмечаются следующие: учеба и домашние задания (45 упоминаний); поведение и дисциплина (30); гаджеты (15); домашние обязанности (10).

На вопрос о наиболее частом эмоциональном состоянии ребенка, по оценке родителей, респонденты отмечают радостное – 53,6 %; нейтральное – 44,6 %; расслабленное – 27,0 %; возбужденное – 18,0 %; раздражительное – 8,5 %; тревожное – 5,8 %; грустное – 5,0 %; виноватое – 1,6 %.

Родителям обучающихся задали вопрос о среднем времени использования гаджетов детьми за неделю. 27,1 % отметили, что ребенок проводит в среднем 6–12 часов; 17,7 % – 12–18 часов; 14,8 % – 18–24 часа; 11,4 % – менее 6 часов в неделю; 10,4 % – 24–30 часов; 7,9 % – 30–40 часов; 3,0 % – 40–50 часов; 2,3 % – более 60 часов; 1,6 % – 50–60 часов в неделю. 1,7 % не знают, сколько времени ребенок проводит с гаджетами.

При этом 67,6 % опрошенных отмечают, что их дети в основном проводят время за общением в мессенджерах и соцсетях; за поиском материалов для учебы – 63,2 %; онлайн-играми – 55,2 %; просмотром кино – 49,3 %; офлайн-играми – 33,9 %; посещением сайтов – 20,7 %; чтением книг – 19,8 %; ведением блогов / влогов – 8,9 %; 0,9 % родителей не знают, чем занимается ребенок в гаджетах.

В целом 95,3 % родителей знают, какие интернет-ресурсы посещает ребенок (из них 51,3 % уверены, 44,0 % – «в основном знают»); а 4,2 % не осведомлены. 33,9 % «часто» обсуждают с детьми безопасность в интернете; «иногда» – 48,3 %; «редко» – 13,4 %; 3,3 % – не обсуждают. 25,8 % «полностью» удовлетворены безопасностью ребенка в сети; «скорее удовлетворены» – 53,0 %; «затруднились ответить» – 13,4 %; «скорее не удовлетворены» – 4,8 %; «категорически не удовлетворены» – 2,9 %. Родительский контроль установлен на всех гаджетах у 29,6 % респондентов; не на всех – 17,1 %; вообще не установлен – 52,7 %; а 0,6 % не знают, как установить родительский контроль.

На вопрос об осведомленности родителей о рисках крайней формы аутодеструктивного поведения – суициде 48,6 % заявили о своей осведомленности о признаках суицидального поведения; не знают – 22,4 %; затруднились ответить – 29,1 %.

В качестве источников информации о признаках аутодеструктивного поведения отмечают: интернет – 22,2 %; специальная литература – 15,7 %; телепередачи – 13,8 %; школьные просветительские мероприятия – 12,9 %; психологическое/медицинское образование – 8,5 %; друзья и знакомые – 5,3 %; мероприятия ГБУ ЦППМС – 4,9 %; частные психологи – 4,3 %; родные – 1,9 %.

При этом свою готовность обращаться в случае необходимости за профессиональной помощью выразили 34,5 %; скорее готовы – 44,1 %; затруднились ответить – 15,1 %; не готовы – 6,2 %.

18,8% респондентов заявляют о наличии трудностей в адаптации ребенка к новым условиям; 58,1% – об отсутствии таких трудностей; 23,1% затруднились ответить.

При оценке мер общеобразовательного учреждения по обеспечению психологического комфорта детей 69,1% отметили, что меры являются в той или иной степени эффективными («очень эффективно» – 17,1 %; «скорее эффективно» – 52,0 %); затруднились ответить – 19,6 %; 11,3% в целом не считают принятые меры эффективными («скорее неэффективно» – 7,2 %; «совсем неэффективно» – 4,1 %).

По результатам исследования можно сделать следующие выводы: в целом качественное взаимодействие в семьях поддерживается на достаточно высоком уровне: 79,8% родителей проводят время с детьми ежедневно; 61,7% помогают с домашними заданиями; 98,1% в той или иной степени осведомлены о наличии друзей у детей. Цифровая зависимость вызывает серьезные опасения: 27,1% детей проводят 6–12 часов в гаджетах, 14,8% – 18–24 часа, 2,3% – более 60 часов в неделю. Осведомленность о рисках находится на недостаточном уровне: 48,6% знают признаки суицидального поведения; 22,4% не имеют такой информации; 29,1% затруднились ответить. Эмоциональный фон в основном позитивный: 53,6% родителей отмечают радостное состояние; 44,6% – нейтральное. Готовность к профилактике: 34,5% готовы обращаться за профессиональной помощью; 44,1% скорее готовы; 15,1% затрудняются ответить; 6,2% не готовы.

В качестве рекомендаций по усилению профилактической работы можно предложить проведение регулярных тренингов для родителей по

цифровой безопасности; организацию дополнительных семинаров по распознаванию маркеров аутодеструктивного поведения; внедрение программ по снижению экранного времени; обучение родителей методам контроля и ограничения; формирование навыков безопасного поведения в сети.

К основным направлениям профилактической работы в школе можно отнести раннюю диагностику, обучение педагогов, развитие копинг-стратегий и т.д.

Наши исследования демонстрируют, что риски аутодеструктивного поведения у несовершеннолетних формируются под влиянием комплекса взаимосвязанных факторов — семейных, личностных, социальных и школьных. Эффективность профилактики зависит от системности наблюдений в образовательной среде, междисциплинарного взаимодействия, своевременного вмешательства на этапе ранних маркеров.

Список литературы

1. Иванов, Р. А. Причины и последствия девиантного поведения у старшеклассников в современных реалиях / Р. А. Иванов, Л. К. Фортова // Глобальный научный потенциал. – 2023. – № 4(145). – С. 22–24. – EDN RNRNTK.

2. Нечаева, И. И. Аутодеструктивное поведение подростков и социальная безопасность в современной России / И. И. Нечаева, В. М. Шевченко // Социальная безопасность и социальный капитал: вызовы современности: Материалы Всероссийской научно-практической очно-заочной конференции, Брянск, 14–15 ноября 2024 года. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2024. – С. 159–163. – EDN QR1EIM.

3. Фортова, Л. К. Жизнестойкость как один из ресурсов психолого-педагогической профилактики аутодеструктивного поведения несовершеннолетних / Л. К. Фортова, В. М. Шевченко // Проблемы и перспективы развития социально-гуманитарных наук: материалы I междисциплинарной всероссийской научно-практической конференции с дистанционным и международным участием, Ульяновск, 25–26 февраля 2025 года. – Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство "Зебра"), 2025. – С. 632–635. – EDN XMFRBU.

4. Фортова, Л. К. Педагогические аспекты профилактики девиантного поведения подростков / Л. К. Фортова, И. А. Миклашев // Глобальный научный потенциал. – 2025. – № 3–1(168). – С. 64–67. – EDN OMECKI.

Shevchenko Victoria Mikhailovna

Senior Methodologist

State Budgetary Institution Center of Psychological, Pedagogical,

Medical and Social Assistance

Nevsky District of Saint Petersburg, Saint Petersburg

Postgraduate Student

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: viktoritchshevchenko@yandex.ru

ON THE FACTORS OF AUTODESTRUCTIVE BEHAVIOR RISKS AMONG MINORS IN GENERAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Abstract. Autodestructive behavior among minors is a serious social problem that requires comprehensive research and the development of effective prevention measures. Adolescence is the most vulnerable period for the formation of behavioral patterns, especially destructive ones. The purpose of this study is to provide a comprehensive analysis of the risk factors and markers of autodestructive behavior among minors. The main objectives are to identify and systematize the main risk factors of autodestructive behavior among minors; to determine the level of parental awareness of the signs of autodestructive behavior; and to evaluate the effectiveness of existing prevention measures in educational institutions. It is assumed that the risks of self-destructive behavior are formed under the influence of a complex of interrelated factors (family, personal, social, and school), and the effectiveness of prevention depends on the systematic nature of observations and the interdisciplinary collaboration of specialists. The following methods were used: parent questionnaires, statistical data analysis, qualitative analysis of results, and a systematic approach to assessing risk factors. The results of the study can be used for: improving preventive work in educational institutions, developing preventive programs, increasing parents' competence in preventive issues, and improving interdepartmental cooperation between specialists. The study is based on theoretical research and empirical experience of working with minors, which allows us to offer specific recommendations for strengthening preventive work in the educational environment.

Key words and phrases: Autodestructive behavior of adolescents, suicide, psychological and pedagogical prevention, autoaggressive behavior, prevention program

ДОКЛАДЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Аверин Кирилл Вячеславович
аспирант кафедры политических наук
Саратовский государственный университет, г. Саратов
E-mail: frogolaaaa@gmail.com

ЦИФРОВАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ: ОТ ДЕКЛАРАТИВНОЙ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ К АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ БЮРОКРАТИИ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. в статье анализируется трансформация цифровых каналов обратной связи в системе регионального управления Российской Федерации. На примере Саратовской области исследуется феномен, при котором высокая медийная активность регионального лидера (в частности, в Telegram-канале) сосуществует с формальным, скриптованным подходом к обработке обращений граждан со стороны ведомств. Проведенный качественный контент-анализ коммуникации по резонансным инфраструктурным проблемам выявил семантический и дискурсивный разрыв: власть эффективно решает точечные хозяйственно-бытовые вопросы (операционная эффективность), но при этом использует шаблоны для нейтрализации системной политической критики. Делается вывод, что цифровизация в данном контексте создает иллюзию прозрачности, превращая диалог в алгоритмическую бюрократию — форму управления, при которой логика обработки обращений определяется не личным суждением чиновника, а программными алгоритмами, используемыми институтами власти. Это, в конечном счете, деполитизирует публичное пространство и подрывает социальное доверие к институтам власти.

Ключевые слова: цифровизация, электронное правление, ЦУР, обратная связь, прозрачность, алгоритмическая бюрократия, Telegram, региональное управление

Внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в публичное управление рассматривается как ключевой вектор развития государства в XXI веке. Целью этого процесса, согласно декларациям, является повышение прозрачности и вовлечение граждан в процессы принятия

решений. В Российской Федерации эта задача реализуется на основе формирования Центров управления регионами (ЦУР), Платформ обратной связи (ПОС) и активного использования социальных медиа региональными органами власти.

Однако техническая доступность каналов обратной связи не гарантирует качества политической коммуникации. Напротив, возникает системное противоречие между декларативной открытостью и практикой бюрократического реагирования.

Цель настоящего исследования – оценить, как цифровые каналы обратной связи влияют на восприятие прозрачности власти гражданами, а также выявить маркеры «алгоритмической бюрократии» на уровне регионального управления.

Теоретическое осмысление цифровизации публичного управления базируется на концептуальном переходе от «электронного правительства» (*e-government*), ориентированного на сервисную функцию, к «электронному правлению» (*e-governance*) [6, с. 22]. Последнее предполагает не просто автоматизацию процедур, а трансформацию политической власти и повышение участия граждан.

В российском контексте ключевыми институтами цифровой коммуникации стали ЦУР. К. Ю. Большакова и А. В. Климова [1, с. 391] рассматривают ЦУР как элемент «акторно-сетевой системы», способствующий консолидации информационных потоков, что теоретически соответствует парадигме New Public Governance (NPG). Однако их эффективность зависит от готовности системы к реальной перестройке, а не имитации деятельности.

Критическое направление исследований акцентирует внимание на рисках, связанных с данным процессом. С. В. Володенков и С. Н. Федорченко [3, с. 107] утверждают, что дизайн цифровых инфраструктур не является нейтральным: интерфейсы и алгоритмы детерминируют поведение граждан, ограничивая их политическую субъектность («интерфейсизация» участия). В свою очередь, В. В. Зотов [4, с. 28] указывает, что официальные аккаунты органов власти часто функционируют в режиме «сетевой витрины», где информирование преобладает над двусторонним диалогом. А. В. Соколов и О. Е. Комаров [7, с. 33] подчеркивают, что платформы воспринимаются утилитарно – как «книга жалоб», а страх получить формальную отписку превращает коммуникацию в симулякр реального диалога.

С позиции зарубежной теории, С. Гриммеликхейзен (S. Grimmelikhuijsen) [8, с. 241] доказывает, что для формирования доверия

к алгоритмическим решениям ключевым фактором является «объяснимость» (*explainability*), а не просто доступность информации. Без объяснения логики принятия решения, цифровая прозрачность остается номинальной и не конвертируется в легитимность.

Исследовательская проблема заключается в недостатке работ, связывающих медийную активность региональных лидеров с фактической эффективностью каналов обратной связи. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел, анализируя регион, где наблюдается высокий контраст между медийной активностью главы субъекта и показателями в федеральных системах обратной связи.

Для верификации теоретических положений был выбран метод кейс-стади (*case study*). Объектом анализа выступила экосистема цифровых коммуникаций Саратовской области – региона с выраженным дисбалансом между высокой медийной активностью высшего должностного лица (губернатора Р. В. Бусаргина) и средними показателями региона в федеральных рейтингах Платформы обратной связи (ПОС).

Эмпирическую базу исследования составили данные официального Telegram-канала Губернатора Саратовской области (131451 подписчик на момент сбора данных). Выбор платформы Telegram обусловлен ее превращением в де-факто ключевой интерфейс взаимодействия «власть–общество» на момент ноября 2025 года.

Анализ проводился в два этапа:

1. Количественный анализ вовлеченности: Оценка метрик охвата и Engagement Rate by Comments (ERR).

2. Качественный контент-анализ дискурса: Изучение массива комментариев (выборка $N \approx 200$) под резонансными постами, посвященными инфраструктурным проблемам (модернизация трамвайной сети). Единицей анализа выступали пары «запрос гражданина — ответ ведомства».

Количественный срез показал, что при высоком охвате аудитории (среднее количество просмотров $\approx 49,1$ тыс. на пост) коэффициент вовлеченности по комментариям составляет менее 0,4%. Это подтверждает, что канал функционирует как эффективное медиа вещательного типа, успешно информируя население, но не являясь площадкой для массового вовлечения граждан в политическую жизнь.

Дискурс-анализ выявил устойчивый семантический разрыв между запросом общества и ответом власти на примере обсуждения транспортной реформы.

1. Стратегия гражданина (Политизация проблемы): Обращения граждан эмоциональны, используют метафоры («чайная церемония») и апеллируют к стратегическому благу («город жил ради города»). Гражданин выступает как политический субъект, требующий изменения *правил управления*.

Пример: «В ЧАС ПИК! ТЫСЯЧИ людей стоят на остановках по 40-60 минут! [...] Сделайте, пожалуйста, так, чтобы не город жил ради нескольких (!) водителей, а наш транспорт функционировал ради города!»

2. Стратегия власти (Технократическая редукция): Ответы официальных аккаунтов («Комитет по транспорту») полностью игнорируют эмоциональный и политический контекст, сводя проблему к языку инструкций и нормативов.

Пример ответа: «Часть водителей работает в 12-ти часовом режиме, их рабочие смены делятся в соответствии с нормами трудового законодательства РФ. Для проведения проверки по факту длительного ожидания отправления вагона на улице Осипова сообщите, пожалуйста, бортовой номер трамвая, дату и время».

Типология скриптов реагирования подтвердила наличие «алгоритмической бюрократии», где вместо диалога используется формализованная нейтрализация:

- Скрипт «Бюрократический редирект»: Перенаправление пользователя в другой, непубличный канал («обратитесь на Горячую линию по номеру телефона 28-69-48»).

- Скрипт «Нормативное экранирование»: это метод легитимации (обоснования) текущего положения дел, при котором любые претензии к фактическому качеству работ или услуг отвергаются ссылкой на то, что формально соблюдены все нормы и требования проектной документации.

- Скрипт «Алгоритмическая отсрочка»: Обещание действия, привязанное к неконтролируемым условиям («Течь устранят... по мере высвобождения бригады»).

Результаты исследования подтверждают гипотезу о двойственном характере цифровой транспарентности. Власть в Саратовской области успешно использует цифровые каналы для достижения операционной эффективности – быстрого решения точечных хозяйственно-бытовых вопросов (ямочный ремонт, вывоз ТКО).

Однако данная активность создает «сервисную ловушку»: власть меняет «политику» (участие граждан в стратегических решениях) на «сервис»

(починку труб). Гражданин, получая быстрое решение бытовой проблемы, лишается права голоса в стратегических вопросах, что ведет к деполитизации публичного пространства.

Ключевой риск заключается в том, что такое общение становится системной проблемой (институционализация разрыва). Если власть привыкает реагировать только на те жалобы, которые легко обработать компьютером или по шаблону (алгоритмически), она теряет навык вести полноценный, системный диалог.

В результате цифровой канал несмотря на то, что он технически доступен, начинает восприниматься гражданами как «стена плача» – место, куда можно сбросить эмоции, но где невозможно добиться реальных политических изменений.

Такой подход не способствует росту доверия в обществе, поскольку, как отмечает исследователь С. Гриммеликхейзен [8, с. 252], видимость открытости (транспарентность) остается поверхностной и необъяснимой. Гражданин видит ответ, но не понимает логики принятия решения, и это подрывает веру в справедливость системы. Цифровые каналы обратной связи в региональном управлении Саратовской области демонстрируют признаки симулякра диалога. Технологии, призванные сделать власть прозрачной, в данном кейсе используются для создания иллюзии прозрачности и обслуживания алгоритмической бюрократии.

На примере рассмотренных кейсов можно сделать вывод, что в регионе формируется модель селективной прозрачности: власть демонстрирует открытость в вопросах оперативного устранения хозяйственных проблем (ЖКХ, благоустройство), но сохраняет закрытость в вопросах стратегического планирования и распределения ресурсов. В рамках изученных данных прослеживается тенденция, при которой подобный дисбаланс ведет к росту неудовлетворенности граждан, чьи системные запросы остаются без содержательного ответа.

Полученные результаты позволяют предположить, что для восстановления коммуникативного доверия в рассматриваемом контексте целесообразен переход от модели «Жалобная книга» к практикам соучаствующего проектирования. Анализ показывает, что без качественных изменений в подходе к диалогу дальнейшая автоматизация и использование ИИ-технологий могут усилить отчуждение граждан от цифровых институтов власти.

Список литературы

1. Большакова, К. Ю., Климова, А. В. Центры управления регионом как новая форма управленческой деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2022. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsentry-upravleniya-regionom-kak-novaya-forma-upravlencheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 24.11.2025).
2. Бродовская, Е. В., Домбровская, А. Ю., Карзубов, Д. Н. Цифровые сообщества гражданских и политических активистов в России: интегрированность, управление и мобилизационный потенциал // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2020. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-soobschestva-grazhdanskih-i-politicheskikh-aktivistov-v-rossii-integrirovannost-upravlenie-i-mobilizatsionnyu-potentsial> (дата обращения: 24.11.2025).
3. Володенков, С. В., Федорченко, С. Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг. – 2021. – №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-infrastruktury-grazhdansko-politicheskogo-aktivizma-aktualnye-vyzovy-riski-i-ogranicheniya> (дата обращения: 24.11.2025).
4. Зотов, В. В., Губанов, А. В. Социальные медиа как диалоговые площадки граждан и органов власти субъектов центрального федерального округа // Цифровая социология. – 2021. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-media-kak-dialogovye-ploschadki-grazhdan-i-organov-vlasti-subektov-tsentralnogo-federalnogo-okruga> (дата обращения: 24.11.2025).
5. Ковальчук, А. Г., Цыбаков, Д. Л. Анализ современных цифровых платформ вовлечения граждан в региональное управление: опыт российских субъектов // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennyh-tsifrovyyh-platform-vovlecheniya-grazhdan-v-regionalnoe-upravlenie-opyt-rossiyskih-subektov> (дата обращения: 24.11.2025).
6. Сморгунов, Л. От электронного государства к электронному правлению: смена парадигмы // Полит. наука. – 2007. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-elektronnogo-gosudarstva-k-elektronnomu-pravleniyu-smena-paradigmy> (дата обращения: 24.11.2025).

7. Соколов, А. В., Комаров, О. Е. Цифровые платформы обратной связи // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-platformy-obratnoy-svyazi> (дата обращения: 24.11.2025).

8. Grimmelikhuijsen, S. Explaining Why the Computer Says No: Algorithmic Transparency Affects the Perceived Trustworthiness of Automated Decision-Making // *Public Administration Review*. – 2022. – Vol. 82. – Iss. 2. – P. 251–262.

Averin Kirill Vyacheslavovich

PhD Student of the Department of Political Science

Saratov State University, Saratov

E-mail: frogolaaaa@gmail.com

**DIGITAL FEEDBACK IN REGIONAL GOVERNANCE:
FROM DECLARATIVE TRANSPARENCY TO ALGORITHMIC
BUREAUCRACY (BASED ON THE SARATOV REGION CASE STUDY)**

Abstract. The article analyzes the transformation of digital feedback channels in the system of regional governance of the Russian Federation. Using the example of the Saratov Region, the phenomenon is studied in which the high media activity of the regional leader (particularly in the Telegram channel) coexists with a formal, scripted approach to processing citizens' appeals by government agencies. The qualitative content analysis of communication regarding resonant infrastructural problems revealed a semantic and discursive gap: the authorities effectively solve specific utility/economic issues (operational efficiency), but at the same time use templates to neutralize systemic political criticism. It is concluded that digitalization in this context creates an illusion of transparency, turning dialogue into algorithmic bureaucracy – a form of governance where the logic of processing appeals is determined not by the personal judgment of an official, but by software algorithms used by government institutions. This ultimately depoliticizes the public space and undermines social trust in government institutions.

Keywords: digitalization, regional governance, feedback, transparency, algorithmic bureaucracy, depoliticization, discourse analysis

Аргунова Вера Николаевна
доктор социологических наук, профессор кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: v_argunova@mail.ru

«СЧАСТЛИВАЯ АПАТИЯ» ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Аннотация. Анализируется феномен социальной апатии как психоэмоциональное состояние индивида и как тип социального поведения. Социальная апатия рассматривается как синдром общества потребления. Доступность и переизбыток материальных благ вызывает состояние «счастливой апатии», создающей иллюзию социального благополучия. В результате происходит вытеснение духовных жизненных смыслов и ценностей, индивид утрачивает духовную цельность и самостоятельность. Правящие слои используют данную особенность общества потребления, превратив ее в инструмент власти, создав «институт неуверенности» как средство социального контроля. Указывается, что длительное состояние социальной апатии может привести к полной утрате общественного самоуправления и установлению тотального контроля над обществом.

Ключевые слова: социальная пассивность, социальная апатия, общество потребления

Во всех странах современного мира наблюдается снижение активной вовлеченности населения в общественные процессы. Можно говорить о преобладании пассивного социального поведения над активным. Это проявляется в заикленности людей на решении личностных проблем, сознательной отстраненности от участия в активной политической жизни, в решении вопросов местного самоуправления, не говоря уже о вовлеченности в публичный дискурс обсуждения вопросов нравственности и морали. Такое социальное поведение является типичным для общества потребления, в котором гипертрофированное стремление к материальным благам вытесняет духовные ориентиры и ослабляет социальные связи. В России эта проблема имеет еще одну причину, связанную с резким изменением общественного строя в конце XX в., переходом от экономики с общественной формой собственности к экономике с частной формой собственности. Резкая и мгновенная по историческим меркам смена общественного уклада сопровождается

лась навязыванием новых социальных норм и ценностей, вызвавшая у подавляющей части общества ценностно-нормативную аномию. Социальная аномия стала для многих причиной отчуждения от общественной деятельности как способа психологической защиты от радикальных перемен.

Исследования последних лет отмечают усиление в российском обществе ориентации на личные достижения и индивидуализм в ущерб коллективным интересам и сотрудничеству, а также общий сдвиг нормативно-ценностных систем от коллективистских моделей к культурам индивидуалистического типа [5, 7].

Социальная апатия является отражением ключевых социальных тенденций. В данной статье охарактеризуем социальную апатию как синдром общества потребления.

Перенасыщенность материальными благами, присущая потребительскому обществу, ведет к состоянию, которое в западной науке обозначается как «счастливая апатия». Повседневность потребителя формирует иллюзию благополучия, хотя в реальности человек ощущает растерянность перед лицом технологий и невозможность обрести подлинное счастье. Общество, «погружаясь в комфорт», ищет искусственные способы наполнить жизнь смыслом. Эта апатия, порожденная материальным избытком, выступает признаком агедонии – утраты способности испытывать радость. Ощущения притупляются, жизнь теряет краски. Не получая удовлетворения от доступных удовольствий, люди находятся в постоянном поиске новых, что лишь усугубляет чувство неудовлетворенности. Агедонию называют «болезнью цивилизаций», ей были подвержены, например, древние римляне или французская аристократия. Для ее возникновения необходимы материальные излишества, роскошь и неограниченный доступ к новым чувственным наслаждениям. К симптомам относятся потеря интереса, алекситимия (неспособность распознавать и выражать эмоции, отзываться на чувства других) и эмоциональная тупость при значимых событиях [9, с. 26–28].

Социальная апатия находит выражение в ряде характерных черт. Исследователи выделяют среди них утрату жизненных целей и смыслов, общее безразличие, чувство социальной беспомощности. У человека нарушается контроль над волевой сферой, негативные эмоции преобладают над позитивными, ослабевает интерес к другим людям, к жизни в самых разных ее проявлениях, утрачивается стремление к саморазвитию. Люди начинают жить по принципу: «день прошел – слава Богу!». [10, с. 57]. Причины апатии могут быть как физиологические (некоторые нарушения деятельности

мозга), так и психологические, вызванные длительными психическими расстройствами. Однако в этом случае следует отличать апатию от кратковременной подавленности, вызванной внешними жизненными обстоятельствами.

Апатия заглушает эмоции. Человек перестает эмоционально реагировать на происходящее, он не испытывает ни радости, ни огорчений. Но это не скука. В состоянии скуки присутствует внутреннее напряжение и раздражительность, а в апатии даже этого нет. В большинстве случаев апатия предстает как клиническое следствие очень сильных эмоциональных переживаний или дистресса. Человек отстраняется от окружающих людей и социума, подавляя в себе глубоко скрытые или подавленные бессознательные влечения. Также причиной апатичного состояния может быть пережитая смертельная угроза, отчаяние, военные конфликты. Можно говорить о том, что апатия – это обратная сторона страха. Аналогичное состояние наблюдается у животных в ситуациях неопределенности, когда оно выражается в двигательном ступоре и бездействии вместо активного ответа. У человека такое состояние также определяется как апатия: индивид, не видя путей разрешения угрожающей ситуации, охвачен разочарованием и обидой из-за невозможности преодолеть препятствия [2, с. 67]. В некоторых случаях пассивным ответом на страх является эскапизм. Его проявления варьируются от бегства из общественной жизни до отказа от физического бытия. В этом контексте апатия предстает тяжелым патологическим состоянием, ведущим к эмоциональной пустоте, безразличию, утрате прежних ориентиров и побуждений. Выполняя роль защитного механизма, она отгораживает человека от реальности.

Социальную апатию изучают и психология, и социология. Различие подходов заключается в перспективе: психология изучает апатию индивида, тогда как социология – ее распространенность среди социальных групп. Социальная апатия выявляется социологами при диагностике социального самочувствия населения [4]. Среди российских социологов преобладает взгляд на социальную апатию как «социальный недуг» современной России, распространенный среди множества социальных групп [8, 9, 11].

Социологи рассматривают социальную апатию как психоэмоциональное состояние личности или группы, которое вызывает снижение деятельной активности, ослабление стимулов к различным видам деятельности, в том числе к труду, учебе, отдыху и общению. [1, с. 15]. Социальная апатия

может носить временный или затяжной характер. Длительная апатия способна трансформироваться в устойчивое качество личности или коллектива – апатичность.

П. Бурдые указывает, что мировоззрение в современном обществе пронизано ощущением ненадежности бытия, порождающим неуверенность. Правящие слои превратили это в инструмент власти, создав «институт неуверенности» как средство социального контроля. Ключевыми приемами стали быстрота действий и умение избегать последствий до их обнаружения [3, с. 262–263]. Мобильность и гибкость, возведенные в ранг нормы, обрекли людей на постоянное ощущение шаткости положения, невозможность контролировать настоящее и планировать будущее. Это закономерно ведет к социальной пассивности и жизни «по течению». Как следствие, возникает, по Ж. Липовецки, социальное равнодушие, маскируемое под толерантность. Апатия становится социальным маркером, сознательно используемым для обозначения своего статуса [6, с. 132].

В России социальная апатия имеет своеобразие. Российское общество потребления существенно отличается от общества западного типа прежде всего огромным социальным расслоением и высоким уровнем бедности. Как показывают результаты социологических исследований, уровень жизни и качество жизни в стране в целом остается низким. Большая часть доходов уходит на базовые нужды — еду, одежду, коммунальные услуги. Российское общество превратилось «из наевшегося в одевшееся», сохраняя психологию бедного человека. Благополучие часто носит демонстративный характер: покупки служат заявкой на социальный статус. Однако экономическая нестабильность лишает и этой возможности, усиливая ощущение бессилия.

Общей поведенческой чертой, сопутствующей социальной апатии, является пассивность, которая может проявляться в разной степени. Это своего рода и адаптация к действительности, и, одновременно, протест против нее. [9, с. 33].

Ю.В. Быкова выделяет проявления социальной апатии в профессиональной среде учителей [9]: (1) Безынициативность и инфантилизм в отношении образовательных инноваций из-за усталости от растущих требований. (2) Патерналистские настроения (ожидание указаний «сверху»). (3) Отсутствие самокритики и нежелание корректировать свое поведение в новых

условиях. (4) Утрата интереса к профессии и стремления к успеху. (5) Синдром профессионального выгорания и хроническая усталость. (6) Низкая или отсутствующая мотивация к достижениям.

Таким образом, социальная апатия, согласно оценкам исследователей, представляет собой деструктивное явление, имеющее негативные последствия как на индивидуальном, так и на общественном уровне. На уровне личности она ведет к утрате способности к планированию жизни и контролю над ее условиями. Для общества в долгосрочном периоде последствием апатии становится потеря навыков самоуправления, то есть возможности осознавать и регулировать коллективные процессы. Данная ситуация чревата отказом от решения накопившихся проблем и, как следствие, создает предпосылки для установления тотального контроля над социальным поведением.

Список литературы

1. Бабосов, Е. М. Социология: Энциклопедический словарь (от классики до современности). М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
2. Бурдые, П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
3. Быкова, Е. Ю. Специфика социальной апатии учителей // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – №394. – С. 84–91.
4. Куконков, П. И., Устинкин, С. В., Вагапова Ф.Г. Социальная активность как фактор становления и развития местного самоуправления (на примере Нижегородской области) // Власть. 2024. №1. – С. 120–130.
5. Липовецки Ж. Эра пустоты: Эссе о современном индивидуализме. СПб.: «Владимир Даль», 2001. – 331 с.
6. Магун, В.С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006 – 2021 гг. // Социологические исследования. – 2023. – №12. – С. 44–58.
7. Морозова, В. Б. Социальная сущность апатии современной российской молодежи // Автореф... к.ф.н., Ростов-на-Дону, 2010.
8. Набок, Ю. В. Феномен социальной апатии в современном обществе // Дисс... к.ф.н. Самара, 2005. – 164 с.
9. Популярная психологическая энциклопедия. / под ред. С. С. Степанова. – М.: Эксмо. – 2005.
10. Федотова, В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.

Argunova Vera Nikolaevna
Doctor of Sociological Sciences, Professor
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: v_argunova@mail.ru

THE «HAPPY APATHY» OF CONSUMER SOCIETY

Annotation. The phenomenon of social apathy is analyzed as a psychoemotional state of an individual and as a type of social behavior. Social apathy is considered as a consumer society syndrome. The availability and overabundance of material goods causes a state of "happy apathy" that creates the illusion of social well-being. As a result, spiritual life meanings and values are displaced, and the individual loses his spiritual integrity and independence. The ruling strata use this feature of consumer society, turning it into an instrument of power, creating an "institution of insecurity" as a means of social control. It is pointed out that a prolonged state of social apathy can lead to a complete loss of public self-government and the establishment of total control over society.

Key words: social passivity, social apathy, consumer society

Банькина Елизавета Руслановна
студентка
Нижевартовский государственный университет, г. Нижневартовск
E-mail: Elizaveta.Bankina08@gmail.com

МЕДИАПОРТРЕТИРОВАНИЕ В ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ В ЭПОХУ СВО

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен медиапортретирования в контексте освещения СВО на Украине. Анализируются традиционные приемы создания медиапортрета, специфика работы журналистов в условиях современного гибридного конфликта, а также механизмы конструирования образов героев и антигероев в медиапространстве. На основе проведенного анализа делаются выводы о трансформации роли военной журналистики и ее влиянии на общественное сознание. Медиапортреты служат ключевыми элементами формирования коллективной идентичности и консолидации общества вокруг официального нарратива.

Ключевые слова: медиапортретирование, медиапортрет, медиапространство, военная журналистика, СВО, герой, антигерой

Специальная военная операция, начавшаяся в феврале 2022 года, стала не только масштабным военно-политическим событием, но и чрезвычайно значительным медийным явлением. В статье В. В. Орехов отмечает: «За время проведения СВО военная журналистика пережила настолько бурливый этап развития, настолько расширила свое общественное значение, что ученые попросту не вправе оставлять эту область за гранью своего первоочередного внимания» [3, с. 49]. Информационное пространство превратилось в один из ключевых фронтов, где формируется повестка дня и общественное мнение. В этих условиях роль военной журналистики и механизмы создания медиапортретов участников конфликта вышли на первый план. «Современная цифровая реальность требует не только знания законодательной базы, но и умения правильно и безопасно получать, создавать и распространять информацию» [7, с. 709–710].

Актуальность темы обусловлена необходимостью понимания того, какими инструментами современные медиа конструируют реальность в период военного конфликта и как это влияет на восприятие событий аудиторией. В современной военной журналистике появились новые методы, которые позволяют по-другому – с помощью специальных приемов – показывать события с линии фронта. «Термин «военная журналистика» в российском медиапространстве подразумевает широкое поле деятельности: это и освещение вопросов оборонной стратегии, и событий непосредственно с мест боевых действий, с линии боевого соприкосновения» [6, с. 380].

«Медиапортрет» формируется на основе концепции «имиджа», представляя собой его конкретное воплощение в медиапространстве. История термина «медиапортретирование» непосредственно связана с развитием средств массовой коммуникации и академического интереса к тому, как медиа конструируют реальность. Изучение этого феномена началось в середине XX века с исследований социологов и политологов о влиянии СМИ (прессы, радио и телевидения) на общественное мнение. Однако сам термин «медиапортрет» и «медиапортретирование» как процесс его создания получили широкое распространение в отечественной науке в 1990-е – 2000-е годы. Это было связано с бурным развитием медиарынка в России, ростом политической конкуренции и сознанием того, что СМИ являются не просто зеркалом, отражающим реальность, а активным творцом образов [5, с 45].

Термин «медиапортрет» образован по аналогии с устоявшимися понятиями «психологический портрет» и «социальный портрет», что подчеркивает комплексность этого явления. Если изначально внимание уделялось в основном политическому медиапортрету (образы политиков, партий), то с развитием жанра персональной журналистики объектом портретирования стали знаменитости, бизнесмены, а в условиях кризисов и конфликтов – рядовые участники событий. Таким образом, «медиапортретирование» превратилось из инструмента анализа образов известных людей в универсальный метод изучения того, как любой человек или группа представлены в СМИ.

«Медиапортрет» на сегодняшний день понимается как целостный, целенаправленно формируемый в средствах массовой информации образ личности, социальной группы или организации, который обладает устойчивыми характеристиками и оказывает влияние на его восприятие аудиторией. В. О. Покидова отмечает, что «феномен «медиаобраз» на сегодняшний день не имеет четких формулировок и характеристик. Исследователи, использующие в своих работах это понятие, что опираются на предполагаемое интуитивное понимание его смысла адресатом. Об этом говорит и тот факт, что во многих диссертационных исследованиях, где слово «медиаобраз» стоит в названии работы, не дается его научное толкование». [4, с. 418–419]. По сути, «медиапортрет» – это не фотография реальности, а ее картина, написанная кистью журналиста в рамках, заданных редакционной политикой и форматом издания.

Формирование медиапортрета традиционно строится на ряде проверенных приемов: от цитирования и оценочных характеристик до визуальной подачи, фрейминга и отбора фактов. В эпоху СВО эти классические методы не только не утратили значения, но и получили новое развитие, обогатившись современными цифровыми технологиями.

Подход журналистов к освещению СВО имеет фундаментальные отличия от традиционного освещения военных действий, что закономерно влияет на технику медиапортретирования.

Репортажи «с полей» создают эффект максимальной достоверности и присутствия. В них медиапортрет часто сливается с портретом воюющих: герои сюжета предстают смелыми, самоотверженными людьми, разделяющими тяготы с бойцами. Информационное пространство превратилось в арену активного противоборства. В условиях жестких ограничений журна-

листы вынуждены опираться на официальные данные, что приводит к созданию во многом похожих медиапортретов. Одновременно с этим распространение цифровых платформ породило феномен «народного творчества» в интернете, где образы участников событий формируют не только профессионалы, но и блогеры, волонтеры и анонимные пользователи. Такие медиапортреты отличаются повышенной эмоциональностью, но их достоверность часто невозможно проверить. Медиапортретирование в условиях не просто информирования аудитории, но и желания оказать на нее определенное давление становится инструментом пропаганды [8, с. 119–120]. Медиапортреты активно создаются и тиражируются через интернет-мемы, карикатуры и юмористические материалы. Упрощенные и сильно преувеличенные образы «доброго русского солдата» или «жадного западного наемника» быстро распространяются в социальных сетях, выполняя ту же функцию, что и плакаты времен Великой Отечественной войны, что демонстрирует слияние традиционных PR-технологий с народным творчеством в цифровую эпоху [9, с. 32].

При освещении СВО в медиа отчетливо проявляется разделение на «своих» и «чужих», которое выражается через противопоставление образов героев и антигероев. В категорию «медиапортрет героя» попадают российские военнослужащие, добровольцы, военные корреспонденты и волонтеры. Для создания медиапортретов авторы применяют несколько ключевых приемов. Во-первых, используется проведение исторических параллелей: героев СВО сравнивают с воинами прошлого, подчеркивая связь между поколениями и обосновывая справедливость их борьбы. Во-вторых, применяется «очеловечивание» образа через личные истории, что позволяет показать военного не просто как солдата, а как многогранную личность с чувствами, мыслями. В-третьих, в репортажах также демонстрируется современное оружие, слаженность действий подразделений, что формирует образ высокоэффективной и технологичной армии, а подвиги, особенно совершенные ценой собственной жизни, подаются как акт высшего самопожертвования, приобретающего почти религиозный смысл.

В материалах о СВО формируется «медиапортрет антигероя», который распространяется на различные группы: украинские националистические батальоны, наемники, руководство Украины и поддерживающие его западные государства. Этот образ создается с помощью специальных приемов, цель которых – опорочить противника и сплотить общество вокруг

негативного к нему отношения. Основной метод – это демонизация и лишение человеческих черт через специально подобранные термины, которые представляют оппонента безликой и абсолютной «угрозой». Этот образ визуально подкрепляется через визуализацию жестокости – показ разрушенных городов и свидетельств военных преступлений (в трактовке российской стороны), что призвано эмоционально закрепить в сознании аудитории роль «злодея». Важным приемом является ассоциация с радикальными идеологиями, что позволяет провести сравнение с борьбой против нацизма во Второй мировой войне. Кроме того, используется метод представления противника как марионетки Запада. В этом случае оппонента показывают не как независимый политический субъект, а как орудие в руках США и НАТО, чьи главные цели связаны с ослаблением России. Такой подход полностью лишает противника статуса самостоятельного и законного участника политического процесса. [1, с. 63–64].

«Современная журналистика неразрывно связана с вопросами политики» [2, с. 37]. Следует отметить, что медиапортреты в освещении СВО не остаются неизменными – они постоянно трансформируются в зависимости от политической ситуации и хода реальных событий. Одновременно в медиaprостранстве присутствует «серая зона» – образы, которые нельзя четко отнести ни к героям, ни к антигероям. Например, образ жителя Донбасса может подаваться по-разному: либо как жертва обстрелов, либо как стойкий защитник родной земли – в зависимости от целей конкретного медиа и выбранного угла освещения.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что медиапортретирование в эпоху СВО претерпело фундаментальную трансформацию, превратившись из инструмента отражения реальности в мощное средство ведения информационной войны. Традиционные методы работы журналистов, такие как отбор фактов, подача информации в определенном ракурсе и работа с изображениями, изменились в условиях современного гибридного конфликта. Их усилили два фактора: появление журналистов, работающих непосредственно в зоне боевых действий, и рост влияния цифровых платформ. Главной особенностью освещения СВО стало четкое разделение на «своих» и «чужих». Образ «своих» строится через обращение к историческим ценностям, подчеркивание человеческих качеств и придание действиям особого смысла, что создает портрет защитника-освободителя. В то же время образ «чужих» формируется через их обесчеловечивание, пред-

ставление в качестве носителей враждебных идеологий и наделение демоническими чертами. Таким образом, современная военная журналистика в период СВО выполняет в основном не информационную, а мобилизационную и идеологическую роль. Создаваемые медиапортреты становятся не просто отражением реальности, а инструментом формирования коллективного сознания и сплочения общества вокруг официальной позиции. Это доказывает, что в XXI веке информационное пространство превратилось в полноценное поле боя, не уступающее по важности традиционным военным действиям. Для будущих специалистов в сфере рекламы и связей с общественностью понимание этих механизмов необходимо как для критической оценки медиасреды, так и для эффективной работы в условиях, когда общественные процессы все больше зависят от медиа.

Список литературы

1. Амиров, В. М. Антигерой: некоторые особенности конструирования отрицательных образов в журналистике военных конфликтов // Политическая лингвистика. 2. – 2015. – С. 63–66.
2. Долгина, Е. С., Рымарева, Е. Н. Основы творческой деятельности журналиста: Учебно-методическое пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки 42.03.02 «Журналистика» (профиль «Деловая журналистика»). – Нижневартовск: НВГУ, 2023. – 111 с.
3. Орехов, В. В. Военная журналистика в эпоху СВО: от фиксации фактов к обобщениям // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2024. – Т. 10 (76). – № 3. – С. 49–61.
4. Покидова, В. О. Понятия «образ», «медиаобраз» и «репрезентация» в рамках масс-медийного дискурса // «Теория и практика современной науки» – 2018. – № 1 (31). – С. 415–423.
5. Почепцов, Г. Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. – М.: Центр книги Рудомино, 2020. – 384 с.
6. Рымарева, Е. Н., Долгина, Е. С. Современная военная журналистика: профессиональные и этические стандарты // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 2 (105). – С. 380–382.
7. Рымарева, Е. Н., Степень, К. А. Проблема медиагигиены и пути ее решения // Общество. Наука. Инновации (НПК–2024). Сборник материалов XXIV Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. В 2-х томах. Киров, 2024. – С. 705–710.

8. Толстокоров, А. В., Гикис, С. Н. Особенности военной журналистики (на примере вооруженных конфликтов XXI века) // Экономика и социум. – 2014. – № 3. – С. 117–121.

9. Черников, М. В., Перевозчикова, Л. С., Авдеенко, Е. В. Мем-манипуляция как инструмент информационных войн // Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2023. – № 3. – С. 25–37.

Bankina Elizaveta Ruslanovna

Student

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk

E-mail: Elizaveta.Bankina08@gmail.com

MEDIA PORTRAITURE IN MILITARY JOURNALISM IN THE ERA OF FREEDOM

Abstract. This article examines the phenomenon of media portraiture in the context of its coverage in Ukraine. The article analyzes the traditional methods of creating a media portrait, the specifics of the work of journalists in the context of modern hybrid conflict, as well as the mechanisms of constructing images of heroes and antiheroes in the media space. Based on the analysis, conclusions are drawn about the transformation of the role of military journalism and its impact on public consciousness. Media portraits serve as key elements in the formation of collective identity and the consolidation of society around the official narrative.

Keywords: media portraiture, media portrait, media space, military journalism, SVO, hero, antihero

Белокрылина Ангелина Алексеевна
студентка кафедры социология
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: angelina.belokrylina1212@gmail.com

Орлик Елена Николаевна
кандидат философских наук, доцент кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: enorlik@mail.ru

СЕЛЛЕРЫ МАРКЕТПЛЕЙСОВ КАК НОВЫЙ ТИП ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В рамках данной статьи нами было рассмотрено понятие «селлер», его ключевые характеристики, отличия от классического продавца, а также были выделены некоторые подвиды селлеров и проанализированы данные маркетингового исследования.

Ключевые слова: селлер, маркетплейс, трафик, продавец, предприниматель, розничный селлер, оптовый селлер, дропшиппер, киберсквоттер, цифровизация

Эпоха цифровизации трансформирует традиционные экономические и социальные сферы, порождая новые формы предпринимательской деятельности. Одним из наиболее ярких феноменов последнего десятилетия стало стремительное развитие *маркетплейсов* – многосторонних цифровых платформ, которые не просто изменили потребительские привычки, но и создали принципиально новую среду для ведения бизнеса. В этой среде сформировалась и получила массовое распространение фигура *селлера* – предпринимателя, чья деятельность целиком осуществляется в логике и рамках правил, установленных цифровой платформой.

Согласно данным исследования рынков за 2023 год [5], только на крупнейших российских площадках (Wildberries, Ozon) зарегистрированы сотни тысяч селлеров, а их совокупный оборот составляет значительную долю в розничной онлайн-торговле. Несмотря на количественный рост, социологическое осмысление этого феномена отстает от его практического развития. Селлер часто воспринимается как «просто продавец», в то время как его социально-экономический статус, практики труда и система взаимоотношений с платформой требуют более глубокого анализа.

Хотя термин «seller» переводится с английского как «продавец», в российском контексте он обозначает другую роль. В отличие от классического продавца, который контактирует с покупателем, деятельность селлера заключается преимущественно в производстве или поставке товара, а взаимодействие с конечным потребителем обусловлено именно цифровой платформой [1].

Так, мы можем сказать, что *селлер* – это компания или индивидуальный предприниматель, который продает свои товары или услуги через онлайн-платформы, такие как маркетплейсы.

Выделим ключевые характеристики селлера [1]:

1. *Работа производится через посредника*, то есть через маркетплейс. Селлер не создает свой собственный интернет-магазин с нуля, а арендует своего рода «витрину» и использует инфраструктуру платформы (например, Ozon, Wildberries, Яндекс Маркет).

2. *Самостоятельность селлера*. Он сам производит или закупает товары, формирует на них цены, готовит их к отправке, а также отвечает за качество и соответствие описания.

3. *Зависимость от правил платформы*. Селлер обязан соблюдать внутренние регламенты маркетплейса: комиссии, правила оформления карточек товаров, стандарты обслуживания клиентов и т.д.

Рассмотрим главные отличия селлера от обычного онлайн-продавца в Таблице №1 [4]:

Таблица 1 – Главные отличия селлера от обычного онлайн-продавца

Параметр	Селлер	Классический онлайн-продавец
Площадка	Работает на чужой платформе (WB, Ozon)	Работает на своем сайте
Трафик (поток покупателей)	Пользуется готовым потоком покупателей маркетплейса	Сам привлекает трафик (реклама, соцсети)
Логистика	Часто использует FBS (доставка силами продавца) или FBO (доставка силами маркетплейса со своего склада).	Самостоятельно организует всю цепочку доставки

Взаимодействие с клиентом	Часто ограничено правилами площадки. Коммуникация идет через чат маркетплейса.	Прямой контакт с клиентом (телефон, почта, мессенджеры).
Операционные расходы	Комиссия маркетплейса, плата за хранение на складе, реклама внутри платформы.	Расходы на хостинг, разработку сайта, самостоятельную рекламу.

Мы можем сказать, что селлер представляет собой гибридную предпринимательскую модель, сочетающую черты классического бизнеса и цифровой зависимости. С одной стороны, он сохраняет автономию в ключевых бизнес-процессах – от закупки товара до ценообразования. С другой – его деятельность полностью встроена в экосистему маркетплейса, что означает зависимость от готового трафика покупателей, правил платформы и ее алгоритмов.

Также стоит отметить, что существуют типы селлеров [2]:

1. *Розничные селлеры* – ориентированы на конечного покупателя, предлагая отдельные товары повседневного спроса, такие как одежда, электроника или предметы домашнего обихода.

2. *Оптовые селлеры* – работают с корпоративными клиентами, реализуя продукцию крупными партиями (например, оборудование, канцтовары) со специальными ценами для бизнеса.

3. *Производители* – владеют полным циклом создания товаров и используют маркетплейсы как канал сбыта продукции собственного производства, сохраняя контроль над брендом.

4. *Дропшипперы* – действуют как торговые посредники: принимают заказы через платформу и передают их выполнение напрямую производителю или оптовому складу, не занимаясь складскими запасами.

5. *Частные лица* – продают новые или б/у вещи через специализированные сервисы маркетплейсов, предназначенные для торговли между частными лицами.

6. *Крупные бренды и производители* – создают на маркетплейсах свои официальные магазины (например Samsung).

7. *Киберсквоттеры* (недобросовестные регистраторы) – используют созвучные известным брендам названия аккаунтов с целью извлечения выгоды из чужой репутации, что признается нарушением правил торговых платформ.

Данная типология показывает, что фигура «селлера» не является однородной. От розничных торговцев и производителей до дропшипперов и киберсквоттеров – маркетплейсы объединяют разнородных акторов с принципиально разными бизнес-моделями и уровнями легитимности.

Также необходимо отметить, что, по данным маркетингового исследования 2025 года [3], ядро продавцов на маркетплейсах составляют люди зрелого возраста (36-55 лет), при этом женщины преобладают во всех категориях.

Начинающие предприниматели моложе 25 лет чаще представлены в сегменте с низким и средним оборотом, а наиболее опытные и финансово успешные селлеры, чей стаж работы обычно превышает 2–3 года, торгуют одновременно на нескольких площадках с явным предпочтением Wildberries.

Что касается операционных трудностей, то основная проблема связана со взаимодействием на платформах, например, для селлеров Ozon и Wildberries наиболее актуальны возвраты товаров и работа с недобросовестными покупателями.

Таким образом, **селлер** – это центральная фигура в виртуальной системе маркетплейса, некое связующее звено между платформой и конечным потребителем.

Анализ фигуры селлера – это ключ к пониманию современной экономики и социальных отношений на маркетплейсах. Это не просто «продавец», а новый тип экономического агента, чья деятельность позволяет изучать трансформацию труда, социальные лифты и неравенство, а также власть платформ, так как маркетплейсы, по сути, диктуют правила игры и формируют новые социально-экономические практики.

Стоит понимать, что селлер не является продавцом или предпринимателем. Классический предприниматель сам строит бизнес: создает бренд, находит помещение, привлекает клиентов. Селлер же арендует «цифровую витрину» у маркетплейса, своего рода гигантской системы, и вынужден играть исключительно по его правилам. Его главный начальник и основной способ успеха – не рыночные факторы (спрос и предложение), а непрозрачный и меняющийся алгоритм.

Цифровизация порождает новую форму предпринимательства, где торговые акторы принимают на себя всю полноту экономических рисков, а ключевые ресурсы контролируются платформой.

Селлер не владеет своим делом в полной мере. Он арендует доступ к виртуальной системе, которую не контролирует. Маркетплейсы продают идею «стать своим боссом», но на деле селлер попадает в зависимость от правил, комиссий и решений алгоритма, которые могут ослабить или даже уничтожить его бизнес в один день. Основные усилия селлера уходят не на торговлю, а на «угадывание» алгоритма, борьбу с абьюзом покупателей и постоянную оптимизацию карточек товаров.

Таким образом, новый класс свободных предпринимателей, получивший через маркетплейсы новые точки сбыта и шаговую доступность к потребителям своих товаров, попадает в цифровую зависимость от них.

Список литературы

1. Вайлдберриз – терапия торговлей. сайт. – URL: <https://www.b17.ru/article/441260/> (Дата обращения: 29.11.2025 г.)
2. Кто такой селлер, чем он занимается и как им стать. сайт. – URL: <https://practicum.yandex.ru/blog/kto-takoy-seller-kak-im-stat/#kto-takoy-seller> (Дата обращения: 29.11.2025 г.)
3. Маркетинговое исследование Исследование селлеров универсальных маркетплейсов 2025. сайт. – URL: https://datainsight.ru/DI_marketplaces_sellers (Дата обращения: 29.11.2025 г.)
4. Селлер: что это такое, основные функции и роль на рынке. сайт. – URL: <https://sky.pro/wiki/marketing/seller-что-это-такое-osnovnye-funktsii-i-rol-na-rynke/> (Дата обращения: 29.11.2025г.)
5. Сколько сейчас селлеров на WB и Ozon? сайт. – URL: <https://oborot.ru/articles/statistics-marketpleis-25-i209298.html> (Дата обращения: 29.11.2025 г.)

Belokrylina Angelina Alekseevna
Student of the Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: angelina.belokrylina1212@gmail.com

Orlik Elena Nikolaevna
Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: enorlik@mail.ru

MARKETPLACE SELLERS AS A NEW TYPE OF ENTREPRENEUR IN THE AGE OF DIGITALIZATION

Abstract. Within the framework of this article, we considered the concept of a "seller", its key characteristics, differences from a classic seller, and also identified some subspecies of sellers and analyzed marketing research data.

Keywords: seller, marketplace, traffic, seller, entrepreneur, retail seller, wholesale seller, dropshipper, cybersquatter, digitalization

Бочаров Иван Ильич

старший аналитик,

Президентский фонд культурных инициатив

аспирант,

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,

г. Москва

E-mail: ivan.bocharov@pfcir.ru

НОВАЯ ФУНКЦИЯ ЖУРНАЛИСТА КАК СУБЪЕКТА ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ КОММУНИКАЦИЙ В КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В статье рассматривается новая функция журналиста в условиях становления и развития креативной экономики. Обосновывается переход профессиональной роли от традиционного информатора к субъекту ценностно-ориентированных коммуникаций, который активно участвует в конструировании смыслового пространства и продвижении социокультурных ценностей (инновационность, уникальность, социальная ответственность). Анализируются ключевые механизмы реализации данной функции, включая создание креативных нарративов, формирование диалоговых платформ и применение цифровых медиатехнологий для эффективной трансляции ценностей. Определяется набор необходимых компетенций журналиста, объединяющий креативное мышление, ценностно-смысловую компетентность и экономическую грамотность. Подчеркивается прогностическая роль медиаспециалиста в формировании будущих трендов креативных индустрий. Делается вывод о том, что новая функция утверждает журналистику

как активного архитектора смыслов и ценностей, что является необходимым условием для устойчивого развития современной творческой экономики.

Ключевые слова: креативная экономика, ценностно-ориентированные коммуникации, новая функция журналиста, культуроформирующая функция, цифровые медиатехнологии

Современный этап общественного развития характеризуется доминированием креативной экономики, где основным ресурс – интеллектуальный капитал, а ключевой продукт – идеи и творческие решения [1]. Трансформация экономической парадигмы закономерно влияет на социальные институты, включая медиасистему. Журналистика, находясь в процессе цифровой трансформации, переживает период переосмысления своей социальной роли и функционального назначения [8, с. 40]. Традиционные функции медиа – информационная, просветительская, регулятивная – требуют обновления и адаптации к условиям новой экономической реальности, где ценность контента определяется не только его актуальностью, но и способностью генерировать смысл, формировать креативные сообщества и продвигать общественно значимые ценности [4, с. 2].

В контексте креативной экономики возникает потребность в новой профессиональной роли журналиста. Переход от простого информирования к производству ценностно-насыщенного контента определяет журналиста как субъекта ценностно-ориентированных коммуникаций. Новая функция выходит за рамки классических представлений, предполагая не просто отражение действительности, но активное участие в конструировании смыслового пространства, где креативность выступает как инструмент развития, а ценности – как системообразующий элемент взаимодействия. Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического обоснования роли медиаспециалиста в процессах, формирующих фундамент новой экономики, а также потребностью в определении механизмов реализации культуроформирующей функции СМИ в цифровую эпоху [4, с. 13]. Изучение специфики освещения креативных индустрий в современных медиа подтверждает запрос на такое переосмысление [2, с. 45].

Функциональное назначение журналистики всегда было предметом дискуссий. Классический подход к функциям медиа сегодня дополняется новыми концепциями, учитывающими цифровизацию и смену запросов аудитории [5, с. 5]. Креативная экономика диктует условия, в которых медиа

становятся одним из важнейших драйверов развития, а журналист – ключевым медиатором между креативными индустриями и обществом [6].

Суть новой функции состоит в активном ценностном посредничестве. Журналист не ограничивается сбором и распространением информации; он действует как субъект, способный артикулировать, интерпретировать и популяризировать ценностные установки, лежащие в основе креативного процесса. Креативная индустрия неразрывно связана с такими ценностями, как инновационность, самовыражение, уникальность и культурное разнообразие [9]. Задача журналиста – интегрировать данные ценности в публичный дискурс, делая их понятными и значимыми для широкой аудитории. В результате, медиапродукт приобретает не только информационную, но и социокультурную ценность, способствуя формированию креативного мышления в обществе [7, с. 113].

Развитие цифровых технологий и платформ предоставляет журналисту инструментарий для реализации этой функции. Инновационные подходы к созданию контента, основанные на креативе и диджитал-технологиях, позволяют строить коммуникации, отличающиеся высокой степенью вовлеченности и интерактивности [8, с. 45]. Журналист превращается в продюсера ценностей, который через оригинальные форматы и смысловое наполнение способствует не только потреблению креативного продукта, но и усвоению его underlying (базовых) ценностей.

Такая деятельность также связана с необходимостью противостоять механизмам конструирования деструктивных сообщений, актуализируя проблему этической ответственности медиа [3, с. 210]. Ценностно-ориентированная коммуникация предполагает сознательный выбор тем и ракурсов освещения, способствующих укреплению социальных связей, развитию культурного капитала и продвижению гуманистических идеалов. Следовательно, новая функция журналиста включает в себя этическую, культуроформирующую и активизирующую составляющие, которые совместно формируют новую модель взаимодействия медиа и общества в условиях креативной экономики.

Реализация новой функции журналиста как субъекта ценностно-ориентированных коммуникаций требует освоения специфических механизмов, отличных от традиционной журналистской деятельности. В креативной экономике, где информация приобретает форму "креативного актива", журна-

листу необходимо овладеть технологиями, позволяющими не просто передавать сведения, но инкорпорировать в них социокультурные и экономические смыслы [1].

Одним из ключевых механизмов выступает конструирование креативных нарративов. Журналист создает истории, которые отражают процесс создания ценности в креативных индустриях: от зарождения идеи до ее коммерческого и культурного успеха. При этом акцент смещается с фиксации факта на демонстрацию ценностной траектории развития проекта. Например, при освещении стартапа в сфере дизайна, журналист уделяет внимание не только финансовым показателям, но и философии продукта, его вкладу в эстетическое или экологическое сознание общества. Такой подход обеспечивает выполнение культууроформирующей задачи, формируя запрос на качественный и осмысленный контент [4, с. 7].

Другим важным механизмом является создание диалоговых платформ и формирование креативных сообществ. Цифровой медиаландшафт предоставляет обширные возможности для организации интерактивного взаимодействия, где аудитория выступает не пассивным потребителем, а активным соучастником процесса создания и осмысления контента [6]. Журналист инициирует дискуссии, модерировать обмен мнениями, связывая представителей креативного сектора, инвесторов и широкую публику. Подобная деятельность способствует трансферу ценностей из узкопрофессиональной среды в общественный дискурс, что особенно важно при освещении специфики креативных индустрий [2, с. 51].

Важную роль играет применение методов сторителлинга и визуализации данных, направленное на эмоциональное и рациональное усвоение ценностей. В условиях информационного изобилия, ценностно-ориентированный контент должен быть предельно ясным, привлекательным и убедительным. Использование креативного потенциала цифровых медиатехнологий позволяет трансформировать сложные экономические или социокультурные концепции в доступные и запоминающиеся форматы, такие как интерактивные лонгриды, дата-журналистика или VR-проекты [7, с. 113]. Цифровая трансформация журналистики предполагает, что специалист должен владеть инструментами для эффективного и креативного использования данных технологий [8, с. 42].

Следует отметить и механизм продвижения этических стандартов и социальной ответственности креативного бизнеса. В условиях, когда творческий продукт легко масштабируется и тиражируется, возрастает влияние

креативных индустрий на общественное сознание. Журналист выступает гарантом того, что в публичное поле попадают примеры социально ответственного творчества, а этические дилеммы, сопутствующие быстрому развитию, обсуждаются открыто. Таким образом, медиа не только информирует о трендах, но и участвует в их ценностной валидации, формируя здоровую среду для развития креативной экономики [9].

Реализация новой функции требует от журналиста формирования уникального набора компетенций, сочетающего традиционные профессиональные навыки с новыми требованиями креативной и цифровой среды. Приоритетное значение приобретает способность к креативному мышлению — умение генерировать оригинальные идеи для подачи материала и находить нестандартные подходы к освещению сложных тем. Данное качество является фундаментом для работы в индустрии, основанной на творчестве.

Ключевой является ценностно-смысловая компетентность. Она подразумевает глубокое понимание журналистом системы ценностей, лежащих в основе креативной экономики (инновационность, уникальность, культурный код), и способность переводить данные ценности на язык массовой коммуникации. Журналист должен выступать не просто рассказчиком, а интерпретатором и адаптатором смыслов, обеспечивая их релевантность для разных сегментов аудитории. Данная компетентность напрямую связана с реализацией культуроформирующей функции [4, с. 10].

Необходимо также владение диджитал-технологиями и мультимедийными инструментами. В условиях цифровизации медиаландшафта, контент, не адаптированный под требования digital-среды, теряет свою эффективность. Журналист должен уметь работать с различными форматами (видео, подкасты, интерактивная инфографика) и платформами, используя креативный потенциал цифровых медиатехнологий для усиления ценностного воздействия сообщения [7, с. 113]. От специалиста требуется не только техническая грамотность, но и медийная креативность, позволяющая находить инновационные способы взаимодействия с аудиторией [8, с. 46].

Важной становится компетенция в области управления сообществами и сетевого взаимодействия. Поскольку креативная экономика основана на сетевых структурах и коллаборации, журналист должен уметь создавать и поддерживать профессиональные и тематические онлайн-сообщества. Управление диалогом, фасилитация обмена знаниями и опытом — задачи, которые позволяют журналисту стать не просто поставщиком информации, но и организатором креативного социального капитала.

И наконец, экономическая грамотность, специфически адаптированная к креативному сектору, является обязательной. Журналист должен понимать бизнес-модели креативных индустрий, механизмы монетизации интеллектуальной собственности и роль креатива в формировании добавленной стоимости. Понимание экономических аспектов позволяет избежать поверхностного освещения и предоставить аудитории глубокий анализ перспектив развития отрасли [2, с. 48].

Таким образом, трансформация журналистики в условиях креативной экономики привела к формированию новой, ключевой функции медиаспециалиста – роли субъекта ценностно-ориентированных коммуникаций. Данная функция выходит за рамки классических представлений об информировании и просвещении, требуя от журналиста активного участия в конструировании общественного сознания на основе ценностей креативности, инновационности и социальной ответственности. Реализация данной функции опирается на создание креативных нарративов, формирование диалоговых платформ и владение передовыми цифровыми инструментами [7, с. 113].

Успешное выполнение данной роли требует от журналиста развития синтетических компетенций, включающих креативное мышление, глубокую ценностно-смысловую компетентность и экономическую грамотность, адаптированную к сектору интеллектуального капитала. Журналист становится медиатором ценностей, обеспечивая их трансфер из креативных индустрий в широкий общественный дискурс, что имеет прямое влияние на развитие культуры и экономики [4, с. 14].

Прогностический потенциал новой функции заключается в ее способности формировать будущие тренды и стандарты, способствуя устойчивому развитию креативного сектора. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на разработке метрик оценки эффективности ценностно-ориентированных медиапроектов и адаптации образовательных программ для подготовки специалистов, способных работать в условиях быстро меняющейся цифровой и креативной среды. Новая функция журналиста утверждает медиа не просто как зеркало, но как активного архитектора смыслов и ценностей в эпоху доминирования творческой экономики.

Список литературы

1. «Российская креативная неделя – 2025»: сформированы главные тренды развития креативной экономики // creativityweek.ru. сайт. – URL: <https://creativityweek.ru/news/207/> (дата обращения: 29.10.2025).

2. Абилюкенова В. А., Гальт, Л. Ю. – Специфика освещения темы креативных индустрий в федеральных и окружных СМИ // Litera. – 2023. – № 7. – С. 43–57. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43546 EDN: SSTVRW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43546
3. Бочаров, И.И., Баранова, Е.А. Механизмы конструирования пропагандистских сообщений в медиа // Litera. 2025. № 4. С. 208-218. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.74097 EDN: MGSTZL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74097
4. Бочаров, И. И., Баранова, Е. А. Проблема реализации культуроформирующей функции в отечественных СМИ // Litera. – 2023. – № 7. – С. 1–14. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43477 EDN: RVZEVF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43477
5. Варганова, Е. Л. Функции журналистики: традиционные и актуальные подходы // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2024. – №. 6. – С. 3–30.
6. Зверева, Е. А., Прохоров, А. В., Семишова, Е. П. Инновации и креативные технологии в условиях цифровизации медиаландшафта. сайт. – URL: <https://elibrary.tsutmb.ru/dl/docs/elib850.pdf> (дата обращения: 20.11.2025). – 2022.
7. Олешко, В. Ф. Креативный потенциал цифровых медиатехнологий // В74 Вопросы отечественной региональной журналистики/под общей. – С. 113.
8. Червонящий, В. В. Цифровая трансформация журналистики: роль креатива и диджитал-технологий // Практический маркетинг. – 2023. – №. 5. – С. 40–48.
9. Эксперты обсудили, как креативные индустрии могут заинтересовать СМИ // rambler.ru. сайт. – URL: https://finance.rambler.ru/business/50848193/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

Bocharov Ivan Ilyich

Senior Analyst

Presidential Foundation for Cultural Initiatives

Postgraduate Student

Patrice Lumumba Russian University of Friendship of Peoples, Moscow

E-mail: ivan.bocharov@pfcir.ru

A NEW FUNCTION OF A JOURNALIST AS A SUBJECT OF VALUE-ORIENTED COMMUNICATIONS IN THE CREATIVE ECONOMY

Abstract. The article examines the new function of a journalist in the context of the formation and development of the creative economy. The author substantiates the transition of the professional role from a traditional informant to a subject of value-oriented communications, who actively participates in the construction of semantic space and the promotion of socio-cultural values (innovation, uniqueness, social responsibility). The key mechanisms for implementing this function are analyzed, including the creation of creative narratives, the formation of dialogue platforms, and the use of digital media technologies for effective value translation. The set of necessary competencies of a journalist is determined, combining creative thinking, value-semantic competence and economic literacy. The predictive role of a media specialist in shaping future trends in the creative industries is emphasized. It is concluded that the new function establishes journalism as an active architect of meanings and values, which is a prerequisite for the sustainable development of the modern creative economy.

Keywords: creative economy, value-based communication, new function of a journalist, culture-forming function, digital media technologies

*Васькова Анастасия Андреевна
лаборант-исследователь кафедры общей
и экономической социологии
Тюменский государственный университет, г. Тюмень
E-mail: a.a.vaskova@utmn.ru*

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ ПЛАТФОРМЕННЫХ РАБОТНИКОВ СЕРВИСНОЙ СФЕРЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕТЕРМИНАНТ И ФАКТОРОВ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема удовлетворенности трудом платформенных работников сервисной сферы в условиях цифровой экономики. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований,

а также статистических данных, выявлены ключевые детерминанты удовлетворенности трудом в платформенной занятости. Особое внимание уделено влиянию экономических и неэкономических факторов, таких как гибкость рабочего времени, уровень и стабильность дохода, цифровая инфраструктура платформ, а также отсутствие социальных гарантий и алгоритмическое управление. Статья подчеркивает важность комплексного подхода к изучению удовлетворенности трудом в новых формах занятости и необходимость адаптации социальной политики к вызовам платформенной экономики.

Ключевые слова: платформенная занятость, удовлетворенность трудом, цифровая экономика, трудовые отношения, сервисная сфера, гибкость труда, алгоритмическое управление, социальные гарантии, доход, нестабильность занятости

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00071, <https://rscf.ru/project/25-28-00071/>

Введение

Дистанционная работа прочно вошла в практику российских и международных компаний, став неотъемлемой частью современной экономики и системы управления персоналом. Масштабный переход на удаленный формат был во многом обусловлен эпидемиологическими вызовами, когда многие люди были вынуждены перейти на удаленную работу, традиционные предприятия начали использовать цифровые платформы особенно в ресторанном и розничном секторах [10, с. 11]. Даже после пандемии многие предприятия все чаще стали полагаться на цифровые платформы в условиях растущей конкуренции и необходимости расширять свою клиентскую базу, идти в ногу с меняющимся рынком и реагировать на предпочтения потребителей, что обусловлено такими факторами, как развитие социальных сетей и все более широкое использование цифровых инструментов в различных отраслях. С внедрением новых технологий и задействовании цифровых платформ в сфере трудовой занятости, появились такие термины, как «платформенная экономика» и «платформенная занятость», которые становятся важными компонентом современного рынка труда. Европейский союз сообщает, что более 28 миллионов человек в ЕС работают через одну (или несколько) цифровых платформ, ожидается, что в 2025 году это число достигнет 43 миллионов человек [11]. Такая форма трудовой деятельности характеризуется несколькими ключевыми особенностями, такими как гибкий график работы, автономность, возможность сотрудничества с несколькими

платформами одновременно, оплатой за конкретные выполненные задания, а также охватывает широкий спектр профессий и видов деятельности: от курьеров, водителей такси и работников служб доставки до специалистов в области репетиторства, дизайна, программирования и других услуг [5, с. 17]. Такая диверсификация делает платформенную занятость важным элементом современного рынка труда, предоставляя доступ к работе вне зависимости от географического положения.

Однако вместе с новыми возможностями платформенная занятость порождает и ряд вызовов. Среди них – нестабильность доходов, отсутствие социальных гарантий, ограниченные перспективы карьерного роста и влияние алгоритмического управления на условия труда и субъективное восприятие работы [12, с. 63] [4, с. 8]. В связи с этим изучение удовлетворенности трудом платформенных работников приобретает особую социальную и научную значимость, так как специфические характеристики платформенной занятости создают уникальные условия, влияющие на восприятие работниками своей трудовой деятельности. Таким образом, исследование удовлетворенности дистанционных работников не только отвечает современным вызовам рынка труда, но и имеет высокую практическую значимость для организаций, стремящихся повысить конкурентоспособность и устойчивость в эпоху цифровых преобразований, а также обеспечить благополучие и эффективность сотрудников в новых условиях труда.

Платформенная занятость: понятие и социально-экономический контекст

В научной литературе платформенная занятость определяется как форма трудовой деятельности, при которой работник (исполнитель) оказывает услуги или выполняет задачи для заказчика через онлайн-платформу, которая может выступать как работодателем, так и посредником между заказчиком и исполнителем, обеспечивая и формируя инфраструктуру взаимодействия [5, с. 8]. Такая модель предполагает оплату труда на основе выполненных заданий с использованием сервисов онлайн-платформы, которая аккумулирует информацию о заказах и участниках [6, с. 131].

Международная организация труда (МОТ) выделяет цифровые трудовые платформы как онлайн-инфраструктуры, обеспечивающие децентрализованный обмен рабочей силой. Цифровая платформа в данном контексте выступает не только как технический посредник, но и как особое социальное пространство, объединяющее исполнителей и заказчиков, регулирующее трудовые отношения и формирующее организационные структуры [16,

с. 4]. При этом платформенная занятость может включать в себя как дистанционную, так и работу на традиционных рабочих местах.

С точки зрения экономической категории занятости, платформенная занятость относится к нестандартным формам занятости, которые характеризуются гибкостью, временной и неполной занятостью, а также нестабильностью условий труда. В современных условиях цифровой трансформации экономики именно такие формы занятости становятся все более распространенными, что связано с изменениями в структуре рынка труда, развитием технологий и изменением предпочтений работников.

Социально-экономический контекст платформенной занятости отражается в ее масштабах и влиянии на рынок труда. По данным исследований НИУ ВШЭ, в апреле 2024 года в России около 16% трудоспособного населения вовлечены в платформенную занятость, что свидетельствует о ее значительной роли в обеспечении занятости и доходов населения [5, с. 52]. При этом качество занятости на цифровых платформах существенно варьируется в зависимости от способа выполнения работы (онлайн или офлайн), степени контроля платформы над работником, а также от вида выполняемого труда. Исследования показывают, что многие платформенные работники сталкиваются с низким уровнем социальной защиты, нестабильностью доходов, ограниченными возможностями профессионального роста и балансом между работой и личной жизнью.

Особое место в платформенной занятости занимает алгоритмическое управление – тип контроля, при котором распределение заказов, определение цен, мониторинг и санкции осуществляются с помощью алгоритмов и программного обеспечения [1, с. 360]. Это создает сложную систему стимулов и ограничений, которая с одной стороны предоставляет работникам гибкость и возможность самостоятельного планирования труда, а с другой, согласно работам Кристиана Фукса, порождает неопределенность и ощущение отчуждения [14, с. 283].

Критический анализ платформенной экономики также представлен в работах Ника Срничека, который рассматривает платформенный капитализм как новую стадию развития капиталистической системы, характеризующуюся алгоритмическим управлением и монополизацией цифровых платформ [7, с. 33].

Удовлетворенность трудом в условиях платформенной занятости.

Удовлетворенность трудом традиционно рассматривается как многомерное явление, включающее экономические, организационные, социальные и психологические компоненты. В отечественной социологии труда фундаментальный вклад внес Владимир Александрович Ядов, который подчеркивал, что удовлетворенность трудом отражает не только объективные характеристики работы, но и субъективное восприятие, мотивацию и социальное положение работника [9, с. 140]. Его концепция остается актуальной для анализа новых форм занятости, включая платформенную.

Современные исследования подчеркивают, что удовлетворенность трудом платформенных работников формируется под воздействием специфических факторов. Среди них выделяются:

1. Гибкость и автономия – возможность самостоятельно выбирать время и объем работы, что является важным преимуществом платформенной занятости [2 с. 54];

2. Цифровая инфраструктура платформы – удобство и надежность технологических решений влияют на качество трудового опыта [17, с. 13].

3. Экономические факторы – уровень и стабильность дохода остаются ключевыми для удовлетворенности, однако нестабильность заработка и отсутствие социальных гарантий снижают общий уровень благополучия [2, с. 55];

4. Социальные и психологические аспекты – ограниченные возможности карьерного роста, алгоритмическое управление и недостаток коллективной поддержки создают дополнительные риски неудовлетворенности [17, с. 118].

Также важно отметить, что гендерные различия в восприятии труда также были выявлены в исследованиях: женщины чаще ценят гибкость и баланс между работой и личной жизнью, мужчины – экономические выгоды и автономию [15, с. 13]. Обзор эмпирических исследований показывает, что удовлетворенность трудом платформенных работников варьируется в зависимости от типа платформы, сферы деятельности и социально-демографических характеристик.

В России, согласно данным НИУ ВШЭ (2024), сервисная сфера является одной из наиболее распространенных областей платформенной занятости, где значительная часть работников испытывает смешанные чувства: с

одной стороны, ценится гибкость и возможность дополнительного заработка, с другой – отмечается нестабильность и отсутствие социальных гарантий [5, с. 55].

Исследование Чам Кит Минга в Гонконге выявило сходные тенденции: высокая оценка гибкости и автономии сочетается с тревогой по поводу нестабильности доходов и отсутствия защиты [17, с. 120]. Аналогичные выводы подтверждаются в исследованиях в Бангладеш и других странах с развивающейся платформенной экономикой.

Основные проблемы, связанные с удовлетворенностью трудом в платформенной занятости, включают:

1. Отсутствие социальных гарантий и правовой защиты;
2. Алгоритмическое управление, ограничивающее автономию и создающее стресс;
3. Нестабильность доходов и неопределенность занятости;
4. Ограниченные возможности профессионального роста и развития.

Эти вызовы требуют адаптации существующих моделей социальной политики и трудового законодательства, а также разработки новых механизмов поддержки платформенных работников.

Методология эмпирического исследования

Пилотажное эмпирическое исследование было проведено в мае 2025 года методом онлайн-опроса среди платформенных работников сервисной сферы г. Тюмень. Объем выборочной совокупности составил 110 респондентов. Использовалась выборка по полу среди молодежи от 18 до 35 лет, как значительной доли занятых среди платформенных работников, пропорционально гипотетической генеральной совокупности платформенных работников по г. Тюмень, составленной на основе данных НИУ ВШЭ.

Генеральная совокупность определялась как население города Тюмень в возрасте 18-35 лет, занятое в платформенной экономике. На основе данных НИУ ВШЭ о доле платформенных работников в трудоспособном населении (2,3%) и с учетом возрастной структуры, гипотетический объем генеральной совокупности оценивался в 10 350 человек.

Инструментарий исследования включал структурированную анкету, содержащую вопросы об основных характеристиках платформенной занятости, источниках удовлетворенности и неудовлетворенности трудом, демографических характеристиках респондентов. Данные анализировались с использованием программы SPSS.

Результаты исследования

Анализ структуры занятости показал, что наиболее распространенной сферой деятельности платформенных работников является торговля, в которой занято около трети респондентов. Значительная доля работников также представлена в сферах логистики и бытового обслуживания. Было выявлено, что в сфере торговли преобладают женщины (50% от общего числа женщин-респондентов), тогда как мужчины чаще заняты в логистике и бытовом обслуживании (более трети).

Важной характеристикой платформенных работников является несоответствие между уровнем образования и сферой занятости. Более половины респондентов (65%) не имеют профессионального образования, соответствующего их текущей деятельности на платформе. Это свидетельствует о низких барьерах входа в платформенную экономику и доступности данной формы занятости для широких слоев населения. Эта доступность согласуется с результатами исследования рынка труда на платформе, которые подчеркивают демократизирующий потенциал цифровых платформ [12, с. 7].

Отношение к продолжительности занятости на платформе показывает временный характер данного вида деятельности для большинства работников. Лишь 17% респондентов рассматривают платформенную занятость как постоянный источник заработка с перспективой на будущее, тогда как почти половина не определились с долгосрочными планами.

Исследование выявило структуру факторов, влияющих на удовлетворенность трудом платформенных работников. Основными источниками удовлетворенности выступают:

1. Цифровая инфраструктура платформы главный источник удовлетворенности для большинства респондентов. Это свидетельствует об удобстве и надежности используемых цифровых инструментов.

2. Заработная плата - второй по значимости фактор удовлетворенности. При этом 78% работников удовлетворены оплатой труда, однако нестабильность доходов значительно снижает общую удовлетворенность.

3. Содержание выполняемой работы – третий источник удовлетворенности, отражающий интерес к выполняемым задачам.

Среди главных источников неудовлетворенности были выделены:

1. Отсутствие социальных льгот – главный источник неудовлетворенности, отмеченный большинством респондентов.

2. Ограниченные возможности карьерного роста – фактор неудовлетворенности для половины работников.

3. Недостаточная автономия – треть работников не удовлетворена предоставляемой автономией.

4. Нестабильность занятости – четверть респондентов выражает обеспокоенность нестабильностью.

Также анализ выявил значимость как экономических, так и неэкономических факторов в формировании удовлетворенности трудом. К экономическим факторам относятся стабильность дохода, размер оплаты труда, предсказуемость заработка. Неэкономические факторы включают гибкость рабочего времени, автономию в принятии решений, баланс между работой и личной жизнью, социальное признание.

Гендерные различия также проявляются в приоритетности различных факторов удовлетворенности. Для женщин большее значение имеют гибкость работы и баланс между работой и личной жизнью, тогда как для мужчин более важны доходы и автономия.

Полученные результаты коррелируют с международными исследованиями платформенной занятости. Вышеописанное исследование в Гонконге, проведенное Чам Кит Мингом, выявило аналогичные риски: нестабильность доходов, непрозрачность алгоритмов, отсутствие социальных гарантий [17, с. 101]. Количественное исследование в Бангладеше также подтвердило значимость гендерных различий в восприятии платформенной работы [15, с. 13]. Кроме того, исследование показало, что большинство респондентов воспринимают свою работу на платформе как временную или не определились с ее постоянством, что указывает на присущую занятости на платформе неопределенность и нестабильность. Это мнение перекликается исследованием платформенного труда, которое документирует распространенность нестабильных условий труда и неоднозначный характер трудовых отношений, опосредованных цифровыми платформами [13, с 52].

Специфика российского контекста проявляется в высокой оценке цифровой инфраструктуры платформ, что может отражать относительно высокое качество технологических решений российских платформ. Одновременно острота проблемы социальных гарантий указывает на недостатки правового регулирования платформенной занятости в России.

Выводы и рекомендации

Исследование показало, что удовлетворенность трудом платформенных работников сервисной сферы формируется сложным взаимодействием

технологических, экономических и социальных факторов. Высокая оценка цифровой инфраструктуры свидетельствует об успешной технологической адаптации платформенной экономики. Однако структурные проблемы – отсутствие социальных гарантий, ограниченные возможности карьерного роста, нестабильность занятости – требуют комплексного решения.

На основе результатов исследования предложены следующие рекомендации:

1. Учитывая, что большинство платформенных работников не имеют профильного образования и работают в условиях низких барьеров для входа, необходимо на законодательном уровне закрепить их статус с учетом специфики платформенной занятости. Это позволит обеспечить минимальные стандарты защиты, включая социальное страхование, охрану труда и доступ к медицинским и пенсионным гарантиям.

2. Платформенные работники часто лишены возможности объединяться и вести переговоры с платформами из-за отсутствия статуса наемных сотрудников. Ассоциации должны требовать законодательных изменений, позволяющих создавать представительные органы и профсоюзы платформенных работников, а также вести коллективные переговоры по условиям труда, оплате и безопасности.

3. Поскольку большинство работников не имеют профильного образования, рекомендуется инициировать программы повышения квалификации, тренинги и курсы, которые помогут работникам адаптироваться к требованиям платформенного рынка и расширить возможности карьерного роста.

4. Необходимо организовывать регулярные встречи, информационные кампании, мероприятия для обмена опытом, выявления проблем и формирования коллективной солидарности среди работников платформ. Это позволит усилить их голос и влияние в диалоге с платформами и государством.

Так, объединение и создание профсоюзов платформенных работников поможет выступать за комплексную защиту прав платформенных работников, учитывая их уязвимость, отсутствие формальной подготовки и нестабильность занятости. Это возможно через законодательные инициативы, международное сотрудничество, повышение квалификации и создание механизмов коллективного представительства, что обеспечит достойные условия труда и социальную защиту в условиях цифровой экономики.

Перспективы дальнейших исследований включают лонгитюдный анализ изменения удовлетворенности трудом во времени, сравнительные исследования различных типов платформ, углубленное изучение механизмов алгоритмического управления и их влияния на субъективное восприятие труда

Платформенная занятость представляет собой результат значимой трансформации в виду цифровизации современной экономики, требующий серьезного социологического анализа. Удовлетворенность трудом платформенных работников формируется в условиях противоречивого сочетания новых возможностей (гибкость, автономия, доступность) и структурных ограничений (отсутствие гарантий, нестабильность, алгоритмическое управление). Понимание этой динамики имеет ключевое значение для разработки эффективной социальной политики в условиях цифровой трансформации экономики.

Список литературы

1. Здравомыслов, А. Г., Ядов, В. А. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 485 с. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=282>
2. Лапыгин, А. В., Тарасов, А. В. Труд водителей такси в условиях алгоритмического управления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – Т. 8, № 3. – С. 84–101. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/513949430.pdf> 2. (дата обращения: 28.11.2025).
3. Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых. Экспертный доклад [Электронный ресурс] / О.В. Синявская [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (0,35 Мбайт). – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. – 64 с. – ISBN 978-5-7598-4067-1 (e-book). URL: <https://publications.hse.ru/books/936765274> (дата обращения: 28.11.2025).
4. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия [Электронный ресурс]: аналитический доклад / О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, Е. С. Горват, Д. Е. Карева, Д. А. Стужук, К. О. Чертенков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022. URL: https://www.hse.ru/data/2022/07/26/1616950951/NCMU_Platform_Employment_Report_2022.pdf (дата обращения: 28.11.2025).

5. Платформенная занятость: вызовы и возможные решения / авт. кол. ; Фонд «Центр стратегических разработок». – М. : ЦСР, 2022. – 68 с. URL: <https://www.csr.ru/ru/research/platformennaya-zanyatost-vyzovu-i-vozmozhnye-resheniya/> (дата обращения: 28.11.2025).

6. Платформенная занятость: определение и регулирование / авт. кол.: О.В. Синявская [и др.] ; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики", Институт социальной политики. – М. : НИУ ВШЭ, 2021. – 70 с. URL: https://www.hse.ru/data/2021/05/26/1438190156/Доклад_Платформенная_занятость_002.pdf (дата обращения: 28.11.2025).

7. Романюк, Е.В., Трусевич, Е.В., Огнев, Д.В., Лисутин, О.А. Платформенная занятость: сущность, особенности, регулирование // Экономика труда. 2025. №2. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=80402826> (дата обращения: 28.11.2025).

8. Срничек, Н. Капитализм платформ [Текст] / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 128 с. — (Экономическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-2137-3 (в пер.). URL:https://id.hse.ru/data/2019/10/22/1529834838/Srnicek_2_ed.-text_сайт.pdf (дата обращения: 28.11.2025).

9. Ядов, В. А., Здравомыслов, А. Г. Человек и его работа в СССР и после: учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 485 с.

10. COVID-19 and e-Commerce: a Global Review : [отчет] / United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). — Женева : UNCTAD, 2021. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). URL: <https://ifap.ru/library/book629.pdf> (дата обращения: 28.11.2025).

11. Council of the European Union. Platform work in the EU [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/platform-work-eu/> (дата обращения: 28.11.2025).

12. European Parliament. The impact of labour market reforms on the risk of poverty [Электронный ресурс]: study / Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies. – Brussels : European Parliament, 2020. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652734/IPOL_STU\(2020\)652734_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652734/IPOL_STU(2020)652734_EN.pdf) (дата обращения: 28.11.2025).

13. European Training Foundation. New forms of employment in the Eastern Partnership countries: Platform work [Электронный ресурс] / European Training Foundation. – 2021. URL:

https://www.etf.europa.eu/sites/default/files/2021-07/future_of_work_platform_work_in_eap_countries.pdf (дата обращения: 28.11.2025).

14. Fuchs C., Sevignani S. What Is Digital Labour? What Is Digital Work? // tripleC: Communication, Capitalism & Critique. – 2013. – Vol. 11, № 2. – P. 237–293. URL: <https://www.triple-c.at/index.php/tripleC/article/view/461> (дата обращения: 28.11.2025).

15. Gender differences in job satisfaction among gig workers in Bangladesh [Электронный ресурс] / S. Islam, M. Rahman и др. URL: https://www.researchgate.net/publication/382559753_Gender_differences_in_job_satisfaction_among_gig_workers_in_Bangladesh (дата обращения: 28.11.2025).

16. International Labour Organization. Law and practice update: April 2025 [Электронный ресурс]. – Geneva: ILO, 2025. URL: <https://www.ilo.org/sites/default/files/2025-04/Law%20and%20Practice%20Update%20020425.pdf> (дата обращения: 28.11.2025).

17. Ming C.K. Platform work, social risks and social welfare: a qualitative study on workers' experiences and views in Hong Kong: master's thesis. – Hong Kong: Lingnan University, 2022. – 120 p. URL: <https://commons.ln.edu.hk/otd/163/> (дата обращения: 28.11.2025).

18. Svagan B. Understanding the paradox of high job quality evaluations among platform workers // Journal of Labor Economics. – 2023. – Vol. 41. – Iss. 4. – с. 789–812. URL: https://www.researchgate.net/publication/376720225_Understanding_the_paradox_of_high_job_quality_evaluations_among_platform_workers (дата обращения: 28.11.2025).

Vaskova Anastasia Andreevna
Research Assistant of the department of General and Economic Sociology
Tyumen State University, Tyumen
E-mail: a.a.vaskova@utmn.ru

**JOB SATISFACTION OF PLATFORM WORKERS
IN THE SERVICE SECTOR: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS
OF DETERMINANTS AND FACTORS OF LABOR RELATIONS
IN THE DIGITAL ECONOMY**

Abstract. The article addresses the issue of job satisfaction among platform workers in the service sector within the context of the digital economy. Based on the analysis of domestic and international studies and statistical data, key determinants of job satisfaction in platform employment are identified. Special attention is paid to the influence of economic and non-economic factors such as work-time flexibility, income level and stability, digital platform infrastructure, as well as the absence of social guarantees and algorithmic management. The article emphasizes the importance of a comprehensive approach to studying job satisfaction in new forms of employment and the need to adapt social policy to the challenges of the platform economy.

Keywords: platform employmen, job satisfaction, digital economy, labor relations, service sector, labor flexibility, algorithmic management, social guarantees, income, employment instability

Волченкова Елена Валерьевна
доцент кафедры социальной работы и молодежной политики
Вятский государственный университет, г. Киров
E-mail: usr11176@vyatsu.ru

Бушкова-Шиклина Эльвира Васильевна
доцент кафедры культурологии, социологии и философии
Вятский государственный университет, г. Киров
E-mail: bushkova-shiklina@vyatsu.ru

ВЫЯВЛЕНИЕ СКЛОННОСТЕЙ К ДЕВИАНТНЫМ ФОРМАМ ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ ГРУППЫ РИСКА

Аннотация. В статье дана характеристика подростков группы риска. Приведены данные эмпирического исследования, в котором определены склонности подростков группы риска к нарушению социальных норм и проявлению различных девиаций.

Ключевые слова: подростки группы риска, девиантное поведение, аддиктивное поведение, агрессия, делинквентное поведение, суицидальные наклонности

Подростковый возраст представляет собой один из самых сложных периодов в жизни человека. Быстрые физические и физиологические изменения, происходящие в организме подростка, вызывают ряд изменений в его взаимодействии с окружающим миром – с родителями, одноклассниками, другими взрослыми и сверстниками. К сожалению, в некоторых случаях у подростков проявляются элементы негативного поведения, которые связаны с нарушением социальных норм, неудовлетворительным поведением в школе, пропуском занятий, неудовлетворительной учебной деятельностью. Кроме того, это может проявляться и в негативном поведении при взаимодействии с учителями, грубостью, агрессии в отношении взрослых и сверстников. Все это существенным образом влияет на процесс социализации подростка и может привести к снижению возможностей получения положительного социального опыта. Следует отметить, что такое поведение представляет потенциальную опасность, как для самого подростка, так и для его окружения. Зачастую такие подростки и составляют категорию «группы

риска» и становятся объектом комиссии по делам несовершеннолетних, социальных служб, педагогов и администрации образовательных организаций.

Понятие «группа риска» имеет междисциплинарный характер и используется в различных областях, таких как педагогика, психология, социология, медицина и юриспруденция. В этой связи в психолого-педагогической литературе часто встречаются схожие по смыслу термины, такие как «трудные подростки», «дезадаптированные подростки», «девиантные подростки», «педагогически запущенные подростки», «подростки в трудной жизненной ситуации».

В целом, данная группа подростков может быть охарактеризована как подростки, которые испытывают многочисленные трудности, вызванные разными факторами – социальными, медико-физиологическими, психологическими и др. Подросток часто бывает не в состоянии самостоятельно с ними справиться, и в совокупности все эти трудности не дают возможности подросткам успешно социализироваться.

Сущность понятия «риск» подразумевает вероятность наступления события, которое, как правило, имеет негативные последствия. Важно отметить, что ситуации, содержащие риск, создаются различными социальными субъектами – как отдельными людьми, так и разными группами населения. Исследователь В. И. Зубков подчеркивает, что риск можно рассматривать с двух сторон: как потенциальную угрозу, исходящую из социума, и как асоциальные действия отдельных индивидов или групп, которые могут привести к негативным последствиям для общества [2].

Современные дети и подростки в разной степени являются наиболее вероятными участниками группы риска, что подчеркивает необходимость более глубокого анализа данного понятия.

Н. И. Никитина и М. Ф. Глухова определяют подростков группы риска как находящихся в критической ситуации, усугубленной негативными факторами, такими как физиологические недостатки, жизнь в неблагополучной семье и утрата родителей [4].

В книге «Помощь трудным детям» исследователь М. Раттер делит несовершеннолетних на две группы: детей с социализированными формами антиобщественного поведения и детей с несоциализированным антиобщественным поведением [5]. П. М. Лыдкова и Л. Р. Сибгаева определяют подростков группы риска как неорганизованных, несамостоятельных, с низкой самооценкой и без четких целей [3].

У подростков группы риска могут наблюдаться отдельные формы девиантного поведения. Девиантное поведение представляет собой устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией [1]. Девиации у подростков группы риска могут носить как изолированный характер, так и сочетанный, объединяя разные формы вместе. Кроме того, у таких подростков, как правило, имеются склонности к проявлению девиантного поведения. Соответственно, своевременное диагностирование подобных склонностей является важным инструментом профилактической деятельности.

Для выявления склонностей к девиантному поведению подростков группы риска было проведено эмпирическое исследование, участниками которого стали учащиеся 7–8 классов средней школы №70 г. Кирова, состоящие на внутришкольном учете и на учете в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Причины постановки подростков на учет в комиссию по делам несовершеннолетних следующие: регулярные прогулы без уважительной причины; проявление физического насилия; агрессии в отношении одноклассников; конфликты со сверстниками и учителями; совершение мелких краж (в школе, магазинах) и др.

Для диагностики девиантного поведения в исследовании использовались две методики: методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел) и диагностический опросник для выявления склонности к различным формам девиантного поведения (ДАП-П).

По результатам первой методики получены следующие данные (табл. 1).

Таблица 1 – Результаты методики диагностики склонности подростков к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел), %

№	Шкалы	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
1	Шкала установки на социальную желательность	100	0	0
2	Шкала склонности к нарушению норм и правил	0	100	0
3	Шкала склонности к аддиктивному поведению	37	44	19
4	Шкала склонности к саморазрушающему поведению	44	31	25

5	Шкала склонности к агрессии и насилию	50	25	25
6	Шкала волевого контроля эмоциональных реакций	63	25	12
7	Шкала склонности к делинквентному поведению	25	25	50

Все диагностируемые демонстрируют отсутствие стремления соответствовать социальным нормам. У подростков умеренная склонность к нарушению правил, но критически высоких значений нет. Практически пятая часть опрошенных имеет выраженную склонность к зависимостям (алкоголь, наркотики, игры), 44% – умеренную. Четверть тестируемых подростков имеют высокий риск самоповреждающего поведения (например, суицидальные мысли, членовредительство) и столько же – выраженную склонность к проявлению агрессии. Большинство подростков (63%) плохо контролируют эмоции, что повышает риск импульсивных поступков. Половина диагностируемых склонна к противоправным действиям (кражи, драки, вандализм). Таким образом, результаты диагностики свидетельствуют о склонности подростков группы риска к разным девиациям: аддиктивному, саморазрушающему, агрессивному, делинквентному поведению. Подростки склонны к нарушению социальных норм и плохо умеют контролировать свои эмоции.

Результаты диагностики подростков по методике ДАП-П коррелируют с первой использованной методикой и подтверждают высокий уровень склонности подростков к аддиктивному поведению. У 37% выявлен средний уровень склонности к делинквентному поведению, у 62% – средний уровень выраженности суицидальных наклонностей (табл. 2).

Таблица 2 – Склонность подростков к различным формам девиантного поведения по методике ДАП-П, %

№	Склонность к формам девиантного поведения	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
1	Склонность к аддиктивному поведению	31	25	44
2	Склонность к делинквентному поведению	63	37	0
3	Суицидальные наклонности	38	62	0

Следует отметить, что у многих подростков наблюдается сочетание аддиктивного поведения с суицидальными наклонностями, в то время как делинквентное поведение в некоторых случаях выступает как изолирован-

ная проблема. Особого внимания требуют подростки, которые одновременно демонстрируют высокие риски по нескольким шкалам. Подростки, которые показывают суицидальные наклонности также требуют пристального внимания со стороны психологов, учителей, социальных педагогов и, конечно, родителей.

Полученные данные свидетельствуют о необходимости дифференцированного подхода к коррекционной работе с особым вниманием к группам максимального риска и разработки индивидуальных программ профилактики для подростков с различными сочетаниями поведенческих девиаций. А также отдельной работы с родителями, в целом – с семьей, с привлечением специалистов разных сфер.

Список литературы

1. Змановская, Е. В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения). – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 288 с.
2. Зубков В. И. Социологическая теория риска = Sociological theory of risk. – М., 2003. – 271 с.
3. Лыдокова, Г. М., Сибгаева, Л. Р. Влияние семейных отношений на поведение подростков «группы риска» // Проблемы современного педагогического образования: сборник научных трудов. – Ялта: РИО ГПА, 2020. – Вып. 68, Ч. 1. – С. 333–337.
4. Никитина, Н. И., Глухова, М. Ф. Методика и технология работы социального педагога: учебное пособие. – Москва, 2005. – 185 с.
5. Раттер, М. Помощь трудным детям / пер. О. В. Баженовой, Г. Г. Гаузе. – М., 1987. – 280 с.

Volchenkova Elena Valeryevna

Associate Professor of the Department of Social Work and Youth Policy

Vyatka State University, Kirov

E-mail: usr11176@vyatsu.ru

Bushkova-Shiklina Elvira Vasilyevna

Associate Professor of the Department of Cultural Studies,

Sociology and Philosophy

Vyatka State University, Kirov

E-mail: bushkova-shiklina@vyatsu.ru

IDENTIFICATION OF TENDENCIES TO DEVIANT BEHAVIORS IN ADOLESCENTS AT RISK

Annotation. The article describes the characteristics of adolescents at risk. The data of an empirical study are presented, which identifies the propensities of adolescents at risk to violate social norms and display various deviations.

Keywords: adolescents at risk, deviant behavior, addictive behavior, aggression, delinquent behavior, suicidal tendencies

Воротенькина Софья Евгеньевна

студентка кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: sof.vorotenkina@yandex.ru

Ефимова Светлана Александровна

кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: efimova-svetlana@inbox.ru

АНИМЕ-СООБЩЕСТВА В РОССИЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В данной статье анализируются интернет-субкультуры как уникальное явление современного информационного общества. В контексте цифровизации Интернет стал важнейшим пространством для самоорганизации, самовыражения и культурного взаимодействия, особенно значимым для молодой аудитории. В статье рассматриваются ключевые характеристики онлайн-субкультур: децентрализация, гибкие границы, мозаичная идентичность и возможность одновременного участия в нескольких сообществах. Особое внимание уделяется роли цифровых платформ как пространств для коммуникации и формирования коллективных практик, а также символическим кодам – лингвистическим, визуальным и аудиовизуальным – которые обеспечивают признание внутри групп.

Ключевые слова: интернет-субкультуры, цифровая идентичность, онлайн-сообщества, цифровые платформы, символическая коммуникация, цифровое неравенство

Цифровизация всех сфер общественной жизни радикально трансформировала культурные практики, формы коммуникации и механизмы социальной идентификации. Интернет стал не только инфраструктурой для обмена информацией, но и полноценным социальным пространством, в котором конструируются новые формы коллективности, самоорганизации и культурного творчества. Особенно значимы эти процессы для молодежной среды, для которой виртуальные платформы выступают ключевыми каналами социализации, самовыражения и формирования групповой идентичности.

Современные интернет-субкультуры характеризуются децентрализованностью, гибкими границами, высокой динамичностью и множественностью символических кодов, что отличает их от традиционных субкультур позднего индустриального общества. Эти общности формируют новые типы социальных отношений и культурных норм, влияя на модели поведения, ценности и способы взаимодействия пользователей. Одновременно развитие сетевых сообществ сопровождается ростом цифрового неравенства, усилением платформенного контроля и коммерциализацией субкультурных практик.

В условиях стремительного развития цифровых платформ, появления новых форм сетевого участия и гибридизации онлайн- и офлайн-взаимодействий исследование интернет-субкультур становится особенно актуальным. Оно позволяет осмыслить трансформацию современной культуры, динамику социальных групп и траектории формирования цифровой идентичности в информационном обществе.

Проблематика субкультур и механизмов их формирования имеет длительную исследовательскую традицию. Классические работы зарубежных авторов – прежде всего исследователей Бирмингемской школы культурных исследований, таких как С. Холл, П. Уиллис, Д. Хебдиж, – заложили теоретические основания анализа субкультур, рассматривая их как формы символического сопротивления и альтернативной идентичности. В конце XX – начале XXI века феномен цифровой культуры стал предметом изучения в работах Г. Дженкинса, посвященных фан-сообществам и культуре участия; М. Кастельса, исследовавшего сетевую структуру общества; Н. Байема, анализировавшей становление онлайн-коммуникаций как среды формирования сообществ. В отечественной науке различные аспекты субкультурной динамики представлены в работах А. А. Карабанова, рассматривающего эволюцию понятия «субкультура» в зарубежной и российской социологии;

И. С. Кочелаевой, изучающей лингвистические особенности цифровых субкультур; С. Д. Пасынковой, анализирующей трансформации молодежных субкультур в условиях современной цифровизации; а также Н. А. Александровой и И. Ю. Чертовских, исследующих специфику функционирования молодежных субкультур в российском контексте. Вопросы влияния интернет-среды на девиантные проявления субкультур рассматриваются в работе А. Н. Берестового, а роль социальных медиа в распространении субкультурных практик – в исследовании Д. А. Зырянова. Несмотря на значительное количество работ, аспект формирования субкультур непосредственно в цифровом пространстве остается недостаточно систематизированным, что делает дальнейшее изучение данной проблемы актуальным и востребованным [10, с. 67] [9, с. 24] [5, с. 34].

Цель исследования – анализ интернет-субкультур, их ключевых характеристик, механизмов функционирования и факторов, определяющих их развитие в современном информационном обществе. В рамках работы были решены следующие задачи:

1. Охарактеризовать ключевые особенности интернет-субкультур.
2. Исследовать роль цифровых платформ как пространств коммуникации, самоорганизации и формирования коллективных практик.
3. Оценить особенности гибридизации онлайн- и офлайн-практик в современном субкультурном пространстве.

Субкультура (лат. *sub* – под и *cultura* – культура; подкультура) в социологии и культурологии – часть культуры общества, отличающаяся от преобладающего большинства, а также социальные группы носителей этой культуры. Субкультура может отличаться от доминирующей культуры собственной системой ценностей, языком, манерой поведения, одеждой и другими аспектами. Различают субкультуры, формирующиеся на национальной, демографической, профессиональной, географической и других базах. Как правило, субкультура проносится человеком на протяжении всей жизни. В частности, субкультуры образуются этническими общностями, отличающимися своим диалектом от языковой нормы. Другим известным примером являются молодежные субкультуры [4, с. 223].

Термин «молодежная субкультура» несет совсем иной смысл. Под ним понимается культура, создаваемая самими молодыми людьми для себя с целью самореализации, самоидентификации, выработки социальных ролей и наработки статуса. Никаких коммерческих целей молодежная субкультура

не преследует, более того, она не стремится себя афишировать. Под термином «неформальные молодежные объединения» понимаются группы (объединения), которые образуются независимо от желаний и намерений взрослых и являются результатом соответствующих действий самих молодых людей [7].

Современное информационное общество характеризуется активной цифровизацией всех сфер жизни, включая культуру и межличностные отношения. Интернет стал не только технической инфраструктурой, но и уникальным социальным пространством, где формируются новые типы взаимодействия, самоидентификации и принадлежности. Это особенно очевидно в молодежных сообществах, которые используют интернет для самовыражения и творчества. Онлайн-общение создает условия, способствующие формированию субкультур, которые развиваются по своим собственным законам.

Интернет предлагает уникальные возможности для самоорганизации и самовыражения индивида. Он снижает пространственные и социальные барьеры и позволяет людям с похожими интересами объединяться, независимо от того, где они живут. Эти сообщества формируются на основе добровольного участия и общей символики, что способствует появлению новых видов культурных связей.

Одной из ключевых особенностей интернет-субкультур является децентрализация и гибкость границ. В отличие от традиционных субкультур, которые имели четкие внешние атрибуты и иерархическую структуру, сетевые объединения отличаются динамичностью и мозаичностью. В цифровом пространстве человек может одновременно принадлежать нескольким сообществам, не испытывая внутреннего конфликта идентичности. Границы субкультур становятся подвижными, а членство – ситуативным.

Цифровые платформы функционируют как «места встречи», где участники обмениваются опытом, обсуждают интересующие их темы и формируют собственные нормы поведения. Онлайн-форумы, блоги, чаты и стриминговые сервисы становятся площадками, на которых возникают коллективные практики и чувство принадлежности. Например, обсуждения на Reddit или специализированных Discord-серверах позволяют участникам объединяться вокруг общих интересов – от киберспорта и аниме до DIY-культуры и политических дискуссий. На YouTube и Twitch зрители и авторы контента совместно вырабатывают определенные ритуалы взаимодействия:

устоявшиеся приветствия, шутки, реакции, которые становятся частью идентичности сообщества [3, с. 159].

В пределах таких групп создаются собственные символические коды – визуальные, языковые, аудиальные, – которые обеспечивают узнаваемость внутри сообщества. Языковая игра, эмодзи, мемы и визуальные символы становятся ключевыми элементами коммуникации. Так, использование специфического сленга в геймерских сообществах («gg», «nerf», «buff»), мемов вроде «Distracted Boyfriend» или внутренних иконок Discord-сообщества помогает маркировать принадлежность к определенной группе и отличать «своих» от «чужих». В фанатских субкультурах (например, K-pop-фэндомы) визуальные символы вроде лайтстиков, баннеров или специфических графических элементов также формируют чувство общего культурного пространства [6, с. 63].

Особую роль в сетевых сообществах играет цифровая репутация. Статус в онлайн-пространстве определяется количеством подписчиков, уровнем вовлеченности и регулярностью активности. В некоторых средах – например, среди стримеров Twitch или авторов TikTok – социальный капитал напрямую измеряется цифровыми метриками: количеством просмотров, лайков, донатов, «рейдов» и упоминаний другими пользователями. Эти параметры во многих случаях оказываются важнее формального статуса в реальной жизни, поскольку именно они определяют влияние и видимость участника в конкретной субкультуре.

Структура власти в интернет-субкультурах обычно имеет горизонтальный, слабо формализованный характер. Лидерство здесь ситуативное и основано на признании компетенций, оригинальности контента и активности в развитии сообщества. Например, модераторы Reddit-сообществ или Discord-каналов получают свой статус не в результате формальной иерархии, а благодаря доверию участников, способности поддерживать порядок и формировать устойчивые нормы взаимодействия. Эти формы самоорганизации опираются на внутренние правила, добровольные ограничения и взаимную поддержку, тем самым поддерживая баланс между свободой самовыражения и уважением к установленным нормам. Эта динамика делает интернет-субкультуры гибкими и адаптируемыми сообществами, способными реагировать на изменения в цифровой среде и потребности своих членов [1, с. 151].

Современные онлайн-ассоциации часто носят ситуативный характер, объединяя людей вокруг кратковременных событий или инициатив. Эти

формы называются «постсубкультурами» и характеризуются менее стабильной, но более гибкой и творческой структурой. Коммерциализация цифрового пространства приводит к активному использованию субкультурных символов в маркетинговой практике, что способствует популяризации сообществ, но в то же время снижает их аутентичность и потенциал для критического протеста.

Анонимность – еще одна важная особенность интернет-среды. Возможность скрывать реальное имя и облик способствует свободе самовыражения, но также может стимулировать токсичное поведение и конфликты. Цифровая память, сохраняющая посты, изображения и видео, превращает интернет в архив коллективного опыта и позволяет отслеживать эволюцию культурных практик [2, с. 158].

В интернет-субкультурах активно проявляются вопросы гендера и инклюзии. Цифровая среда может одновременно расширять возможности самовыражения и воспроизводить социальные неравенства. Практики фантворчества, ремиксы, мемы и пародии становятся формой совместного творчества, выражая идеи переработки культурных кодов и участия в жизни общества.

Однако участие в сетевых субкультурах ограничено социально-экономическими факторами. Доступ к интернету и современным устройствам влияет на возможность вовлеченности, создавая цифровое неравенство между пользователями из разных регионов и социальных групп.

Конфликтность также является характерной чертой интернет-субкультур. Борьба за «аутентичность» – то, кого можно считать «настоящим» участником сообщества, – часто приводит к внутренним расколам и появлению различных подгрупп. Например, в игровых сообществах регулярно возникают споры между «хардкорными» и «казуальными» игроками относительно допустимого уровня сложности, ценностей и «правильного» поведения в игровых мирах. В фанатских объединениях также нередко разворачиваются дискуссии о допустимых темах творчества, границах интерпретации оригинального произведения или критериях принадлежности к фэндому. Исследование таких процессов требует специализированных методологических подходов: сетевого наблюдения и контент-анализа, позволяющих фиксировать повседневные цифровые практики, динамику конфликтов и механизмы формирования идентичности [4, с. 224].

Платформенные политики оказывают значительное влияние на развитие субкультурной активности. Алгоритмы рекомендаций, правила модерации, ограничение определенных типов контента и коммерческие интересы платформ формируют рамки видимости и регулируют формы самовыражения пользователей. Например, рекомендации видеохостингов и социальных сетей могут продвигать одни типы материалов и подавлять другие, что влияет на стилистику контента и его распространение. Автоматические системы фильтрации нередко вызывают споры внутри сообществ, поскольку их решения воспринимаются как вмешательство в субкультурную автономию. Таким образом, цифровые субкультуры неизбежно функционируют в рамках платформенного контроля, который определяет доступность контента и структуру коммуникаций.

Современные интернет-субкультуры все чаще существуют в гибридном формате, соединяя онлайн- и офлайн-практики. Тематические фестивали, творческие встречи, любительские мероприятия, косплей-активности и коллективные проекты становятся продолжением цифровых взаимодействий в физическом пространстве. Флешмобы, зародившиеся в сети, могут переходить в городскую среду в виде перформансов, акций или совместных мероприятий. Стриминговые марафоны, игровые турниры и другие формы коллективного участия часто включают офлайн-события: встречи участников, презентации или благотворительные инициативы. В результате цифровая идентичность перестает быть исключительно виртуальной и проявляется в реальных социальных практиках, что размывает границу между онлайн-и офлайн-миром [8, с. 10].

В заключение можно отметить, что интернет радикально изменил процессы формирования и функционирования субкультур. Он обеспечивает глобальность, гибкость и креативность сообществ, одновременно создавая новые формы контроля, коммерциализации и цифрового неравенства. Субкультуры в сети отражают современные тенденции децентрализации, самоорганизации и гибридизации культурных практик, формируя уникальные модели идентичности в цифровом обществе.

Список литературы

1. Александрова, Н. А., Чертовских, И. Ю. Особенности функционирования молодежных субкультур в России. // СМИ и массовые коммуникации. // НАУ– 2016. – №9. – С. 80–84.

2. Берестовой, А. Н. Уголовно-правовое противодействие общественно опасным проявлениям субкультуры в сети «Интернет» // Российский девиантологический журнал. – 2025. – №1. – С. 147–166.
3. Зырянов, Д. А. Социальные медиа как инструмент распространения субкультур: сборник трудов конференции. // Новое слово в науке: стратегии развития. // Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2022. – С. 159–160.
4. Карабанов, А. А. Феномен «субкультуры» в работах зарубежных и отечественных исследователей. // Общество: философия, история, культура. – 2022. – С. 223–228
5. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Том 1: Взлет сетевого общества. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
6. Кочелаева, И. С. Лексикон молодежной субкультуры в интернет-СМИ для геймеров. // Вестник САФУ. – 2025. – С. 59–66.
7. Левикова С. И. Молодежные субкультуры и объединения / С. И. Левикова. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Levikova_Molodezhnie.pdf (дата обращения: 25.11.2025).
8. Пасынкова, С. Д. Молодежные субкультуры в современной России // Вестник науки. – 2022. – том 1. – №4. – С. 7–16.
9. Хебдидж, Д. Субкультура: значение стиля / пер. с англ. – М.: Ультра.Культура, 2004. – 192 с.
10. Холл, С., Джефферсон Т. (ред.) Соппротивление через ритуалы: молодежные субкультуры послевоенной Британии / пер. с англ. – М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018. – 464 с.

Vorotenkina Sophia Evgenievna

Student of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: sofi.vorotenkina@yandex.ru

Efimova Svetlana Alexandrovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: efimova-svetlana@inbox.ru

THE INTERNET AS A SPACE FOR THE FORMATION OF SUBCULTURES

Abstract. This article analyzes Internet subcultures as a unique phenomenon of modern information society. In the context of digitalization, the Internet has become an important space for self-organization, self-expression, and cultural interaction, especially significant for young audiences. The article examines the key characteristics of online subcultures: decentralization, flexible boundaries, mosaic identity, and the possibility of simultaneous participation in several communities. Particular attention is paid to the role of digital platforms as spaces for communication and the formation of collective practices, as well as symbolic codes—linguistic, visual, and audiovisual—that ensure recognition within groups.

Keywords: Internet subcultures, digital identity, online communities, digital platforms, symbolic communication, digital inequality

Галиулин Алан Равилевич

*студент направления “Правовое обеспечение
национальной безопасности”*

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа

E-mail: jorik@list.ru

Юсупов Рахимьян Галимьянович

*доктор исторических наук, профессор кафедры
теории государства и права*

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа

E-mail: yusupovr.g@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье представлены различные подходы к определению статуса политики, в частности, государственной молодежной политики. Даны содержательные характеристики данного понятия в различные исторические периоды. Автор выделяет особенности трактовки понятия государственная молодежная политика, обусловленные ролью и местом молодежи на разных этапах развития государства.

Ключевые слова: молодежь, политика, правовой статус, молодежная политика, государственная молодежная политика

Введение. Есть мнение, что расширение горизонтов политического сознания пришлось на период первых европейских революций, эпоху Просвещения, когда возникла частная собственность, а общество обратилось к проблеме индивидуального взаимодействия индивидов, преследующих свои интересы. Постепенно произошел отход от позиции отождествления государства и политики. К концу XIX – началу XX вв. сформировалось представление о политике как об особой сфере деятельности общества. Общество продемонстрировало потребность в согласовании интересов различных групп, и за ним было признано первенство над государством. Государство же стало рассматриваться в административном ключе. Произошло смысловое разграничение политической и административной сфер. Ситуация привела к появлению политических институтов, с помощью которых индивидуальные стремления людей стали переводиться в политическую волю общества. Политика, соответственно, стала служить удовлетворению не только личных, но и общезначимых интересов [7]. Однако здесь приведена только малая часть определений политики. Отметим, что большинство из них, в целом не вызывая реакцию несогласия, трактуют предмет исследования узко. Полагаем, не может быть исчерпывающим исключительно правовой или, например, экономический подход к характеристике такого сложного явления, каким является политика. Обратим внимание на еще один момент. Среди ученых распространено мнение, что политика напрямую связана с государством. Вот пример соответствующего определения: политика есть «участие в делах государства, определение форм, задач, содержания и деятельности государства» [3]. Но тогда логично утверждать, что политика может быть только государственной, что не соответствует действительности.

Согласимся с другим мнением: ключевое понятие в политике – власть. Власть возникла задолго до появления государственности [6]. Она пронизывает все структуры общества. Разрушение власти грозит обществу хаосом. Вместе с тем власть – это не только государство. Соответственно, государство – центральный, но не единственный институт политической системы. «Политическая власть, – пишет Н.А. Баранов, – подразделяется на государственную и общественную. Носителями общественной власти являются партии, общественные движения, СМИ» [2].

Результаты исследований, их обсуждение. Остановимся на позиции, согласно которой политика – это социальное явление, регулирующее посредством институтов государственной и общественной власти межгрупповые отношения в целях реализации общественно значимых интересов и потребностей.

На этапе становления российской молодежной политики сформировались различные подходы к ее определению.

Наименее амбициозные мнения на этот счет высказывались в 1990-е годы. Например, А.В. Шаронов, будучи в 1992–1996 гг. председателем Комитета РФ по делам молодежи, утверждал, что молодежная политика должна быть нацелена на удержание и поддержание определенного социального (правового, политического, экономического, этнического) статуса молодежи, которая оказалась «в трудном, ущемленном положении по сравнению с другими группами населения и при этом только собственными силами не в состоянии свое положение улучшить» [9]

С течением времени стали меняться акценты. Вообще же подходов к определению молодежной политики несколько. Еще два из них выявил в литературе С.О. Елишев. В его публикации отмечается, что молодежная политика может рассматриваться как:

– отношение общества, различных его групп, слоев, социальных институтов к молодежи как к социальной группе, а также самой молодежи к другим социальным группам, социальным институтам, ценностям общества;

– особое направление деятельности государства, политических партий, общественных объединений и других субъектов общественных отношений, имеющее целью определенным образом воздействовать на социализацию и социальное развитие молодежи, а через это на будущее состояние общества.

Первое определение, на наш взгляд, не вписывается в концепцию политики, поскольку понятия «отношения» и «политика» не идентичны. Возникновение политики связывают не только с отношениями, но также с управлением ими и интересами социальных групп. Второе определение актуально, С.О. Елишев резонно дополняет данное определение: «Молодежную политику условно можно и следует разделить на две составляющие: общественную молодежную политику и государственную молодежную политику» [5].

Особое внимание общественному направлению молодежной политики уделил И.М. Ильинский. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что Ильинский занимался прежде всего обоснованием основ государственной молодежной политики (ГМП). Одновременно ученый разрабатывал концепцию общественной молодежной политики. Она, как утверждают Е.В. Добренькова и С.О. Елишев, в тот момент представлялась Ильинскому своего рода альтернативой слабому молодежному курсу ельцинского режима [5]. Сам И. М. Ильинский о «слабом молодежном курсе ельцинского режима» высказывается еще более жестко. Выше об этом речь уже шла. Здесь отметим, что он не скрывает возмущения, вспоминая, как из закона РФ «Об образовании», принятого в 1992 г., изъяли понятие «воспитание». Фактически тогда молодежи грозило падение и без того низкого духовно-нравственного развития [6]. В сложившихся условиях Ильинский охарактеризовал общественную молодежную политику как систему практических действий общественных структур, направленную на претворение в жизнь идей, касающихся молодежи, «в целях достижения общественных перспектив, одобряемых большинством народа» [6]. Идеи Ильинского об общественном формате молодежной политики по-прежнему находятся в поле зрения ученых. В частности, Е. В. Добренькова и С. О. Елишев полагают, что общественную молодежную политику целесообразно рассматривать как дополнение к приоритетной государственной молодежной политике [5], тем более что в 2000-е годы государство показало готовность принять на себя заботу о молодежи по целому ряду направлений.

Основы определений, стало быть, отличаются (в основу ложатся принципы госуправления, нормотворчества, социальной защиты и пр.), и в связи с этим некоторые исследователи заявляют, что в данном вопросе единство вообще отсутствует. Указывается, в частности, что государственная молодежная политика трактуется и как комплекс мер, программ или задач, и как деятельность, и как система приоритетных направлений, и как правовая регламентация и пр. [1]. В целом соглашаясь с этой позицией, отметим, что по ряду базовых параметров сходство прослеживается: государственная молодежная политика является составной частью внутренней политики РФ; государственная молодежная политика – это стратегическая политика государства; в качестве субъекта государственной молодежной политики выступает государство.

Выводы. В «Основах государственной молодежной политики РФ» государственная молодежная политика определена шире, как «направление

деятельности РФ, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного межведомственного взаимодействия, направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене» [11].

Подчеркнем, что государственная молодежная политика – явление многоэтапное. На разных этапах акценты менялись в зависимости от текущих задач. Например, в 1990-е годы, по словам В. В. Касьянова, «молодежи отводилась пассивная роль ожидания благ от общества и государства» [7]. В определениях этого периода внимание сконцентрировано на социальной защите молодежи. Позднее мы видим иные акценты в молодежной политике – взят курс не на опеку, а на расширение возможностей молодежи. В связи с последним комментарием, полагаем, целесообразно изучить этапы становления и развития государственной молодежной политики. По мнению А. В. Кочеткова и О.В. Кузьминой, весь период существования государственной молодежной политики постсоветской России можно условно разделить на пять этапов.

Таким образом, государственная молодежная политика в РФ – это не только многоаспектное, но и динамично развивающееся явление. В связи с этим сложно найти исчерпывающее определение или сформулировать его самостоятельно. Одно определение не может охватить весь круг задач государственной молодежной политики. Кроме того, невозможно игнорировать тот факт, что на различных этапах перед государственной молодежной политикой стояли разные задачи, требовалось принятие разных решений.

Список литературы

1. Воронцов, Д. Ф. Понятие, признаки и виды государственной политики (конституционно-правовой аспект) // Конституционные чтения. – 2011. – № 5. – С. 26.
2. Баранов, Н. А. Политология: учеб. пособие / под ред. Н. А. Баранова. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т., 2014. – С. 11–12.

3. Дейшле, В. А., Лобжанидзе, А. А. Указ. соч. С. 52. 4 Копытина О. И. Государственная молодежная политика в Российской Федерации: учеб.-метод. пособие. Курган: Курганск. гос. ун-т, 2011. – С. 5.
4. Дейшле, В. А., Лобжанидзе, А. А. Политология: терминологический словарь. М.: МАДИ, 2012. – С. 51.
5. Елишев, С. О. Молодежная политика в процессе формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи // Пространство и время. – 2012. – № 1 (7). – С. 113.
6. Ильинский, И. М. Образование, молодежь, человек (статьи, интервью, выступления). М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2006. – С. 290.
7. Касьянов, В. В. Молодежь России XXI века: особенности и проблемы самореализации. М.-Краснодар: Периодика, 2014. – С. 113.
8. Копытина, О. И. Государственная молодежная политика в Российской Федерации: учеб.-метод. пособие. Курган: Курганск. гос. ун-т, 2011. – С. 5.
9. Сулакшин, С. С. Современная государственная политика и управление: курс лекций. М.: Директ-Медиа, 2013. – С. 18–19.
10. Ховрин, А. Ю. Студенческие отряды как субъект реализации государственной молодежной политики: социолого–управленческий анализ: дис... канд. социол. наук. М., 2003. – С. 40.
11. Шмитт, К. Политика // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 3. – С. 93–94.

Galiulin Alan Ravilevich

Student of the department “Legal support of national security”

Ufa University of Science and Technology, Ufa

E-mail: jorik@list.ru

Yusupov Rahimyan Galimyanovich

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department

of Theory of State and Law

Ufa University of Science and Technology, Ufa

E-mail: yusupovr.g@yandex.ru

SOME FUNDAMENTALS OF THE LEGAL STATUS OF THE STATE YOUTH POLICY

Annotation. The article presents various approaches to determining the status of politics, in particular, the state youth policy. The substantial characteristics of this concept in various historical periods are given. The author highlights the peculiarities of the interpretation of the concept of state youth policy, due to the role and place of youth at different stages of the development of the state.

Keywords: youth, politics, legal status, youth policy, state youth policy

Гутова Анастасия Алексеевна

ассистент кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: nastya.gutova@yandex.ru

ЭФФЕКТ АЛГОРИТМА В ЦИФРОВЫХ СЕТЯХ: КАК ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМЫ ФОРМИРУЮТ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНТОВ

Аннотация. В статье анализируется влияние алгоритмов цифровых социальных сетей на экономическое поведение студентов. Рассматривается понятие «эффекта алгоритма» как социальной и экономической категории, описывающей алгоритмическое управление вниманием и его последствия для потребительских решений молодежи. На основе анализа теоретических концепций медиасоциологии, социологии потребления и современных эмпирических исследований определяется роль цифровых платформ в процессе экономической социализации студентов. Статья обсуждает возможности и риски, которые создают алгоритмы для формирования экономических привычек и финансовых стратегий, и предлагает направления для дальнейших исследований в цифровой социологии.

Ключевые слова: цифровые социальные сети, алгоритмы, экономическое поведение, студенты, потребление, экономическая социализация

Введение

Цифровые социальные сети давно перестали быть простыми каналами для общения и развлечения – они стали средой, где формируются социальные нормы, предпочтения и экономическое поведение. Алгоритмические механизмы платформ (Telegram, TikTok, VK) персонализируют контент, адаптируя его под поведение пользователя, что оказывает влияние на представления о товарах, услугах и способах их потребления [11, 7, 1, 5]. Современные исследования показывают, что персонализация данных платформ увеличивает влияние маркетинговых стратегий и алгоритмически спровоцированных рекомендаций на потребительские решения [11, 7]. Однако для социологии остаются недостаточно изученными эффекты подобных алгоритмов именно в отношении экономического поведения студентов – социально-демографической группы с высокой вовлеченностью в цифровое пространство и ограниченными финансовыми ресурсами.

Теоретическое обоснование: алгоритмы как механизм влияния

Алгоритмы социальных платформ – это автоматизированные системы, оценивающие пользовательские данные и формирующие индивидуальные контенты и рекомендации, нацеленные на максимизацию вовлеченности и удержания внимания [11, 7]. В экономическом контексте это означает, что пользователи все чаще сталкиваются с коммерческими предложениями, индивидуально адаптированными под их поведение. С точки зрения медиасоциологии и социологии потребления такие алгоритмические процессы можно рассматривать как часть эффекта медиа, когда сообщение (в том числе рекламное) способно формировать установки и модели поведения у аудитории [1, 5]. Важно отметить, что алгоритмы сами по себе не являются нейтральным инструментом – они отражают ценности и цели платформ, в первую очередь коммерческие [11, 7].

Алгоритмы создают цифровые «фильтрующие пузыри», внутри которых пользователи видят контент, подобранный на основе их предыдущих предпочтений и взаимодействий с платформой. Эти системы усиливают экспозицию определенных маркетинговых сообщений, повышая вероятность влияния на потребительские решения [11, 7, 9]. Классические социологические теории потребления подчеркивают, что в современном обществе потребление – это не только экономическая, но и социальная практика, отражающая культурные нормы и идентичность [1]. В цифровой среде алгоритмы усиливают этот феномен, поскольку потребление становится интегрированной частью социального взаимодействия [5, 4].

Цифровые социальные сети как пространство экономической социализации

Экономическая социализация – это процесс усвоения индивидом экономических норм, практик и моделей поведения. В традиционном понимании этот процесс происходит через семью, школу, трудовое окружение. Цифровые социальные сети сегодня также выступают важным полем социализации, поскольку предоставляют пользователю не только информацию, но и социальные сигналы о том, что считается приемлемым или желательным с экономической точки зрения [4, 5, 3]. Алгоритмические механизмы усиливают эту динамику за счет постоянного представления пользователю персонализированных коммерческих стимулов, рекомендаций и рекламы [1, 7, 6].

За счет визуального и эмоционального воздействия такого контента, а также доверия к популярным инфлюенсерам, потребительские установки могут становиться частью повседневного опыта молодых людей. Экономическое поведение студентов включает ряд специфических характеристик:

1. Персонализированные коммерческие стимулы – алгоритмы адаптируют рекламу и предложения на основе анализа данных пользователя, что повышает вероятность покупки или участия в платных активностях [11, 7, 9].

2. Импульсивное потребление – алгоритмически подобранный контент может усиливать эмоциональные реакции, что приводит к спонтанным покупкам и подпискам, особенно у студентов поколения Z [7, 6].

3. Социальное влияние и доверие к рекомендациям – алгоритмы усиливают видимость контента инфлюенсеров, чьи рекомендации воспринимаются пользователями как более доверительные, чем традиционная реклама [7, 9].

4. Интегрированные функции покупки – современные платформы включают возможности для покупки прямо внутри социальной сети, снижая препятствия к совершению транзакций и стимулируя экономическую активность [11, 7].

Особенности поколения Z в контексте экономического поведения

Поколение Z (рожденные с середины 1990-х до начала 2010-х) отличается высокой вовлеченностью в цифровые технологии и соцсети, что напрямую влияет на их экономическое поведение [6]. Для студентов этого поколения характерны следующие особенности:

- Цифровая интеграция – студенты поколения Z воспринимают цифровую среду как естественную часть жизни, поэтому алгоритмы оказывают особенно сильное влияние [7, 6].
- Импульсивность и ориентированность на тренды – повышенная склонность к спонтанным покупкам под влиянием визуальных и эмоциональных стимулов [6].
- Социальное сравнение и доверие к инфлюенсерам – рекомендации блогеров и лидеров мнений становятся важным ориентиром при выборе товаров [7, 9].
- Ценностная ориентация – внимание на уникальность, экологичность и социальную ответственность товаров; алгоритмы усиливают эти предпочтения через персонализированные предложения [6].

Таким образом, влияние алгоритмов на студентов поколения Z проявляется не только в стимулировании потребления, но и в формировании ценностных экономических ориентиров и стратегий поведения в цифровой среде.

Время использования соцсетей и принятие экономических решений

Интенсивность использования социальных сетей напрямую связана с усилением воздействия алгоритмов на потребительские предпочтения и экономическое поведение. Согласно рядам социологических и демографических наблюдений, значительная часть населения, особенно молодые люди и студенты, проводят в социальных сетях существенную долю своего времени каждый день. Так, по данным ВЦИОМ, 72 % молодых людей в возрасте 18–24 лет проводят в социальных сетях более трех часов в день, а еще значительная часть пользователей тратит на соцсети от двух до трех часов ежедневно [2].

Длительное пребывание в цифровой среде персонализированного контента значительно увеличивает вероятность столкновения с коммерческими сообщениями, таргетированной рекламой, рекомендованными продуктами и услугами, а также вариативными предложениями, направленными на стимуляцию потребления. Регулярное и многократное повторение таких стимулов может усиливать автоматическое внимание к рекламным посланиям и снижать критическое восприятие финансовых решений [11, 7, 6].

Алгоритмические системы формируют информационные шаблоны, где стимулы к потреблению становятся повторяющимися и привычными

[11, 7, 9]. Это создает условия, в которых стимулы к покупке, подпискам и экономическим действиям воспринимаются как нормальные элементы повседневного цифрового опыта.

Кроме того, исследования показывают, что интенсивное использование соцсетей часто сопровождается другими цифровыми зависимостями, включая интернет-зависимость, выявленную у части студенческой аудитории при использовании более двух часов в день [10, 11]. Это свидетельствует о том, что активное вовлечение в цифровую среду может быть как психологически, так и поведенчески значимым фактором, влияющим на способность совершать взвешенные экономические решения.

Таким образом, время использования социальных сетей выступает не просто индикатором цифровой активности, но и важным фактором, усиливающим алгоритмическое воздействие на экономическое поведение студентов [11, 7, 6, 2, 10, 8].

Риски и возможности алгоритмической социализации

Риски:

1. Импульсивное потребление и финансовые сложности [11].
2. Снижение автономии экономических решений [7, 9].
3. Психологическое давление и зависимость [6].

Возможности:

1. Доступ к финансовой информации [11, 7].
2. Развитие предпринимательских навыков и тестирование бизнес-идей [9, 6].

Заключение

Алгоритмы цифровых социальных сетей оказывают существенное влияние на экономическое поведение студентов, структурируя информационное поле так, что коммерческие стимулы становятся неотъемлемой частью повседневного цифрового опыта. Понятие «эффект алгоритма» описывает эти процессы как совокупность социально-экономических последствий алгоритмического управления вниманием и персонализации контента [11, 7, 9].

Алгоритмы усиливают потребительские установки, стимулируют импульсивные покупки и влияют на финансовые решения студентов, особенно представителей поколения Z, которые характеризуются высокой цифровой интеграцией, восприимчивостью к трендам и доверием к рекомендациям

инфлюенсеров [7, 9, 6]. Эти особенности делают молодежь особенно уязвимой к алгоритмическим воздействиям, формируя привычки и модели потребления, которые могут быть как рациональными, так и импульсивными.

Вместе с тем, алгоритмическая социализация предоставляет студентам и возможности для развития финансовой грамотности, предпринимательских навыков и тестирования собственных бизнес-идей в безопасной цифровой среде [11, 7, 9, 6]. Понимание механизмов влияния алгоритмов может помочь в разработке образовательных программ, направленных на осознанное потребление, критическое восприятие маркетинговых стимулов и формирование устойчивых финансовых стратегий.

Для будущих исследований важно проводить эмпирические измерения: оценивать взаимосвязь времени и интенсивности использования социальных сетей с конкретными экономическими решениями студентов, выявлять влияние персонализированного контента на формирование ценностных ориентиров и финансовых привычек [2, 10, 8].

Таким образом, изучение эффекта алгоритмов в цифровых соцсетях представляет собой перспективное направление в цифровой социологии и социологии потребления, открывающее возможности для комплексного анализа экономического поведения молодежи и разработки практических рекомендаций по формированию цифровой и финансовой грамотности.

Список литературы

1. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. – М.: Республика, 2006.
2. ВЦИОМ. Использование социальных сетей молодежью: время, частота и привычки. – 2021. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116823>.
3. Исследования влияния алгоритмов на психологическое самочувствие и восприятие социальных сетей // Gazeta.ru. – 2024. URL: <https://www.gazeta.ru/science/news/2024/06/22/23303065.shtml>
4. Кастельс, М. Власть коммуникации. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.
5. Смелзер, Н. Социология. – М.: Феникс, 2003.
6. Aishwariya, R., Monica, S., Jovina Salome, R. Influence of Social Media on Consumer Purchasing Decisions // AIJR Abstracts. – 2025. URL: <https://aijr.org/index.php/abs/article/view/132>.
7. Jiayi Jin, Jianrui Liu, Haoting Ying. The Positive and Negative Impacts of Social Media Algorithms on Consumer Behavior and Optimization Strategies // Advances in Economics, Management and Political Sciences. – Vol. 237, 2025. – pp. 27–32. URL: <https://direct.ewa.pub/proceedings/aemps/article/view/28881>.

8. Kuss, D. J., Griffiths, M. D. Social Networking Sites and Addiction: Ten Lessons Learned // International Journal of Environmental Research and Public Health. – Vol. 12, 2015. – pp. 217–247. URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/12/3/217>.

9. S. Prabha Arockia Joans, R. Marie Sheila. The Influence of Social Media Algorithms on Consumer Buying Behaviour // Communications on Applied Non-linear Analysis. – Vol. 32, No. 3s, 2025. – pp. 88–95.

10. Smith, A., Anderson, M. Social Media Use in 2022: Trends Among Young Adults and Students // Pew Research Center. – 2022. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2022/02/17/social-media-use-in-2022/>.

11. Syamsul Alam, Susbiyantoro, Sri Endah Yuwantiningrum, I Wayan Kayun Suwastika, Eryco Muhdaliha. The Influence of Social Media Algorithms on Consumer Behavior: A Strategic Analysis for Brand Positioning // The Journal of Academic Science. – Vol. 1, No. 7, 2024. – pp. 45–52.

Gutova Anastasia Alekseevna

Assistant Professor of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: nastya.gutova@yandex.ru

THE EFFECT OF THE ALGORITHM ON DIGITAL NETWORKS: HOW ONLINE PLATFORMS SHAPE STUDENTS' ECONOMIC BEHAVIOR

Annotation. The article analyzes the influence of digital social network algorithms on the economic behavior of students. The concept of the "algorithm effect" is considered as a social and economic category describing algorithmic attention management and its consequences for consumer decisions of young people. Based on the analysis of theoretical concepts of media sociology, consumer sociology and modern empirical research, the role of digital platforms in the process of economic socialization of students is determined. The article discusses the opportunities and risks that algorithms create for the formation of economic habits and financial strategies, and suggests directions for further research in digital sociology.

Keywords: digital social networks, algorithms, economic behavior, students, consumption, economic socialization

Егорычева Мария Анатольевна
студентка кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: mariaegorycheva06@gmail.com

Аргунова Вера Николаевна
доктор социологических наук, доктор кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: v_argunova@mail.ru

ПРОБЛЕМА ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ В МАЛОМ ГОРОДЕ

Аннотация. В статье рассматривается комплекс социально-экономических проблем, определяющих ситуацию на рынке труда малых городов России. На основе анализа текущих исследований и статистических данных выявляются ключевые вызовы: депопуляция, кризис моногородов, низкое качество рабочих мест и кадровый дисбаланс. В заключении предлагаются возможные векторы решения для устойчивого развития малых городских поселений.

Ключевые слова: малый город, занятость население, рынок труда, безработица, проблемы занятости, трудовые ресурсы

Малые города являются неотъемлемой частью социально-экономического ландшафта России, концентрируя значительную часть промышленного потенциала и городского населения. Однако в условиях перехода к рыночной экономике и глобализационных процессов именно они оказались наиболее уязвимы. Проблема занятости в малых городах выходит за рамки простого дисбаланса спроса и предложения на рабочую силу, превращаясь в сложный узел из демографических, экономических и социальных противоречий. Ограниченность локального рынка труда, зависимость от состояния градообразующих предприятий и массовый отток молодежи создают замкнутый круг стагнации, разорвать который требует комплексного подхода и точечных решений [6].

Одной из самых острых проблем является устойчивая тенденция к депопуляции малых городов. За период между переписями населения 2010 и 2021 годов они потеряли более 6,5% своего населения, или свыше 1 милли-

она жителей [4] [6]. Этот процесс не только сокращает численность экономически активного населения, но и приводит к его качественному ухудшению.

Основной движущей силой выступает миграционный отток, особенно заметный среди молодежи. Исследования показывают, что молодые люди, заканчивая школу, часто сталкиваются с дилеммой: остаться в родном городе или искать возможности в крупных агломерациях. Ограниченность выбора профессий, низкие зарплаты и «неинтересная социальная жизнь» заставляют наиболее амбициозных и образованных жителей покидать малые города. В международных исследованиях этот феномен известен как «rural brain drain» – «утечка умов», когда регион покидают самые перспективные кадры, что усугубляет и без того сложное экономическое положение [5]. В результате малые города не только пустеют, но и теряют основной потенциал для собственного возрождения.

Экономика малых городов России часто характеризуется узкой специализацией. Около 25% таких населенных пунктов – это промышленные центры, транспортные узлы и моногорода, чье благополучие напрямую зависит от состояния одного или нескольких градообразующих предприятий [6].

Истории городов вроде Пикалево (Ленинградская область) или Камышина (Волгоградская область), где текстильный комбинат переживал системный кризис, наглядно демонстрируют риски такой модели [7]. Остановка производства или резкое сокращение объемов приводят к катастрофическим последствиям для всего местного рынка труда. Предприятия вынуждены переходить на неполный рабочий день (например, 2–4 дня в неделю) или объявлять массовые сокращения, что порождает скрытую безработицу [7]. Работники формально остаются занятыми, но их доходы резко падают, а профессиональные навыки деградируют из-за вынужденного простоя.

Как показывают исследования, в 1990-е годы уровень безработицы в некоторых малых городах Республики Башкортостан, таких как Агидель, достигал 26,2%, что в 2–6 раз превышало среднереспубликанский показатель [1]. Хотя сегодня официальный уровень безработицы в России рекордно низок (2,1%), это не отражает реальной ситуации, так как многие жители малых городов выживают за счет нестабильных подработок или работы без официального оформления [2].

Проблема малых городов — не только в количестве рабочих мест, но и в их качестве. Заработные платы здесь, как правило, существенно ниже, чем в региональных центрах или столицах. Рынок труда часто представлен сферами с минимальными требованиями к квалификации: курьерские услуги, работа водителем такси, продавцом, разнорабочим или охранником [3]. Это создает ситуацию, когда найти работу вообще несложно, но найти *хорошую работу*, соответствующую квалификации и обеспечивающую достойный уровень жизни, крайне проблематично.

В этих условиях одним из адаптационных ресурсов для жителей становится внутренняя трудовая мобильность. Согласно опросу ВЦИОМ, 61% россиян допускают для себя возможность временной работы или подработки в другом регионе. Каждый третий россиянин в возрасте 18–59 лет имел такой опыт за последние 10 лет. Примечательно, что значительная часть такой работы (51–56%) осуществляется без официальной регистрации, что повышает риски занятости и лишает работников социальных гарантий. Таким образом, малый город часто выступает лишь как «база» для трудовых мигрантов, что не способствует развитию его собственной экономики [3].

Парадокс современной ситуации заключается в том, что, несмотря на общую напряженность на рынке труда, многие работодатели в малых городах сталкиваются с *кадровым дефицитом*. Исследования, проведенные в США, показывают, что фирмы в малых городах и сельской местности испытывают бóльшие трудности в поиске работников с нужными навыками, чем их коллеги в крупных городских центрах [5].

Эта проблема актуальна и для России. Зачастую под «кадровым дефицитом» понимается не абсолютная нехватка людей, а *нехватка конкретных компетенций и навыков* [2]. Местные образовательные учреждения не всегда успевают адаптировать программы под быстро меняющиеся требования реального сектора экономики. Взрослое население, особенно старше 45 лет, зачастую не имеет доступа к программам переподготовки и повышения квалификации, оказываясь заложником одной профессии на всю жизнь. В результате работодатель не может найти нужного специалиста, а соискатель с устаревшими навыками не может найти подходящую работу, что ведет к структурной безработице.

Пути решения и перспективы развития

Преодоление кризиса занятости в малых городах требует отказа от шаблонных решений и перехода к точечной, адресной политике.

1. **Диверсификация экономики и поиск специализации.** Каждому малому городу критически важно найти свою уникальную нишу. Это может быть развитие туризма (как в Плесе или Старице), поддержка ремесленничества, размещение предприятий, ориентированных на дистанционную занятость, или логистических хабов (пунктов выдачи заказов) [6]. Государственная поддержка должна быть направлена на стимулирование именно малого и среднего бизнеса, который обладает высокой трудоемкостью [7].

2. **Развитие человеческого капитала.** Необходимы программы опережающего обучения и переквалификации, ориентированные на нужды местной экономики. Важно развивать системы стажировок для выпускников вузов и ссузов, чтобы они могли получить первый опыт, не уезжая из города [7].

3. **Укрепление социального капитала и развитие комфортной среды.** Малые города обладают особым социальным капиталом — высоким уровнем доверия и персонализацией связей. Поддержка местных сообществ, инициативного бюджетирования, создание современных общественных пространств и организация культурных событий повышают привлекательность города для жизни и могут стать фактором, удерживающим молодежь и привлекающим новых жителей, в том числе «издалека».

4. **Повышение финансовой самостоятельности.** Смены межбюджетной системы, позволяющей малым городам оставлять у себя большую часть собираемых налогов, даст им ресурсы для самостоятельного развития инфраструктуры и решения социальных проблем [4].

Проблемы труда и занятости в малом городе – это системный кризис, коренящийся в экономической отсталости, демографическом дисбалансе и недостатке инвестиций в человеческий капитал. Упрощенный взгляд, сводящий все к низкой мобильности населения, не отражает всей сложности картины. Жители малых городов демонстрируют готовность к трудовой мобильности, но зачастую в формах, повышающих их уязвимость.

Выход из кризиса возможен только через совместные усилия государства, бизнеса и самих местных сообществ. Ключом к успеху является отказ от поиска универсального рецепта и переход к точечной поддержке уникального потенциала каждого малого города. Только так можно создать устойчивую экономическую базу, обеспечить достойные рабочие места и остановить побег населения, сохранив малые города как живой и неотъемлемый организм страны.

Список литературы

1. Аралбаев, И. М. Теоретический анализ особенностей рынка труда малых городов : Дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 : Уфа, 2000 165 с. РГБ ОД, 61:01-8/1557-6.
2. В России 2,1% официально безработных – так мало не было никогда. Однако число резюме на сайтах поиска работы растет! Как так? | Sobaka.ru. сайт. – URL: <https://www.sobaka.ru/city/society/206647> (дата обращения: 29.11.2025).
3. ВЦИОМ. Новости: Работа без границ. сайт. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-bez-granic> (дата обращения: 29.11.2025).
4. Названы главные проблемы малых городов России: Городская среда: Экономика: Lenta.ru. сайт. – URL: <https://lenta.ru/news/2025/10/13/nazvany-glavnye-problemy-malyh-gorodov-rossii/> (дата обращения: 29.11.2025).
5. Никколаи Эшли, Р., Сара Дамаск, Джейсон Парк Мы не сможем найти здесь работу: как взросление в сельской Америке влияет на выбор профессии RSF: Журнал социальных наук Фонда Рассела Сейджа Май 2022, 8 (4) 87–104. DOI:10.7758/RSF.2022.8.4.04.
6. Остановить побег: есть ли будущее у малых городов в России – Недвижимость РИА Новости, 13.10.2025. сайт. – URL: <https://realty.ria.ru/20251013/goroda-2047263430.html> (дата обращения: 29.11.2025).
7. Скосырева, Н. П. Исследование аспектов занятости в малых городах // Современные проблемы науки и образования. – 2009. – № 5. сайт. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=1260> (дата обращения: 26.11.2025).

Egorycheva Maria Anatolyevna

Student of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: mariaegorycheva06@gmail.com

Argunova Vera Nikolaevna

Doctor of Sociological Sciences, Doctor of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: v_argunova@mail.ru

THE PROBLEM OF LABOR AND EMPLOYMENT IN A SMALL TOWN

Abstract. The article examines a set of socio-economic problems that determine the situation on the labor market of small towns in Russia. Based on the analysis of current research and statistical data, key challenges are identified: depopulation, the crisis of single-industry towns, poor job quality and personnel imbalance. In conclusion, possible solution vectors for the sustainable development of small urban settlements are proposed.

Keywords: small town, employment, population, labor market, unemployment, employment problems, labor resources

Зякин Никита Юрьевич

студент кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: zyakin.nikita@yandex.ru

Ефимова Светлана Александровна

кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: efimova-svetlana@inbox.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу общественного мнения о процессе цифровизации государственного управления в современной России. Рассматриваются ключевые направления цифровой трансформации публичной власти, уровень информированности населения о цифровых сервисах, степень доверия к новым технологиям и факторы формирования амбивалентного отношения граждан к цифровым реформам. Особое внимание уделяется восприятию систем искусственного интеллекта, вопросам безопасности данных и сравнению российской модели цифровизации с международными практиками. В работе используются данные Росстата и ВЦИОМ, результаты исследований о цифровом доверии и аналитика, отражающая динамику использования государственных цифровых услуг. На основе ана-

лиза выявляются особенности общественного восприятия цифровых преобразований и их значение для устойчивости модели «государства-платформы».

Ключевые слова: цифровизация государственного управления, общественное мнение, цифровые государственные услуги, цифровое доверие, искусственный интеллект, безопасность данных, государство-платформа

Сегодня цифровые технологии становятся важным элементом работы государственных структур и повседневной жизни граждан. Процессы цифровизации охватывают все сферы деятельности органов власти, изменяют способы предоставления услуг и взаимодействия между государством и обществом. Современные технологии постепенно меняют работу государственных органов. Государство старается быть более открытым, работать быстрее и удобнее для людей. Этот переход отражает глобальные тенденции развития электронного правительства. Цифровые инструменты становятся основой модернизации публичного сектора. Для оценки масштабов происходящих изменений необходимо анализировать не только институциональные и технологические аспекты цифровой трансформации, но и то, как эти реформы воспринимаются обществом. Понимание общественного мнения становится критически важным, поскольку оно определяет уровень доверия граждан к цифровым сервисам, их готовность использовать новые формы взаимодействия с государственными структурами.

Актуальность темы заключается в том, что цифровое развитие превратилось в долгосрочный социальный процесс, изменяющий взаимодействие граждан с публичной властью. Электронные услуги охватывают большинство повседневных задач, формируют новые модели поведения и ожидания от работы государства, а также делают общественную реакцию ключевым фактором успеха реформ. Внедрение цифровых инструментов показывает, что технологии влияют не только на административные процессы, но и на уровень доверия, восприятие справедливости и безопасность данных, а также на готовность населения к новым формам коммуникации с властью. В связи с этим общественное мнение является ключом к объективному анализу возможных барьеров, страхов, положительных ожиданий и опыта использования платформ, которые невозможно выявить только через анализ документов или технических показателей. В условиях расширения применения искусственного интеллекта, биометрии и интегрированных информационных систем важно понимать, как население оценивает эти процессы.

Это напрямую влияет на качество решений в цифровой политике и на уровень доверия к государственным институтам.

Цель статьи – проанализировать общественное мнение о цифровизации государственного управления и определить, как граждане воспринимают цифровые сервисы, реформы и изменения в системе госуслуг. Ее реализация потребовала решения следующих исследовательских задач:

- 1) охарактеризовать официальную позицию государства и институциональный дискурс вокруг цифровизации управления;
- 2) определить уровень информированности населения о цифровых сервисах и их ключевых характеристиках;
- 3) выявить преобладающие ожидания, страхи, оценки и запросы граждан;
- 4) сопоставить российскую ситуацию с международными практиками внедрения цифрового государственного управления.

Научный интерес к цифровизации государственного управления заметно усилился с начала 2010-х годов, когда государственные сервисы стали переходить на платформенную модель, а цифровые каналы взаимодействия вошли в повседневную практику граждан. В российской литературе обсуждение цифровой трансформации связано не только с повышением эффективности управления, но и с тем, как население воспринимает рост автоматизации, расширение объемов собираемых данных и внедрение новых форм идентификации. Исследователи отмечают сочетание положительных ожиданий от ускорения и упрощения государственных услуг с выраженной тревогой по поводу приватности, алгоритмической непрозрачности и возможного усиления контроля. В теоретическую основу анализа вошли современные принципы развития цифровизации, платформы публичного сектора, представления о цифровом доверии и датацентричном управлении, а также правовые основы, позволяющие развиваться цифровому сектору в РФ в рамках закона. Это позволяет рассматривать цифровизацию не только как технологический процесс, но и как социальное явление, определяющее новые формы взаимодействия государства и общества.

Эмпирическую базу статьи составляют данные следующих исследований:

1. Исследование Росстата "Использование государственных и муниципальных услуг в электронной форме" (2024). Период проведения: 2024 год (постоянный мониторинг, данные актуальны на конец 2024 года). Генеральная совокупность: население Российской Федерации в возрасте 15 лет

и старше. Выборочная совокупность: репрезентативная выборка около 20 000 домохозяйств. Метод сбора данных: интервью по месту жительства, онлайн-анкетирование. Объект исследования: масштабы и характер использования государственных и муниципальных услуг в электронной форме, включая анализ по видам услуг, возрастным группам, уровню образования, типам поселений и по регионам. Исследование показывает, что 86,7% населения получает государственные услуги онлайн, из них 55% исключительно в электронной форме, 31,6% комбинируют онлайн и офлайн, а 13% полностью остаются на традиционных способах получения услуг. Более 77% используют порталы для получения информации, 54% для оплаты обязательных платежей, 47,1% – для получения результатов, 40,3% – для отправки или получения документов. Примерно 30,9% сталкиваются с трудностями, связанными с техническими сбоями, непониманием инструкций, отказами системы и проблемами с верификацией личности. Среди причин отказа от онлайн-сервисов доминируют привычка к личному визиту (40,2%), отсутствие потребности в онлайн-сервисах (36%), низкие навыки (17,5%) и необходимость обращаться за помощью к другим людям (10,8%). Также фиксируются значительные различия по возрастным группам, уровню образования и типу населенного пункта [2].

2. Опрос ВЦИОМ май 2024 года "Оценка использования и удовлетворенности цифровыми государственными услугами". Период проведения: Май 2024 года. Генеральная совокупность: Граждане РФ в возрасте 18 лет и старше. Выборочная совокупность: 1600 респондентов. Метод сбора данных: Телефонный опрос по стратифицированной случайной выборке. Объект исследования: Распространенность использования цифровых госуслуг, оценка удобства и качества, выявление преимуществ и недостатков электронных сервисов, удовлетворенность конкретными типами услуг, использование чат-ботов и голосовых помощников. В исследовании было выявлено, что 80% граждан регулярно пользуются госуслугами, 85,4% считают, что цифровые технологии положительно влияют на качество жизни. Удовлетворенность по типам услуг: онлайн-оплата налогов – 94,7%, доступность портала – 89,7%, обмен информацией – 89,4%, надежность сервисов – 84,3%. 46% респондентов используют чат-ботов и голосовых помощников, при этом 90,7% оценивают их полезность, особенно для менее грамотных пользователей в цифровом поле [10].

3. Опрос ВЦИОМ декабрь 2024 года "Доверие к ИИ". Период проведения: Декабрь 2024 года. Генеральная совокупность: Граждане РФ в возрасте 18 лет и старше. Выборочная совокупность: 1600 респондентов. Метод сбора данных: Телефонный опрос по стратифицированной выборке случайной выборке. Объект исследования: Осведомленность о технологиях ИИ, восприятие их потенциала для повышения качества жизни и эффективности управления, опасения и скепсис, ожидания контроля над использованием ИИ. 94% россиян знают о технологиях ИИ; 37% считают их инструментом улучшения качества жизни; 34% – для повышения эффективности госуправления; 53% скептически относятся к использованию ИИ именно в госсекторе; 78% ожидают создания системы контроля, а 21% выражают недоверие из-за проблем с защитой данных [6].

4. Опрос ВЦИОМ ноябрь 2025 года "Ограничение доступа к цифровым платформам: за и против". Период проведения: Ноябрь 2025 года. Генеральная совокупность: Граждане РФ в возрасте 18 лет и старше. Выборочная совокупность: 1600 респондентов. Метод сбора данных: Телефонный опрос по стратифицированной случайной выборке. Объект исследования: Мнение граждан о регулировании доступа к иностранным цифровым платформам. 24% поддерживают ограничения доступа, 39% против, 30% занимают нейтральную позицию, что отражает неоднозначность отношения населения к мерам регулирования онлайн-среды. 34 % считают, что блокировки открыли «зеленый путь» отечественным сервисам; 16 % считают, что блокировки ограничивают права на получение информации; 28 % считают, что это никак не повлияло [11].

5. Статистика Портала Госуслуг (2024 год). Период сбора данных: 2024 год. Генеральная совокупность: Все пользователи портала и граждане РФ, получающие услуги через портал. Метод сбора: Автоматический мониторинг активности портала, отчеты системы управления контентом. Объект исследования: Масштабы проникновения портала, динамика роста пользователей, объемы обработанных обращений и услуг, структура используемых сервисов. К концу 2024 года зарегистрировано 110 млн пользователей ($\approx 70\%$ населения), что в 22 раза больше, чем в 2014 году. Около 660 млн заявлений подано через портал, 54,5% пользователей полностью завершают процедуру получения услуги онлайн без визита в офис [13].

6. Исследование Видясовой Л.А. (2024) "Использование цифровых государственных сервисов как фактор социального самочувствия". Период

проведения: 2023–2024 гг. Генеральная совокупность: Жители Санкт-Петербурга в возрасте 18 лет и старше. Выборочная совокупность: 500 респондентов. Метод сбора данных: Онлайн-опрос по квотной выборке. Объект исследования: Влияние использования цифровых сервисов на социальное самочувствие, удовлетворенность жизнью, доверие к государству и психологическое благополучие. Граждане, высоко оценивающие удобство цифровых сервисов, доверяющие онлайн-взаимодействию и считая сервисы эффективными, демонстрируют более высокие показатели жизненной удовлетворенности и политического доверия. Обратная связь при проблемах с порталом снижает социальное самочувствие и доверие к государственным институтам [3].

7. Исследование "Digital Trust in Digital Government in Russia" (2022)

Период проведения – 2021–2022 гг. Генеральная совокупность: Граждане РФ, пользователи цифровых платформ. Выборочная совокупность: 1200+ респондентов. Метод сбора данных: Онлайн-опросы, интервью, анализ взаимодействия с порталными решениями. Объект исследования: Феномен цифрового доверия, факторы формирования доверия к цифровым инициативам государства и влияние компонентов доверия на готовность использовать сервисы. Определены три ключевых компонента доверия: к институтам, к технологиям и к прозрачности алгоритмов. Недостаток стратегии формирования цифрового доверия является барьером, даже при наличии эффективных технологий [15].

8. Исследование Кайсарова А.А. и соавторов. Период проведения: 2015–2022 гг. Генеральная совокупность: Жители Санкт-Петербурга, пользователи "Наш Санкт-Петербург" и портала "Российская общественная инициатива". Выборочная совокупность: Все зарегистрированные обращения + 150 интервью с активными пользователями. Метод сбора данных: Количественный анализ данных, углубленные интервью, фокус-группы. Объект исследования: Влияние электронного участия граждан на доверие к власти, открытость управления, восприятие справедливости. В исследовании выявили, что активные пользователи электронных каналов демонстрируют повышение доверия к органам власти; если обращения рассмотрены и имеют результат, поддержка власти усиливается, при недостаточном реагировании доверие снижается [8].

Исследования показывают, что население России формирует одновременно позитивные ожидания и значительные опасения, создавая амбивалентное отношение к цифровизации. При охвате 86,7% населения и высокой

удовлетворенности базовыми сервисами (80-94% по различным параметрам) треть пользователей (30,9%) сталкивается с системными барьерами, а 40,2% предпочитают традиционные способы взаимодействия из-за устоявшихся привычек. Немало важно, что граждане принимают повседневные цифровые услуги, но все также относятся с осторожностью к расширению технологического присутствия государства, 53% критически относятся к использованию искусственного интеллекта (ИИ) в госсекторе. Мнения о регулировании цифровой среды достаточно разные (24% за, 39% против, 30% нейтральны), что говорит о разнообразии мнения. Эмпирические данные фиксируют прямую зависимость между качеством цифрового взаимодействия и уровнем институционального доверия. Эффективная система обратной связи способствует укреплению поддержки государственных органов. Но в то же время технические неполадки и непрозрачность алгоритмов могут привести к снижению легитимности цифровых инициатив, реализуемых на государственном уровне [2] [11].

Концепция электронного управления возникла в 1990-х годах. Она предполагает использование информационно-коммуникационных технологий для изменения взаимодействия государства с гражданами, бизнесом и между различными ведомствами. Цифровое государство выходит за рамки простой оцифровки процедур. Оно подразумевает кардинальное преобразование управленческих практик, организационных структур и форм общения, основанных на цифровых технологиях. В российском контексте сегодня это выражается в создании интегрированных систем государственных услуг, таких как портал Госуслуг, региональные платформы. Также внедряются цифровые каналы взаимодействия с гражданами, развиваются биометрические технологии и управление на основе больших данных.

Основной принцип современной цифровизации заключается в концепции «государство как платформа». Государство функционирует как экосистема, которая предоставляет базовые сервисы, на основе которых формируются дополнительные услуги. Такой подход предполагает объединение государственных информационных систем в единую информационную среду, создание цифрового «двойника» каждого гражданина для доступа к услугам и использование данных для индивидуализации и оптимизации сервисов. Государственные информационные системы перестают быть автономными решениями отдельных ведомств и становятся частью общей экосистемы [16].

Важное место занимает концепция цифрового суверенитета и информационной безопасности, подчеркивающая способность государства разрабатывать, внедрять и контролировать цифровые технологии без зависимости от иностранных поставщиков. Это включает разработку отечественного программного обеспечения, переход на российские облачные решения и обеспечение защиты данных, рассматриваемых как инструмент национальной безопасности.

Также выделяют концепцию датацентричного управления, когда ядром управления становятся большие объемы данных о гражданах и социально-экономических процессах. Датацентричное управление позволяет прогнозировать потребности населения, снижать затраты и повышать качество услуг, однако его успех напрямую зависит от уровня доверия граждан к государственным системам. Доверие формируется на основе уверенности в надежности технических систем, прозрачности алгоритмов и доверии к институтам власти.

Цифровое доверие является фундаментальной категорией для всестороннего анализа, охватывающей аспекты восприятия безопасности, прозрачности, понимания механизмов цифровых процессов и ощущения справедливости при оказании услуг. Формирование данного феномена предполагает системную открытость, надежность цифровых сервисов, двустороннюю коммуникацию с пользователями и справедливость алгоритмов. Отсутствие стратегии по формированию цифрового доверия может привести к тому, что процесс цифровизации будет восприниматься не как удобный сервис, а как инструмент технологического надзора.

Официальная позиция государства и институциональный дискурс формируются на основе национальных стратегий и программ, которые задают цели, направления и механизмы внедрения цифровых технологий в систему публичной власти. С начала 2010-х годов начался процесс цифровой трансформации, который был подкреплён рядом стратегических документов. Одним из таких документов стала концепция цифрового рубля, хотя и изначально она была узкоспециализированной инициативой, но стимулировала разработку более широких стратегических рамок. В 2019 году была утверждена Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации", которая определила ключевые направления развития: создание цифровой инфраструктуры, подготовку специалистов и трансформацию государственного управления с использованием цифровых технологий. Программа представляет государство не только как пользователя цифровых

технологий, но и как инициатора цифровой трансформации, готового внедрять передовые решения. В рамках этой стратегии разрабатывается план развития информационного общества, где ключевым элементом выступает электронное взаимодействие между государственными органами и гражданами. Это взаимодействие рассматривается как основа для модернизации публичного сектора. В этих документах обосновывается необходимость инвестиций в создание единой государственной информационной системы и портала государственных услуг, что должно повысить эффективность управления.

Центральным элементом официального дискурса является Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ), созданный в 2008 году. Он обеспечивает гражданам и бизнесу централизованный доступ к государственным услугам, интегрирует данные и процессы между различными органами власти, реализуя принцип «одного окна», и аккумулирует информацию о гражданах для более персонализированного управления. По официальным данным, портал охватывает около 110 млн зарегистрированных пользователей (примерно 70% населения России) и обрабатывает сотни миллионов обращений ежегодно, что представляется успехом цифровой трансформации. Вместе с тем параллельно развиваются ведомственные платформы, например: системы Федеральная налоговая служба (ФНС), Пенсионный фонд России (ПФР) и др., которые часто дублируют функции ЕПГУ или работают по собственным стандартам. Государство видит в этом необходимость для формирования экосистемы разнообразных решений, но в практическом плане это может приводить к фрагментации опыта пользователей и дополнительным трудностям в навигации по цифровым сервисам [5].

Официальная аргументация цифровизации строится на четырех ключевых позициях. Во-первых, удобство для граждан и сокращение времени на получение услуг. Портал позволяет получить услугу за несколько минут, не выходя из дома, что особенно актуально было в условиях пандемии COVID-19. Во-вторых, снижение затрат и повышение эффективности управления. Автоматизация процессов уменьшает расходы на содержание аппарата, сокращает количество сотрудников и снижает бюджетные потери, возникающие от коррупции и неэффективности. В-третьих, расширение доступности услуг и преодоление географических барьеров, включая поддержку маломобильных граждан, пожилых людей и жителей удаленных ре-

гионов. В-четвертых, повышение контроля, прозрачности и качества управления. Цифровые системы фиксируют каждое решение, обеспечивают автоматизацию, создают возможность аудита и мониторинга, а накопленные данные позволяют планировать социальные программы более адресно и эффективно.

Акцент делается также на нормативно-правовом обеспечении цифровизации: Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (2006), который заложил основу для использования ИТ и защиты персональных данных. Федеральный закон «О предоставлении государственных и муниципальных услуг» (2010), регламентировал электронные услуги и права граждан. Федеральный закон № 340-ФЗ (2023) о цифровом рубле и цифровых платформах закрепил правовой статус цифровых активов и платформ.

В последние годы растет внимание к использованию искусственного интеллекта для прогнозирования, автоматизации рутинных процессов и индивидуализации услуг. Государство рассматривает ИИ как средство улучшения взаимодействия с гражданами, что позволяет предсказывать их потребности и оптимизировать работу различных сервисов.

Определение уровня информированности населения о цифровых сервисах и их характеристиках требует опоры на реальные эмпирические данные, и в этом отношении результаты ВЦИОМ дают достаточно плотную фактуру, позволяющую оценить, насколько граждане понимают содержание цифровых инициатив государства. Исследование показывает, что представление россиян о цифровизации не ограничивается узнаваемостью отдельных сервисов: более половины опрошенных 53 % заявляют, что в целом знают или слышали о национальном проекте «Цифровая экономика», то есть осведомленность о стратегических направлениях цифровой политики закрепляется на уровне массового сознания. При этом глубина информированности возрастает при переходе к конкретным направлениям. Знакомы с переводом социально значимых госуслуг в электронный формат 88 % респондентов, подключение школ, медучреждений и органов власти к интернету называют 84 %, меры по расширению покрытия мобильной связи 79 %, поддержку ИТ-отрасли 72 %, цифровое обучение 69 %. Даже такие специализированные направления, как развитие искусственного интеллекта, фиксируются в общественном поле их отмечают 61 % опрошенных. Эти пока-

затели позволяют заключить, что цифровая повестка воспринимается населением не как набор абстрактных технологий, а как система конкретных изменений, затрагивающих разные стороны жизни [9].

Важным элементом анализа становится не только степень узнаваемости, но и способность граждан оценивать ключевые характеристики цифровых сервисов. Рост количества онлайн-услуг, по данным того же исследования, отмечают 89 % респондентов как заметный результат последних лет, а две трети 66 % считают, что государство усилило внимание к цифровой экономике. Одновременно фиксируется и субъективное ощущение собственных изменений: 75 % отмечают рост цифровой грамотности в стране, что указывает на формирование у граждан представления о своей вовлеченности в цифровые процессы. Все это свидетельствует о том, что население не просто пользуется сервисами, а осознает, в каком направлении развивается государственная цифровая инфраструктура, какие элементы в ней наиболее заметны и какие возможности она открывает [9].

Позитивные ожидания включают удобство, скорость и прозрачность. Согласно опросу ВЦИОМ (май 2024), подавляющее большинство пользователей цифровых госуслуг высоко оценивают возможность получить услугу в любое время суток, без очередей и необходимости посещать офисы. Интеграция баз данных различных ведомств позволяет минимизировать количество требуемых документов, что особенно важно для работающих граждан, лиц с ограниченной мобильностью и жителей удаленных регионов. Например, оплата налогов через портал Госуслуг вызывает удовлетворение у 94,7% граждан, что отражает эффективность онлайн-сервисов при решении сложных процедур. Кроме того, 20% респондентов ожидают от цифровизации прозрачности и борьбы с коррупцией: автоматизация процессов исключает произвольные решения чиновников, цифровые следы операций делают систему подотчетной, а структурированные механизмы обжалования повышают справедливость. [10]

Часть населения связывает цифровизацию с экономическим прогрессом. Около 11% граждан считают развитие цифровых госуслуг индикатором модернизации и конкурентоспособности страны. Молодежь 18–34 лет воспринимает цифровизацию как естественный элемент прогресса, аналогично повседневному использованию банковских приложений и социальных сетей.

Тем не менее исследования выявили опасения и страхи населения. Более 40% граждан обеспокоены безопасностью персональных данных и возможностью их утечки. Они опасаются утечек паспортных, финансовых и медицинских данных, кибератак на порталы, неправомерного использования информации органами власти или третьими лицами, а также невозможности восстановления доступа при технических сбоях. Страхи подкрепляются разными реальными примерами утечек. (Росстат, 2024) [2].

Опрос ВЦИОМ (декабрь 2024) выявил, что 21% граждан не доверяет ИИ в госуправлении из-за защиты данных, а 20% опасаются, что ИИ может привести к деградации населения и потере человеческого достоинства. Более широкое опасение связано с возможностью тотальной слежки, когда государство получает доступ к перемещениям, платежам и медицинской информации граждан, используя ее для контроля и подавления инакомыслия. 78% респондентов требуют системы контроля за ИИ.

Технические сбои также вызывают тревогу: 30,9% пользователей сталкивались с зависаниями портала, ошибками интерпретации документов, проблемами верификации личности и потерей данных, что критично в случае срочных обращений. Менее выраженным, но не менее значимым является страх зависимости от технологий и потеря навыков прямого взаимодействия, особенно это актуально у пожилых граждан, для которых полный переход на онлайн ограничивает доступ к качественным услугам.

Анализируя исследования, можно увидеть парадокс: граждане ценят удобство, но осознают «цену» в виде утраты приватности. 37% считают, что ИИ может повысить качество жизни, однако 53% скептически к его применению в государственном управлении, часто это одни и те же люди. Похожий парадокс наблюдается при внедрении цифрового рубля, когда рациональные преимущества признаются, но страх контроля и потери финансовой свободы сохраняется.

Амбивалентность усиливается из-за недостаточной информированности и распространения слухов. Уровень доверия к государству является ключевым фактором. Исследования "Digital Trust in Digital Government in Russia" (2022) показывают, что граждане с высоким доверием воспринимают цифровизацию как инструмент эффективности и справедливости, тогда как недоверчивые как средство усиления контроля [15].

Связь между доверием и готовностью использовать сервисы подтверждает исследование Видясовой (2024). Доверяющие граждане чаще пользуются цифровыми сервисами, получают удовлетворение от взаимодействия

и демонстрируют положительное влияние на социальное самочувствие. Обратная ситуация наблюдается у граждан, сталкивающихся с техническими и организационными проблемами, что ведет к снижению доверия и политическому отчуждению [3].

Международный опыт цифровизации государственного управления так же активно развивается. Во Франции цифровизация также активно развивается. Существует развитый государственный портал, множество административных сервисов переведено в онлайн, а институты активно продвигают технологические решения, направленные на повышение удобства и эффективности взаимодействия граждан с властями. Однако недавние события с участием Павла Дурова показывают, что за внешним фасадом «электронного государства» нередко скрываются серьезные риски для свободы слова, приватности и гражданских свобод. В 2025 году Дуров публично заявил, что французские спецслужбы просили заблокировать ряд каналов в его мессенджере, которые, по официальному мнению властей, представляли опасность. Он отказался удовлетворить просьбу, заявив, что многие из этих каналов не нарушали правил платформы, а были политически неудобны властям. Их «общим признаком» была лишь озвученная ими критика власти. Дуров охарактеризовал происходящее вокруг него и его мессенджера как системную угрозу свободному интернету, заявляя, что он превращается в инструмент контроля, а права пользователей на приватность и свободу выражения оказываются под давлением [7].

Французский пример показывает, что успех цифрового государства зависит не просто от охвата услуг, удобства интерфейсов и скорости администрирования. Он требует гарантий защиты прав, прозрачности алгоритмов, независимости модерации и ответственности за вмешательство в приватность пользователей. Если такие гарантии отсутствуют, цифровизация превращается в инструмент не модернизации, а контроля.

Скандинавские страны, такие как Швеция и Норвегия, демонстрируют модель, где цифровизация происходит постепенно при сохранении альтернативных каналов взаимодействия. Переход осуществляется добровольно, высокие стандарты защиты данных, независимый контроль и программы повышения цифровой грамотности создают доверительную среду. Важна инклюзивность, которая обеспечивает доступность сервисов для пожилых людей и лиц с ограничениями по здоровью, что поддерживает высокое удовлетворение граждан и добровольное принятие технологий.

В Азиатской модели, представленной Китаем, цифровизация используется для централизованного контроля. Государство интегрирует данные о гражданах и компаниях, применяет социальный кредит, массовое видеонаблюдение и распознавание лиц, при этом приватность населения минимальна. Высокое использование цифровых сервисов отражает скорее отсутствие альтернатив и культурно-политический контекст, а не добровольное доверие. Пример цифрового юаня демонстрирует параллель с инструментами финансового контроля и потенциал рисков для свободы граждан [5].

Сингапур выбирает гибридный подход, совмещая государственный контроль с высокой безопасностью и ограниченной защитой приватности, обеспечивая эффективное функционирование цифровых сервисов при частичных гарантиях безопасности данных.

Развивающиеся страны сталкиваются с проблемами инфраструктуры и цифрового неравенства. В Индии программа «Digital India» и система Aadhaar позволили идентифицировать более миллиарда человек, однако значительная часть населения остается без доступа к интернету, с низкой цифровой грамотностью и обеспокоена защитой данных.

Латинская Америка, на примере Бразилии и Мексики, демонстрирует, что слабость государственных институтов и высокая коррупция ограничивают доверие граждан, а цифровизация концентрируется в городах и крупных центрах, оставляя сельские регионы и беднейшее население вне цифрового поля [5].

Проведенный анализ показывает, что цифровизация государственного управления стала одним из наиболее динамичных и масштабных направлений развития современной России, определяющим не только способы организации госуслуг, но и фундаментальную трансформацию социальных отношений между гражданами и государственными институтами. За последнее десятилетие страна совершила значительный технологический рывок. Количество пользователей портала Госуслуг выросло с 5 млн в 2014 году до 110 млн в 2024 году, что составляет около 70% населения страны. Данные Росстата, ВЦИОМ и региональных исследований демонстрируют не просто высокую, а стремительно растущую вовлеченность населения в использование электронных сервисов: более 86% граждан получают услуги онлайн, из них более половины (55%) полностью перешли на цифровой формат взаимодействия с государством. Удовлетворенность отдельными цифровыми

процедурами достигает 90–95%, что свидетельствует об успешности технологической модернизации публичного сектора и ее соответствии запросам общества.

Сравнение с международными практиками позволяет увидеть, что уровень доверия населения и готовность использовать цифровые инструменты напрямую связаны с качеством коммуникации государства, прозрачностью алгоритмов и степенью инклюзивности перехода на цифровые модели. Российская ситуация подтверждает эту зависимость. Группы, которые хорошо информированы, чаще демонстрируют уверенность в сервисах и выражают готовность расширять взаимодействие с государством в цифровой форме. Те, кто сталкивается с неполной информированностью или техническими проблемами, нередко воспринимают цифровизацию как навязанную и рискованную.

Список литературы

1. Аудитория и статистика портала Госуслуг // TAdviser. сайт. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Аудитория_и_статистика_портала_госуслуг (дата обращения: 01.12.2025).
2. Афанасьева, О. Н., Коростышевская, Е. М. Проблемы внедрения цифровых технологий в государственное управление и формирования умного правительства // Экономика науки. – 2024. – Т. 10. – № 4. – С. 52–62.
3. Видясова, Л. А. Использование цифровых государственных сервисов как фактор социального самочувствия населения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2024. – Т. 17. – № 1. – С. 84–99.
4. ВЦИОМ: россияне отметили рост числа онлайн-сервисов в сфере госуслуг // ТАСС. – 31.01.2023. сайт. – URL: <https://tass.ru/obshchestvo/16923995> (дата обращения: 01.12.2025).
5. Гусарова, О. М., Кондрашов, В. М., Ганичева, Е. В. Цифровые трансформации современного общества: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 6. – С. 44–53.
6. Доверие к ИИ // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). сайт. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii> (дата обращения: 03.12.2025).
7. Дуров рассказал о просьбе Франции помочь с цензурой Telegram-каналов Молдавии // ТАСС. сайт. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/25187617> (дата обращения: 3.12.2025).

8. Кайсаров, А. А., Кайсарова, В. П., Васильева, Е. А. Электронное правительство и граждане: эмпирическое исследование взаимодействия на официальном портале в Санкт-Петербурге // Управленческое консультирование. – 2021. – № 12. – С. 48–69.
9. Национальные проекты – 2022: цифровая экономика // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). сайт. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-proekty-2022-cifrovaja-ehkonomika> (дата обращения: 03.12.2025).
10. Наша цифровая повседневность // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). сайт. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaja-povsednevnost> (дата обращения: 03.12.2025)
11. Ограничение доступа к цифровым платформам: за и против // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). – 10.11.2025. сайт. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ogranichenie-dostupa-k-cifrovym-platformam-za-i-protiv> (дата обращения: 01.12.2025).
12. Рыбакова, М. В., Иванова, Н. А. Цифровые технологии в современной системе государственной службы // Социология. – 2022. – № 2. – С. 271–280.
13. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пензенской области. Итоги обследования ИКТ. 2024 год. – Пенза, 2024. сайт. – URL: <https://58.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Итоги%20в%202024%20году.pdf> (дата обращения: 01.12.2025).
14. Тимашкова, Т. Е., Хальзова, А. Е., Долгополова А. Ф. Электронное правительство как удачный пример практической реализации процессов цифровизации в государственном муниципальном управлении: анализ зарубежного опыта внедрения и формирование этого опыта для РФ // Фундаментальные исследования. – 2020. – № 4. – С. 115–119.
15. Чепелюк, С. Г. Феномен «цифрового доверия» и его влияние на становление цифрового правительства в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24. – № 3. – С. 447–459.
16. Чернявская, Ю. А., Лавров, А. В. Цифровая трансформация государственного управления в современных условиях // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 12–1. – С. 156–162.

Zyakin Nikita Yurievich

Student of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: zyakin.nikita@yandex.ru

Efimova Svetlana Aleksandrovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: efimova-svetlana@inbox.ru

DIGITALIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION THROUGH THE PRISM OF PUBLIC OPINION

Abstract. The article examines public opinion on the digitalization of public administration in contemporary Russia. It focuses on key directions of state digital transformation, the population's awareness of digital public services, levels of trust toward emerging technologies, and the factors shaping the ambivalent attitudes of citizens toward digital reforms. Special attention is given to public perceptions of artificial intelligence in government systems, concerns over data security, and comparisons between the Russian digitalization model and international practices. The study relies on data from Rosstat and VCIOM, research on digital trust, and analytical materials illustrating the dynamics of citizens' engagement with digital government services. The analysis reveals specific features of public perception and their significance for the sustainability of the "platform-based state" model.

Keywords: digitalization of public administration, public opinion, digital public services, digital trust, artificial intelligence, data security, platform-based state

Киреев Максим Александрович

студент кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: maks30835375@mail.ru

Аргунова Вера Николаевна

доцент социологических наук, профессор кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: v_argunova@mail.ru

АПОФАТИЗМ КАК ЯДРО ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ САМОБЫТНОСТИ

Аннотация. В данной статье рассматривается апофатизм как ключевой элемент формирования русской культурной и мировоззренческой идентичности и его влияние, как психологической установки, на институциональное развитие, социальные практики и историческую динамику российского общества. На основе исторического анализа культурных особенностей России будет показано, что апофатика не только определяет специфику русской культуры, но и может выступать ресурсом ее развития при условии целенаправленного социально-культурного инжиниринга.

Ключевые слова: Апофатизм, русская ментальность, культурная самобытность, смысловая картина мира, историческая динамика, российское общество

Актуальность темы обусловлена тем, что в современной науке осмысление социокультурных оснований исторического пути России остается одной из наиболее обсуждаемых тем. В условиях современных геополитических событий как никогда значимым становится выбор стратегического вектора развития России. На протяжении всей истории наша страна лавировала между «Западом» и «Востоком», то модернизировалась по западному образцу, как было во времена Петра Великого, то противостояла капиталистическому миру во времена Холодной войны. Анализ апофатической традиции позволяет объяснить многие современные феномены - от особенностей политического курса до массового сознания, от экономических стратегий до культурных практик. Традиционные объяснения, например, экономическое о «азиатском способе производства», политическое о «русской семье» или

политэкономическое «власть-собственность» фокусируются на экономических или политических факторах, но оставляют без внимания глубинные ментальные структуры, определяющие воспроизводство социальных институтов.

Однако именно культура как система порождения, хранения и трансляции социального опыта выступает той средой, в которой формируются общественные интенции, определяющие историческое и институциональное развитие.

Проблема влияния религиозно-философских традиций на национальный менталитет изучалась в различных аспектах: В.Н. Лосский и С.Л. Франк исследовали апофатику как центральную парадигму восточнохристианского богословия, подчеркивая ее трансцендентность, выходящую за пределы человеческого познания [4]. И. А. Есаулов, анализируя русскую словесность с культурно-исторической точки зрения, выявил доминирование «пасхального архетипа» (с акцентом на Воскресение и уход из мира) над «рождественским» (акцент на Боговоплощение в реальном мире), что типологически отличает русскую культуру от западной. С точки зрения социологического аспекта, А.П. Давыдов, исследуя русскую литературную классику, пришел к выводу об отсутствии в ней устойчивого идеала конструктивно ответственной личности («неполитического либерализма»), что ученый связывает с глубинным расколом в российском общественном сознании.

Проблема исследования заключается в необходимости объяснения устойчивой воспроизводимости «русской матрицы», той самой динамики, которая характеризуется сменами реформ и контрреформ, «догоняющими» модернизациями, не приводящими к качественному прорыву, а застревающими на полпути в моменте реализации, между успехом и провалом.

Проанализировав исторический опыт России, нами была сформулирована гипотеза о том, что ядром этой матрицы является апофатическая установка сознания, которая сформировалась под влиянием восточнохристианской традиции и была закреплена специфическими историко-экономическими условиями, которые определяют базовые ценностные ориентации, такие как отношение к миру, труду, собственности и личности. Эти критерии имеют особенности, препятствующие формированию устойчивых институтов, основанных на личной ответственности и правовой определенности, тем самым обуславливая «эхолалический» характер развития, при котором

заимствование внешних институциональных форм не подкрепляется их смысловым наполнением.

Апофатика (от греч. *apophatikos* – отрицательный) – это богословская традиция, в которой Божественная сущность постигается не через утверждение ее атрибутов (как в Западной катафатической традиции), а через последовательное отрицание всех возможных определений. Бог мыслится не как «нечто», а как «ничто», запредельная сущность, открывающаяся за гранью рационального сознания. Эта установка, перенесенная на отношение к миру, порождает онтологический приоритет трансцендентного над имманентным (духовного над эмпирическим). Реальный мир воспринимается как «юдоль страданий» и теряет самостоятельную ценность, уступая место потустороннему идеалу – будь то «Царствие Небесное» или «светлое коммунистическое будущее» [5].

Разобравшись с терминологией объекта исследования, перейдем к конкретным историческим примерам апофатизма в русской культуре. Данная мировоззренческая парадигма находит прямое выражение в ключевых социальных практиках. Рассмотрим некоторые из них.

Обесценивание земной жизни. Реальная жизнь – это юдоль страданий, испытание, дорога в мир иной. Ценность – в потустороннем, а не в настоящем. Российское общество на протяжении всей истории шло по дороге к «Царству Божьему» или к «светлому коммунистическому будущему».

Обесценивание труда и собственности. Труд не является ценностью сам по себе, он – часть страдания. Успех и богатство – дело случая, что называется «Бог дал – Бог взял». Вспомним период раскулачивания 1920-1930-х годов, когда зажиточность сама по себе считалась преступлением или половицу «от трудов праведных не наживешь палат каменных».

Склонность к крайностям и разрушению. Поскольку этот мир не ценен, допустимы радикальные социальные эксперименты, насилие, жертвенность (вплоть до террора) ради абстрактной идеи «светлого будущего» или «справедливости». Россия всю историю выступала полигоном, на котором проводились такие «испытания». Трудно назвать страну, которая бы лишь за XX век пережила две революции, две мировые войны и глобальный идеологически-экономический кризис (распад СССР), при этом сохранив влияние и авторитет на мировой арене до сих пор. Говоря о допустимости насилия, можно вспомнить народовольцев и эсеров, оправдывающих терроризм над царской семьей и чиновничеством, ради подталкивания правительства к реформам. И, конечно же, нельзя упустить из вида радикальный героизм

и фанатичную жертвенность. Сразу же вспоминается сталинская индустриализация, пословица «один в поле – воин» или всеми знакомые строчки из песни Булата Окуджавы: «И, значит, нам нужна одна победа, одна на всех. Мы за ценой не постоим!»

Волюнтаризм. Вера в то, что цель можно достичь чистой волей, магией слова или административным нажимом, без учета ресурсов и системных ограничений. Что демонстрировала, например, компания Хрущева по посадке кукурузы «до Полярного круга», создав ситуацию, когда абстрактная идея административного аппарата начала доминировать над рациональной обоснованностью.

Ресентимент и поиск виноватых. Обида на мир, поиск внешних и внутренних врагов как способ объяснить неудачи. Русский человек очень часто списывает свои неудачи на внешние обстоятельства, руководствуясь не внутренним локусом контроля, а внешним. При опоздании на работу виноват не сам опоздавший, а погода, из-за которой образовался гололед, или водитель автобуса, медленно жавший на педаль газа. Как исторический пример вспомним политические чистки и поиск «врагов народа», которые в 1930-е годы выступали в качестве объяснения экономических неудач. Современная риторика продолжает поддерживать апофатические корни: сейчас можно часто слышать фразы о «происках коллективного Запада», которые являются универсальным объяснением внутренних и внешних ситуаций и проблем.

Эхололия (подражательство). Поверхностное заимствование иностранных образцов, таких как институты, идеологии, культурные формы, но без глубокого усвоения и адаптации. Заимствуется форма, но не смысл. Это доказывает тот факт, что во времена Руси при выборе религии выбор правителей пал на Византию как государство для подражания, откуда было заимствованно большинство социальных институтов. Причем нельзя сказать, что тот же выбор религии как фундаментального института того времени был положительно воспринят населением. Князь Владимир получил прозвище Креститель, но редко упоминается, что крещение проходило «огнем и мечем», а церковная реформа патриарха Никона 1653 года, направленная на унификацию обрядов богослужения по греческому образцу, имела насаждающий характер, при этом старообрядцев преследовали вплоть до 17 века.

Особое отношение к смерти и страданию. Русский человек воспринимает смерть иначе, чем представитель других культур. В православной

традиции существует культ святых мучеников, при котором страдание, аскеза и лишения рассматриваются как дорога к святости. Идеологически сильное влияние оказывала и советская пропаганда времен революции и Великой Отечественной войны: фразы «умереть за brave дело - дело революции» и «отступить некуда, позади Москва, стоять насмерть» известны каждому.

Неопределенность идентичности. Наше общество, да и само мировоззрение человека, является крайне амбивалентным. Вспомним феномен, когда в мировоззрении российского человека уживается православная вера, которая была заимствована у Византии, но приобрела уникальный характер, создав симбиоз языческих празднований (например, Масленица или Ивана Купала). Ни у кого не возникает противоречий на бытовом уровне: как можно в воскресенье сходить в церковь, при этом не забыв посмотреться в зеркало перед уходом, присесть «на дорожку» или задобрить домового, если вдруг потерялись ключи перед выходом. Вечный спор западников и славянофилов о том, является ли Россия частью Европы или особой цивилизацией или поиски той самой «национальной идеи» современной России, которые длятся уже третье столетие, также являются подтверждением этой особенности нашего менталитета [3].

Отрицание компромисса. Данная особенность является большей мере обобщением вышесказанного, чем уникальной чертой апофатки, однако стоит отметить такую деталь: русский «компромисс» представляет из себя скорее его отсутствие, чем реальную договоренность сторон, и раскрывается именно в «терпимости», будь то «атеистическое советское государство» или «новая православная вера». Вспомним лозунг старообрядцев «лучше смерть, чем ересь», физическое уничтожение боярской оппозиции Иваном Грозным и учреждение «земщины» и «опричнины», отказ Временного правительства от сепаратного мира в Первой мировой войне («война до победного конца!»), отказ от НЭПа советским правительством как «временного отступления» или экономическую «Шоковую терапию» в 90-е годы, которая является отказом от поиска, балансирующего между плановой и рыночной экономикой пути [2].

Описанные установки формируют специфический исторический путь России. Попытки модернизации, инициированные «сверху», сталкиваются с отсутствием прочной социальной базы. В России многие реформы заканчиваются одним из двух способов: либо они приводят к результату, прямо

противоположному задуманному (например, вместо ослабления государственной власти она становится еще сильнее.); либо за реформами следует откат к прошлому, к более архаичным и жестким порядкам. Этот замкнутый круг, который ученый А.С. Ахиезер назвал «эффектом колеи», напрямую связан с особым апофатическим складом мышления. Такой тип сознания ориентирован не на практическое, постепенное улучшение жизни «здесь и сейчас», а на радикальный прорыв к некому идеалу или отрицание существующей реальности. Из-за этого обществу крайне трудно найти баланс и надолго закрепиться на пути спокойного, последовательного и конструктивного развития [1].

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что апофатическая установка, которая сформировалась под влиянием восточнохристианской традиции и усилилась специфическим историческим опытом, является системообразующим ядром русской ментальности и культурной самобытности. Данная установка порождает ценностный комплекс, характеризующийся приоритетом трансцендентного над имманентным, небрежением к земной реальности, труду и праву, что создает системные барьеры для формирования институтов, основанных на личной ответственности и правовой конкретности. Этот комплекс обуславливает характер исторического развития России, ее движение по «колее», проявляющееся в циклах реформ и контрреформ, волюнтаристских рывках и эхололических заимствованиях, не приводящих к устойчивому развитию. Однако его актуализация требует целенаправленных усилий по «сбережению самобытности» – сохранению и развитию человеческого капитала, формированию ответственной субъектности и формированию институтов изнутри собственного культурного контекста, а не их механического заимствования.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что апофатизм представляет собой не периферийную, а центральную характеристику русской ментальности. Его проявления в различных сферах, будь то религиозная философия, повседневная жизнь или политическая практика, демонстрируют удивительную устойчивость и способность к адаптации у русского народа. Понимание этой особенности позволяет осмыслить с другой парадигме восприятия как исторический путь России, так и ее современное развитие. Апофатическая установка, при всей своей противоречивости, содержит значительный потенциал для творческого осмысления вызовов современности.

Список литературы

1. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). // Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 804 с.
2. Давыдов, А. П. Неполитический либерализм в России. // М.: Мысль, 2012. – 643 с.
3. Есаулов, И. А. Пасхальность русской словесности. // Магадан: Новое время, 2020. – 480 с.
4. Лосский, В. Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. // Центр «СЭИ», 1991. – 182 с.
5. Тульчинский, Г. Л. Апофатика и институционализация: прагматический анализ // Политическая концептология. – 2022. – № 3. – С. 29–48.

Kireev Maksim Aleksandrovich

Student of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: maks30835375@mail.ru

Argunova Vera Nikolaevna

Associate Professor of Sociology, Professor of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: v_argunova@mail.ru

АПОФАТИЦИЗМ КАК ЯДРО РУССКОГО ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО ФОРМИРОВАНИЯ

Abstract. This article examines apophaticism as a key element in the formation of Russian cultural and worldview identity and its influence, as a psychological attitude, on institutional development, social practices, and the historical dynamics of Russian society. Based on a historical analysis of Russia's cultural characteristics, it will be shown that apophaticism not only defines the specificity of Russian culture but can also serve as a resource for its development through targeted socio-cultural engineering.

Keywords: Apophatism, russian mentality, cultural identity, semantic worldview, historical dynamics, russian society

Китаева Анастасия Александровна
студентка кафедры социологии, социальной работы
и управления персоналом

Ивановский государственный университет, г. Иваново

E-mail: anastasia.kitaeva2908@mail.ru

Панкратова Екатерина Владимировна

*кандидат социологических наук, доцент, зав.кафедрой социологии, соци-
альной работы*

и управления персоналом

Ивановский государственный университет, г. Иваново

E-mail: e_v_pankratova@mail.ru

ЖИЗНЕННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ОТНОШЕНИИ СЕМЬИ И БРАКА

Аннотаци. В статье рассматриваются жизненные приоритеты молодежи как социальной группы в отношении брака и семьи. Именно их жизненные позиции сейчас подвержены влиянию и сформированы иначе, чем у старших поколений. Основное внимание в статье уделяется результатам социологических исследований, проведенным среди российской молодежи, а именно: готовности к брачно-семейным отношениям, восприятию семьи как ценности, отношению к незарегистрированному браку, причинам откладывания деторождения и др.

Ключевые слова: семья, ценности молодежи, молодежь, брак, студенческая молодежь

Общество характеризуется динамичностью протекающих в нем процессов и изменений, что отражается на всех его подсистемах. В том числе изменения претерпевает и социальная сфера жизнедеятельности общества, которая включает такие базовые социальные институты, как семья и брак. Семья как один из самых главных институтов нашего общества выполняет важнейшие функции, поэтому находится в центре внимания населения и государства. Именно этот институт формирует ценности, нормы, жизненные установки, модели поведения молодого поколения. Под молодежным возрастом в рамках данной статьи понимается период от 18 до 35 лет, так

как исследовательская цель заключается в изучении молодежи, которая достигла возраста официального вступления в брак в Российской Федерации [5].

В современном российском обществе отмечается тенденция изменения жизненных приоритетов молодежи в отношении семьи и брака. У людей в данной возрастной группе уже сформированы свои взгляды, представления о жизненном пути: карьера, обучение, самореализация и т.д. Приоритет получения образования, достижение определенного уровня доходов, самосовершенствование как важные ценности современного общества тормозят создание семьи и деторождение молодыми людьми. По данным Фонда общественного мнения, молодежь стремится в большей степени к материальному благополучию, карьере и получению образования, а создание семьи занимает лишь пятое место и составляет 5% [7]. Это факт четко дает понять, что молодежь сосредоточена на становлении себя как личности, что в свою очередь сдвигает показатели брачного возраста в сторону его увеличения и повышает возраст рождения первого ребенка. В среднем возраст женщины, у которой появляется первый ребенок, сейчас составляет 25,6 года [1]. Как отмечают Н. В. Исаева, Е. К. Маркова, Е. В. Панкратова, Н. А. Птицына, общность взглядов и интересов, любовь и желание иметь детей – три главных мотива создания семьи современной молодежи [4, с. 98]. 88,6% студентов Ивановского государственного университета заявляют, что семья входит в их основные ценности, и только 1,6% студентов не определяют семью как доминирующую ценность в их мировоззрении, а 9,8% респондентов затруднились определить семью как ценностную составляющую своей жизни [4]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что молодежь все же нацелена на создание семьи, но не в ближайшей перспективе.

Также стоит отметить, что для молодежи становится важно партнерство. Согласно исследованию, проведенному в Санкт-Петербурге, в котором в качестве объекта выступили студенты-социологи, 51% опрошенных придерживается «идеи равноправия полов», 76% – предпочитают гендерно равную модель семьи, в которой супруги на равных и работают, и занимаются ведением домашнего хозяйства. 16% респондентов положительно относятся к предоставлению отпуска по уходу за ребенком отцу, что говорит о смещении исключительно женской роли воспитательницы детей в сторону мужчины [3, с. 65]. Выбор патриархальной семьи остается в прошлом, а молодые люди стараются выстраивать равноправные отношения, основанные на взаимоуважении, доверии партнеров и разделении обязанностей. Этот

факт можно подкрепить проведенным в Ивановском государственном университете исследованием, в рамках которого было выявлено, что наиболее значимыми качествами для семейной жизни студенты считают наличие взаимного уважения и поддержки; готовность к компромиссам и разрешению конфликтов; умение слушать и проявлять эмпатию» [4, с. 99–100].

Кроме того, в современном российском обществе получают распространение незарегистрированные браки, открытые отношения и сожительство, что противоречит традиционным ценностям семьи. Ценность сожительства возрастает не только в крупных городах, но и в регионах с традиционной культурой [10]. Посредством таких отношений молодые люди хотят лучше узнать партнера, понять, смогут ли они жить вместе еще до заключения брака. С одной стороны, это снижает количество неблагополучных браков и позволяет избежать давления со стороны семьи и общества. А с другой стороны, способствует появлению неопределенности в отношениях между партнерами и разным ожиданиям от такого типа отношений и формы совместной жизни. Например, как отмечают В. С. Тарченко и Э. К. Бийжанова, девушки в меньшей мере хотят находиться в отношениях сожительства, поскольку считают, что тогда они менее социально защищены [6, с. 82].

Распространение такой формы совместной жизни влияет на исполнение семьей репродуктивной функции. Практически каждая семья в России – это семья с одним ребенком или вовсе без детей. Малодетность и отказ от детей обусловлены стремлением молодежи к личной свободе, желанием «пожить для себя» и не связывать себя новыми обязательствами [9].

Несомненно, на формирование ценностей молодежи влияет цифровизация. Появление социальных сетей дает большие возможности для знакомства в рамках построения личностных и деловых отношений. По данным ВЦИОМ, в социальных сетях больше всего времени проводят подростки и молодежь в возрасте от 18 до 34 лет [8]. Высокую долю активности молодежи наблюдают в такой социальной сети как ВКонтакте и мессенджере Telegram [2]. Социальные сети помогают молодежи быстро вступить в контакт с потенциальными партнерами, но это не дает гарантии долгосрочных отношений и заключения брака. Подобно значению "друга" в сети, молодые люди могут воспринимать и потенциального партнера, отношения с которым не ведут к взаимной ответственности, искренности и серьезности наме-

рений. Такое быстрое вступление в отношения или быстрая их смена приводит в том числе и к поверхностному восприятию создания семьи и вступления в брак.

Рассматривая жизненные приоритеты современной молодежи, стоит проанализировать их готовность к созданию семьи в студенчестве. Так, больше половины студентов не готовы к созданию семьи и рождению ребенка (55,4 %), но 24,9% положительно оценили свою готовность. Можно ли считать это негативным показателем? На наш взгляд, нет. Если каждый четвертый молодой человек реализует свою готовность и станет молодым супругом и родителем, то ситуация в стране явно изменится к лучшему. Важно понимать, что молодежь не просто говорит о неготовности заводить семью в студенчестве. Доминантным барьером создания семьи в студенчестве выступает осуждение со стороны общества, а также на это оказывают влияние их собственные мнения и чувства, в частности стереотипные представления о семье в столь раннем возрасте. Обращая внимание на неготовность большей части молодежи к созданию семьи в период обучения в университете, ученые отмечают, что половина, а именно 50,3% респондентов считают преждевременным создавать семью в период обучения, а 7,8% – говорят о психологической неготовности к брачным отношениям. Свыше трети опрошенных готовы к созданию отношений, так как умеют слушать партнера, поддерживать в трудных ситуациях, конструктивно решать конфликты. Всего 5,7% студентов уверены, что готовы создать семью уже сейчас из-за того, что имеют стабильную работу и заработок. Стоит отметить, что девушки чаще задумываются о создании семьи уже в студенчестве, чем юноши [4].

Неготовность студенческой молодежи к созданию семьи подкрепляется боязнью осуждения со стороны семьи и общества, материальной и психологической нестабильностью, неспособностью справиться с конфликтами, возникающими внутри пары, боязнью столкнуться с трудностями в контексте семейной жизни.

Таким образом, можно четко определить факторы, которые влияют на формирование отношения молодежи к семье и браку. К ним относятся собственные взгляды на жизнь, изменение жизненных приоритетов, становление себя как личности, цифровизация и готовность строить отношения уже в студенческую пору. Делая вывод на основании анализа данных различных социологических исследований молодежи, стоит полагать, что она чаще воспринимает семью как препятствие в становлении себя как личности и

личностного развития. Карьера и образование для них выступает гарантом и уверенностью «в завтрашнем дне», а не семья и брак. Не стоит также забывать о готовности молодежи в психологическом, экономическом и других аспектах жизни к созданию крепкой семьи и вступлению в брак.

Список литературы

1. Архангельский, В. Н., Калачикова, О. Н. Возраст матери при рождении первого ребенка: динамика, региональные различия, детерминация // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. № 5. – С. 200–217.

2. Давыдова, М. А. Социальные медиа как источник ценностных установок современной российской молодежи // Вестник Финансового университета. – 2025. – Т. 33. №4. – С. 55–60.

3. Захарова, Е. М. Молодежь, брак и семья в эпоху морального кризиса // Альманах мировой науки. – 2015. – № 1–3. – С. 64–66.

4. Исаева, Н. В., Маркова, Е. К., Панкратова, Е. В., Птицына, Н. А. Социальная, психологическая и правовая готовность студенческой молодежи г. Иваново к семейно-брачным отношениям // Южно-российский журнал социальных наук. – 2024. – Т. 25. № 4. – С. 92–109.

5. Российская Федерация. Законы. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон №489-ФЗ: [принят Государственной Думой 23 декабря 2020 г.: одобрен Советом Федерации 25 декабря 2020г.]

6. Ростовская, Т. К., Заярская, Г. В. Семейные установки и семейные практики в современной российской студенческой среде // Женщина в российском обществе. – 2017. – № 1. – С. 75–85.

7. Современная молодежь // ФОМ. 5 июля 2024. сайт. – URL: <https://fom.ru/TSennosti/15039> (дата обращения 20.11.2025).

8. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и представления // ВЦИОМ. 10 августа 2023. сайт. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechnost-i-predpochtenija?ysclid=miaphis4x7605628729> (дата обращения 20.11.2025).

9. Тарченко, В. С., Бийжанова, Э. К. Исследования брачно- семейных представлений студенческой молодежи: обзор российских работ // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – 12(56). – С. 50–55.

10. Чукреева, Л. Н., Дзэева, Т. Б. Семейные ценности студенческой молодежи вузов Республики Бурятия // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 12. – С. 39–42.

Kitaeva Anastasia Aleksandrovna
*Student, Department of Sociology, Social Work,
and Human Resource Management
Ivanovo State University, Ivanovo
E-mail: anastasia.kitaeva2908@mail.ru*

Pankratova Ekaterina Vladimirovna
*PhD in Social Sciences, Associate Professor, Head of the Department of
Sociology, Social Work, and Human Resource Management
Ivanovo State University, Ivanovo
E-mail: e_v_pankratova@mail.ru*

LIFE PRIORITIES OF CONTEMPORARY RUSSIAN YOUTH IN RELATION TO FAMILY AND MARRIAGE

Abstract. This article examines the life priorities of young people as a social group in relation to marriage and family. Their life positions are currently influenced and shaped differently than those of older generations. The article focuses on the results of sociological studies conducted among Russian youth, namely: readiness for marriage and family relationships, perception of family as a value, attitudes toward unregistered marriage, reasons for postponing childbearing, etc.

Keywords: family, youth values, youth, marriage, student youth

Кленин Петр Владиславович
*кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии
Санкт-Петербургский государственный
морской технический университет,
г. Санкт-Петербург
E-mail: dancewithsome1else@gmail.com*

ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ТЕОРИИ ГЕНДЕРА: ОТ СИМОНЫ ДЕ БОУАР К ДЖУДИТ БАТЛЕР

Аннотация. Исследование раскрывает философские истоки теории гендера, начиная с экзистенциально-феноменологической концепции «ста-

новления» С. де Бовуар и заканчивая постструктуралистской идеей перформативности Д. Батлер. Анализируется их вклад в социологию, позволивший переосмыслить соотношение биологического и социального, раскрыть механизмы конструирования гендерной нормы.

Ключевые слова: гендерная теория, Симона де Бовуар, Джудит Батлер, перформативность, социология гендера

Уже не первое десятилетие вопрос гендерного равенства оказывается в поле зрения публичных дискуссий, теория гендера на наших глазах превращается из академического предмета для социологического изучения в один из инструментов социальной критики, а порой даже социального давления. Однако за кажущейся простотой различения пола и гендера скрывается сложная философская полемика, уходящая корнями в экзистенциализм, феноменологию и постструктурализм. Как произошел переход от экзистенциального протеста Симоны де Бовуар против «дополняющей» [2, с. 30] судьбы женщины к радикальному отрицанию Джудит Батлер самой субстанции гендерной идентичности? И, что самое главное, какова философская и социологическая ценность теоретического развития понятия гендер: способна ли она объяснить причины устойчивости патриархальных социальных структур или все-таки выступает неразгаданным ключом для их подрыва? Обращаясь к философским истокам и прослеживая эволюцию ключевых представлений о гендере от де Бовуар к Батлер, данная статья стремится показать, что теория гендера не подразумевает дескриптивного описания, а выступает самоценной дешифровкой социального порядка, в котором гендер, наравне с другими маркерами идентичности, оказывается продуктом властных отношений и культурных норм.

Цель работы состоит в артикуляции преемственности и, как следствие, трансформации философских оснований гендерной теории. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: раскрыть экзистенциалистские и феноменологические источники учения де Бовуар, проанализировать постструктуралистский фундамент перформативной теории Батлер, сопоставить две теоретические модели в их понимании соотношения биологического и социального, роли тела и проблемы стабильности гендерной идентичности, оценить непосредственную социологическую ценность и эвристический потенциал обеих теорий для анализа социальных структур и практик. Методология исследования базируется на сравнительно-историческом анализе фи-

лософских текстов, теоретической реконструкции ключевых понятий и критической интерпретации их социологических импликаций. Теоретическая значимость работы заключается в систематизации философского генезиса гендерной теории, что углубляет понимание ее эпистемологических оснований. Практическая значимость состоит в демонстрации применимости концептуального аппарата де Бовуар и Батлер для эмпирических социологических исследований в области гендерных отношений, идентичности и механизмов социального конструирования нормативности.

Фундаментальный сдвиг в понимании гендера, произошедший во второй половине XX века, можно охарактеризовать как переход от парадигмы *становления* к парадигме *перформанса*. Исходной точкой этого пути по праву считается тезис Симоны де Бовуар о том, что «женщиной не рождаются, ею становятся» [3, с. 310]. Этой формулировкой Бовуар заложила основу для классического разграничения биологического пола как природного факта и социального пола от гендера, как продукта культурно-исторического формирования. В ее трактовке тело представляет собой изначальную данность, которая, однако, лишается сущностного значения вне тех смыслов, которые на него накладывает общество. Социальный пол же понимается как процесс ассимиляции в культуру, в ходе которой пассивное биологическое тело активно усваивает нормы и ожидания, сконструированные цивилизацией (такие, например, как табу, законы, ценности) [3, с. 70]. Хотя Бовуар и представила механизм социального конструирования женственности, ее модель все же оставляет за биологическим полом роль некоего устойчивого реципиента, на который надстраивается гендерная идентичность.

Дальнейшее развитие философской мысли привело к радикализации этого различия и, в конечном счете, к его деконструкции. Если Бовуар описывала процесс «становления» [3, с. 193] как относительно стабильный, хотя и навязанный, то Джудит Батлер в своей теории перформативности подвергает сомнению саму онтологическую устойчивость гендера. Ключевым вкладом Батлер становится переосмысление гендера не как выражения некой внутренней идентичности или результата долгого становления, а как исполнения, перформанса [1, с. 249]. Гендер производится и поддерживается через повторяющиеся стилизованные действия, жесты, речевые акты, которые создают иллюзию устойчивой гендерной субстанции. Эта повторяемость не является добровольным выбором индивида, а регулируется системой социальных принуждений и наказаний, которая предписывает определенные конфигурации желаний, идентичности и телесности. Отношение к

телу в этой модели кардинально меняется: тело не является внешним по отношению к гендеру материалом, но само становится его эффектом, продуктом перформативных практик. Гендер, таким образом, перестает быть биологическим фактом, а становится социальным и политическим достижением, хрупким результатом непрерывного цитирования и повторения норм.

Социологическая ценность этого философского перехода от Бовуар к Батлер заключается в предоставлении аналитического инструментария для критики естественности любых идентичностей. Если Бовуар дала социологии язык для описания формирующих факторов гендера, то Батлер предложила механизм для анализа того, как сами категории «мужского» и «женского» производятся и натурализуются в повседневных взаимодействиях. Ее теоретический подход открывает возможность для анализа гендера вне представлений об индивидуальных атрибутах индивида. Гендер – социальное отношение, процессуально воспроизводимое в системе властных координат. Это позволяет исследовать как механизмы поддержания гендерного порядка, так и способы его ревизии – те перформативные практики, которые, отклоняясь от нормативного ритуала, проблематизируют устоявшиеся представления о естественности и неизменности гендерных норм. Подобный анализ не отрицает, что бинарная модель «мужчина/женщина» существует и как биологическая и как социальная реальность. Вместо этого он показывает, что эта модель может поддаваться конструированию посредством намеренного властного давления через агентов репрезентации социальных практик.

Проведенный анализ эволюции гендерной теории от философских истоков у Симоны де Бовуар к радикальной концепции Джудит Батлер демонстрирует последовательное углубление и усложнение понимания социальной природы идентичности. Де Бовуар, опираясь этику экзистенциализма [4, с. 53], заложила фундамент, провозгласив ключевой тезис о конституирующей роли общества в становлении «женщиной». Джудит Батлер, синтезировав постструктуралистский подход Мишеля Фуко с теорией речевых актов, совершила переход от диалектики *становления* к парадигме *перформанса*, утверждая, что гендер не является выражением внутренней сущности, но производится и закрепляется через повторяющиеся стилизованные акты в рамках принудительной гетеронормативной матрицы. Потенциал этой теоретической траектории чрезвычайно высок. Он заключается, прежде всего, в предоставлении исследователям аналитического инструментария для деконструкции навязываемой социальной реальности, понимании устройства

механизма подмены идентичности. Концепция де Бовуар позволяет анализировать процессы социализации и институционального воспроизводства гендерного неравенства, в то время как перформативная теория Батлер открывает возможность для изучения способов легитимации власти через дискурсивные практики, производства идентичностей и самого процесса социального конструирования нормативности. Этот потенциал выходит за рамки гендерных исследований, предлагая новые перспективы для анализа любых социальных структур, идентичностей и идеологий, которые маскируют свой сконструированный характер под маской естественности и неизменности. Таким образом, наследие обеих мыслительниц актуализирует критическое переосмысление устоявшихся категорий и исследование динамичных процессов формирования социального порядка и сопротивления ему.

Список литературы

1. Батлер, Д. Гендерное беспокойство: Феминизм и подрыв идентичности – М.: V-A-C Press, 2022. – 272 с.
2. Бацанова, С. В. Проблема Другого в работе «Второй пол» С. Де Бовуар // Манускрипт. – 2017. – № 9 (83). – С. 28–30.
3. Бовуар, С. де. Второй пол. Т. 1 и 2 / пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. С. Г. Айвазовой, коммент. М. В. Аристовой. – Москва: Прогресс, 1997. – 832 с.
4. Власова, О. П. Экзистенциализм и интерпретация гендерного равенства во «Втором поле» С. Де Бовуар // Антропологические измерения философских исследований. – 2012. – № 1. – С. 52–56.
5. Ондар, Б. О. Симона де Бовуар и ее роль в развитии феминизма // Вестник науки. – 2024. – № 4 (5 (74)). – С. 1112–1116.
6. Седых, Т. Н. Концепция ненасилия Джудит Батлер: взгляд теоретика феминизма на проблемы борьбы с насилием в современном обществе // Дискурс-Пи. – 2023. – Т. 20. № 1. С. 155–167.

Klenin Petr Vladislavovich
*PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department
of Philosophy and Sociology
Saint Petersburg State Marine Technical University, Saint Petersburg
E-mail: dancewithsome1else@gmail.com*

PHILOSOPHICAL SOURCES AND SOCIOLOGICAL VALUE OF GENDER THEORY: FROM SIMONE DE BEAUVOIR TO JUDITH BUTLER

Abstract. The study reveals the philosophical origins of gender theory, starting from the existential-phenomenological concept of "becoming" by Simone de Beauvoir and concluding with the post-structuralist idea of performativity by Judith Butler. It analyzes their contribution to sociology, which allowed for a re-thinking of the relationship between the biological and the social, uncovered the mechanisms of the construction of gender normativity.

Keywords: gender theory, Simone de Beauvoir, Judith Butler, performativity, sociology of gender

Комарова Кристина Леонидовна

студентка кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: kristinakom03@mail.ru

Ефимова Светлана Александровна

кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: efimova-svetlana@inbox.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РОССИЙСКОГО ФРИЛАНСЕРА

Аннотация. В статье представлена совокупность устойчивых интегрированных характеристик представителя социальной группы фрилансер, отобранных по социально-демографическому, экономическому и мировоззренческому критериям.

Ключевые слова: фриланс, социальный портрет, самозанятость, рынок труда

Население России, по данным Росстата на 2024 год, незначительно превышает 146 млн человек, из них чуть больше половины являются трудоспособными. Из этих 73 млн человек трудоспособного населения во фрилансе заняты 19 млн человек, то есть более одной четвертой трудоспособного населения России [2].

Фриланс как форма трудовых отношений существует в нормативно-правовом поле Российской Федерации с 2013 года. Она узаконена гл. 49.1. «Особенности регулирования труда дистанционных работников» Трудового кодекса Российской Федерации, введенной Федеральным законом от 05.04.2013 г. № 60-ФЗ [5].

Бесспорно, востребованность фриланса в нашей стране стала следствием структурной перестройки отечественной экономики: сокращения рабочих мест в традиционных отраслях производства, цифровизации. Мировая практика показывает, что в лидерах по объему рынка услуг фрилансеров находятся африканские экономики, то есть трудовые рынки тех государств, которые не имели высокоразвитого промышленного и сельскохозяйственного производства и вследствие этого быстро адаптировались к цифровизации мировой экономики, воспользовавшись реальным шансом решения проблемы безработицы.

Отношение к фрилансу в России до сих пор неоднозначно. Кто-то воспринимает его как перспективную форму трудовых отношений, кто-то – как следствие цифровизации экономики или как результат безысходности при решении проблемы безработицы. Понимание этого – залог правильного выбора будущей профессии абитуриентом, один из ключей к решению проблемы трудоустройства выпускника вуза и, может быть, в отдаленной перспективе залог дальнейшей эволюции нормативно-правового поля страны.

Цель данной статьи – исследование социального портрета фрилансера в контексте современного рынка труда. Ее реализация потребовала решения следующих задач:

- 1) охарактеризовать основные социально-демографические, экономические, мировоззренческие характеристики фрилансера;
- 2) определить преимущества и недостатки фриланса как формы трудовых отношений.

Научный интерес представителей социогуманитарного знания к фрилансу как явлению насчитывает в России десять лет. Изучение социального портрета фрилансера привлекало внимание ученых из разных областей. Теоретическую основу статьи составили работы Д. О. Стребкова и А. В. Шевчука – они целостно рассмотрели фриланс как новое социальное явление на российском рынке труда [9]. А. Р. Сафиуллин и Н. В. Воржецова изучили влияние фриланса на мировой рынок труда [6]. В. С. Харченко исследовала образ жизни российских фрилансеров [11]. А. Л. Аширова в своей работе о

ценностях и нормах современных российских фрилансеров выделила основные ценности данной категории занятых [1].

Эмпирическую основу статьи составили данные следующих социологических исследований:

1) данные мониторинговых исследований «Перепись фрилансеров» 2009, 2011 и 2014 гг., проведенных Д. О. Стребковым и А. В. Шевчуком. Генеральная совокупность была представлена постоянной аудиторией сайта FL.ru., выборочная совокупность составляла от 7 до 10,5 тыс. человек. Результаты исследования были отражены в монографии «Что мы знаем о фрилансерах?» авторов исследований [9];

2) данные социологического исследования О. М. Дудиной и Д. В. Головановой «Российская молодежь и фриланс: мое мнение», проведенного в 2016 году. Методом проведения исследования был выбран интернет-опрос. Анкеты были размещены на сайтах freelance.ru, dalance.ru, web-lancer.ru. Их посетители в возрасте 16–30 лет составили генеральную совокупность. Выборочная совокупность – 54 человека. Тип выборки – стихийная [4];

3) материалы исследования Московской школы управления СКОЛКОВО и площадки бизнес-проектов «Профессионалы 4.0» на платформе Leader-ID, проведенное в 2020 году. В качестве генеральной совокупности были выбраны пользователи, зарегистрированные на П4.0, в количестве 30000 человек. Из них выборочная совокупность составила 568 человек [8].

Данные на 2025 г. приведены на основе материалов по статистике интернет-медиа бесплатной CRM-системы для учета клиентов, задач и сделок «Инклиент» Алексея Бегина, который приводит ссылки на материалы РБК за 2021 г., Ведомостей за 2023 г. и Национальной гильдии фрилансеров за 2020 г [2]. Росстат данной информации в общем доступе не предоставляет.

Социальный портрет фрилансера – это совокупность устойчивых интегрированных характеристик представителей данной социальной группы, отобранных по социально-демографическому, экономическому и мировоззренческому критериям. В качестве социально-демографических характеристик были взяты пол, возраст и уровень образования. В качестве экономических – профессиональные навыки, уровень дохода. В качестве мировоззренческих – ценности и убеждения. Однако социальный портрет, на наш взгляд, в данном случае будет неполным без информации о правовом статусе работника.

Фрилансер – работник дистанционного формата занятости. Вместе с тем понятие «фрилансер» не является юридическим термином. Это бизнес-понятие, под которым подразумевается внештатный специалист, привлекаемый работодателем для выполнения определенного вида работ. Фрилансер зачастую представитель сферы цифровых технологий. Его трудоустройство в статусе физического лица осуществляется на основе гражданско-правового договора (например, договор услуг, договор подряда). В данном случае НДС в размере 13% будет удержан с работника, а общая ставка страховых взносов, взимаемых с работодателя составит 27,1 %. Так как работодатель чаще всего не готов нести эти траты, он предпочитает сотрудничать с тем фрилансером, который легализован для Федеральной налоговой службы РФ как самозанятый или индивидуальный предприниматель.

В первом случае из отчетной документации, предъявляемой в бухгалтерию, необходимо иметь гражданско-правовой договор, акт приема выполненных работ, чек самозанятого из бесплатного мобильного приложения «Мой налог». Самозанятый при этом уплачивает налог на профессиональный доход в размере 4% с каждого конкретного договора с физическим лицом и 6% с юридическим лицом. Главное – не выйти за пределы установленного государством лимита на годовой доход в 2 млн. 400 тыс. рублей.

В качестве индивидуального предпринимателя фрилансер может работать в разных налоговых режимах: на упрощенной системе налогообложения или патенте. Совокупный годовой доход не должен превышать 219 млн. 200 тыс. рублей. Эти формы регистрации позволяют расширять бизнес, набирать команды до 130 человек в первом случае и до 15 человек во втором.

Форматом «золотой середины» для обеих сторон трудовых отношений зачастую является режим индивидуальный предприниматель – самозанятый, по сути это самозанятый, имеющий расчетный счет индивидуального предпринимателя. В этом случае бухгалтерия организации нанимателя имеет минимум проблем с бухгалтерско-финансовой отчетностью: документации как с самозанятого, а наличие расчетного счета индивидуального предпринимателя гарантирует отсутствие проблем с общей суммой переводов организации и позволяет избежать риска нарушения федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансировании терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ.

Социально-демографические характеристики фрилансера традиционно начинаем с возраста. По данным исследования «Российская молодежь

и фриланс: мое мнение», на 2019 год в России среди опрошенных фрилансеров 76% респондентов находились в возрастном диапазоне от 25 до 30 лет, в возрасте 19–24 лет – 22% опрошенных, и лишь 2% приходилось на подростков в возрасте 16–18 лет [4]. Однако взрослое население, пусть и в меньшей степени, тоже представлено во фрилансе. По данным платформы Leader-ID, 8% российских фрилансеров, занятых в онлайн-сфере, имели возраст выше 50 лет; далее следовали специалисты в возрасте 30–39 лет, они составляли 39% [8]. Таким образом, фрилансером может быть, как молодой специалист в возрасте от 18 до 30 лет, так и специалист возраста 30–50 лет и старше. Исходя из результатов этих исследований, можно утверждать, что молодежь чаще всего выбирает фриланс по причине гибкости графика и свободы выбора проектов, а вот более зрелые специалисты - в целях независимости и дополнительного источника дохода.

Во фрилансе могут быть заняты как мужчины, так и женщины. Сегодня это 60% мужчин и 40% женщин [4]. Уже сформировалась определенная тенденция гендерных предпочтений в профессиональных сферах фриланса. Например, в дизайне или копирайтинге заняты в основном женщины, а вот мужчины чаще всего выбирают сферу IT-технологий [9, с. 461–463].

По данным RLMS-HSE, на 2019 год 67% фрилансеров имели законченное высшее образование, включая диплом бакалавра, специалиста, магистра, а также 4% из них получили второе высшее образование или степень MBA, и около 2% приобрели степень кандидата или доктора наук. Среди фрилансеров есть 13% тех, кто имеет неоконченное высшее образование, 18% - среднее или среднее специальное образование [9, с. 113–115]. По данным Инклиент на 2025 г., высшее образование имеют 43% фрилансеров [2].

На момент 2014 года самыми востребованными специалистами среди фрилансеров являлись выпускники технических направлений – 31%, специалисты IT-сферы занимали 22%, гуманитарии – 17%, специалисты художественной сферы – 16%. Реже во фрилансе можно было встретить специалистов с дипломом о медицинском образовании (2%), а также специалистов в области естественных наук (3%) [9, с. 115].

В целом, фрилансеры заняты в различных сферах деятельности. Например, самыми популярными сферами являются графический дизайн, веб-разработка, копирайтинг и рерайтинг, SEO-оптимизация, программирование, перевод, маркетинг и реклама, обучение и консультирование [12, с. 12]. По данным блога Инклиент, с учетом диверсификации бизнеса в 2025 г. 58% российских фрилансеров работали в сфере графики / дизайна, 46% – в

сфере разработки и поддержки веб-сайтов, 38% – программирования, 32% – тесты / копирайтинг, 24 % – реклама/маркетинг [2].

Уровень заработной платы зависит от сферы деятельности и уровня сформированности профессиональных компетенций работника. Чтобы быть востребованным на рынке фриланса, специалист должен постоянно совершенствовать свои профессиональные навыки: проходить курсы повышения квалификации, участвовать в вебинарах и семинарах, пополнять портфолио и работать над личным брендом, что позволит более эффективно продвигать себя на рынке услуг [9, с. 463–464].

Существует мнение, что образование фрилансеру необязательно. Однако практика показывает обратное: фрилансеру с высшим образованием легче получить дорогостоящий заказ, так как заказчик понимает, что уровень образования обеспечивает качество результата. Процесс же самообразования по сути является профессиональной переподготовкой. Создание собственного бренда и тем более его продвижение связаны с наличием множества институциональных фильтров отбора, отображаемых в резюме и портфолио соискателя.

Д. О. Стребков и А. В. Шевчук в своей монографии «Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости» представили данные о среднем размере личного ежемесячного дохода в зависимости от статуса занятости на 2019 год. Приводим их ниже.

Таблица 1. Средний размер личного ежемесячного дохода в зависимости от статуса занятости, 2019 год (% по столбцам) [9, с. 399].

Средний размер личного ежемесячного дохода	Тип занятости			Итого
	Чистые фрилансеры	Совместители	Предпри- ниматели	
Менее 12 тыс. рублей	13,6	4,3	2,5	10,4
От 12 до 24 тыс. рублей	19,4	13,3	5,8	16,9
От 24 до 36 тыс. рублей	18,7	19,3	9,2	18,2
От 36 до 48 тыс. рублей	11,5	15,6	15,0	12,8
От 48 до 60 тыс. рублей	12,1	14,1	11,7	12,6
От 60 до 90 тыс. рублей	11,4	17,1	17,5	13,3
От 90 до 120 тыс. рублей	5,8	9,2	14,2	7,3
Свыше 120 тыс. рублей	7,4	7,1	24,2	8,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

На 2025 г. 64% российских фрилансеров зарабатывали менее 30 тысяч рублей в месяц, 17% – до 60 тысяч рублей в месяц, 13% – до 100 тысяч рублей в месяц, 6% – более 100 тысяч рублей в месяц [2].

Как правило, фрилансер совмещает несколько сфер деятельности и тем самым диверсифицирует источники дохода. Только 26 % отечественных фрилансеров имеют статус самозанятого или индивидуального предпринимателя, для абсолютного большинства занятых в отрасли фриланс – это дополнительный доход [2].

Данные социологического анализа свидетельствуют, что фрилансеры ценятся среди работодателей благодаря своим мягким навыкам в работе. По-другому они называются «soft-skills». Успешные фрилансеры обладают навыками коммуникации, высокой степенью самоорганизованности и умением грамотно управлять временем. Для создания доверительных отношений фрилансер должен уметь выстраивать диалог с заказчиками, работать в команде. Несмотря на то, что фриланс обладает высоким уровнем автономии, иногда приходится активно взаимодействовать с целой командой, чтобы находить совместные решения, когда это требуется [9, с. 464]. Во фрилансе ценятся специалисты, которые обладают высокой степенью надежности, активностью и упорством. Также фрилансеры должны уметь предлагать креативные и уникальные идеи для реализации проектов. И, конечно, чтобы успешно реализоваться на рынке фриланса, специалист, должен владеть тайм-менеджментом, уметь грамотно распределять время работы, чтобы сохранять баланс между работой и личной жизнью [9, с. 297–332].

Экономисты более прагматичны, чем социологи. Работодатель отдает предпочтение фрилансеру по следующим причинам: можно привлечь хорошего специалиста на короткий срок – 66%, быстрый поиск специалиста – 50%, доступная цена – 49%, экономия на аренде помещения и оборудования – 36%, экономия на оплате труда (отпускные, больничные, соцпакеты) – 32% [7].

По сути, фриланс – это проектная работа, оформляемая срочными гражданско-правовыми договорами. Вследствие этого фрилансер имеет более высокий доход, нежели при традиционных формах трудовых отношений, но является социально-незащищенным. Это вынуждает фрилансера планировать личный бюджет: разделять свои расходы на обязательные и необязательные, прогнозировать доходы на полгода-год вперед, учитывать сезонные колебания и иные факторы, которые могут повлиять на его заработок [3], учиться применять специализированные приложения для составления

бюджета, например, YNAB и Mint, инвестировать в саморазвитие. И, конечно, зарегистрироваться в качестве самозанятого или индивидуального предпринимателя, чтобы самостоятельно позаботиться о своих пенсионных накоплениях и здоровье, оформив добровольные отчисления в СФР или НПФ и медицинскую страховку.

Причины, по которым люди выбирают фриланс, могут быть абсолютно разными, но большинство видит в этом механизм выхода из состояния маргинальности: от экономической до биологической. Фриланс – это не только работа для специалиста в сфере цифровых технологий, но и возможность трудоустройства для человека с ограниченными возможностями, инвалидностью, непогашенной или погашенной судимостью, мигранта, родителя в отпуске по уходу за ребенком до трех лет, пенсионера, безработного и просто человека, уставшего от текущей безработицы и постоянной нехватки денежных средств даже на обязательные расходы, в условиях полной занятости.

По состоянию на 2019 г. 45% фрилансеров перешли во фриланс, так как не хотели работать в найме, примерно 38% нуждались в дополнительном заработке, 32% поначалу имели хобби, а впоследствии стали получать с этого хобби деньги [9, с. 208–213]. По данным Национальной гильдии фрилансеров, пандемия COVID-19 сократила совокупный доход 4 % общего количества фрилансеров (56% – доход не изменился, 24% – сократился, 20% – вырос) [10]. Вместе с тем возросло количество людей, обративших свой взор в сторону фриланса по причинам социально-экономической и социально-политической нестабильности. Более 56% фрилансеров видят в нем возможность получения дополнительного дохода, 69% – ценят возможность географической мобильности рабочей силы [2].

Каждый пятый фрилансер работает пять дней в неделю, три из десяти фрилансеров – более. Продолжительность рабочего дня составляет не менее шести часов в день, наиболее часто – 43 рабочих часа в неделю (согласно Трудовому кодексу РФ, нормальная продолжительность рабочего времени не может превышать 40 часов в неделю). Зачастую так происходит вследствие увлеченности работой, аккордной системы оплаты труда, недостаточной сформированности навыков тайм-менеджмента.

Основными мировоззренческими критериями для фрилансеров выступают ценности свободы и независимости в выборе проектов, возможность быть более автономными и самостоятельными, заниматься самореализацией [1]. При этом интерпретируют данные ценности респонденты по-

разному. Например, по данным Всероссийской переписи фрилансеров на 2019 год, к ценностям свободы 82% респондентов относят гибкий график, 70% – выбор проектов по душе, 61% – личную ответственность за результаты своей деятельности, 45% – возможность совмещать с работой или основной работой, 39% – профессиональное развитие. [9. с. 440–442].

Таким образом, социальный портрет фрилансера носит разнообразный и многогранный характер. Каждый фрилансер обладает уникальными навыками, опытом и мотивами в своей сфере. Однако общие черты и вызовы позволяют выделить определенные паттерны, которые помогают лучше понять перспективы и проблемы развития фриланса как формы трудовых отношений.

Список литературы

1. Аширова, А. Л. Особенности ценностей и норм современных российских фрилансеров / А. Л. Аширова // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2019. – № 1 (3). – С. 390–393. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tsennostey-i-norm-sovremennyh-rossiyskih-frilanserov> (дата обращения: 04.03.2025).
2. Бегин, А. Сколько фрилансеров в мире? (2025) / Бегин А. // Инклиент. сайт. – URL: <https://inclient.ru/freelance-stats/> (дата обращения: 07.03.2025).
3. Биккулова, О. За и против работы фрилансером / Биккулова О. // Профориентатор. сайт. – URL: <https://proforientator.ru/publications/articles/za-i-protiv-raboty-frilanserom.html> (дата обращения: 18.03.2025).
4. Дудина, О. М., Голованова, Д. В. Социальный портрет молодых российских фрилансеров / О. М. Дудина, Д. В. Голованова // Креативная экономика. – 2018. – № 9. – С. 1441–1456. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-portret-molodyh-rossiyskih-frilanserov> (дата обращения: 16.03.2025).
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 5 апреля 2013 г. № 60-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 4. – Ст. 1668.
6. Сафиуллин, А. Р., Воржецова, Н. В. Влияние цифровизации на рынок труда: эффект фриланса / А. Р. Сафиуллин, Н. В. Воржецова // Научный журнал НИУ ЭТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2022. – № 3. – С. 82-88. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsii-na-rynok-truda-effekt-frilansa> (дата обращения: 18.03.2025).

7. Свобода по выбору: настоящее и будущее фриланса в России // РБК. сайт. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/60c8e3139a79472ba64fde35> (дата обращения: 07.03.2025).

8. Смагин, И., Филоненко, К., Долгов, Н., Музалева, О. Фрилансеры – «белые воротнички»: профиль, мотивация и склонность к командной работе / И. Смагин, К. Филоненко, Н. Долгов, О. Музалева // Московская школа управления Сколково. сайт. – URL: https://leader-id.storage.yandexcloud.net/event_doc/248849/619d165780b3b343489682.pdf (дата обращения: 16.03.2025).

9. Стребков, Д. О., Шевчук, А. В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости / Д. О. Стребков, А. В. Шевчук. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 527 с. – ISBN 978-5-7598-2722-1.

10. Фрилансер 2020 – какой он? // Национальная гильдия фрилансеров. сайт. – URL: <https://гильдия-фрилансеров.рф/download/Freelancer%20Research%202020%20Post-Covid.pdf> (дата обращения: 07.03.2025).

11. Харченко, В. С. Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ / В. С. Харченко // Социологические исследования. – 2014. – № 4. – С. 54–63. [Электронный ресурс]. – URL: https://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_4/54-63_Xarchenko.pdf (дата обращения: 07.03.2025).

12. Харченко, В. С. Фриланс как стиль жизни в современном российском обществе: автореф. дис. ... к. соц. н. / В. С. Харченко. – Екатеринбург, 2013. – 22 с. сайт. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_005543973?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 07.03.2025).

Komarova Kristina Leonidovna
Student of the Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: kristinakom03@mail.ru

Efimova Svetlana Aleksandrovna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: efimova-svetlana@inbox.ru

SOCIAL PROFILE OF A RUSSIAN FREELANCER

Annotation. The article presents a set of stable integrated characteristics of a representative of the freelancer social group, selected according to socio-demographic, economic and ideological criteria.

Keywords: freelancing, social portrait, self-employment, labor market

Коробова Ольга Олеговна

*кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии,
социальной работы и управления персоналом,
Ивановский государственный университет, г. Иваново*

E-mail: olga-korobova@list.ru

Ульянкина Александра Юрьевна

*старший преподаватель кафедры социологии, социальной работы
и управления персоналом,*

Ивановский государственный университет, г. Иваново

E-mail: chusova.sasha@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ЖЕНЩИН ЧЕРЕЗ САМООБРАЗОВАНИЕ

Аннотация. Для успешной самореализации современной женщине необходимо пополнять человеческий капитал. В статье рассмотрено понятие человеческого капитала и его структуры. Представлена авторская концепция компонентов человеческого капитала современной личности. Проанализированы результаты комплексного социологического исследования о человеческом капитале женщин разных возрастов и статусов. Выявлены барьеры для комплексного восполнения компонентов человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал, компоненты человеческого капитала, самообразование, непрерывное образование

Формирование эффективного человеческого капитала личности – необходимый процесс для успешной самореализации индивида. Человеческий капитал, включая в себя запас знаний, умений и навыков, играет ведущую роль в профессиональной и общественной сферах жизни человека.

Структура человеческого капитала включает в себя определенные компоненты, так, понимание его структуры способствует построению эффективной стратегии развития как на уровне индивидов, так и на уровне общества в целом. Человеческий капитал состоит из нескольких компонентов, и эффективное пополнение каждого компонента капитала гарантирует человеку больший уровень успеха как в профессиональной, так и в других сферах жизни [4]. Каждый компонент структуры человеческого капитала важно эффективно восполнять, так как роль человеческого капитала личности в основе капитала нации или государства крайне важна – эффективный человеческий капитал нации гарантирует экономическое развитие и процветание общества.

Каждый человек обладает уникальным набором качеств и способностей, которые могут быть использованы для достижения успеха в жизни. Люди с высоким уровнем образования, профессиональными навыками и способностями могут вносить более качественный и эффективный вклад в различные сферы деятельности – от производства до науки и культуры. Кроме того, высокий уровень человеческого капитала в обществе способствует инновационному развитию, повышению производительности труда и конкурентоспособности страны на мировом рынке [8, с. 76–80].

Так как в цифровом обществе присутствует и активно реализуется тенденция «женщины-предпринимателя» и актуально отмечается многозадачность и множественная компетентность женщины, в данной работе хотелось бы рассмотреть человеческий капитал современной женщины [3].

На современном этапе в России наблюдается стремительное развитие женского предпринимательства и иных возможностей самореализации женщин. Причины, побуждающие женщин активизировать свой человеческий капитал, имеют экономическое основание и связаны с факторами самореализации и повышения социального статуса. Развитие женщин в бизнесе и других сферах является одним из факторов развития региона и экономики страны в целом [3]. Поэтому необходимо изучить структуру человеческого капитала современной женщины для выявления барьеров восполнения компонентов человеческого капитала. Существующие барьеры позволяют предполагать, что необходима эффективная система возможностей для реализации и пополнения некоторых компонентов.

Изначально человеческий капитал включал в себя только приобретенные качества человека, затем Г. Беккер добавил, что приобретенные каче-

ства также играют важную роль. Если ранее основное предназначение человеческого капитала заключалось только в производстве товаров и услуг в рамках экономической сферы общества [5, с. 80–86], то П. Бурдые расширил смыслы человеческого капитала: это не только производство экономических благ, но и значимый процесс взаимодействия индивидов в группе, связи и коммуникации [1, с. 64]. Также Дж. Коулман добавляет, что индивид в первую очередь развивается самостоятельно, достигает своих целей при грамотном восполнении человеческого капитала [2, с. 124].

Структура человеческого капитала также со временем усложнялась и становилась все более и более разноплановой. Современная теория вносит в концепции человеческого капитала понимание потенциала его развития на разных уровнях. Человеческий капитал включает в себя не только формальное образование и профессиональную квалификацию, но также нематериальные активы, такие как креативность, инновационное мышление, умение решать проблемы, умение адаптироваться, коммуникативные навыки и т.д. Этот ресурс непрерывно развивается и улучшается через обучение, опыт работы и социальное взаимодействие [6, с. 154].

На базе трудов разных исследователей была разработана авторская концепция компонентов человеческого капитала современной личности. Следовательно, мы можем выделить следующие ключевые составляющие человеческого капитала с кратким пояснением каждого из них: образование и профессиональные навыки (уровень образования, специализация, профессиональная подготовка и сертификации, предоставляет людям базовые знания и навыки, необходимые для успешной адаптации к изменяющимся условиям жизни и работы; профессиональные навыки представляют собой специализированные знания и умения, необходимые для выполнения определенной работы или профессии); опыт работы (представляет собой накопленное знание и умение, приобретаемое сотрудниками в процессе выполнения своих обязанностей и решения различных задач); нематериальные активы (включают в себя личностные качества, социальные навыки, мотивацию, креативность, а также умение адаптироваться к изменениям и принимать риски); здоровье и физические способности (основа производительности и эффективности работы индивида); социальный капитал (способность человека взаимодействовать, сотрудничать и строить отношения с другими людьми); цифровая грамотность как новый компонент человеческого капитала (освоение цифровых технологий и адаптация к работе с ними) [7, с. 22–23].

Каждый из рассмотренных выше компонентов человеческого капитала следует полноценно пополнять. Основным же способом эффективного пополнения компонентов человеческого капитала является самообразование, так как сейчас активно реализуется тенденция непрерывного образования. Самообразование в указанном контексте следует рассматривать как ключевой ресурс пополнения человеческого капитала женщины. Так, предлагается понимать под самообразованием ресурс формирования человеческого капитала, в рамках которого субъект ведет активную образовательную деятельность, самостоятельно выстраивает процесс приобретения и совершенствования знаний, умений и навыков как с помощью образовательных организаций, так и без них [7, с. 22–23].

В 2024 году было проведено комплексное социологическое исследование человеческого капитала, в котором приняли участие жители г. Иваново и Ивановской области. С помощью анкетирования было опрошено 1004 человека, среди них 604 респондента – женщины. Был проведен анализ того, какие компоненты в большей степени значимы для женщин разных возрастов г. Иваново и Ивановской области и являются наиболее востребованными. Данный аспект исследования позволяет выявить возможные точки роста для женщин в г. Иваново, а также обозначить проблемные моменты при восполнении конкретных компонентов человеческого капитала женщин. В соответствии с тем, какими практиками самообразования занимаются женщины, можно выявить, на пополнение какого компонента человеческого капитала они направлены.

При анализе причин занятий самообразованием женщин разных возрастов, можно отметить, что все опрошенные женщины в большей степени объясняют свою мотивацию через следующие компоненты человеческого капитала: образование и профессиональные навыки; нематериальные активы. Женщинам разных возрастов важно в первую очередь восполнить именно те компоненты человеческого капитала, которые связаны с их профессиональной деятельностью и саморазвитием, чтобы соответствовать требованиям современного общества. Также участникам исследования предлагалось отметить, какими видами практик самообразования они занимаются. Каждая группа соответствующих практик самообразования направлена на пополнения разных компонентов человеческого капитала. Таким образом, получилось выявить, какой компонент человеческого капитала женщины восполняют в большей степени и какой считают наиболее значимым для самореализации и поддержания комфортного уровня жизни.

Девушки 16–18 лет в основном восполняют социальный капитал, им важно построение взаимовыгодных коммуникаций, формирование первых социальных навыков для построения будущей образовательной траектории. В меньшей степени они восполняют такой компонент, как цифровая грамотность, так как в целом молодежь подросткового возраста адаптивна к новым технологиям и пока не имеют явной потребности в самообразовании по данному компоненту. Также они не вкладываются в свое здоровье и физические способности в силу возраста, данный компонент получается сохранять полноценным без дополнительных усилий.

Опрошенные девушки в возрасте 19–25 лет указывают наиболее восполняемыми такие компоненты, как опыт работы и образование, и социальные навыки. В данном возрасте как раз появляются первые возможности для трудоустройства и карьерного роста. Это говорит о том, что молодые женщины нередко ставят карьеру на первое место. Меньше всего в этом возрасте девушки вкладываются в социальный капитал, рассчитывая в основном на собственные силы при карьерном росте. Однако возникают проблемы по другим компонентам, например, здоровье и физические способности. Излишняя погруженность в выстраивание карьеры приводит к раннему выгоранию, эмоциональному упадку и т.д. Развитый социальный капитал позволяет наладить коммуникации с окружающими и эффективнее реализоваться в любой трудовой деятельности. Среди девушек в возрасте от 26 до 35 лет самыми восполняемыми компонентами являются образование, профессиональные навыки, здоровье и физические способности. Также отмечается тенденция карьеризма, однако девушки более старшего возраста уделяют внимание и компоненту здоровья как одному из основополагающих. Опыт работы отходит на второй план. Также в меньшей степени опрошенные девушки восполняют свои нематериальные активы. Это говорит о том, что узконаправленные профессиональные навыки более значимы, нежели личные качества (мотивация, целеустремленность, креативность, адаптивность). Указанные качества способствуют более стремительному карьерному продвижению, поэтому выявляется проблема: хардскиллс молодые женщины ставят в приоритет проработки выше софтскиллс. Говоря о женщинах 36–49 лет, можно отметить, что они вкладываются как в нематериальные активы, так и в профессиональные навыки и образование. Также в приоритет выходит цифровая грамотность. В этом возрасте женщины указывают на необходимость непрерывного образования, показывая, что

нужно развивать и хардскиллс, и софтскиллс, и цифровую грамотность. Однако при необходимости постоянного развития и повышения квалификации меньше восполняется компонент здоровья и физических способностей. Женщины 50–65 лет отдают предпочтение развитию социального капитала – коммуникаций и сотрудничеству. Однако с другими компонентами человеческого капитала по данным исследования женщины этой возрастной группы не работают.

В зависимости от материального положения женщины также ставят в приоритет разные компоненты человеческого капитала. Опрошенные с очень низким материальным положением чаще ставят на первый план нематериальные активы, с низким – социальный капитал, со средним – здоровье, физические способности и цифровую грамотность, с доходом выше среднего – опыт работы, с достаточно высоким – образование и здоровье, с очень высоким материальным положением – опыт работы и образование. Следует отметить, что чем выше материальное положение, тем больше женщина вкладывается в компоненты человеческого капитала, связанного с ее профессиональной деятельностью.

Также стоит отметить, что приоритеты женщин в формировании человеческого капитала зависят и от места проживания. Жительницы областного центра (г. Иваново) отмечают, что основными компонентами человеческого капитала для них являются опыт работы, образование и профессиональные навыки, а также цифровая грамотность. Для жительниц региона наиболее приоритетными компонентами являются социальный капитал и здоровье.

Анализ барьера пополнения компонентов человеческого капитала показал упадок возможностей для самообразования в регионах Ивановской области – недостаток технологий и оборудования, нехватка мест для занятий самообразованием. Также проблемами при занятиях самообразованием для пополнения человеческого капитала являются нехватка финансов и трудности с мотивацией.

Список литературы

1. Бурдые, П. Формы капитала // Экономическая социология. – Т.3 – 2002. – №5. – С. 60–74.
2. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – №3. – С.122–139.

3. Коробова, О. О. Женское предпринимательство: проблемы и перспективы // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2024. – № 3(79). – С. 19–29.
4. Коробова, О. О. Формирование ESG-компетенций менеджмента как фактор устойчивого развития бизнеса // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. – 2024. – № 1(59). – С. 42–52.
5. Медведева, О. О. Человеческий капитал: понятие, структура и основные характеристики // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – №7(41). – 2019. – С. 80–86.
6. Смыслов, Д. А. Построение индикатора человеческого капитала социальных групп. М.: Синергия, 2018. – 249 с.
7. Ульянкина, А. Ю., Краснова, Т. В. Самообразование как ресурс формирования человеческого капитала личности//Вестник «Сургутского государственного педагогического университета». – 2024. – №5(92). – С.18–28.
8. Хоконов, А. А. К вопросу о значении фактора человеческий капитал в инновационном развитии страны // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2015. – №1 (21). – С. 76–80.

Korobova Olga Olegovna
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of the Department of Sociology,
Social Work and Human Resources Management,
Ivanovo State University, Ivanovo
E-mail: olga-korobova@list.ru

Ulyankina Alexandra Yurievna
Senior Lecturer of the Department of Sociology, Social Work
and Human Resources Management,
Ivanovo State University, Ivanovo
E-mail: chusova.sasha@mail.ru

FORMATION OF WOMEN'S HUMAN CAPITAL THROUGH SELF-EDUCATION

Abstract. For successful self-realization, a modern woman needs to replenish her human capital. The article examines the concept of human capital and its

structure. The author's concept of the components of human capital of a modern person is presented.

Keywords: human capital, components of human capital, self-education, continuous education

Куликов Вячеслав Александрович

студент кафедры социология

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: kulax-slava@mail.ru

Щитко Владимир Сергеевич

кандидат экономических, доцент кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: sl100@mail.ru

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема кибербуллинга как современного социального феномена. Исследуются ключевые подходы к определению кибербуллинга, его особенности, которые отличают его от классического буллинга. Проводится теоретический анализ кибербуллинга как формы девиантного поведения в современном обществе.

Ключевые слова: девиантное поведение, цифровая среда, кибербуллинг

Рост числа людей, которые проводят много времени в интернет-пространстве, а также перенос различных социальных взаимодействий в цифровую среду порождают новые формы девиантного поведения. Одной из таких форм является кибербуллинг, который может представлять опасность для психического, морального здоровья и социального благополучия личности, особенно среди молодежи. Несмотря на актуальность проблемы кибербуллинга, в научном сообществе сохраняется дискуссия относительно точного определения понятия «кибербуллинг» и его истолкования в рамках различных социологических теорий.

Впервые термин «cyberbullying» ввел канадский педагог Билл Белси в 1997 году. Он понимал под кибербуллингом использование информационных и коммуникационных средств для умышленного, регулярного и враждебного поведения человека или группы людей, целью которого является нанесение вреда другим [1, с. 12].

Кибербуллинг как форма девиации вытекает из классического буллинга. Дэн Ольвеус, норвежский психолог, дал определение термину «буллинг» в 1993 году и понимал его как преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы [4, с. 24]. Он выделял критерии буллинга, которые можно перенести и на кибербуллинг: 1) намеренная агрессия; 2) повторяемость действий; 3) дисбаланс власти (жертве не так просто себя защитить).

Г.У. Солдатова, российский эксперт в области психологии интернета и кибербезопасности молодежи, определяет кибербуллинг через его конкретные формы, такие как хейтерство, троллинг, киберсталкинг и т.д. [5, с. 140]. Согласно результатам исследования Солдатовой, молодежь проводит в интернете зачастую больше времени в течение дня, чем без него. Вследствие этого появляется потребность в цифровой социализации, для которой следует учитывать разностороннюю онлайн-деятельность детей и подростков, и которая не только может меняться в зависимости от возраста и способствовать обогащению различных сфер жизни, но также способна причинять вред, затруднять развитие и адаптацию.

Негативное влияние на цифровую социализацию может оказать кибербуллинг как форма девиантного поведения. Под девиантным поведением понимается устойчивое поведение индивидуума, которое отклоняется от общепринятых норм. Это могут быть общеизвестные морально-нравственные принципы, правила этики, а также существующие законы. Есть несколько факторов, которые отличают кибербуллинг от классического буллинга. Во-первых, агрессор может скрывать свою личность, из-за чего возникает чувство безнаказанности. Во-вторых, у такой травли отсутствуют временные и пространственные границы, она проникает в личное пространство человека (квартира, дом) в любое время суток в зависимости от того, где и когда человек использует интернет-пространство. В-третьих, как и в жизни травля сопровождается наблюдателями, но в интернет-пространстве их может оказаться больше, что в свою очередь усиливает ущерб психическому здоровью индивида.

Кибербуллинг как форму девиантного поведения можно рассматривать через призму социологических теорий. В контексте цифровой среды особенно актуальной становится теория аномии Э. Дюркгейма. В своей работе «Самоубийство» Дюркгейм отмечал, что аномия возникает, когда социальные нормы ослаблены или отсутствуют, а новые еще не устоялись [2, с. 278]. Интернет-пространство, будучи относительно новым социальным полем, представляет собой классический пример такой аномичной ситуации. Официальные правила платформ часто носят формальный характер и слабо усваиваются пользователями, в то время как неформальные, ситуативные нормы (например, «троллинга как развлечения») могут преобладать в отдельных группах. При этом не все пользователи соблюдают нормы онлайн-поведения, время от времени нарушая их. Это может приводить к девиантным действиям, включая кибербуллинг, которые в условиях нормативной неопределенности не воспринимаются агрессором как серьезное нарушение.

Кибербуллинг может быть проявлением одного из пяти типов поведенческих реакций по Р. Мертону, а именно «бунта» против существующих норм в интернет-пространстве. Согласно Мертону, «бунт» возникает, когда индивид отвергает и цели общества, и институциональные средства их достижения, стремясь заменить их новыми [3, с. 305]. В цифровом контексте агрессор может отвергать провозглашаемые ценности взаимодействия в сети (уважение, толерантность, безопасность) и легитимные средства самореализации (создание позитивного контента, конструктивная дискуссия). Вместо этого он избирает девиантные средства (оскорбления, травлю) для достижения альтернативных целей: утверждения власти, получения садистского удовольствия или укрепления групповой солидарности внутри цифровой среды, где объект травли служит общим врагом. Таким образом, с точки зрения типологии Р. Мертона, кибербуллинг не просто нарушение правил, а активная форма протеста, выражающаяся в демонстративном отвержении норм цифрового взаимодействия и попытке установления собственных «правил игры» в интернет-пространстве.

Травля в интернете осуществляется разными способами: это может быть троллинг, харассмент, флейминг, киберсталкинг, распространение личной информации или компрометирующих материалов, создание унижающих страниц. Данные понятия являются относительно новыми, поэтому подробнее разберем каждое из них.

Троллинг (от англ. «trolling») – намеренно плохое поведение, которое может провоцировать конфликты и способствовать унижению других пользователей различными методами. Тролли (агрессоры) публикуют вызывающие, оскорбительные или вводящие в заблуждение сообщения в социальных сетях, на различных форумах, в комментариях под постами и т.д.

Харассмент – форма отклоняющегося поведения, при которой один человек регулярно оказывает давление на другого, злоупотребляя имеющейся властью. Харассмент может проявляться по-разному, включая унижение, запугивание индивида, оскорбления по национальному признаку, полу, расе, религии или любой другой характеристики, которая позволяет задеть чувства человека.

Флейминг в интернет-пространстве – это эмоциональные, агрессивные споры, где участники зачастую переходят на личности, оскорбляют друг друга и редко приходят к мирному диалогу и решению. Целью такого действия становится вызов эмоциональной реакции у остальных интернет-пользователей и формирование враждебной среды в онлайн. Флейминг часто встречается в интернет-форумах, чатах, социальных сетях.

Киберсталкинг – это умышленное преследование человека в цифровой среде, которое нарушает личные границы и вызывает дискомфорт на психологическом уровне. Целью киберсталкинга является запугивание жертвы. Агрессоры используют различные социальные сети, электронную почту, онлайн-чаты и другие платформы. Заниматься киберсталкингом может один человек или группа лиц – знакомые или незнакомые жертве.

Стоит отметить, что некоторые формы кибербуллинга способны перерасти в киберпреступность, под которым понимается противоправная деятельность, осуществляемая с помощью компьютерных технологий. Персональный компьютер и сети выступают в качестве предмета, орудия или средства преступления. Так, незаконный сбор сведений об интернет-пользователе, распространение личной информации (доксинг) являются нарушением неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) [6].

Все вышеизложенное помогает определить кибербуллинг как особую форму девиантного поведения, обладающую рядом уникальных характеристик (анонимность, удаленность, вирусность), обусловленных спецификой цифровой среды. Учитывая возрастающую зависимость от интернета, необходимо обучать пользователей, в частности молодежь, кибербезопасности или онлайн-нормам, чтобы интернет-пространство было благоприятной средой для всех участников.

Список литературы

1. Белси, Б. Cyberbullying: An Emerging Threat to the "Always On" Generation / Б. Белси // Teacher. – 2007. – № 1. – С. 12–15.
2. Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм; пер. с фр. с сокр.; под ред. В. А. Базарова. – М. : Мысль, 1994. – 399 с.
3. Мертон, Р. К. Социальная структура и аномия / Р. К. Мертон // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М. : Прогресс, 1966. – С. 299–313.
4. Ольвеус, Д. Буллинг в школе: что мы знаем и что мы можем сделать / Д. Ольвеус; пер. с англ. – М. : Генезис, 2012. – 140 с.
5. Солдатова, Г. У. Цифровая социализация подростков в российской провинции: теоретико-эмпирический анализ / Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик, Е. И. Рассказова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2020. – № 3. – С. 131–161.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Kulikov Vyacheslav Alexandrovich

Student of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: kulax-slava@mail.ru

Shchitko Vladimir Sergeevich

Candidate of Economics, Associate Professor of the Department

of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: sl100@mail.ru

CYBERBULLYING AS A MODERN FORM OF DEVIANT BEHAVIOR IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Abstract. This article examines the problem of cyberbullying as a modern social phenomenon. It explores key approaches to defining cyberbullying and its characteristics that distinguish it from classic bullying. The article provides a theoretical analysis of cyberbullying as a form of deviant behavior in modern society.

Keywords: deviant behavior, digital environment, cyberbullying

Лебедев Никита Александрович
студент кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: nikitlebedew@yandex.ru

РИСКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В РАМКАХ ТЕОРИИ УЛЬРИХА БЕКА

Аннотация. В статье проводится анализ общества потребления с точки зрения наличествующих в нем рисков. Для достижения этого используется теория общества риска Ульриха Бека. Особое внимание уделяется специфике угроз в обществе потребления, неравенству, идеологии потребления и ряду иных вопросов. Также выявляется имманентная рискологическая сущность общества потребления, характерная для подобного социального устройства априори.

Ключевые слова: Ульрих Бек, общество риска, риск, угроза, общество потребления, потребительство

Немецкий социолог Ульрих Бек, разрабатывая теорию общества риска, отмечает, что в современном обществе одновременно с ростом производимых и потребляемых благ растет и обусловленное данными процессами число рисков. Исследователь приходит к выводу об амбивалентности общества потребления: чем выше уровень развития производительных сил, чем шире распространяется идеология потребления, изобилия и успеха, тем с более масштабными угрозами сталкивается общество [1, с. 11].

В современном обществе, как отмечает У. Бек, риски кардинально отличаются от рисков предыдущих эпох: они зачастую невидимы как для рядового индивида, так и для науки; их обнаружение и препятствование им если и осуществляется, то лишь ресурсами последней, а общественность в целом зачастую остается в неведении и невозможности справиться с рисками и осознает их наличествование лишь по уже проявившимся последствиям (что, например, может произойти через несколько поколений). Кроме того, спецификой риска в массовом обществе выступает его рассредоточенность в товарах и благах производства: в силу неконтролируемого потребления и распространения товаров по всему миру риск, связанный с тем или иным

материалом или следствием производства, может наличествовать всюду, во всем мире [1, с. 28].

То есть У. Бек говорит о том, что риски повсеместно проникают в жизнь подавляющего большинства индивидов посредством потребительских практик, которые являются неконтролируемыми и масштабными.

Вышеописанная ситуация приводит к новому витку углубления неравенства: власть концентрируется в той среде, где о рисках хотя бы наличествует представление, а также там, где есть возможность управлять рисками и использовать их в тех или иных целях.

Последнее часто реализуется посредством производства и потребления, направленного против рисков: борьба с выявленными рисками осуществляется с помощью производства новых товаров, минимизирующих риски или созданных для борьбы с ними. Однако безопасность вновь произведенных «безопасных» товаров также не гарантирована, что в дальнейшем побудит к производству новых благ, должных оказаться более безопасными. То есть речь идет о коммерциализации риска: производство и борьба с рисками становятся бесконечными, что в бесконечной степени возбуждает потребительские интенции [1, с. 41].

Подобный замкнутый цикл потребления (товары против риска, которые также оказались небезопасными и требующими новые «безопасные» товары) выступает одним из механизмов воспроизводства наличествующей социальной системы. Здесь преформирование потребностей достигает своей развитой стадии, а потребление утверждает свое несвободное положение.

Если воспроизводство тех или иных рисков выгодно, то необходим и механизм обеспечения спокойствия в обществе (иллюзорного и незначительного, но позволяющего корпорациям функционировать и далее). Так, имеют место сенсации и разбирательства о вреде того или иного товара как такового, или непрекращающиеся споры, провозглашающие опасность или безопасность одного вещества на этой неделе, а иного – на следующей. Подобная бурная деятельность, обсуждение в СМИ, вероятно, способны позитивно повлиять на общество, в особенности при активизации политических движений против чего-либо, однако, по своей сути подобные маленькие разбирательства относительно частного лишь создают иллюзию прозрачности, осведомленности и защищенности (способ успокоить массы) [5, с. 38].

Подобный механизм может выступать средством эскапизации, так как погружает индивида в знакомую среду обсуждений, создает образ компетентности и общности интересов, что в ряде случаев может создать частную реальность существования, отчужденную от реального мира и функционирующую лишь виртуально. Причем уверенность в безопасности подобных эскапистов в силу осведомленности о рисках не есть истина в последней инстанции, так как функционирует исходя из допущения верности наличествующего знания, что не всегда является так, что обусловлено невозможностью предугадать всю комбинаторику наличествующих факторов).

Ситуацию усложняет и то, что, хотя наука условно и может проанализировать безопасность конкретного соединения, конкретного материала и результатов производства, она не способна оценить возможные последствия интеграции ряда компонентов в один фактор. Так, например, бытовая химия, шампуни и гели для душа, продукты питания, попадая в сточные воды могут образовывать такие соединения, которые не спрогнозировал бы ни один ученый. Или потребляемые продукты питания, которые по отдельности влияют на организм очевидным образом, но комбинируясь, дают непредсказуемый результат [5, с. 37].

Помимо производственных, политических, экологических и иных рисков У. Бек также обращает внимание на феномен потребительства как одну из ключевых угроз современного общества. Потребление ради потребления приводит к отмиранию аксиологического ядра личности, главной ценностью которой становится лишь статусная самопрезентация посредством вещей, получение удовольствия от потребления и соответствие ожиданиям массового общества. Подобное игнорирование блага общего и высших ценностей зачастую приводит и к игнорированию рисков, безразличие к глобальным угрозам, которое обусловлено индивидуалистической установкой и благом частного. Кроме того, в подобной идеологии счастья и достатка остается все меньше места возмущениям, недовольствам, открытому пессимизму и критике функционирования общества риска [3, с. 60].

Общество благоденствия, провозглашая своей целью сглаживание неравенства, всеобщее счастье и возможность потреблять без ограничений, в нашем контексте предоставляет возможность всеобщего потребления рисков без возможности ряду слоев населения защититься от них. Способность индивида или группы обезопасить себя прямо зависит от уровня дохода, образования, информации и даже от географического местоположения. Позиция в статусной иерархии позволяет купить безопасность (например, место

жительства, сертифицированные продукты, альтернативные технологии и т.п.). Таким образом, общество потребления одновременно порождает риски и при этом воспроизводит неравный доступ к воспрепятствованию им [1, с. 23].

Кроме того, У. Бек отмечает, что уровень достатка сам по себе не выступает защитой в обществе риска: угрозы глобальны, наднациональны, надпространственны и распространяемы всюду. Индивид из высших слоев общества может быть не застрахован от рисков в той же степени, в какой и индивид из низов. Большее значение здесь играют знание и сознание, которые и определяют реальность и благополучие индивида (зная о рисках, понимая чем они опасны, как с ними бороться и подкрепляя данную информацию материальными средствами и властью индивид способен обеспечить в той или иной степени свою безопасность).

Риски в обществе потребления также характеризуются перманентной хаотичностью и неразберихой в силу обилия действующих на рынке акторов, а также массы производимых ими товаров. Здесь наверняка невозможно сказать, кто именно ответственен за пагубные последствия и какие именно действия привели к формированию нового риска. Корпорации могут провозглашать свою деятельность социально ответственной, однако в реальности справедливость подобных тезисов подтвердить практически невозможно [5, с. 38]. Ситуацию усложняет и риторика максимизации прибыли, утилитаризма и прагматизма общества потребления: провозглашение социальной ответственности допустимо в той мере, в какой оно полезно делу. Если подобная забота о рисках угрожает доходу и реализации частного интереса, то она не является приоритетной [3, с. 62].

У. Бек приходит к выводу, что существование общества риска сопряжено с существованием в условиях имманентных катастроф: риск – нормальное следствие функционирования и развития общества потребления; он (риск) – один из системообразующих и сущностных принципов современной цивилизации [4, с. 44].

Таким образом, исходя из анализа рисков применительно к обществу потребления, можно сказать, что модели общества риска и общества потребления суть взаимно порождающие друг друга. Теория общества риска Ульриха Бека показывает, что максимизация производства и потребления порождает не только новые блага, но и новые риски, которые характеризуются пространственной и стратификационной рассредоточенностью. Здесь потребление – главный способ проникновения рисков в повседневность, а

также основной механизм их производства. Специфика рисков в обществе потребления проявляется в их коммерциализации и непрерывном воспроизводстве. Вместе с тем доступ к защите распределен неравномерно и усиливает социальную стратификацию. А обнаружению, прогнозированию и препятствованию рискам отводится роль науки: лишь ее методы и исследования способны противодействовать рискам, которые, зачастую, невидимы для общественности и носят отложенный характер проявления (то есть общественность как таковая не способна обнаружить риск и бороться с ним).

Следовательно, общество потребления является не только источником рисков, но и механизмом поддержания неравенства, маскируемым риторикой благоденствия и счастья. Именно в противоречии между стремлением к комфорту, благополучию и порождением глобальных угроз проявляется сущность современного общества потребления.

Список литературы

1. Бек, У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с. – Пер. изд.: Beck U. Risikogesellschaft. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.
2. Долгов, А. Ю. Жизнь в обществе риска: обзор специального выпуска *Journal of risk research*, посвященного интеллектуальному наследию Ульриха Бека // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. – М. – 2022. – № 4. – С. 37–55. ISSN: 2219-8830. DOI: 10.31249/rsoc/2022.04.03.
3. Калабекова, С. В. Риски общества потребления // Политика и общество. – М. – 2018. – № 6. – С. 58–63. ISSN: 2454-0684. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.6.26301.
4. Немеров, Е. Н. Риск как структурный элемент современной цивилизации в концепции "общества риска" Ульриха Бека // Современные исследования социальных проблем. – Красноярск. – 2018. – № 2–1. – Т. 10. – С. 37–47. ISSN: 2218-7405. DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-37-47.
5. Тихазе, Д. К. Человек в мире вещей / Д. К. Тихазе, А.С. Курилова. – М.: ДЕПО, 2010. – 192 с. ISBN 978-5-904648-02-2.

Lebedev Nikita Aleksandrovich
Student of the Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: nikitlebedew@yandex.ru

RISCOLOGICAL ASPECT OF CONSUMER SOCIETY: SOCIOLOGICAL ANALYSIS WITHIN THE FRAMEWORK OF U. BECK'S THEORY

Abstract. The article analyzes the consumer society from the perspective of the risks inherent within it. Ulrich Beck's risk society theory is used to achieve this. Particular attention is paid to the specific nature of threats in a consumer society, inequality, the ideology of consumption, and a number of other issues. The article also identifies the immanent risk-related essence of the consumer society, which is characteristic of such a social structure a priori.

Keywords: Ulrich Beck, risk society, risk, threat, consumer society, consumerism

Лествиг Елизавета Сергеевна

студентка кафедры общей социологии и социальной работы

Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

E-mail: llestvig@gmail.com

Ермилова Анна Вячеславовна

кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии

и социальной работы

Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

E-mail: ermilova.75@bk.ru

БРИКС КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ РОССИЙСКИХ СПОРТСМЕНОВ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИЗОЛЯЦИИ

Аннотация. Исследуется роль объединения БРИКС в преодолении международной спортивной изоляции российских спортсменов. На основе анализа статистических данных и официальных документов показано, что БРИКС трансформировался в эффективную спортивную платформу, позво-

ляющую сохранить профессиональные связи и интегрироваться в новое глобальное спортивное сообщество. Особое внимание уделяется динамике развития Игр БРИКС как ключевого инструмента данной стратегии.

Ключевые слова: БРИКС, российские спортсмены, международная изоляция, Игры БРИКС

Современный российский спорт столкнулся с фундаментальным вызовом, связанным с целенаправленной международной изоляцией атлетов. Массовое отстранение от крупнейших соревнований подорвало не только индивидуальные карьеры российских спортсменов, но и возможность России оставаться частью глобального спортивного сообщества. Ключевыми последствиями стали утрата соревновательной практики, профессиональная стагнация, разрыв международных связей, формировавшихся десятилетиями, в том числе сокращение профессионального долголетия спортсменов высших достижений [3].

Ответом на эти вызовы стала последовательная государственная политика РФ. В рамках реализации Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года [9] наблюдается рост популярности международных соревнований, таких как Игры БРИКС, Игры стран СНГ и Всемирные игры дружбы. Это отражает понимание роли спорта в обеспечении общественного благосостояния российского общества.

Инициатива создания Игр БРИКС принадлежит Российской Федерации и впервые была предложена в 2022 году. Как отмечается в историческом обзоре проекта, «идея проведения Игр БРИКС была выдвинута Россией в рамках ее председательства в объединении» [6]. Эта инициатива стала логическим продолжением развития спортивного сотрудничества в рамках альянса, которое началось еще с 2015 года с проведения отдельных спортивных мероприятий.

Ключевые цели создания Игр БРИКС, сформулированные российским руководством, включали:

- создание новой платформы для спортивного сотрудничества вне политизированной международной спортивной системы;
- укрепление гуманитарных связей между странами-участницами;
- развитие массового спорта и здорового образа жизни;
- обеспечение равных возможностей для всех спортсменов стран БРИКС.

Министр спорта Российской Федерации О.В. Матыцин подчеркивал, что главными задачами Игр являются «укрепление дружеских связей, продвижение ценностей честной игры и создание условий для развития спорта высших достижений» [8]. Особый акцент делался на том, что Игры БРИКС должны стать альтернативой существующим международным спортивным форумам, где зачастую преобладают политические мотивы.

Следовательно, спорт становится неотъемлемой частью арсенала публичной дипломатии в рамках альтернативных центров влияния. Для России в условиях ограничений БРИКС открыл возможность эффективно влиять на общественное мнение за рубежом, а также стал официальным каналом для международного признания российских спортсменов. Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно подчеркивал стратегическую важность БРИКС, отмечая, что объединение «играет важнейшую роль в консолидации международных усилий, направленных на создание справедливого миропорядка» [2]. Это в полной мере относится и к спортивной сфере, где БРИКС способствует формированию новой модели сотрудничества, свободной от политического давления.

Масштабное увеличение спортивных возможностей российских спортсменов во многом обусловлено расширением БРИКС в 2023-2024 гг. (присоединение Египта, Ирана, ОАЭ, Саудовской Аравии и Эфиопии [11]), которое имеет стратегическое значение для России, так как обновленная «десятка» контролирует более 40% мировой добычи нефти. Это делает БРИКС не просто экономическим блоком, а стратегическим игроком, для которого спорт становится одним из ключевых ресурсов «мягкой силы» [13].

Качественным скачком в спортивном сотрудничестве стали первые Игры БРИКС в Казани (2024 год). Если первоначально сотрудничество в 2015-2023 годах носило фрагментированный характер и ограничивалось отдельными турнирами, то к 2024 году была создана разветвленная институциональная структура, включающая форумы, встречи министров и экспертные рабочие группы по спорту [1]. Этот этап имел решающее значение, поскольку именно он заложил крепкую административно-организационную основу для успешной реализации крупных спортивных инициатив. Ключевым фактором, обеспечившим успех Игр, стала всесторонняя поддержка со стороны руководства России. В ходе своего выступления на церемонии открытия, глава российского государства В.В. Путин подчеркнул, что «Игры БРИКС – это не только спортивные состязания, но и мост дружбы между

народами наших стран» [10]. Эта оценка подчеркивает политическое значение мероприятия как инструмента укрепления международного сотрудничества.

Масштабы Игр БРИКС-2024 свидетельствуют об их стратегическом значении:

- количество участников: более 4,5 тысяч спортсменов из 86 стран;
- спортивная программа: 27 видов спорта;
- аудитория в русскоязычных социальных медиа: свыше 3,8 млн публичных реакций [5].

Проводя параллель с Олимпийскими играми, в которых в среднем участвуют от 3000 до 11 тыс. спортсменов, в зависимости от сезона, следует сказать, что Игры БРИКС уже сейчас можно назвать одним из самых крупных спортивных событий в мире, и для многих это фактически новая «Олимпиада». К тому же программа Игр БРИКС, поддерживая многообразие культур внутри альянса, способствует созданию особой атмосферы для спортивного взаимодействия, включая в себя не только олимпийские виды спорта, но и традиционные дисциплины стран-участниц (самбо, ушу, ориентирование, пляжные виды спорта).

Несмотря на санкционную политику Запада, Игры БРИКС являются для российских спортсменов как ареной для соревнований, так и важной платформой, чтобы подтвердить свой неизменно высокий уровень мастерства. Доказательством профессионализма российских спортсменов являются достигнутые ими результаты:

- 509 медалей: 266 золотых, 142 серебряных, 101 бронзовая;
- первое место в общекомандном зачете;
- установлены десятки рекордов в различных дисциплинах [10].

Помимо спортивных достижений, этот успех несет в себе и важный психологический посыл: он подтверждает, что российский спорт способен сохранять свою силу и конкурентоспособность в мире, даже будучи в условиях изоляции.

Следует признать, что сегодня формируется новая аполитичная социально-профессиональная спортивная общность, включающая в себя спортсменов, тренеров, спортивных врачей, менеджеров, спортивных психологов и иных акторов, взаимодействующих в процессе проведения Игр БРИКС. Возникает уникальное пространство, где спортивные достижения ставятся превыше всего, игнорируя гражданство и политические обстоятельства.

Потенциал для дальнейшего развития партнерства говорит о его долгосрочной направленности. В частности, в 2025 году рассматривается вариант проведение Зимних Игр БРИКС в Сочи [12], прорабатывается возможность формирования постоянного органа по вопросам спорта в структуре БРИКС, разрабатывается программа молодежных обменов и совместных тренировок. Как заявил Президент В.В. Путин, «Россия будет и впредь активно развивать спортивное сотрудничество в рамках БРИКС, создавая новые возможности для спортсменов всех стран-участниц» [4]. Данный факт указывает на наличие целенаправленной стратегии в области формирования альтернативной спортивной инфраструктуры.

Итак, расширение альянса членов БРИКС благотворно отражается на развитии спорта высших достижений в глобальном пространстве. БРИКС предоставил российским спортсменам альтернативные возможности для участия в спортивных мероприятиях в условиях изоляции, обеспечив конкурентную среду. В том числе профессиональное развитие российских спортсменов получает мощный импульс благодаря участию в Играх БРИКС. Стоит отметить, что сформирована основа для долгосрочной стратегии интеграции российского спорта в новую архитектуру международного спортивного сообщества стран Глобального Юга. Как подчеркивал Президент России В.В. Путин, «БРИКС – это не просто аббревиатура, это сообщество цивилизаций, каждая из которых вносит свой вклад в развитие человечества» [7]. В результате расширения БРИКС российские спортсмены смогут воспользоваться уникальными подходами к тренировкам, освоить новые направления в сфере спортивных услуг и получить ценный опыт межкультурного сотрудничества. Следовательно, БРИКС является инструментом, способствующим сохранению социально-профессиональной общности российских спортсменов, а также способствующим их профессиональному долголетию.

Список литературы

1. Буряков, А. С. Проблемы и сценарии функционирования БРИКС в условиях современной геополитической картины мира // Дневник науки. – 2023. – №2. URL: <https://dnevniknauki.ru/images/publications/2023/2/economy/Buryakov.pdf> (дата обращения: 29.11.2025).
2. Выступление Президента России Владимира Путина на заседании саммита БРИКС // beijing.mid.ru. – 2023. сайт. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72142> (дата обращения: 30.11.2025).

3. Ермилова, А. В. Профессиональное долголетие действующих спортсменов высших достижений в современной России: Монография / А.В. Ермилова. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2025. – 398 с.
4. Заседание Совета по развитию физической культуры и спорта // Официальный сайт Президента России. – 2024. сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75343> (дата обращения: 30.11.2025).
5. Игры БРИКС 2024 в мировых соцмедиа. Рекорды многополярного спорта. сайт – URL: <https://brandanalytics.ru/blog/brics-games-2024> (дата обращения: 29.11.2025).
6. Игры БРИКС: история создания и перспективы развития // TV BRICS. – 2024. сайт. – URL: <https://tvbrics.com/news/igry-briks-istoriya-sozdaniya-i-perspektivy-razvitiya/> (дата обращения: 28.11.2025).
7. Интервью Президента России российским СМИ // Официальный сайт Президента России. – 2024. сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75909/videos> (дата обращения: 29.11.2025).
8. Министр спорта РФ назвал главные задачи Игр БРИКС // Sport24. –2024. сайт. – URL: <https://sport24.ru/other/news-625774-ministr-sporta-rf-nazval-glavnyye-zadachi-igr-briks> (дата обращения: 28.11.2025)
9. Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2020 № 3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года». сайт. – URL: https://storage.min-sport.gov.ru/cms-uploads/cms/Aktualnaya_Strategiya_sporta_do_2030_goda_b7b1cb62e1.pdf (дата обращения: 23.11.2025).
10. Россия завоевала 266 золотых медалей и победила в общем зачете Игр БРИКС // РИА Новости. – 2024. сайт. – URL: <https://ria.ru/20240624/briks1955178773.html> (дата обращения: 29.11.2025).
11. Состав БРИКС и кандидаты на вступление. Инфографика. сайт. – URL: <https://mir24.tv/articles/16605884/sostav-briks-i-kandidaty-na-vstuplenie-infografika> (дата обращения: 29.11.2025).
12. Универсиада-лайт или замена Олимпиаде в Париже: чего ждать от Игр БРИКС? Business Gazette. – 2024. сайт. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/636674> (дата обращения: 28.11.2025).

13. Что такое БРИКС и почему о нем важно знать бизнесу. сайт. – URL: <https://allo.tochka.com/bricks> (дата обращения: 28.11.2025).

Lestvig Elizaveta Sergeevna

*Student of the Department of General Sociology and Social Work
Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky,
Nizhny Novgorod*

E-mail: llestvig@gmail.com

Yermilova Anna Vyacheslavovna

*Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor
of the Department of General Sociology and Social Work
Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky,
Nizhny Novgorod*

E-mail: ermilova.75@bk.ru

BRICS AS A TOOL FOR PRESERVING THE SOCIAL AND PROFESSIONAL COMMUNITY OF RUSSIAN ATHLETES IN THE CONDITIONS OF GEOPOLITICAL ISOLATION

Abstract. This article examines the role of the BRICS association in overcoming the international sports isolation of Russian athletes. Based on an analysis of statistical data and official documents, it demonstrates that BRICS has transformed into an effective sports platform, enabling the preservation of professional ties and integration into the new global sports community. Particular attention is paid to the development dynamics of the BRICS Games as a key tool in this strategy.

Keywords: BRICS, Russian athletes, international isolation, BRICS Games

Лоза Валерия Георгиевна
студентка магистратуры направления подготовки
«Государственное и муниципальное управление»
профиль «Социально-культурные проекты современного города»
Университет Правительства Москвы, г. Москва
E-mail: loza.valeriya@bk.ru

Глухова Мария Федоровна
профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин
и истории права, доктор социологических наук, доцент
Университет Правительства Москвы, г. Москва
E-mail: llc.russia@mail.ru

РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ И РУССКАЯ ОБЩИНА: УКРЕПЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ И СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. В кризисах русской общины в начале XX века и современной российской семьи в начале XXI века есть немало общих моментов, а роль этих общественных институтов в деле сохранения и укрепления традиционных культурных ценностей нашего народа на протяжении многих веков трудно переоценить.

Ключевые слова: XX век, русская община, кризис, институт семьи, традиционная культура, государство, социокультурные проекты

Семья как институт сохранения и трансляции традиционной этнической культуры – это факт непреложный и общепринятый в научной среде уже много веков как. Важность института семьи и брака в современном обществе неоспорима, ведь именно в рамках родительской семьи человек получает первичную социализацию, а впоследствии реализует себя во взаимоотношениях с партнером и детьми уже во вновь созданной семье. Также очевидно, что в результате создания новой семьи не останавливается процесс становления и развития личности взрослого человека – напротив, в процессе коммуникации в семье продолжается развитие личностей всех ее членов от мала до велика.

Однако и факт того, что институт семьи и брака в настоящее время находится в острой фазе кризиса, также в свою очередь никем не подвергается сомнению.

В России, наряду с другими развитыми странами, господствуют такие

негативные тенденции, как неустойчивость брачных союзов и рост числа разводов, падение рождаемости и сознательная бездетность.

В рамках данной статьи, разумеется, невозможно сколько-нибудь фундаментальное исследование всех этих факторов или генезиса текущего кризиса семьи, однако в целях поиска нашего собственного российского рецепта предлагается обратить внимание на аналогию с разрушением русской общины.

Российская империя в начале XX века вдруг увидела пагубность существования русской общины и царский указ 9 ноября 1906 г. о раскрепощении общины стал началом конца этого российского института.

Чем же была русская община для русского человека? Община спасала русского крестьянина не только от разорения, но и от нравственного упадка. Известный факт, что русские сельские общины были защитой самым уязвимым слоям населения: детям-сиротам, одиноким женщинам и старикам. Опираясь на православные христианские ценности, русские крестьяне считали грехом не подать голодающему члену общины, даже если тебе самому завтра придется голодать, т.е. поделиться действительно последним. Трудолюбие ценилось как одно из основных достоинств человеческой личности. Жажда наживы и обогащения за счет чужого труда порицалась. Крестьяне воспринимали общину как критерий социальной и духовной зрелости человека. [1]

Общинный тип жизни формировал такие качества характера, как сплоченность, ответственность перед «миром», взаимную поддержку. Все эти качества наряду с атмосферой общности и братства позволили русскому народу не только выжить в суровых природно-климатических условиях, но и сформировать особенную культурную традицию.

Таким образом, мы можем констатировать и экономическое, и культурное, и социальное, и политическое и даже ювенальное значение института русской общины. Роль российского государства в судьбе этого общественного института такая же огромная и действительно определяющая, как и для рассматриваемого в настоящей статье коллективного социального элемента – российской семьи.

Реформы российского государства, начатые с 90-х годов XX века, в сфере семейной политики, как и во многих прочих, шли строго в русле новых европейских ценностей, так, была почти скопирована ювенальная юстиция, которая при все своих достоинствах и неоспоримых плюсах является де-факто внешним и радикальным инструментом разрушения семьи путем

противопоставления ребенка родителям и родителей друг другу. Отнюдь не способствовали укреплению и развитию института российской семьи и прочие веяния европейской свободы, получившие широкое распространение в российском обществе, прежде всего среди молодежи, на рубеже тысячелетия, такие как пропаганда эгоцентризма, гедонизма, культа потребления и различных сексуальных перверсий.

Ценности русской общины сильно напоминают те традиционные ценности, за которые ратует современное российское государство. Есть схожий характер и у деструктивных явлений, поразивших когда-то русскую общину, а теперь российскую семью. Начало XX века в России – время заката русской общины – вошло историю нашей культуры под именем Серебряного века, и это время первого расцвета на русской почве богемной вакханалии, мистицизма, гедонизма и сексуальных перверсий прежде всего в элите российского общества, это время и Брюсова, и Распутина, и Бадмаева и прочих...

2024 год, объявленный в нашей стране годом семьи, ясно продемонстрировал тот факт, что российское государство в следовании за новыми европейскими ценностями вовремя остановилось, прежде всего в семейной политике, буквально на краю пропасти, куда в Европе этот институт скатывается усилиями создателей новоявленных полов, нарушая естественные права человека и отрицая материнство и отцовство в пользу бесполого родительства.

Неоспоримым представляется тот факт, что с появлением каждого нового ребенка благосостояние современной российской молодой семьи снижается и экономическая необходимость семьи и для современной российской молодежи, причем как для российского мужчины, так и для современной российской женщины, более чем неочевидна, в то время как риск при выборе самостоятельной экономической жизни в одиночестве для любого из них стремится к нулю, таким образом, экономический мотив создания и сохранения семьи уступает свое место главного побудительного иным, прежде всего культурным и социальным. Точное ранжирование нового набора побудительных мотивов создания семьи в России требует более тщательного фактического обоснования в рамках отдельного исследования, здесь же необходимо и достаточно ограничиться вышеуказанным предположением, имеющим весьма высокую долю вероятности.

Нельзя не признать позитивным тот факт, что российское государство уже более двадцати лет через так называемый материнский капитал и по

другим косвенным направлениям способствует поддержанию экономики семьи с детьми, а также помогает социально уязвимым группам общества, и тут нельзя не вспомнить вышеприведенную историческую роль и миссию русской общины, и провести аналогию с сегодняшними обязательствами, взятыми на себя в настоящее время российским государством.

Разумеется, для государства ориентиром служит не столько семейный, сколько демографический фактор, и здесь, помимо экономических проблем, налицо попытка остановить вымирание народонаселения ради обеспечения факта самого существования нации, народа, да и государства, разумеется. Тем не менее нельзя игнорировать позитивное влияние современной государственной социальной политики на институт семьи в России, как и отрицать то место в государственной пропаганде патриотизма, которое отводится коллективным, прежде всего семейным ценностям.

Поддержка коллективизма, общности, общественных народных ценностей и целей в государственной политике особенно важны с учетом растущей опасности индивидуализации, ведь именно индивидуализм в своих крайних проявлениях лежит в основе многих, если не всех, социальных процессов, разрушающих традиционные общественные институты, хотя этот факт осознается и принимается далеко не всеми, как и издержки современной демократии в форме навязывания активным меньшинством своей повестки большинству населения.

Поскольку человек по своей природе социален, закономерно, что его успешность определяется успешностью его контактов с другими людьми и наоборот, успешность взаимодействия с окружающими во многом зависит от уровня индивидуальных достижений. В первую очередь этот обоюдоострый по своей значимости процесс касается взаимодействия человека и референтных для него групп, важнейшей из которых является семья. Недаром в гуманистической психологии утверждается, что сегодняшний кризис семьи – это и есть признак и следствие кризиса идентичности современного человека. Представители гуманистического подхода рассматривают семью в качестве посредника между человеком и обществом в процессе развития личности, указывая на то обстоятельство, что любая семья является одновременно как человекоцентрированной, так и социоцентрированной. В последние десятилетия семья находится на этапе неосознанного поиска своего человекоцентрированного статуса [5].

Анализ актуальных научных трудов позволяет заметить, что в среде специалистов превалирует мнение: чем в большей степени актуализируется

тенденция индивидуализации, тем в большей степени растет потребность общества и человека в устойчивых общественных ячейках, одной из которых традиционно является семья. Эта в целом весьма спорная и как минимум дискуссионная идея является попыткой выдать желаемое за действительное, но самим фактом своего обсуждения акцентирует внимание на человеке, индивидууме, интересами которого более не стоит пренебрегать при создании любых социальных конструкций и в теории, и на практике.

На первый план у оптимистически настроенных специалистов выходит концепция реформирования, то есть изменения места семьи в социуме: утверждается, что на смену социоцентрированной семье сегодня приходит человекоцентрированная семья. Преобладание в семье характеристик социальной ориентированности является признаком ее традиционности, в то время как человекоцентрированная семья является продуктом общества информационного. Подтверждением актуальности такого перехода могут служить результаты исследований Е. Н. Картушиной. Так, данным автором было выявлено следующее: сегодня «материальная мотивация вступления в брак и желание воспитывать детей вдвое чаще характерны для лиц с низким уровнем образования, чем с высоким», в то время как «наиболее образованная часть населения ... наиболее ориентирована на высокие профессиональные достижения и максимально откладывает рождение ребенка» [3].

Актуальная ситуация в нашей стране и ее сегодняшнее положение в мире вызывают к памяти той роли, какую сыграла русская община, ее дух и традиция с самых первых дней существования в России государства нового социалистического типа, ведь именно они буквально «пропитали» собой весь уклад жизни советского человека, «... русские крестьяне, вытесненные в город в ходе коллективизации, восстановили общину на стройке и на заводе в виде «трудового коллектива» [2].

Народное сплочение, проникнутое духом коллективной ответственности и солидарности, характерным для общинного уклада жизни, стали залогом победы нашей страны в Великой Отечественной войне, фундаментом восстановления разрушенной войной страны и главной причиной успехов СССР на пути строительства развитого социализма в 60-70 годы XX века.

Анализ и учет результатов исследований современных отечественных и зарубежных авторов позволяет предполагать, что развитие семьи, возможно, пойдет в дальнейшем по пути расширения и дополнения его традиционных функций. Недаром ключевые перспективы развития семьи ученые

связывают с формированием ее как экономически и профессионально ориентированного социального института [5].

Вполне вероятно, что процесс расширения функций семьи будет сопровождаться изменениями в сторону возрастания ее гибкости и мобильности как формы общественных отношений - и тут сохранение социально-культурной традиции, буквально памяти, как стержневой основы семьи не вызывает сомнений.

По своей сути продвижение традиционных культурных ценностей, исходя из определения традиции, является консервативной политикой, а институт семьи, существующий на протяжении не одной тысячи лет, является по факту одной из самых консервативных ценностей современной человеческой цивилизации. Важно отметить, что проектный механизм, являющийся неизменным атрибутом практически всех успешных реформ, во многом благодаря ясному и понятному smart-целеполаганию, может быть использован и с прямо противоположными целями, то есть с целями консервации. Результаты проектов, будучи конкретными и реальными достижениями, становятся теми самыми кирпичами, укрепляющими фундамент, заменяя грунт, вымываемый в результате воздействия разного рода вышеупомянутых разрушительных факторов. И здесь экономические кирпичи, то есть весь перечень мер экономической поддержки со стороны государства молодых семей, многодетных семей, детей с ограниченными способностями, служит важнейшим, а главное надежным вкладом в основание современной российской семьи.

Социально-культурные проекты при таком системном подходе становятся жизненно необходимым цементным раствором для кирпичной кладки в экономическом фундаменте семьи, а эффективное применение PR-технологий способно не просто вернуть моду на семью, но и послужить делу создания крепкой мифологизации семейной культуры – крайне важному, а главное долговременному структурному элементу каркаса современного российского общества. Возвращаясь к признаваемой практически всеми эффективности современной российской государственной пропаганды по воспитанию патриотизма, нельзя не отметить, что учет социокультурного компонента в работе этой машины, например, системная кампания по популяризации семейного досуга по принципу «папа, мама, я – культурная (спортивная) семья», а не насаждаемого до сих пор повсеместно индивидуального, сгруппированного по возрастному или гендерному принципу, то есть

секция или кружок для ребенка, семинар или тренинг для папы и аналогичная отдельная занятность для мамы, способна стать опорой не хуже экономической, прежде всего для молодой семьи.

Список литературы

1. Алаев, Л. Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теории общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе [Текст] / Л.Б. Алаев. – М. ЛЕНАНД, 2016. – 480 с.

2. Кара-Мурза, С. Г. Столыпин – отец Русской революции [Текст]/ С.Г. Кара-Мурза. – М. Изд-во Эксмо, 2003. – 288 с.

3. Картушина, Е. Н. Семейные ценности и тенденции их изменений у студентов в первом десятилетии XXI в //Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – №. 1–2.

4. Саблина, Н. А. Толерантность как способ гармонизации семейных отношений в России: автореф. диссертации канд. социол. наук: 22.00.04. – 2006.

5. Сатир, В. Вы и ваша семья. – 2007; Пезешкиан Х. Позитивная концепция семьи XXI столетия //Неотложная психиатрическая помощь в зоне катастроф и кризисных состояний. Владивосток-Томск. – 1996. – С. 77.

Loza Valeria Georgievna

*Master's student of «State and Municipal Management»
Profile "Social and Cultural Projects of a Modern City"*

University of the Government of Moscow, Moscow

E-mail: loza.valeriya@bk.ru

Glukhova Maria Fedorovna

*Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines
and History of Law*

University of the Government of Moscow, Moscow

E-mail: llc.russia@mail.ru

THE RUSSIAN FAMILY AND THE RUSSIAN COMMUNITY: STRENGTHENING TRADITIONAL CULTURAL AND FAMILY VALUES

Abstract. There are many common features in the crises of the Russian community at the beginning of the 20th century and the modern Russian family at the beginning of the 21st century, and the role of these public institutions in the

preservation and strengthening of the traditional cultural values of our people for many centuries can hardly be overestimated.

Keywords: 20th century, the Russian community, crisis, the institution of the family, traditional culture, state, socio-cultural projects

Лю Ин

*аспирант юридического института кафедры публичной политики
и истории государства и права*

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва*

E-mail: ly6086805@163.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЫЗОВОВ И ПЕРСПЕКТИВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИИ

Аннотация. Россия в условиях изменений глобальной климатической повестки и мировой энергетики ищет пути экологической трансформации, соответствующие национальным интересам. При наличии развитой нормативной базы переход к «зеленому» развитию осложняется структурой экономики, уровнем технологий и внешними обстоятельствами. В статье рассматриваются основные вызовы и потенциал экологической трансформации, а также ее значение для стратегического развития страны и участия в глобальном экологическом управлении.

Ключевые слова: экологическая трансформация, низкоуглеродное развитие, зеленая экономика, зеленые технологии, глобальное экологическое управление

Колебания мировых цен на энергоносители, усиление рисков, связанных с изменением климата, а также формирование глобального консенсуса в пользу низкоуглеродной и «зеленой» экономики ставят Россию перед необходимостью новых стратегических решений в рамках согласования экономического развития и экологической ответственности. Международные обязательства по сокращению выбросов, распространение механизмов углеродного регулирования и тенденция к декарбонизации мировых энергетических рынков ведут к постепенному сужению традиционной экспортной модели России в сфере энергетики. Российская экономика в значительной степени

опирается на нефтегазовый и другие ресурсные секторы, которые одновременно являются опорой ВВП и бюджетных поступлений и, в то же время, источником высоких уровней выбросов и экологических рисков. Любые структурные изменения в этих отраслях неизбежно затрагивают всю экономическую систему, что повышает сложность и чувствительность экологической трансформации [1, с. 55]. Доля возобновляемых источников энергии в структуре первичного энергопотребления России на протяжении длительного времени остается относительно низкой, а объем ВВП, производимый на единицу потребленной энергии, существенно уступает мировому среднему уровню, что свидетельствует о недостаточно высокой энергоэффективности. Несмотря на восстановление экономики после пандемии, совокупное воздействие внешних ограничений, введенных с 2022 года, привело к росту инфляции, удорожанию заимствований и ограничению импорта технологического оборудования. В результате значительно усложнились задачи масштабного обновления производственных фондов и внедрения современных экологически чистых технологий [2, с. 126].

Несмотря на наличие ряда структурных ограничений, исследователи в целом отмечают, что в средне- и долгосрочной перспективе Россия обладает значительным потенциалом для осуществления экологической трансформации. Под воздействием концепции «зеленой экономики» и международной повестки устойчивого развития, формируемой в рамках ООН, требования экологического перехода постепенно интегрируются в национальные стратегические документы и природоохранительное законодательство. При этом промышленность, строительство и транспорт рассматриваются как приоритетные отрасли, в которых экологизация должна осуществляться в первоочередном порядке [3, с. 81]. Российское правительство в ряде ключевых стратегических документов четко обозначает ориентиры развития зеленой экономики. Так, «Декларация о принципах перехода Российской Федерации к зеленой экономике» акцентирует внимание на рациональном использовании ресурсов, обеспечении качественного экономического роста и выполнении международных экологических обязательств. В документах «Национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года» и «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации» экологическая безопасность, климатическая адаптация и устойчивое использование природных ресурсов рассматриваются как важнейшие элементы национальной стратегии.

В рамках реализуемой Россией концепции «Поворот на Восток» активно расширяется сотрудничество с Китаем, государствами Ближнего Востока и странами глобального Юга в таких сферах, как возобновляемая энергетика, энергоэффективное оборудование, зеленое управление и устойчивое развитие Арктики. Высокая степень взаимодополняемости России и Китая в области зеленых технологий, зеленого финансирования и охраны арктической окружающей среды создает дополнительные возможности для технологической поддержки российской экологической трансформации, способствует привлечению внешних ресурсов и укрепляет самостоятельность России в системе глобального экологического управления.

В целом экологическая трансформация России представляет собой сложный системный процесс, основные трудности которого связаны с ресурсозависимой структурой экономики, недостаточным развитием зеленых технологий и влиянием внешних ограничений. Однако по мере интеграции принципов зеленой экономики в стратегические документы и практику государственного управления экологическая безопасность, климатическая устойчивость и зеленый рост становятся ключевыми опорами будущего развития страны. В условиях формирующегося многополярного мирового порядка экологическая трансформация будет способствовать укреплению стратегической автономии России и повышению ее роли в глобальной экологической политике.

Список литературы

1. Александрова, Т. В. Развитие корпоративной экологической ответственности нефтегазового бизнеса в условиях перехода к «зеленой» экономике // *Управленческое консультирование*. – 2019. – № 9 (129). – С. 55–70.

2. Рыженков, А. Я., Садков, А. Н. Актуальные проблемы перехода к «зеленой» экономике в строительстве, промышленности и на транспорте: правовой аспект // *Правовой порядок и правовые ценности*. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 102–114. – DOI: 10.23947/2949-1843-2023-1-1-102-114.

3. Саргсян, А. Д., Сколубович, А. Ю. Развитие зеленой экономики в современных экономических условиях // *Journal of Monetary Economics and Management*. – 2024. – № 4. – С. 81–87. – DOI: 10.26118/2782-4586.2024.88.64.012.

Liu Ying

*Postgraduate study at the Law Institute of the Department of Public Policy
and History of State and Law*

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,

Moscow

E-mail: ly6086805@163.com

A STUDY OF THE CHALLENGES AND PROSPECTS OF RUSSIA'S ENVIRONMENTAL TRANSFORMATION

Abstract. Against the backdrop of constant adjustments to the global climate governance system and profound changes in the global energy architecture, Russia, as a major resource power, is actively seeking environmental transformation pathways that align with national conditions. Despite a solid foundation in environmental quality, environmental legislation, and natural resource management, the transition to a "green" and low-carbon development model is confronted with the impact of structural economic features, the insufficient development of environmentally friendly technologies, and increasingly complex external factors. The process of environmental transformation is clearly staged. This article systematizes the theoretical and practical aspects of Russia's environmental transformation in terms of its key challenges and prospects for further development. This work contributes to a deeper understanding of the strategic development directions of the Russian Federation and its role in the global environmental governance system.

Keywords: environmental transformation, low-carbon development, green economy, green technologies, global environmental governance

Макарова Дарья Дмитриевна
кандидат экономических наук, доцент
Высшая школа туризма и гостеприимства Российского
государственного университета туризма и сервиса, г. Москва
E-mail: rbd6@mail.ru

BUSINESS-FRIENDLY КАК ОСНОВА КОМПЕТЕНТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РАМКАХ ЦИФРОВОГО ПОЛЯ ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТА ТУРИЗМА И ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА

Аннотация. Культура речи и принципы делового общения – основа формирования навыков для компетентного специалиста сферы туризма и индустрии гостеприимства. Сегодняшнее поколение молодых специалистов активно использует цифровые коммуникационные инструменты и позволяет себе упрощать процесс общения как в письменной форме, так и в устной речи, а заимствование иностранных слов и сокращение их до аббревиатур приводит к трансформации русского языка и форм бизнес-коммуникации (business-friendly).

Ключевые слова: культура речи, профессиональный лексикон, гостиничный бизнес, туризм, заимствованные слова, цифровая коммуникация, зарубежный менеджмент, business-friendly

Коммуникация в бизнесе и цифровая коммуникация – это не просто формальный признак в предпринимательской деятельности, а часть корпоративной культуры для создания имиджа предприятия и реальность XXI века. Среди оценочных критериев качественного обслуживания присутствует элемент коммуникации, соблюдение которого обеспечивает бизнесу конкурентное преимущество по отношению к другим его представителям. Правила коммуникации, уважительное и персонализированное обращение к потребителю, скорость обработки запроса и использование профессиональной лексики – это критерии системы business-friendly и успешного бизнеса по отношению к потребителям и покупателям. Каждый вид бизнеса имеет профессиональные слова и речевые обороты. Наблюдается активное заимствование и использование в речи англицизмов.

Влияние зарубежного менеджмента на российский бизнес поспособствовало появлению новых слов или заимствованных фонетико-графических вариантов. Например, слово «факап» переводят с английского языка «fuck up» как серьезная ошибка, а в адаптивном переводе – «испортить что-то или разрушить что-то». Или другие примеры, которые иллюстрируют использование в речи части устоявшегося оборота: рукоделие – хендмейд, покупки – шопинг, творчество – креатив, приемная – ресепшен, выходные – уикенд, подделка – фейк, застой – стагнация, терпимость – толерантность.

Понятие «business-friendly» в академической среде пока не используется и отсутствуют вариации трактовки этого понятия. Зарубежными авторами под словосочетанием business-friendly понимается улучшение бизнес-среды через инструменты сертификации и стандартизации [13].

По мнению автора статьи, business-friendly – это система коммуникации, которая включает стандартные фразы, облегчающие общение и соблюдение правил оформления деловых писем, позволяющие правильно понять партнера и потребителя, а также способствующие формированию коммуникативных навыков через участие в профессиональных выставках и изучение бизнес-литературы. На рис. 1 автором статьи были выделены компоненты понятия «business-friendly».

Рисунок 1. Компоненты понятия «business-friendly»

Источник: рисунок составлен автором

Применение основ культуры речи и корректное соблюдение принципов коммуникации помогают сформировать качественное и персонализированное общение, создавать благоприятную атмосферу, минимизировать конфликтные ситуации, общаться с гостями и использовать соответствующие речевые обороты профессиональной этики. Специалистам сферы туризма и индустрии гостеприимства необходимо соблюдать нормы культуры речи, знать основы профессиональной этики и культурные особенности иностранных гостей. Гордостью любого предприятия сервисного обслуживания являются сотрудники, которые разговаривают с гостями на их родном

языке, оставляя хорошее впечатление о уровне знаний и способности к дружескому общению. Специалисты сферы туризма и гостеприимства должны уметь грамотно и ясно выражать свои мысли, внимательно выслушивать собеседника, не перебивая его и проявляя при этом участие.

Зарубежный менеджмент в российский бизнес привнес элементы коммуникации: приветствие через стандартную фразу, корректные формулировки для завершения разговора с покупателем и получения обратной связи. Американские и европейские гостиничные бренды уделяют достаточное внимание аспектам коммуникации и навыкам правильного приема гостей и общения с ними, используя стандартную фразу приветствия: «Добрый день. Гостиница Балчуг Москва, Дарья. Чем могу помочь?» или прощания: «Может быть у вас возникли еще вопросы? Благодарим вас, что выбрали наш отель. Желаем хорошего дня. Команда отеля Балчуг Москва» [6, с. 45].

Гостям необходимо предоставлять краткую информацию о гостиничном объекте, вести с ними добродушную коммуникацию на всех этапах оказания гостиничной услуги. Зарубежный менеджмент в гостиничном бизнесе достаточно обширно использует в профессиональном обороте слова без перевода. Отдельные профессиональные сайты по гостиничному бизнесу изучают гостиничную терминологию для того, чтобы привнести ясность в понимание использованных слов [4]. В таблице 1 представлены слова, которые не переводятся с английского языка сотрудниками гостиничного бизнеса для формирования диалога.

Таблица 1. Гостиничная терминология во время коммуникации среди сотрудников

Профессиональные слова	Перевод	Профессиональные слова	Перевод
No show	Гость, который не заехал в гостиницы	Folio	Карточка гостя и счет
Routing	Перенаправление гостя с одного номера комнаты на другой	Rate	Тариф на номер
Amenity	Комплимент от отеля	Room service	Обслуживание в номерах
Forecast	Прогноз	Check in	Заезд гостя
Check out	Выезд гостя	Up sell	Возможность продать номер по

			более высокому тарифу
Booking	Бронирование номера	Overbooking	Сверхбронирование номеров
Stuff	Персонал	BB (bed and breakfast)	Завтрак включен в стоимость
ADR	Средний тариф номеров	RevPar	Доход от номера без дополнительных услуг
Sea view	Вид на море	Beach view	Вид на пляж

Слова узкопрофильного использования, которые представлены в таблице 1, дают возможность упрощать коммуникацию, не переводя слова с английского языка на русский. Такая коммуникация была характерна во время общения с зарубежными специалистами гостиничного бизнеса, и на сегодняшний день этот навык сохранился. Таким образом, возникает упрощение слов, которые можно называть гибридными, т. к. смысл и перевод ясен, но сохраняется их англоязычное произношение.

Саморазвитие сотрудников сферы туризма и гостеприимства – важный и необходимый инструмент для того, чтобы научиться познавать новое, который дает возможность формировать свои компетентные преимущества для выполнения должностных обязанностей. Профессиональные выставки в сфере туризма и индустрии гостеприимства играют одну из ключевых ролей в развитии знаний и навыков у специалистов. Примеры профессиональных выставок представлены в таблице 2.

Таблица 2. Профессиональные выставки в сфере туризма и индустрии гостеприимства

Название выставки	Описание
Hotel Business Days	Большой ежегодный специализированный бесплатный форум и выставка поставщиков и партнеров гостиничного бизнеса. Программа форума составлена с учетом пожеланий отельеров по темам и проблематике. В план выставки входит: деловая программа, тренинги и различные кейсы для отельеров.
РестоОтельМаркет	Ведущая международная выставка производителей и поставщиков товаров для HoReCa, ориентированная на тех, кто закупает оборудование и материалы для своего бизнеса. В рамках форума выступают лучшие рестораторы и отельеры России, известные своими инновационными подходами и практическими решени-

	ями. Мероприятие ежегодно собирает сотни участников, предлагая обширную деловую программу: конференции, мастер-классы, демонстрации новинок и возможности для нетворкинга.
PIR EXPO	Значимое профильное мероприятие в сфере гостеприимства. Программа выставки включает в себя бизнес-решения, современные разработки для отелей и ресторанов, анализ актуальных проблем индустрии и пути их преодоления.
Путешествуй!	Деловой форум, выставка и фестиваль, объединяющий представителей экспертов в отрасли гостеприимства. В рамках форму проводятся лекции, мастер-классы и панельные дискуссии.
MITT	Международная выставка в области туризма и индустрии гостеприимства, которая проходит в Москве более 30 лет. Она объединит на одной площадке специалистов отрасли из разных уголков нашей страны и зарубежья, национальные павильоны, стенды туроператоров и отельеров.

Можно сделать вывод, что профессиональные выставки являются площадкой для развития специалистов сферы туризма и индустрии гостеприимства. Участие в данных мероприятиях позволяет обмениваться полезной информацией, расширять знания и навыки, знакомиться с актуальными трендами, а также получать практический опыт и налаживать контакты с лидерами отрасли.

Четвертый компонент понятия «business-friendly» – это бизнес-литература, которая помогает специалистам получать знания и развивать навыки коммуникации через уже реализованный опыт предпринимателя. Бизнес-литература позволяет проанализировать путь становления известных компаний, позаимствовать алгоритм организации бизнес-процессов и инструментов продвижения услуг, сформировать корпоративную культуру, стандарты обслуживания и качества, правила и нормы организации клиентского сервиса, а также познакомиться с опытом и стратегиями, которые помогли формировать основы бизнеса для выстраивания конкурентных позиций. Так, в сфере *ресторанного бизнеса* можно рекомендовать к прочтению: Бехар Г. «Дело не в кофе. Корпоративная культура Starbucks»; Новиков А. А. «Неправильный бизнес»; Агзамов Р. «Агзамов в шоколаде. Взбить бизнес до небес». В сфере *гостиничного бизнеса*: Шарп И. «Философия гостеприимства Four Seasons: Качество, сервис, культура и бренд»; Шульце Х. «Ritz-Carlton: правила от основателя сети отелей высшего класса»; Шоул Дж. «Персональный сервис как конкурентное преимущество». Иная *бизнес-литература*: Бэрьер М. «Уолт Дисней: человек-студия»; Рамперсад Х.

«Аудентичный персональный бренд. Продай себя, когда никого не покупают»; Хакетт М.К. «Sephora. Бренд, навсегда изменивший индустрию красоты»; Кодоева, Д.В. «Gett. Сервис со смыслом».

Становление бизнеса – это долгий и многоступенчатый процесс, где каждая деталь играет важную роль. Миссия предпринимательской деятельности – созидать, делать этот мир лучше, качественнее, красивее, создавать условия достойного качества для потребителя и конкурентноспособную заработную плату для сотрудников. Бизнес-коммуникация и цифровые элементы позволяют бизнесу формировать и выдерживать конкурентные позиции, осуществлять корректные бизнес-процессы для оказания сервиса через гостеприимство.

Список литературы

1. Агзамов, Ренат. Агзамов в шоколаде. Взбить бизнес до небес / Ренат Агзамов. – Москва : Эксмо, 2020. – 240 с.
2. Бехар, Г. Дело не в кофе. Корпоративная культура Starbucks / Г. Бехар; перевод с английского М. Суханова. — Москва : Альпина Паблишер, 2021. – 192 с.
3. Бэррер, М. Уолт Дисней: человек-студия / Майкл Бэррер; перевод с английского А. Мурашова. – Москва : АСТ, 2021. – 320 с.
4. Гостиничная терминология: понятия, определения, сокращения, аббревиатура. Официальный сайт Hotel Advisors по управлению доходами и рыночной аналитике [Электронный ресурс]. сайт. – URL: <https://hoteladvisors.ru/blog-2/Gostinichnaya-terminologiya-ponyatiya-opredeleniya-sokrashcheniya-abbreviatury/?ysclid=mhhiea6tud93573980> (дата обращения: 02.11.2025).
5. Кодоева, Д.В. Gett. Сервис со смыслом / Диана Кодоева. – Москва: Эксмо, 2020. – 176 с.
6. Макарова, Д. Д. Организация и осуществление бронирования и продажи гостиничных услуг: серия учебников ФУМО 43.00.00 "Сервис и туризм" / Д. Д. Макарова. – Москва : КноРус, 2025. – 176 с. – ISBN 978-5-406-13608-9. – EDN XHNFHN.
7. Новиков, А. А. Неправильный бизнес /А. А. Новиков. – 2-е издание. – Москва: Экспо, 2020. – 288 с.
8. Рамперсад, Х. Аудентичный персональный бренд. Продай себя, когда никого не покупают / Х. Рамперсад; пер. с англ. – Москва : Олимп-Бизнес, 2016. – 272 с.

9. Хакетт, Мэри Керрари. Sephora. Бренд, навсегда изменивший индустрию красоты / Мэри Керран Хакетт; [перевод с английского Н. Зиганшиной]. – Москва: Эксмо, 2021. – 221 с.
10. Шарп, И. Философия гостеприимства Four Seasons: Качество, сервис, культура и бренд / И. Шарп; пер. с англ. – Москва : Альпина Паблишер, 2012. – 366 с.
11. Шоул Дж. Персональный сервис как конкурентное преимущество / Джон Шоул; Пер.с англ. – 5-е изд. – М. : Альпина Паблишер, 2013. – 340 с.
12. Шульце, Х. Ritz-Carlton: правила от основателя сети отелей высшего класса / Хорст Шульце; пер. с англ. А. Р. Тихомирова. – Москва : АСТ, 2019. – 224 с.
13. Ranelović, M. Use of determination of the importance of criteria in business-friendly certification of cities as sustainable local economic development planning tool / M. Ranelović, S. Nedeljković, M. Jovanović [et al.] // Symmetry. – 2020. – Vol. 12, No. 3. – DOI 10.3390/sym12030425. – EDN VOUUNO.

Makarova Daria Dmitrievna
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Higher School of Tourism and Hospitality
of the Russian State University of Tourism and Service, Moscow
E-mail: rbd6@mail.ru

BUSINESS-FRIENDLY AS A BASIS FOR COMPETENT COMMUNICATION IN THE DIGITAL FIELD FOR TOURISM AND HOSPITALITY SPECIALISTS

Abstract. The culture of speech and the principles of business communication are the basis for developing skills for a competent specialist in the field of tourism and the hospitality industry. Today's generation of young professionals actively uses digital communication tools and allows themselves to simplify the process of communication both in written form and in oral speech, while the borrowing of foreign words and their reduction to abbreviations leads to the transformation of the Russian language and the forms of business communication (business-friendly).

Keywords: culture of speech, professional vocabulary, hotel business, tourism, borrowed words, digital communication, foreign management, business-friendly

Мельников Михаил Васильевич

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии

Новосибирский государственный университет

экономики и управления, г. Новосибирск

доцент кафедры социологии и массовых коммуникаций

Новосибирский государственный

технический университет, г. Новосибирск

E-mail: Halkidon_N@list.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ: УКРЕПЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ВЫБОР ДЛЯ СЕБЯ

Аннотация. Статья посвящена выявлению соответствия между списком традиционных ценностей из Указа Президента № 809, пентаграммой ценностей Н. И. Лапина и свободным выбором традиционных ценностей студентами российского университета. Респонденты продемонстрировали последовательность в выборе ими в качестве наиболее значимых для укрепления государственности, и для них лично ценностей, содержанием которых является гуманизм, солидарность, справедливость и уважение к правам человека как гражданина, семьянина, труженика и патриота.

Ключевые слова: традиционные ценности, пентаграмма ценностей, укрепление государственности, личный интерес, свободный выбор

Появление в учебных планах российских вузов дисциплины «Основы российской государственности» в 2023 году можно рассматривать как попытку решить достаточно старую и сложную задачу – гармонично согласовать свойственную многим представителям молодого поколения потребность в свободном выборе убеждений и самостоятельном следовании им с ненавязчивым влиянием на этот выбор государственной политики по формированию у молодежи привлекательности традиционных духовно-нравственных ценностей. О том, что такие, в сущности, ценности уходят корнями в религию, писал крупнейший американский социолог-теоретик

Т. Парсонс [3, с. 132]. Позже последний живой классик социологии Ю. Хабермас отметил, что цивилизованное общество черпает силы из стихийных «дополитических» источников [5, с. 52]. Кроме религии к этим источникам можно отнести традиционное мировоззрение и моральное согласие людей, имеющих общую национальную историю и культуру. Вопрос о ценностных предпочтениях современных россиян остается сложным. Известный исследователь ценностей Н. И. Лапин пришел к выводу, что россияне поддерживают фундаментальные ценности, ориентирующие эволюцию современной России в направлении реального гуманизма. Результаты социологических исследований, проведенных под руководством Лапина, показали, что доминирующими в аксиологическом сознании россиян являются фундаментальные ценности семьи и законности. Также, полагает Лапин, россияне ориентируются на поддержку трех ценностей реального гуманизма – ненасилие, жизнь человека и достоинство [2].

Насколько эти ценности коррелируют с традиционными ценностями, список которых включен в Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»? И насколько и те, и другие ценности характерны для представителей новой молодой России? Для ответа на эти вопросы в октябре 2025 года автором был проведен социологический онлайн-опрос. Предложенная для заполнения студентами анкета была составлена с помощью сервиса Google Формы. Всего в онлайн-опросе приняли участие 145 студентов, или 70% от генеральной совокупности, включающей студентов всех восьми групп первого курса факультета автоматики и вычислительной техники (далее АВТФ) Новосибирского государственного технического университета (далее НГТУ), изучавших под руководством автора «Основы российской государственности». Распределение респондентов по полу (74% составили юноши, 26% – девушки) объясняется тем, что юноши значительно чаще девушек проявляют интерес к обучению направлениям профессиональной подготовки в IT-сфере на АВТФ НГТУ.

Для изучения отношения студентов к традиционным ценностям в анкету были включены вопросы, содержащие список традиционных ценностей, соответствующий списку таковых из приведенного выше Указа Президента Российской Федерации. В первом из анализируемых вопросов студентам было предложено указать пять или меньше, по их желанию, включенных в список ценностей, которые, по мнению студентов, являются

наиболее важными для укрепления российской государственности. Наиболее часто (78,8%) студенты выбирали такие ценности, как жизнь, достоинство, права и свободы человека. Далее с заметным отрывом следовали коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение (55,5%), единство народов России (53,4%), крепкая семья (50,7%). Четвертое и пятое места по частоте выбора разделили такие ценности, как патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу (49,3%) и гуманизм, милосердие, справедливость (49,3%). Последующие по частоте выбора места заняли историческая память и преемственность поколений (39,7%), высокие нравственные идеалы (28,8%), созидательный труд (тоже 28,8%), приоритет духовного над материальным (17,8%).

В следующем вопросе респондентам было предложено выбрать не более пяти традиционных ценностей из Указа, которые респонденты считают наиболее важными лично для себя. Как и в первом вопросе, респонденты чаще всего выбирали жизнь, достоинство, права и свободы человека (83,6%). Однако следующие ближайшие места заняли другие ценности – крепкая семья (67,8%), гуманизм, милосердие, справедливость (63%), высокие нравственные идеалы (56,2%) и коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение (45,2%). Во вторую пятерку вошли созидательный труд (28,8%), патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу (19,9%), историческая память и преемственность поколений (18,5%), приоритет духовного над материальным (17,8%) и единство народов России (14,4%).

В третьем отобранном для анализа вопросе респондентам было предложено выбрать из списка традиционных ценностей только одну ценность, которую они считают для себя самой важной. На первом месте по-прежнему оказались жизнь, достоинство, права и свободы человека, однако частота выбора этой ценности значительно меньше, чем в первом и втором вопросе (42,5%). На второе для себя место респонденты часто ставили крепкую семью (19,2%). Далее, как и в предыдущем вопросе, следовали такие ценности, как гуманизм, милосердие, справедливость (11,6%). Такую же поддержку получили у респондентов высокие нравственные идеалы. Пятой по частоте выбора как наиболее значимая оказалась ценность коллективизма, взаимопомощи и взаимоуважения (4,8%). Одинаковую поддержку получили у респондентов патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу и приоритет духовного над материальным

(по 2,7%). Созидательный труд считают наиболее важной для себя ценностью 2,1% респондентов, а единство народов России – 1,4%. Такую же поддержку получила у респондентов ценность исторической памяти и преемственности поколений.

Сопоставим ответы студентов на три вопроса между собой и с ценностями реального гуманизма и фундаментальными ценностями в исследованиях Лапина. Во всех трех вопросах на первом месте оказалась такая традиционная российская духовно-нравственная ценность, как жизнь, достоинство, права и свободы человека. Наиболее часто ее выбирали как одну из пяти ценностей, наиболее важных для самих респондентов, – 83,6%. Особо примечательно, что студенты считают эту ценность самой важной для укрепления российской государственности. Последнее не может быть выполнено, если игнорируется или подавляется ценность человеческой жизни, достоинства, прав и свобод человека. Немногим меньшим оказалась ее важность как одной из пяти ценности, наиболее важных для укрепления российской государственности, – 78,8%. Наконец, как самую важную для себя ценность жизни, достоинства, прав и свобод человека выбрали 42,5% респондентов. Это заметно меньше по сравнению с частотой выбора в предыдущих вопросах, но очень важно, что эту ценность намного чаще выбирали как единственную, а не одну из перечня.

Далее в ответах на вопросы выявлены следующие различия. По отношению к себе, своей жизни и своим интересам респонденты поставили на второе по значимости место крепкую семью: 67,8% при выборе пяти ценностей и 19,2% при выборе одной ценности. Тогда как второй после жизни и т.д. наиболее важной для укрепления российской государственности ценностью студенты посчитали коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение – 55,5%. Высокое место коллективизма свидетельствует о том, что студенты считают очень важным для укрепления государственности как сам отказ россиян от приоритета эгоизма, так и отказ от распространенной сейчас размежевания на разных «своих» и «чужих», то есть от противопоставления одних коллективов другим. Заметно реже респонденты отмечали коллективизм как наиболее значимую ценность для своей жизни. На третье место по частоте выбора во втором и третьем вопросах была поставлен гуманизм, милосердие, справедливость: 63% и 11,6% соответственно. Все три наиболее часто выбираемые студентами АВТФ традиционные российские духовно-нравственные ценности, могут быть признаны аналогичными ценностям, указанным Н.И. Лапиным. Крепкая семья из Указа № 809 аналогична

семье в списке Лапина, жизнь, достоинство, права и свободы человека аналогичны жизни человека и достоинству, а также законности. Гуманизм, милосердие и справедливость весьма соответствуют по своим значениям законности и реальному гуманизму, о которых писал Лапин.

Наиболее существенные различия в частоте выбора ценностей «для государства» и «для себя» можно усмотреть в ценностях, которые соотносятся с социетальным уровнем общественного и политического порядка России, а также с задачами, решением которых занимается власть, а не сами люди. К таковым ценностям, в первую очередь, относится единство народов России. Оно было поставлено на четвертое место и получило поддержку у 53,4% респондентов как ценность, наиболее важная для укрепления российской государственности, и на десятое место как ценность, наиболее важная для самих респондентов: 14,4% и 1,4% соответственно. Оказалось, что респонденты не считают своей приоритетной ценностью историческую память и преемственность поколений и возлагают заботу о них на государство. Этот факт может свидетельствовать о том, что историческая память в России национализирована. Также, возможно, респонденты интерпретировали историческую память как память о событиях общественной жизни страны, хотя таковой памятью можно считать и память семейно-родовую. Однако эта память, как считал социолог Л. Блехер, сегодня развита слабо [4].

Примечательно, что респонденты посчитали высокие нравственные идеалы ценностями, наиболее важными для них, нежели для укрепления государственности. Этот ответ сложно интерпретировать однозначно, но можно предположить, что студенты «разводят» в разные стороны две вещи. Задачу строительства государственности, которая требует твердой воли и решимости того, о ком И. А. Бунин написал как о строителе высокой, хотя и жестокой крепости [1]. Успешному решению этой сложной задачи и следованию интересам государства могут мешать выбранные государственным деятелем как важнейшие для себя высокие нравственные идеалы. Так же можно объяснить и то, что на последнее место в списке ценностей, наиболее важных для укрепления российской государственности, респонденты поставили приоритет духовного над материальным. Однако этот вывод противоречит тому, что респонденты поставили во главе списка ценностей, наиболее важных для укрепления российской государственности, жизнь, достоинство, права и свободы человека.

Подведем общие выводы. Участвовавшие в опросе студенты продемонстрировали последовательность в выборе ими в качестве наиболее значимых для укрепления государственности, а именно российской государственности, и для них лично ценностей, содержанием которых является гуманизм, солидарность, справедливость и уважение к правам человека как гражданина, семьянина, труженика и патриота. Укрепление государственности не может рассматриваться как укрепление государства за счет частных прав и интересов отдельных людей. Важнейшими слагаемыми этого укрепления, а во многих отношениях и строительства, следует считать участие в нем людей, которые поддерживают усилия государства, если рассматривают его не как своего противника (а оно их своими противниками), а своего партнера в деле защиты человеческих жизней, прав, достоинства и свободы. Реальный гуманизм, о котором писал Н.И. Лапин, требует гуманизации государства. К такому выводу, как можно видеть из полученных ответов, склоняются и студенты.

Список литературы

1. Бунин, И. А. Окаянные дни. URL: <https://traumlibrary.ru/book/bunin-okayannyedni/bunin-okayannyedni.html> (дата обращения: 29.11.2025).
2. Лапин, Н. И. Фундаментальные ценности цивилизованного выбора в XXI столетии. Часть 2. Аксиологические предпосылки цивилизованного выбора России URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1176 (дата обращения: 27.11.2025).
3. Парсонс, Т. Система современных обществ. М. 2000.: Аспект Пресс, 1997. – С. 132.
4. Почему обществу важна семейная история. URL: сайт. –URL: <https://familio.media/interview/pochemu-obshhestvu-vazhna-semejnyaya-istoriya/> (дата обращения: 29.11.2025).
5. Хабермас, Ю., Ратцингер, Й (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. – С. 52.

Melnikov Mikhail Vasilyevich
*Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor
of the Department of Sociology
Novosibirsk State University
of Economics and Management, Novosibirsk
Associate Professor of the Department of Sociology and Mass Communications
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk
E-mail: Halkidon_N@list.ru*

TRADITIONAL VALUES IN STUDENTS' EVALUATIONS: STRENGTHENING STATEHOOD AND CHOOSING FOR THEMSELVES

Abstract. The article is devoted to identifying the correspondence between the list of traditional values from Presidential Decree No. 809, N.I. Lapin's pentagram of values, and the free choice of traditional values by students of a Russian university. The respondents demonstrated consistency in their choice of values that are most significant for strengthening the state and for them personally, which include humanism, solidarity, justice, and respect for human rights as a citizen, family member, worker, and patriot.

Keywords: traditional values, pentagram of values, strengthening of statehood, personal interest, free choice

Михайленко Маргарита Дмитриевна

студентка бакалавриата направления подготовки «Социология»

Ивановский государственный университет, г. Иваново

E-mail: northpinga@gmail.com

Яковлева Ирина Игоревна

старший преподаватель кафедры социологии, социальной работы

и управления персоналом

Ивановский государственный университет, г. Иваново

E-mail: yakovlevaii@mail.ru

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ Г. ИВАНОВО

Аннотация. В статье рассматриваются особенности электорального поведения молодежи г. Иваново на основе анализа данных всероссийских опросов и результатов собственного социологического исследования, проведенного в г. Иваново в 2025 году. Актуальность исследования обусловлена низким уровнем политической вовлеченности молодежи и ограниченной информированностью о выборах различного уровня. На основе анкетного опроса выявлены когнитивные, мотивационные, ценностные и деятельностные аспекты политического участия молодых людей. Особое внимание уделено причинам абсентеизма, степени доверия к избирательным процедурам,

источникам политической социализации и возрастным различиям в электоральной активности. Полученные данные позволяют определить основные факторы, влияющие на формирование гражданской позиции молодежи, и формулируют направления повышения ее политической активности на региональном уровне.

Ключевые слова: молодежь, электоральное поведение, политическая активность, избирательный процесс, политическая социализация, абсентеизм, ценностные ориентации

Актуальность исследования электорального поведения молодежи в современной России обусловлена значительным влиянием молодого поколения на политическое развитие страны и одновременно сохраняющейся тенденцией к низкому уровню их участия в выборах. Молодежь представляет собой социальную группу, обладающую большим инновационным и интеллектуальным потенциалом, однако ее политическая активность в институциональной сфере, особенно на выборах различного уровня, остается сравнительно невысокой. Масштаб проблемы охватывает всю территорию России, а ее динамика фиксируется на протяжении последних лет, что позволяет говорить о ее общероссийском и долгосрочном характере.

Современные эмпирические исследования показывают, что электоральная активность российских граждан в возрасте от 18 до 24 лет остается на более низком уровне по сравнению со старшими возрастными группами. В частности, результаты межрегионального исследования, представленные в статье Галаса и Брушковой, указывают, что в 2023–2024 годах среди молодежи сохраняется «относительно низкий уровень участия в электоральном процессе и в социально-политической активности в целом» [2, с. 82]. Авторы отмечают, что молодые люди часто воспринимают выборы как формальную процедуру и сомневаются в ее эффективности, что приводит к абсентеизму и снижению личной значимости политического участия.

Также можно отметить, что молодые люди в возрасте от 18 до 34 лет не менее активно голосовали на выборах президента РФ, чем избиратели среднего и старшего возраста. По данным ВЦИОМ 65,6% от общего числа избирателей - молодые люди по сравнению с 62,9% среди средних возрастов и 63,4% среди тех, кто старше 60 лет [1].

Статистические данные общественного мнения также демонстрируют устойчивую тенденцию низкого интереса молодежи к выборам. По данным Фонда «Общественное мнение», лишь 36 % молодых россиян в возрасте 17–

34 лет заявили, что «обычно следят за ходом избирательных кампаний», тогда как 62 % не проявляют интереса к данной сфере. Таким образом, значительная часть молодой группы населения не вовлечена даже на уровне базовой политической информированности, что неизбежно влияет на их участие в выборах как избирателей [3].

Таким образом, изучение электорального поведения молодежи позволяет глубже понять процессы формирования гражданской позиции и политических ориентаций молодого поколения. Результаты подобного анализа имеют практическую значимость: они могут быть использованы в разработке программ гражданского образования, молодежной политики, избирательных кампаний, а также в формировании стратегии по повышению политической активности молодежи.

Целью, проведенного исследования, являлось изучение основных характеристик электорального поведения молодежи г. Иваново.

Объектом исследования стал молодежь г. Иваново в возрасте 18–35 лет.

В качестве основного метода сбора данных использовалось анкетирование. В рамках исследования было рассмотрено пять аспектов, влияющих на формирование основных характеристик электорального поведения молодежи: когнитивный, мотивационный, ценностно-ориентационный, деятельностный и аффективный.

Всего в опросе приняло участие 100 респондентов, из которых 60% – женщины и 40% – мужчины. Основная масса опрошенных относится к возрастной группе 18–23 года (50%), 60% респондентов не состоят в браке, 30% – в браке. Дети есть у 16,7%. Больше половины (66,7%) оценивают свое материальное положение как среднее, 16,7% как выше среднего, а также ниже среднего. 53,3% имеют высшее образование, 30% – среднее общее. 43,3% только работают, 23,3% совмещают работу с учебой и столько же только учатся.

Исследование выявило низкий уровень политической вовлеченности среди молодежи. Лишь 6,7% респондентов активно следят за политическими новостями, тогда как каждый пятый (20%) совершенно не интересуется политикой. Наибольшая группа (43,3%) демонстрирует поверхностный интерес, обращая внимание только на ключевые события. Эти показатели свидетельствуют о необходимости разработки специальных программ политического просвещения для молодежи.

Была выявлена существенная путаница в понимании сроков проведения выборов. 30% правильно указали, что все выборы проходят в единый день голосования, 33,3% указали на зависимость сроков от уровня выборов, а 36,7% ошибочно полагают, что сроки различаются по регионам. Такое расхождение во мнениях может свидетельствовать о недостаточной информационной работе избирательных комиссий и необходимости упрощения системы информирования о выборах.

Показательным является низкий уровень информированности о предстоящих, на момент проведения исследования, избирательных кампаниях. Большинство (60%) вообще не знали, какие выборы будут проводиться в текущем году, 10% ошибочно решили, что это будут выборы в Государственную думу. Лишь 16,7% осведомлены о выборах депутатов представительных органов местного самоуправления, что указывает на слабую связь молодежи с региональной политической повесткой.

На этом фоне особенно заметной становится роль ключевых агентов социализации, влияющих на формирования политических взглядов среди молодежи. Наибольшее влияние оказывают СМИ (66,7% респондентов) и семья (60%), что свидетельствует о сохранении значимости классических институтов социализации. Однако заметную роль играют и современные цифровые платформы - социальные сети и блогеры влияют на 30% опрошенных, что отражает трансформацию информационного пространства. Особого внимания заслуживает высокая доля влияния друзей и сверстников (50%), подчеркивающая важность дружеских связей в молодежной среде.

Анализ возрастных групп выявил закономерность: чем старше молодые граждане, тем активнее они участвуют в выборах различных уровней. Молодежь 18–23 лет участвует преимущественно в президентских выборах (100% этой возрастной группы), игнорируя другие уровни. В группе 24–29 лет картина более разнообразна: 85,7% участвовали в президентских выборах, но также проявили активность на региональном уровне (42,9% – выборы губернатора). Наиболее сбалансированное участие во всех типах выборов демонстрирует возрастная группа 30–35 лет.

Анализ мотивационной структуры выявил три основных причины участия в выборах. На первом месте стоит желание выразить свою позицию (60,9%), что характерно преимущественно для респондентов с высшим образованием (68% из этой группы). Практически равную значимость имеет прагматичный мотив решения общественных проблем (52,2%), чуть менее популярна, но все же существенно установка на гражданский долг (43,5%).

Любопытно, что лишь 13% опрошенных участвуют в выборах из интереса к политике, что может указывать на недостаточную увлекательность самого политического процесса для молодежи.

При принятии электоральных решений молодые избиратели руководствуются в первую очередь рациональными соображениями. Более половины (52,2%) обращают внимание на конкретные результаты работы кандидатов. Вторым по значимости фактором становится изучение политических программ (43,5%). Треть опрошенных (39,1%) учитывают медийный образ кандидатов. При этом традиционные факторы влияния – партийная принадлежность и мнение окружения – играют заметно меньшую роль (по 13% для каждого), что может свидетельствовать об ослаблении влияния традиционных методов влияния на мнение в молодежной среде.

Среди 23,3% не участвующих в выборах преобладают две основные причины. Первая – системное недоверие к электоральному процессу (71,4%). Вторая – ощущение бессмысленности личного участия (71,4%). Значительно реже встречаются ответы про нехватку времени (28,6%) и отсутствие достойных кандидатов (14,3%).

Данные исследования демонстрируют неоднозначное отношение молодежи к организации выборов. Лишь 10% респондентов полностью доверяют избирательному процессу, тогда как 43,3% скорее доверяют и столько же (43,3%) скорее не доверяют. Категорически не доверяют выборам 13,3% опрошенных. Это свидетельствует о наличии серьезных проблем с восприятием честности и прозрачности выборов среди молодого поколения.

Молодежь выделяет несколько ключевых аспектов значимости выборов. Наибольшую важность имеют обеспечение равноправия и справедливости (23,3%) и выражение воли граждан (23,3%). Обеспечение стабильности общества отмечают 16,7% респондентов, тогда как смена власти законным путем важна для 13,3%. При этом 10% молодых людей считают выборы незначимыми ни для общества, ни лично для себя. Интересно, что повышение политической грамотности как функция выборов оказалось наименее значимым (всего 3,3%).

В ходе исследования была выявлена четкая иерархия в восприятии значимости выборов различных уровней. Федеральные выборы оцениваются как наиболее важные (средний балл 3,9 из 5), причем половина респондентов (50%) присвоили им максимальную оценку. Региональные выборы получили среднюю оценку 3,2 балла, местные – 3,0 балла. Наименьшую

важность молодежь придает муниципальным выборам - только 13,3% считают их "очень важными". Это указывает на снижение интереса к политике по мере уменьшения уровня власти.

Несмотря на то что политические взгляды респондентов различаются, исследование показало, что электоральная активность практически не зависит от политических взглядов. Среди консерваторов участвуют в выборах 75%, среди либералов – 78,9%, среди левых – 66,7%. Различия между группами минимальны, что опровергает исходное мнение о большей активности либералов. Примечательно, что самая высокая доля участвующих наблюдается именно среди либералов (65,2% от всех голосующих), что объясняется их преобладанием в выборке (63,3%).

Анализ ценностных ориентаций выявил интересные возрастные закономерности. Для молодежи 18–23 лет наиболее значимы права человека (86,7% группы) и свобода (73,3%). В возрастной группе 30–35 лет на первый план выходят стабильность (87,5%) и социальная справедливость (50%). Гипотеза о большей приверженности либеральным ценностям среди младшей группы полностью подтвердилась. При этом запрос на государственный контроль над экономикой действительно характерен для старшей возрастной группы (37,5% против 0% у 18–23 лет).

Абсолютное большинство респондентов (90%) не состоят в политических партиях или общественных организациях и не планируют вступать в них. Лишь 10% выразили желание присоединиться к подобным структурам. Наибольшая доля потенциальных участников (28,6%) наблюдается среди возрастной группы 24–29 лет.

Основной формой политического участия остается голосование на выборах (41,7%). Обращения в органы власти и встречи с политическими деятелями практикуют 11,1% респондентов. Участие в митингах и пикетах крайне мало распространено (2,8%). При этом 33,3% молодежи вообще не проявляют политической активности. Среди работающих респондентов этот показатель достигает 54%, что может быть связано с нехваткой времени.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что электоральное поведение молодежи г. Иваново характеризуется низким уровнем политической активности, ограниченной осведомленностью и значительным недоверием к избирательным процедурам. Несмотря на наличие интереса к отдельным политическим событиям, молодежь в целом демонстрирует низ-

кий уровень включенности в политическую жизнь, что обусловлено различными факторами: от недостатка информированности о политических событиях до слабой сформированности гражданской позиции.

При этом были выявлены и позитивные тенденции: рост интереса к политике с возрастом, ориентация на рациональные выводы при выборе кандидатов, а также стремление выразить собственную позицию через участие в выборах. Они свидетельствуют о наличии потенциала для повышения электоральной активности молодого поколения.

Комплексный анализ позволяет говорить, что дальнейшее развитие молодежного политического участия требует системной работы в сфере политического просвещения, расширения информационной доступности, укрепления доверия к институтам власти и формирования актуальных каналов взаимодействия с молодыми гражданами.

Список литературы

1. Выборы президента России 2018 года. Аналитика. // ВЦИОМ. сайт. – URL: <https://2018.wciom.ru/index.php?id=1242&uid=9002> (Дата обращения: 28.11.2025).

2. Галас, М. Л., Брушкова, Л. А. Электоральное поведение российской молодежи цифрового поколения // *Общественные науки и современность*. – 2024. – №3. – С. 82–96.

3. Молодежь о выборах и политике // ФОМ. 2017. сайт. – URL: <https://fom.ru/politika/13299> (дата обращения: 07.11.2025).

Mikhaylenko Margarita Dmitrievna

*Bachelor's student in Sociology
Ivanovo State University, Ivanovo
E-mail: northpinga@gmail.com*

Yakovleva Irina Igorevna

*Senior Lecturer at the Department of Sociology, Social Work,
and Human Resources Management
Ivanovo State University, Ivanovo
E-mail: yakovlevaii@mail.ru*

ELECTORAL BEHAVIOR OF YOUTH IN THE CITY OF IVANOVO

Abstract. The article examines the peculiarities of the electoral behavior of the youth of Ivanovo based on the analysis of data from All-Russian surveys and

the results of their own sociological research conducted in Ivanovo in 2025. The relevance of the study is due to the low level of political involvement of young people and limited awareness of elections at various levels. Based on the questionnaire survey, cognitive, motivational, value and activity aspects of political participation of young people were identified. Special attention is paid to the causes of absenteeism, the degree of trust in electoral procedures, sources of political socialization, and age differences in electoral activity. The data obtained make it possible to identify the main factors influencing the formation of a civic position among young people and formulate directions for increasing their political activity at the regional level.

Keywords: youth, electoral behavior, political activity, electoral process, political socialization, absenteeism, value orientations

Молодкин Александр Борисович

студент магистратуры

направления «Психолого-педагогическое образование»

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: mr.apple04@mail.ru

Орлик Елена Николаевна

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: enorlik@mail.ru

ШЕРИНГ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ОСОЗНАННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена изучению воздействия экономики совместного пользования на развитие осознанного потребления в современной России. Путем изучения научной литературы, результатов исследований и статистических данных определены основные факторы изменения потребительских привычек, а также рассмотрены экологические и общественные последствия шеринга. Отдельно проанализированы препятствия и трудности, возникающие при развитии совместного потребления в нашей стране. Выводы исследования свидетельствуют о том, что шеринг помогает сократить объемы производства и количество отходов, формирует новую этику потребления и обеспечивает эффективное использование ресурсов.

Ключевые слова: шеринг, осознанное потребление, совместное потребление, шеринг-экономика, устойчивое развитие, циркулярная экономика, потребительское поведение

Современное общество осознало недостатки традиционной экономической схемы «произвести-использовать-выбросить», приводящей к истощению природных запасов и росту объемов мусора. Для решения данных проблем возникает новая концепция экономики – экономика совместного пользования («шеринг»), меняющая привычные представления о владении и потреблении товаров и услуг.

Осознанное потребление, представляющее собой целостный взгляд на покупку и использование продуктов и услуг с учетом их влияния на окружающую среду, общество и мораль, постепенно превращается в значимый тренд современности. В рамках этого процесса экономика совместного потребления выходит далеко за рамки обычных онлайн-сервисов, становясь полноценным социальным и экономическим механизмом, активно формирующим и поддерживающим принципы устойчивого и ответственного поведения среди широких слоев населения.

Шеринговая экономика – это экономическая структура, базирующаяся на совместном применении материальных ценностей и сервисных предложений, преимущественно организованная посредством цифровых технологий. Основной ее идеей выступает предпочтение доступности актива, а не права собственности на него, что способствует рациональному распределению имеющихся ресурсов [2].

В научной литературе под шеринг-потреблением понимается «временный доступ к благу на определенных условиях (чаще всего посредством цифровых технологий) с целью получения полезности индивидом или группой лиц без делегирования права распоряжения». Важно отметить, что шеринг принципиально отличается от советского проката, который был вызван дефицитом товаров и имел вынужденный характер, тогда как совместное потребление в условиях цифрового общества основано на идеологии добровольного отказа от избыточного потребления [3].

Рациональное потребление подразумевает всесторонний подход к покупке и эксплуатации продукции и услуг, принимая во внимание их влияние на природу и социум в перспективе. Как отмечается в исследовании Тивари

(2025), основа такого подхода заключается в стремлении покупателей совершать покупки, согласующиеся с их нравственными убеждениями, интересами общества и заботой об экологии [6].

Международные научные изыскания свидетельствуют о повышении роли данного направления: примерно три четверти покупателей во всем мире полагают, что экологичность является ключевым критерием выбора товара, а каждый третий готов платить больше за экологически и этически чистые бренды. В России этот тренд также набирает обороты, особенно среди молодежи и городского населения [6].

Таблица 1 – Основные модели шеринга в России

Тип модели	Сущность	Примеры на российском рынке
P2P (Peer-to-Peer)	Взаимодействие между физическими лицами через платформы-посредники	BlaBlaCar, «Авито», «Юла»
B2P (Business-to-Peer)	Компании предоставляют потребителям доступ к своим активам	Яндекс.Драйв, Delimobil, Whoosh
C2C (Company-coordinated P2P)	Компания стандартизирует услугу, но активы используются поочередно разными потребителями	Каршеринг с свободной формой аренды

На российском рынке получили развитие разнообразные формы шеринга:

- *Транспортный шеринг*: сервисы аренды автомобилей (Яндекс.Драйв, Delimobil, BelkaCar), велосипедов и самокатов (Whoosh, Яндекс.Go), а также попутчиков (BlaBlaCar). Специалисты отмечают, что одна машина каршеринга способна заменить до шести частных авто, существенно уменьшая количество транспортных средств на городских дорогах [2].

- *Шеринг вещей и одежды*: площадки вторичной продажи («Авито», «Юла»), услуги проката нарядов, мероприятия обмена вещами, аренда инструмента и техники. Наибольшее распространение получили сервисы аренды детской одежды, спортивных принадлежностей и костюмов для особых случаев [5].

- *Фудшеринг*: направление, направленное на предотвращение порчи продуктов питания, сроки хранения которых подходят к концу. Это явление

быстро распространяется в России, ориентируясь на европейские тенденции. Продовольственные магазины и заведения общественного питания предлагают товары с приближающимся истечением срока годности по сниженным ценам либо передают их некоммерческим организациям.

• *Шеринг недвижимости*: краткосрочная сдача жилых помещений в аренду, разделенное использование дач и иных видов недвижимости [5].

Шеринг вносит значительный вклад в снижение экологического следа через несколько механизмов.

Во-первых, через снижение объема производства. Широкое применение совместного пользования товарами длительного периода службы снижает необходимость в изготовлении новых экземпляров. К примеру, расширение сферы каршеринга ведет к снижению числа персональных автомобилей и сопутствующих вредных выбросов углекислого газа [2].

Во-вторых, благодаря сокращению отходов. Платформы вторичного рынка, такие как «Авито» и «Юла», увеличивают продолжительность использования вещей, препятствуя их попаданию на полигоны. Ученые подчеркивают, что «рост популярности шеринга непосредственно содействует воплощению концепции циклической экономики, нацеленной на сокращение образования отходов» [3].

В-третьих, за счет рационального использования ресурсов. Шеринг обеспечивает оптимальное распределение имеющихся ресурсов. Результаты научных работ показывают, что прокатные электрические самокаты совершают приблизительно два поездок ежедневно, вытесняя менее экологичные способы передвижения [2].

К тому же шеринг способствует формированию новой экономической рациональности. Приоритет доступа над владением предполагает, что покупатель оплачивает не само обладание вещью, связанное с большими начальными вложениями и дальнейшими издержками на обслуживание, а лишь временное право пользоваться ее функциональностью. Такой подход способствует формированию более разумного отношения к денежным средствам [2]. Модель совместного потребления облегчает доступ к дорогим ресурсам. Владельцы же, применяющие схему peer-to-peer (от потребителя к потребителю), получают дополнительный заработок от временно незадействованных активов, что обеспечивает экономическую эффективность [2].

Все это приводит к формированию новой потребительской этики, которая предусматривает сдвиг от ценности владения к ценности опыта. Ше-

ринг помогает преодолеть материальные стереотипы, согласно которым социальный статус зависит от наличия имущества. Вместо этого главным становится значимость полученного опыта и практической пользы предмета [5]. Формируется доверия и социальный капитал. Платформы цифрового шеринга создают механизмы оценки репутации пользователей (через отзывы и рейтинговую систему), что повышает уровень доверия к незнакомцам. Такое взаимодействие способствует укреплению социального капитала и ослабляет ощущение обезличенности больших городов [2]. Участие в системах совместного пользования предполагает ответственное отношение к арендуемым объектам, поскольку имущество впоследствии передается другим пользователям [2].

Несмотря на позитивный потенциал, развитие шеринга сталкивается с серьезными препятствиями:

1. Культурные барьеры. В России сохраняется сильная установка на владение как символ успеха и статуса. Многие россияне с подозрением относятся к б/у вещам или совместным поездкам с незнакомцами [3].

2. Нормативно-правовая неопределенность. Деятельность многих шеринг-платформ (особенно в сфере аренды жилья) находится в правовом вакууме, что создает риски как для поставщиков, так и для потребителей [3].

3. Парадокс перепотребления. Исследования показывают, что иногда шеринг провоцирует излишнее потребление. Так, экономия на услугах каршеринга может подтолкнуть индивида тратить высвобожденные средства на приобретения, оказывающие значительную нагрузку на природные ресурсы. Помимо этого, встречается эффект «чрезмерного использования»: пользователи склонны потреблять больший объем общего ресурса, если он доступен сразу нескольким лицам одновременно [7].

4. Проблема «зеленого камуфляжа». Некоторые фирмы применяют лозунги ответственного потребления исключительно для продвижения своей продукции, не осуществляя существенных изменений в бизнесе. Исследование Тивари (2025 г.) показывает, что более 40% заявлений компаний относительно экологической ответственности не имеют убедительных доказательств [6].

Таким образом, мы можем сказать, что шеринговая экономика в России является действенным, хотя и не лишенным противоречий, инструментом формирования осознанного потребления. Ее влияние носит комплексный характер, проявляясь на следующих уровнях: на экологическом – ше-

ринг способствует сокращению отходов и более рациональному использованию ресурсов, реализуя принципы циркулярной экономики; на экономическом – он формирует новую, более гибкую и рациональную модель потребительского поведения, основанную на оценке полезности, а не статусности владения. На социальном – шеринг, преодолевая барьер недоверия, способствует созданию новых социальных связей и воспитанию ответственности.

Перспективы развития шеринга в России связаны с цифровизацией, ростом экологической грамотности населения, особенно среди молодежи, и постепенным формированием благоприятной нормативной среды. Для укрепления доверия к шерингу необходимо развивать инфраструктуру, повышать прозрачность процессов и популяризировать успешные кейсы через СМИ и образовательные программы.

Список литературы

1. «Замедляя» моду: как культура осознанного потребления меняет фэшн-индустрию // Entermedia. – 2025. сайт. – URL: <https://entermedia.io/fashion/zamedlyaya-modu-kak-kultura-osoznannogo-potrebleniya-menyaet-feshn-industriyu/> (дата обращения: 25.11.2025).
2. Не только каршеринг: что еще арендовать и чем делиться с выгодой для себя // Шеринг-экономика. – 2025. сайт. – URL: <https://xn--90aiaaaer3bdjldk.xn--p1ai/> (дата обращения: 30.11.2025).
3. Федорова, О. И. Шеринг-потребление как импортированный институт в российской экономике // Оренбургский государственный университет. – 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://1economic.ru/lib/114218> (дата обращения: 24.11.2025).
4. Что такое осознанное потребление – простыми словами // Школа №21 г. Каменск-Уральский. – 2025. сайт. – URL: <https://school21.obrku.ru/novosti/1617-chto-takoe-osoznannoe-potreblenie-prostymi-slovami> (дата обращения: 23.11.2025).
5. Шеринг-философия: что это такое и почему она становится все популярнее // Gastronom.ru. – 2025. сайт. – URL: <https://www.gastronom.ru/text/shering-filosofija-chto-jeto-takoe-i-pochemu-ona-stanovitsja-vsjo-populjarnее-1019807> (дата обращения: 27.11.2025).

6. Tewari, D., Singh, A., Aisha, N. et al. Conscious Consumption and Its Impact on Marketing Practices and Business Sustainability // *Advances in Consumer Research*. – 2025. – Vol. 4. – P. 5502–5510. сайт. – URL: <https://acr-journal.com/article/conscious-consumption-and-its-impact-on-marketing-practices-and-business-sustainability-1843/> (дата обращения: 20.11.2025).

7. Zhong, H., Zhong, W. Sharing Makes Us Wasteful: How Shared Products Drive Overuse—And What Businesses Can Do // *Journal of Marketing Research*. – 2025. сайт. – URL: <https://www.ama.org/2025/10/15/sharing-makes-us-wasteful-how-shared-products-drive-overuse-and-what-businesses-can-do/> (дата обращения: 20.11.2025).

Molodkin Alexander Borisovich

Master's student degree in Psychological and Pedagogical Education

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: mr.apple04@mail.ru

Orlik Elena Nikolaevna

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of

Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: enorlik@mail.ru

SHARING AS A WAY TO EDUCATE CONSCIOUS CONSUMPTION

Abstract. The article is devoted to the study of the impact of the sharing economy on the development of conscious consumption in modern Russia. Through the study of scientific literature, research results and statistical data, the main factors of changing consumer habits have been identified, as well as the environmental and social consequences of sharing. The obstacles and difficulties encountered in the development of shared consumption in our country are analyzed separately. The findings of the study indicate that sharing helps to reduce production and waste, forms a new consumption ethic and ensures efficient use of resources.

Keywords: sharing, conscious consumption, shared consumption, sharing economy, sustainable development, circular economy, consumer behavior

Мулина Наталья Алексеевна
кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью
Московский Международный университет, г. Москва
E-mail: nataliamulina@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Аннотация. В статье проанализирована роль социальных сетей в качестве фактора возникновения и усиления социальной напряженности в обществе, определено, что сетевые группы могут иметь как положительное, так и отрицательное влияние на общественное мнение и уровень социальной напряженности. В результате проведенного исследования сделан вывод, что необходимо активизировать создание и внедрение алгоритмов изучения и воздействия на настроения пользователей с целью снижения социальной напряженности. Понимание того, как формируются сетевые сообщества, их базис и возможности для выражения мнения пользователей, помогут противостоять негативным влияниям и укрепить общественное единство.

Ключевые слова: социальные сети, сообщества, сетевой мир, социальная напряженность, влияние, алгоритм

Социальные сети, изначально созданные для общения и развлечения, превратились в мощный инструмент влияния, поскольку привнесли в социум новые формы социального взаимодействия. Первые социальные сети вошли в нашу жизнь в начале 2000-х и довольно скоро в них были вовлечены примерно 80% населения [6]. При этом количество социальных сетей, в которых участвуют различные социальные категории, расширяется на протяжении последних десятилетий.

Формирование так называемого «сетевого мира» в глобальном масштабе представляет собой социальную структуру цифрового общества, важная функция которого не распространение информации или знаний, а дифференциация глобальной информационной системы, что полностью трансформирует формат коммуникации между людьми [3].

Создаваемые в рамках соцсетей сообщества оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на повседневную жизнь пользователей. Отрицательное влияние, как правило, связывают с атомизацией индивидов и

малых групп, подразумевая уход от живого общения и поглощение значительного количества свободного времени общением в соцсетях. Положительному же фактору виртуального общения отводится не так много места в исследованиях данного феномена.

Рассмотрим соцсети как площадку для возникновения и снижения процессов социальной напряженности, в той или иной степени присутствующей во всех сферах жизни социума. Термин «социальная напряженность» вошел в научный лексикон отечественных исследователей с 1990-х годов. В то же время были предприняты первые попытки создания социологических методик для измерения уровня социальной напряженности и конфликтности. В научной литературе между тем нет устоявшегося определения этого термина. Практически все определения понятия «социальная напряженность» характеризуют его как состояние общественной жизни, при котором в обществе обостряются внутренние социальные противоречия, и, чаще всего, эти процессы запускаются в периоды экономических и политических кризисов. Социальные конфликты и напряженность исследуются, в основном, в связи с социальной дезинтеграцией, отсутствием солидарности у социальных индивидов и групп, девиацией, утратой стабильности в обществе, аномией, депривацией, фрустрацией, межнациональными конфликтами [1].

В научной литературе широко распространены социально-психологические определения социальной напряженности. Так, у С. С. Соловьева «социальная напряженность представляет собой эмоциональное состояние в группе или обществе в целом, вызванное давлением со стороны природной или социальной среды, продолжающееся, как правило, в течение более или менее длительного времени» [8]. По мнению Ю. В. Земсковой, социальная напряженность – это «состояние социальной системы (подсистемы: группы, общности и т.д.), характеризующееся нарушением равновесия интересов различных социальных субъектов и сопровождающееся негативными эмоциональными реакциями со стороны субъектов социальных отношений (такими, как беспокойство, страх, враждебность, агрессивность)» [2].

Бесспорно, социальные сети не являются универсальным инструментом для снижения социальной напряженности, но они могут существенно влиять на общественное мнение, поведение и психологическое состояние пользователей, и их воздействие в значительной мере зависит от того, как именно человек использует различные публичные площадки, в какие сообщества вступает.

К положительному воздействию соцсетей можно отнести легкость социального взаимодействия: отсутствует необходимость личной встречи, которая зачастую требует значительных моральных, материальных и эмоциональных затрат, свойственных встречам вживую или, как сейчас принято говорить, «офлайн». С учетом глобальности коммуникационного пространства трудности, возникающие из-за «несинхронности» временных контактов живущих в разных часовых поясах пользователей, практически устранены в онлайн-общении, что делает его удобным и привлекательным.

Второй положительный фактор – возможность оставаться на связи с друзьями и близкими и быстрое реагирование на все обстоятельства их жизненных коллизий. Также облегчен путь расширения дружеских связей за счет доступа к контактам интересных, с точки зрения индивида, людей по системе «друзья друзей» на основе рекомендаций, выдаваемых алгоритмами соцсетей.

Третий существенный аспект социального взаимодействия – повышение уровня осведомленности о важных социальных проблемах, политических и культурных событиях и возможность мгновенно получить оценку так называемых «референтных групп».

Важным фактором является также способ мобилизации членов сообществ на участие в различных общественных акциях: протестах, благотворительных мероприятиях, сборах подписей в поддержку гражданских инициатив и т.д.

Наряду с положительными отмечаются следующие отрицательные моменты: распространение фейковых новостей, экстремистских материалов, разделение по взглядам на явления и события, ведущее к отдалению, поляризации общества, нарастанию гнева, страха, ненависти. Усиление негативных эмоций, как правило, закономерно приводит к росту уровня агрессии и насилию как психологическому, так и физическому (если результатом общения в соцсетях являются встречи конфликтующих сторон «офлайн»).

Кроме того, постоянное потребление информации только лишь из соцсетей, игнорирование других источников, неспособность к объективной оценке происходящего снижают уровень критического мышления пользователей, что чревато склонностью к поиску «простых решений», зачастую являющихся поверхностными и угрожающими социальному здоровью нации.

Наблюдается тенденция к возникновению узких групп, некоему «схлопыванию» в камерное общение, где люди не слышат мнения других, что приводит к углублению как социальной разобщенности, так и, в целом, конфликтов [9].

Одним из тревожных показателей социальной напряженности может являться негативная реакция на деятельность органов власти. В качестве особенно ярких примеров выступают реформы в сфере ЖКХ, образования и здравоохранения. Главным следствием этих причин является рост протестных движений, митингов, демонстраций. Однако проявлением недовольства ситуацией и роста напряженности также могут выступать и пассивные формы протеста, к которым можно отнести критические высказывания в соцсетях, рост числа жалоб и обращений непосредственно через соцсети к руководителям территориальных органов во всех регионах. Как положительный опыт попытки снизить социальную напряженность можно рассматривать существующие страницы и блоги у губернаторов и мэров. Несомненный эффект «выхода пара», снижения социальной напряженности через доступность в высказывании своего мнения, способа задать вопрос или пожаловаться привел к возникновению негласного рейтинга активности губернаторов в социальных сетях, по итогам которого наиболее высокий показатель, например, в 2024-м году принадлежал губернатору Белгородской области [7].

В связи с отходом от традиционных опросных методов как не отражающих в полной мере достоверность ответов респондентов некоторые исследователи для измерения социальной напряженности стали анализировать социальные медиа, поскольку они являются основным каналом для обмена информацией и мнениями. Изучение данного контента может дать более точное представление о том, какие темы вызывают наибольшую тревогу в обществе, и какие группы населения испытывают наибольшее напряжение [10].

По мнению российского математика И. Козинцева, изучающего алгоритмы работы социальных сетей и поисковых систем, понимание механизмов, лежащих в основе процессов формирования мнений, – важная задача, которая имеет приложения в маркетинге, социологических исследованиях и политтехнологиях. Умение прогнозировать то, каким образом та или иная информация повлияет на взгляды людей, поможет более эффективно бороться с фейковыми новостями, поляризациями общества и усилением социальной напряженности [4].

На основе изученных данных российские ученые создали уникальный алгоритм, способный оптимизировать рекомендации по установлению дружеских и деловых связей в социальных сетях. Новая методика призвана уменьшить напряженность среди пользователей онлайн-пространства и повысить эффективность привлечения людей к совместным проектам [5].

Список литературы

1. Быковский, В. А. Социальная напряженность на муниципальном уровне / В. А. Быковский // Социологические исследования. – 2015. – № 10. – С. 22.
2. Земскова, Ю. В. Социальная напряженность (социально-психологический аспект анализа) / Ю. В. Земскова // Социология власти. – 2009. – № 8. – С. 89–94.
3. Ледовая, Я. А., Тихонов, Р. В., Боголюбова, О. Н. Социальные сети как новая среда для междисциплинарных исследований поведения человека // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. – 2017. – Т. 7. Вып. 3. – С. 193
4. Математик выяснил, как поляризуются мнения в соцсетях// URL: <https://nauka.tass.ru/nauka> (дата обращения: 28.11.2025).
5. Новый алгоритм снизит разобщенность пользователей соцсетей// URL: <https://naked-science.ru/article/column/razobshhennost-polzovatel> (дата обращения 24.11.2025)
6. Проказина, Н.В., Шекшуев, С.В., Шеманаев, П.А. Инструментальные подходы к определению возрастной группы респондентов социологических исследований в социальных сетях // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2023. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumentalnye-podhody-k-opredeleniyu-vozrastnoy-gruppy-respondentov-sotsiologicheskikh-issledovaniy-v-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 15.09.2025).
7. Рейтинг активности глав регионов в социальных сетях за 4–10 ноября 2024 года 12.11.2024 / Россия Агентство политических и экономических коммуникаций. сайт. – URL: <https://regcomment.ru/regions/rossiya/rejting-aktivnosti-glav-regionov-v-sotsialnyh-setyah-za-4-10-noyabrya-2024-goda/>
8. Соловьев, С. С. Методика измерения социальной напряженности / С. С. Соловьев // Социологические исследования. – 2013. – № 12. – С. 68–73.

9. Bollen J., Mao H., Zeng X. Twitter mood predicts the stock market. *Journal of Computational Science*. 2012; (1):1–8.

10. Schmidt A., Rizk R., Thies F. The refugee crisis in Europe: A text analytic approach to understanding social media reactions. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2021; (47):2498–2517.

Mulina Natalya Alekseevna

*PhD in Social Science, Assistant Professor of the Department
of advertising and public relations*

Moscow International University, Moscow

E-mail: nataliamulina@yandex.ru

SOCIAL NETWORKS AS A FACTOR OF SOCIAL TENSION

Abstract. The article analyzes the role of social networks as a factor in the emergence and intensification of social tension in society, it is determined that network groups can have both positive and negative effects on public opinion and the level of social tension. As a result of the study, it was concluded that it is necessary to step up the creation and implementation of algorithms for studying and influencing user moods in order to reduce social tension. Understanding how online communities are formed, their basis and opportunities for expressing users' opinions will help to resist negative influences and strengthen social unity.

Keywords: social networks, communities, network world, social tension, influence, algorithm

Николаенко Полина Сергеевна
магистрант кафедры социологии, социальной работы и
управления персоналом

Ивановский государственный университет, г. Иваново

E-mail: ps.nikolaenko@mail.ru

Панкратова Екатерина Владимировна

кандидат социологических наук, доцент, зав.кафедрой социологии,
социальной работы и управления персоналом

Ивановский государственный университет, г. Иваново

E-mail: e_v_pankratova@mail.ru

РОЛЬ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ИВАНОВО)

Аннотация. Представленная статья посвящена анализу роли патриотических организаций в процессе формирования патриотических ценностей российской молодежи. Авторское эмпирическое исследование было проведено по материалам г. Иваново, что позволяет глубже изучить и проанализировать особенности и специфику общественно-патриотических организаций, их влияние на развитие и воспитание современной городской молодежи. В статье представлены репрезентативные данные о формировании ценностных ориентаций подростков, положительные стороны патриотических движений и их значимость для благополучия и процветания страны с учетом социально-демографических факторов.

Ключевые слова: патриотические движения, патриотизм, гражданственность, патриотическое воспитание, современная молодежь

Одной из приоритетных задач российского государства является патриотическое воспитание граждан страны в целях формирования у них чувства любви к своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга, конституционных обязанностей по защите интересов России. Важность формирования и развития патриотического воспитания подчеркнул Президент РФ Владимир Путин в декабре 2023 года. Президент отметил, что воспитывать молодых людей в духе патриотизма очень важно. На сего-

дняшний день в российских школах с подростковыми коллективами работают в том числе и профессиональные военные, т.к. самое лучшее воспитание – это личный пример, что подчеркнул глава государства [1].

Патриотическое воспитание включает в себя проведение классных, кураторских часов, памятных дней, участие в патриотических акциях и мероприятиях, встречи с ветеранами ВОВ, участниками СВО, участие подрастающего поколения в патриотических движениях и другое. В настоящее время в нашей стране активно развиваются общественные и военно-патриотические организации, призванные решить проблемы занятости молодого поколения, его духовно-нравственного, интеллектуального и патриотического воспитания, формирования традиционных ценностей молодежи и их защиты от пропаганды и влияния западного мировоззрения и ценностных ориентаций [2].

В 2025 году было проведено социологическое исследование, целью которого являлось изучение и анализ мнения молодежи города Иваново о роли патриотических движений в профилактике и коррекции негативного отклоняющегося поведения. Объектом исследования выступали участники современных российских патриотических организаций города Иваново (n=202).

Обратимся к результатам опроса. На первом месте по значимости у участников движений находится здоровье. Затем большинство респондентов отметили счастливую семейную жизнь. Около половины подростков выделили главными ценностями наличие хороших друзей, любовь и свободу. Меньше половины молодых людей отметили, что им в жизни важно материальное благополучие и саморазвитие. Около трети участников патриотических объединений к значимым ценностям отнесли патриотизм и мир во всем мире. Около четверти подростков отметили, что главным в жизни для них является уверенность в себе, интересная жизнь и работа, творческая самореализация. Для меньшей части молодежи главными ценностями являются служение Отечеству, стабильность и сохранение достигнутого, а также общественное признание (см. рис. 1).

Рис 1. Значимые ценности молодежи, в % (n=202)

Наиболее значимыми ценностями молодежи, в независимости от продолжительности участия в движении, являются здоровье и счастливая семейная жизнь. Также мы видим связь: чем дольше молодые люди состоят в общественном объединении, тем выше у них значимость духовно-нравственных и патриотических ценностей. Например, ценности патриотизма, служения Отечеству, общественное признание, саморазвитие и интересная работа приобретают всю большую значимость среди молодежи, которые длительное время состоят в патриотических организациях. Важность таких ценностных ориентаций как материальное благополучие и свобода снижаются. Это свидетельствует о существенном влиянии деятельности патриотических объединений на формирование духовно-нравственных и моральных ценностных ориентаций молодых людей (см. табл. 1).

Таблица 1. Значимые ценности молодежи в зависимости от продолжительности участия в патриотической организации, в % (n=202)

Ценности участников патриотических движений	Продолжительность участия		
	До года	От года до двух лет	От двух лет и более
Здоровье	84,5	76,2	71,4
Счастливая семейная жизнь	60,8	73,8	63,5
Любовь	51,5	59,5	50,8
Материальное благополучие	52,6	45,2	46,0
Наличие хороших и верных друзей	55,7	57,1	54,0
Саморазвитие	46,4	45,2	54,0
Свобода	53,6	52,4	42,9
Интересная работа	22,7	23,3	28,6
Патриотизм	25,8	28,6	50,8
Общественное признание	5,2	9,5	14,3
Творческая самореализация	26,8	26,2	12,7
Интересная жизнь	23,7	26,2	28,6
Служение Отечеству	12,4	9,5	31,7
Уверенность в себе	29,9	35,7	19,0
Мир во всем мире	28,9	38,1	34,9
Стабильность, сохранение достигнутого	19,6	14,3	14,3

Также было изучено мнение молодежи о значимости патриотических объединений для процветания страны. Так, большая часть молодых людей отметила, что воспитание гражданственности, патриотизма и любви к своему Отечеству формируют и развивают у молодежи общественные организации. Половина участников патриотических объединений считают, что данные организации приобщают подростков к ведению здорового образа жизни, занятию спортом. Меньше половины молодежи отметили, что важность патриотических движений состоит во всестороннем развитии детей и подростков, формировании у них духовно-нравственных ценностей, подготовке юношей к военной службе в Вооруженных силах России. Около трети участников считают, что молодежные организации воспитывают у подрастающего поколения бережное отношение к героическому прошлому нашего народа, к себе, окружающим людям, животным и природе. Меньше четверти молодых людей отметили роль деятельности данных организаций в увеличении динамики роста патриотизма среди молодежи, воспитании отрицательного отношения к вредным привычкам и привлечении граждан к работе по возрождению и сохранению духовно-нравственных ценностей страны (см. рис. 2).

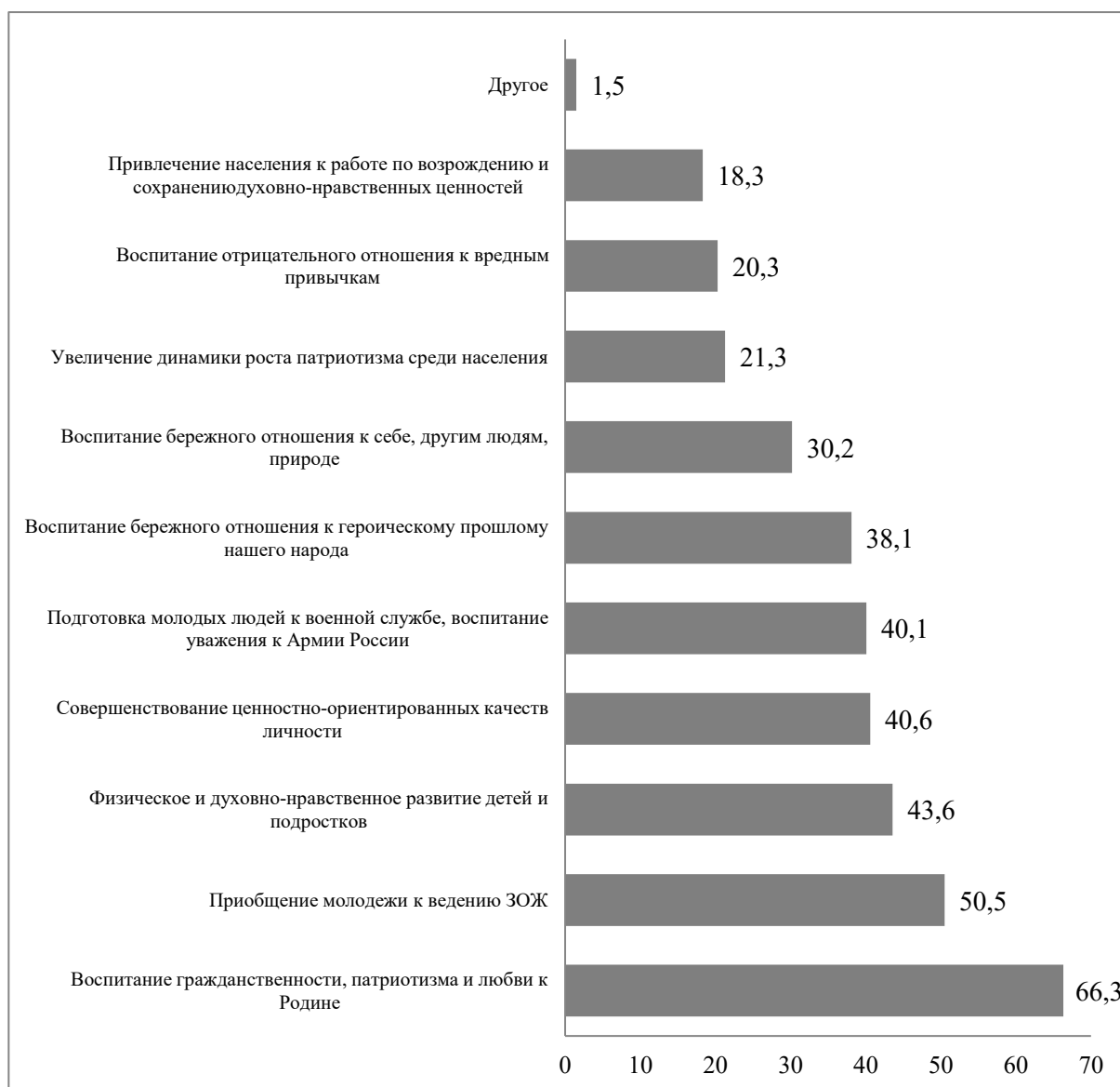

Рис 2. Значение патриотических движений для страны в оценках их участников, в % (n=202)

Большая часть молодежи считает, что данные организации воспитывают гражданственность, патриотизм и любовь к своей Родине, приобщают молодое поколение к ведению ЗОЖ и физической активности в независимости от продолжительности участия подростков в данных организациях. Чем дольше молодые люди состоят в общественном объединении, тем выше процент их ответов, что данные организации воспитают в подрастающем поколении чувства гражданственности, патриотизма и любви к Родине, бережное отношение к героическому прошлому народа, увеличивается динамика роста патриотизма среди граждан страны (см. табл. 2).

Таблица 2 - Значение патриотических движений для страны в зависимости от продолжительности участия в патриотическом движении, в % (n=202)

Значение патриотических движений для страны	Продолжительность участия		
	До года	От года до двух лет	От двух лет и более
Приобщение молодежи к ведению здорового образа жизни	52,6	50,0	47,6
Совершенствование ценностно-ориентированных качеств личности, обеспечение условий для самовыражения обучающихся, их творческой активности	36,1	42,9	46,0
Воспитание гражданственности, патриотизма и любви к Родине	60,8	66,7	74,6
Физическое и духовно-нравственное развитие детей и подростков	46,4	42,9	39,7
Подготовка подрастающего поколения к военной службе и воспитание уважения к Российской Армии	41,2	35,7	41,3
Воспитание бережного отношения к героическому прошлому нашего народа, землякам	33,0	38,1	46,0
Увеличение динамики роста патриотизма среди населения	17,5	19,0	28,6
Привлечение населения к работе по возрождению и сохранению культурных и духовно-нравственных ценностей России	16,5	14,3	23,8
Воспитание отрицательного отношения к вредным привычкам	18,6	23,8	20,6
Воспитание бережного отношения к себе, окружающим людям, природе	32,0	35,7	23,8
Другое	2,1	0	1,6

Большая часть молодежи отмечает влияние данных объединений на духовно-нравственное и патриотическое воспитание личности. Больше трети участников считают, что молодежные движения интеллектуально и физически развивают молодое поколение. Около четверти подростков отмечают формирование «здоровых» привычек у личности и ее культурно-эстетическое развитие положительным влиянием общественно-патриотических объединений. Меньшая часть молодых людей отметили, что данные движения способствуют минимизации вредных привычек подрастающего поколения (см. рис. 3).

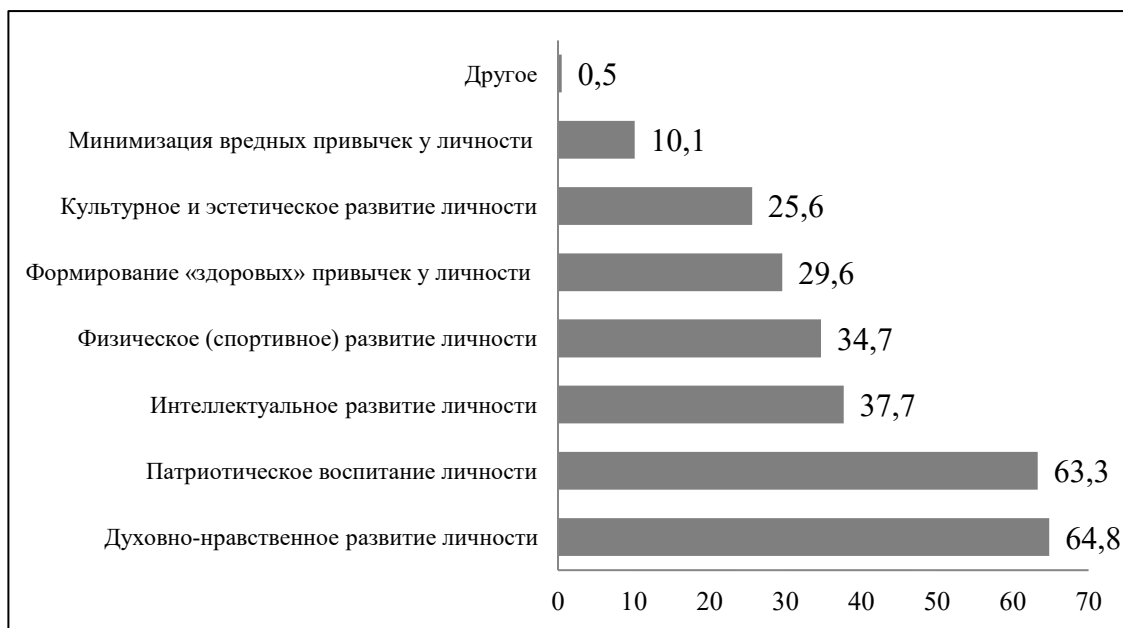

Рис 3. Положительные стороны патриотических движений, в оценках молодежи, в % (n=202)

Таким образом, общественно-патриотические организации оказывают влияние на духовно-нравственное и патриотическое воспитание и развитие современной молодежи.

Формирование и развитие организаций общественной и военно-патриотической направленности имеет существенное значение для патриотического воспитания молодых граждан нашей страны. Данные объединения приобщают подрастающее поколение к проявлению гражданской активности, служению Отечеству, призывают юношей к службе в вооруженных силах РФ, воспитают у молодого поколения чувства гордости и любви к своему Отечеству, памятникам культурно-исторического наследия, подвигам наших предков.

Список литературы

1. «Итоги года», 2023. сайт. – URL: <https://mayakgazeta.ru/2023/12/14/prezident-otmetil-vazhnost-patrioticheskogo-vozpitanija/> (дата обращения: 29.11.2025).

2. Губенко М. С., Ковалев А. С. Место и роль молодежных патриотических организаций в системе военно-патриотической работы // Вестник адъюнкта. №1. 2019. URL: <https://vestnik-adyunkta.ru/16-novyj-vypusk/80-mesto-i-rol-molodezhnykh-patrioticheskikh-organizatsij-v-sisteme-voenno-politicheskoy-raboty> (дата обращения: 29.11.2025).

Nikolaenko Polina Sergeevna

Graduate student of the Department of Sociology,

Social Work and Personnel Management

Ivanovo State University, Ivanovo

E-mail: ps.nikolaenko@mail.ru

Pankratova Ekaterina Vladimirovna

Candidate of Social Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of Sociology,

Social Work and Personnel Management

Ivanovo State University, Ivanovo

E-mail: e_v_pankratova@mail.ru

**THE ROLE OF PATRIOTIC MOVEMENTS IN FORMING
THE VALUE OF PATRIOTISM IN MODERN YOUTH
(ON THE
EXAMPLE OF IVANOVO)**

Abstract. This article analyzes the role of patriotic organizations in the development of patriotic values among Russian youth. The author's empirical study, based on data from the city of Ivanovo, allows for a more in-depth exploration and analysis of the characteristics and specifics of public patriotic organizations and their influence on the development and education of modern urban youth. The article presents representative data on the development of adolescent value orientations, the positive aspects of patriotic movements, and their importance for the well-being and prosperity of the country, taking into account sociodemographic factors.

Keywords: patriotic movements, patriotism, citizenship, patriotic education, and modern youth

Орлик Елена Николаевна
кандидат философских наук, доцент кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: enorlik@mail.ru

Щитко Владимир Сергеевич
кандидат экономических наук, доцент
Владимирский государственный университет, Владимир
E-mail: sl100@mail.ru

СОЦИОЛОГИЯ ДЛЯ НЕСОЦИОЛОГОВ: ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ

Аннотация. В статье приводится описание опыта преподавания социологии для студентов несоциологического профиля подготовки с учетом тех коммуникационных барьеров, которые создает цифровая среда вуза и типы студенческой мотивации по получению профессионального образования.

Ключевые слова: коммуникация, социологический дискурс, цифровая среда, мотивация, предпосылки возникновения социологии, общество, дефекты социализации, социальные институты

Перед преподавателем социологии, обучающим студентов несоциологического профиля подготовки, на наш взгляд, стоят следующие задачи:

1. Показать сложность такой системы как общество;
2. Раскрыть возможности социологии как науки в описании, объяснении и прогнозировании его текущего и будущего состояний;
3. Описать дуалистичность природы личности, которая, с одной стороны, в процессе социализации интернализирует традиции, нормы, ценности социальной среды, а с другой – стремится к реализации своих потребностей и интересов в границах, выставляемых наличным обществом.

На пути решения этих задач стоят серьезные барьеры, создаваемые шумы в учебной коммуникации между преподавателем и студентом. Во-первых, социология для студентов естественно-научного, инженерного, педагогического и гуманитарного направлений подготовки является непрофильной дисциплиной, поэтому на серьезную самостоятельную работу большинства из них рассчитывать не приходится. Во-вторых, в условиях цифровой среды вуза самостоятельная работа превращается в техническую

операцию по скачиванию тематического контента с интернета, с последующим его бездумным чтением на практическом занятии; написание реферата – в беззастенчивую компиляцию авторефератов диссертаций, журнальных научных статей и т.п. Наконец, мотивация включенности в образовательный процесс у студентов тоже очень разновелика: от «пришел получить знания» до «пришел получить диплом».

Исходя из вышеобозначенного, мы считаем необходимым задействовать воображение и чувства студентов, а также их интеллектуальный потенциал. В этих целях важно тщательно подбирать иллюстративные примеры при лекционной подаче тематики курса, а также давать возможность студентам самостоятельно делать выводы, задействуя в том числе, ранее накопленные знания и опыт.

Перейдем к фрагментам нашего опыта преподавания социологии в обозначенных условиях. Говоря на первой лекции об истоках социально-экономических и научных предпосылок возникновения социологии как системы научного знания, мы считаем принципиально важным остановиться на характеристике эпохи Просвещения, которая породила ряд выдающихся философов и мыслителей таких, как Вольтер, Дидро, Руссо, Бюффон, Гельвеций, Монтескье, Фонтенель и др. Именно они обозначили ряд социальных проблем, которые предвосхитили горизонты будущих преобразований общественных политических и экономических институтов, отведя в них особую роль гражданскому обществу. Трибуной популяризации этих идей стала, издаваемая под редакцией Д. Дидро, «Энциклопедия или словарь научных рассуждений». Великие французские просветители, внедряя письменную культуру в ткань общества, последовательно отстаивали идеи свободы и равенства граждан, принадлежащих к разным слоям и классам общества. За что предавались гонениям со стороны режима французского абсолютизма, например, Вольтер Ф. – М. последние годы своей жизни вынужден был провести в изгнании. Д. Дидро его избежал благодаря тому, что Екатерина II выкупила все его научные труды для своей библиотеки, что заставило французское правительство, когда этот факт стал достоянием широкой общественности, сменить гнев на милость и разослать адресатам последние десять томов «Энциклопедии...», простив ее бессменного редактора. В настоящее время Д. Дидро и Вольтер Ф. – М. покоятся в Пантеоне выдающихся граждан Французской республики.

Кроме того, эпоха буржуазных революций, провозвестниками которых были французские просветители, привела к десакрализации умонастроений в обществе, открыв путь массовому террору. Начало этому процессу было положено казнью в 1793 г. (в традиционно понимаемом смысле наместника Бога на земле) короля Людовика XVI и его супруги Марии Антуанетты, «ниточка» этих событий, как известно, дотянулась до России XX в., и обернулась казнью российского императора Николая II, его супруги Александры Федоровны, всей его семьи. В студенческой аудитории уместна рекомендация посетить собор Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге, где покоятся российские императоры, и семье последнего из них в силу трагизма его судьбы отведена отдельная комната.

Революции конца XVIII в. – середины XIX в. привели к формированию новых политических режимов в промышленно развитых странах, распространению многих прогрессивных идей и течений, а носители первоначального социологического дискурса О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс и др. были полны романтического активизма в деле совершенствования общества и его институтов.

Краткий экскурс в историю становления социологической науки позволяет продемонстрировать аудитории слушателей сложность общества как объекта изучения, объекта, который находится в динамике, изменения в одной его сфере приводит к сопутствующим трансформациям в других. Обычно один из нас приводит слушателям английскую поговорку: «Не каждый может сшить сапог, но каждый может указать, где он жмет». Тем самым подчеркивая не только губительность радикального подхода к управлению обществом, но и безнадежность простых рецептов его преобразования. Студенты должны уяснить для себя тот факт, что общество развивается по объективным законам, выявить которые социология может только, обратившись к научному наблюдению, опыту, мнениям и оценкам респондентов, проявляя максимальное внимание к социальным фактам и деталям их проявления.

На самом первом вводном практическом занятии мы выдаем студентам задание выделить 7 эффективно и 7 не эффективно решаемых проблем РФ с их обоснованием, то есть с обязательным указанием фактов, которые позволяют сформироваться данной дихотомии. Это задание дается на время, по истечению которого мы переходим к их коллективному обсуждению. В ходе дискуссии студенты, к своему удивлению, обнаруживают, что многие

проблемы сегодняшнего дня перекликаются с теми, о которых писали просветители. Правда уровень этих проблем не сопоставим по масштабу. Так, бедным два века назад считался человек, который был обладателем угла в съемной квартире, обходился без электричества и второй пары обуви, не всегда имел сменное или по сезону платье, скудный заработок или перебивался случайными подработками, жил впроголодь, полагаясь во всем на божье провидение. Сегодня бедным считается человек, который проживает в частном доме или приватизированной квартире, укомплектованной бытовой техникой (один холодильник, один телевизор, простейшая стиральная машина), свыше 75% доходов которого уходит на питание, который не может позволить себе проведение отпуска вне места своего проживания. Он также является получателем субсидий и субвенций от государства по оплате коммунальных услуг и содержанию детей. После обсуждения проблем студентам предлагается путем коллективного обсуждения назвать те, которые можно изучить путем организации исследования. По количеству проблем группа разбивается на команды, получая задание к следующему практическому занятию составить простейшую анкету, которая бы позволила определить отношение к этим проблемам потенциальных респондентов.

По ходу продвижения учебного курса, студенты возвращаются к обсуждению выделенных ими проблем российского общества, под разными ракурсами. Например, при изучении темы «Культура и общество» поднимается проблема негативного отношения части россиян к мигрантам, носителям другой культуры. Мы практикуем деловую игру, когда студенты, разбиваясь на команды, играют разные роли от приезжего в другой регион/страну до мигранта, позволяющие на практике прочувствовать разные формы проявления этноцентризма и роль культурного релятивизма в формировании толерантного отношения к ценностям другой культуры. Надо заметить, что студенты с удовольствием вживаются в чужие роли и проявляют высокую активность. У преподавателя появляется повод обсудить со студентами феномен «отмены культуры» в условиях текущего противостояния Россия – коллективный Запад, традиционные российские духовно-нравственных ценности.

Например, при изучении темы «Социализация личности» на первое место выходят проблемы поддержки семьи и детства на уровне государства и качества образования. В нашей лекционной подаче тема «Социализации личности» в большей степени сосредотачивается на этапах этого процесса, его возможных дефектах. Иллюстративный материал мы черпаем в том

числе и из эпигенетической концепции социализации Э. Эриксона, которая обозначает подводные камни на каждом этапе социализации на всем протяжении жизненного пути личности. Первый этап социализации личности ученым обозначен в дихотомии доверие/недоверие. В первые месяцы жизни ребенка в зависимости от того, кто принимает его из роддома, как организуется уход за ним, или ему отказывают в нем отказывают, его, как известно, поджидают две опасности: госпитализм и депривация. Задача преподавателя наглядно показать, с одной стороны, вредное влияние казенной обстановки на ребенка, с другой, последствия лишения ребенка с первых дней жизни возможности вести человеческий образ жизни (эффект Маугли). В этом нам помогает информация о городском доме ребенка, куда поступают т.н. дети-отказники, и где трудятся преданные своему призванию специалисты, которые делают все возможное, чтобы окружить грудничков и детей ясельного возраста заботой и вниманием, но которые не в состоянии по качеству ухода за младенцами соревноваться с родительской семьей. А также новости из какого-нибудь города N., где с рабочего места с острым проявлением болезненного недомогания поступила в лечебное учреждение женщина фертильного возраста. И где во время ее отсутствия в квартире соседи вместе с участковым милиционером обнаружили некое испуганное существо с выраженными половыми признаками, которое несмотря на свои 4–6 лет, издает нечленораздельные звуки, не приспособлено пользоваться столовыми приборами, сидеть и ходить. В соответствии с чем его пожизненно помещают в дом инвалидов. Заметим, что такого рода повествование оказывает сильное эмоциональное влияние на слушателей. И переход на политику в области семьи и детства в РФ становится естественным. Позже можно поговорить о других этапах социализации и тех опасностях, которые подстерегают человека, остановившись особо на подростковом и молодежных периодах в жизни личности, которые несут такие дефекты, как ролевая диффузия и одиночество.

При прохождении в курсе темы «Социальный контроль и отклонения» студенты вновь обращаются к социальным проблемам российского общества, которые они ранее выделили, например, алкоголизму и наркомании. По существу этих явлений, у студентов есть, что сказать. В кругу их общения всегда находятся люди с этими аддикциями. Задача преподавателя в этой ситуации показать, что между первичными и вторичными отклонениями существует тонкая грань, перейдя которую человек по истечению времени становится законченным девиантом.

Перечень проблем, которые выделяют студенты, на первом практическом занятии, позволяет говорить и о дисфункциях социальных институтов. Если поднять вопросы загрязнения окружающей среды, то речь идет о дисфункциях экономических институтов общества. Если говорить о коррупции, то она вместе с бюрократизмом прижилась в природе политических институтов общества.

При этом принципиально важным мы считаем обсудить такую латентную функцию института образования, как воспроизводство социального неравенства. Так, высшее образование дает некоторые преференции его обладателям, а именно занимать рабочие места на первичном рынке труда, который гарантирует своим претендентам полную занятость, достойную оплату труда и престижность занятий. Не секрет, что на уровне общественного мнения социальное неравенство воспринимается как социальная несправедливость. Выпускники высшей школы должны воспринимать его как способ упорядочивания стратификационных процессов в современном обществе, который предполагает отсутствие больших разрывов по уровню доходов между разными социальными слоями и статусными группами.

Список литературы

1. Зборовский, Г. Е., Амбарова, П. А. Образовательная неуспешность российского студенчества: социологическая интерпретация проблемы // Социологические исследования. – 2021. – № 3. – С. 17–27.
2. Пронина, Е. И. Что происходит с мотивацией к образованию (Круглый стол «Российское образование сегодня») // Социологические исследования. – 2020. – № 8. – С. 163–164.
3. Соколов, Ю. Осадная башня штурмующих небо. Избранные тексты из Великой французской энциклопедии XVIII в. Ленинград, 1980. – 269 с.

Orlik Elena Nikolaevna

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
of the Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: enorlik@mail.ru*

Shchitko Vladimir Sergeevich

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: sl100@mail.ru*

SOCIOLOGY FOR NON-SOCIOLOGISTS: TEACHING EXPERIENCE

Annotation. The article describes the experience of teaching sociology to students of a non-sociological training profile, taking into account the communication barriers created by the digital environment of the university and the types of student motivation to obtain professional education.

Keywords: communication, sociological discourse, digital environment, motivation, prerequisites for the emergence of sociology, society, defects of socialization, social institutions

Павлова Виктория Александровна

Магистрантка

Московский международный университет, г. Москва

E-mail: viktoriyapavlova10@mail.ru

Мельниченко Надежда Федоровна

кандидат экономических наук, доцент

Московский международный университет, г. Москва

E-mail: n.melnichenko@mtu.ru

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ К СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫМ ОТНОШЕНИЯМ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В статье исследуются ключевые проблемы интеграции молодежи в систему социально-трудовых отношений в условиях трансформации рынка труда. На основе анализа статистических данных за 2023–2025 гг., результатов социологических исследований и кадровых отчетов выявлены основные барьеры адаптации: несоответствие компетенций выпускников требованиям работодателей, институциональные пробелы в системе профессиональной ориентации и нарастающие психологические трудности. Разработан комплекс мер по оптимизации механизмов адаптации на уровнях образовательной системы, государственного регулирования и корпоративного управления.

Ключевые слова: молодежь, социально-трудовые отношения, адаптация, рынок труда, профессиональная компетенция, цифровизация, психологический портрет

Вводная часть. Актуальность исследования проблем адаптации молодежи к социально-трудовым отношениям обусловлена комплексом вызовов, с которыми сталкивается современная экономика. Цифровая трансформация, изменение структуры занятости, последствия глобальных экономических кризисов и трансформация ценностных ориентаций молодого поколения создают принципиально новый контекст для вхождения новых участников на рынок труда.

По данным Росстата за 2024 год, уровень безработицы среди граждан в возрасте от 15 до 24 лет остается стабильно высоким – 15.8%, что более чем в 2.5 раза превышает среднероссийский показатель (6.2%) [5]. При этом каждый третий выпускник вуза и каждый четвертый выпускник системы среднего профессионального образования сталкиваются с трудностями трудоустройства по полученной специальности в течение первого года после окончания образовательной организации.

Цель исследования – выявить и систематизировать ключевые проблемы адаптации молодежи к социально-трудовым отношениям и разработать практические рекомендации по их минимизации. Задачи включают: анализ теоретических основ изучения адаптации, оценку текущей ситуации на молодежном сегменте рынка труда, идентификацию структурных, компетентностных и психологических барьеров, а также обзор существующих мер поддержки и их эффективности.

Основная часть. Понятие «адаптация» в контексте социально-трудовых отношений представляет собой многомерный процесс интеграции индивида в профессиональную среду, включающий усвоение норм, ценностей, овладение профессиональными компетенциями и установление функциональных взаимодействий в трудовом коллективе. В научной литературе (А. В. Кашепов, Е. Л. Варшавская, Ю. Г. Одегов) выделяются следующие структурные компоненты трудовой адаптации [6, с. 37–38]:

- 1) профессиональная адаптация – овладение профессиональными знаниями, навыками;
- 2) психофизиологическая адаптация – приспособление к условиям труда, режиму работы;
- 3) социально-психологическая адаптация – вхождение в коллектив, принятие его традиций и норм;
- 4) организационная адаптация – ознакомление с организационной структурой, корпоративной культурой;

5) экономическая адаптация – принятие системы материального стимулирования.

Современные исследования (Р. И. Капелюшников, Г. Г. Руденко) подчеркивают, что в условиях цифровой экономики классические модели адаптации требуют пересмотра [2, с. 258], поскольку появляются новые формы занятости (гиг-экономика, удаленная работа), размывающие традиционные социально-трудовые отношения [4, с. 2].

Молодежь в возрасте от 15 до 29 лет составляет значительную долю в структуре трудовых ресурсов России – около 22,5 млн человек [5]. Однако ее участие на рынке труда имеет специфические характеристики. Рисунок 1 наглядно демонстрирует структуру занятости молодежи по формам.

Рисунок 1. Структура занятости молодежи от 18 до 30 лет по формам (данные на конец 2024 г.), %

Как видно из рисунка, лишь 58% молодых людей работают в режиме полной занятости по Трудовому кодексу. Каждый седьмой (15%) активно вовлечен в гиг-экономику, что создает определенные барьеры для социальной защищенности и долгосрочного карьерного планирования.

Одной из ключевых проблем остается высокий уровень безработицы, динамика которого представлена в таблице 1.

Таблица 1. Уровень безработицы по возрастным группам в РФ, 2023–2025 гг. (%)

Возрастная группа	2023 г.	2024 г.	2025 г.
15-19 лет	22.1	21.5	20.8
20-24 года	16.3	15.9	15.5
25-29 лет	8.2	7.9	7.6
В среднем по РФ	6.5	6.2	6.0

Источник: составлено по данным Росстата [5]

Представленные в таблице данные подтверждают, что молодежь до 25 лет представляет наиболее уязвимую категорию на рынке труда, чьи показатели безработицы критически превышают средние значения.

Системный разрыв между компетенциями, формируемыми системой образования, и реальными требованиями работодателей остается фундаментальной проблемой. По результатам экспертного опроса, лишь 32% работодателей считают, что вузы и колледжи готовят выпускников к реальным задачам [3, с.12].

Рисунок 2 иллюстрирует основные дефициты компетенций у молодежи, выделяемые кадровыми службами.

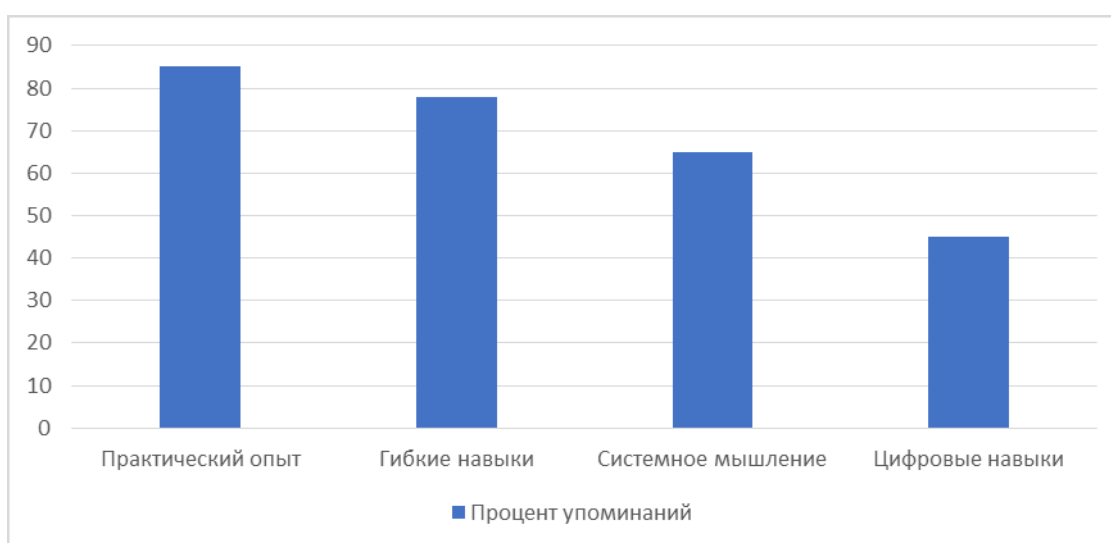

Рисунок 2. Основные дефициты компетенций у молодых специалистов по оценкам HR-менеджеров (% от числа опрошенных, множественный выбор)

Как показывает рисунок, наиболее острый дефицит – отсутствие практического опыта (85%) и развитых "гибких навыков" (soft skills), таких как коммуникация, работа в команде и управление временем (тайм-менеджмент) [1].

Социологические исследования фиксируют растущий разрыв между карьерными и материальными ожиданиями молодежи и реальной ситуацией на рынке. Опрошенные выпускники 2024–2025 гг. в среднем ожидали начальную зарплату на уровне 65–70 тыс. рублей, тогда как реальное среднее предложение работодателей составляет 45–50 тыс. рублей для большинства регионов России. В Москве эти показатели не сильно отличаются. Это приводит к росту "добровольной безработицы", когда молодые люди отказываются от доступных вакансий в ожидании лучших условий. При этом

важно упомянуть, что ниши по подходящим предпочтениям часто занимаются людьми близкого родства. Поэтому создается видимость конкуренции, но человек на должность уже «забронирован».

Сегодня для молодого специалиста важна не только зарплата. Гораздо большее значение имеет интерес к самой работе, ощущение смысла в том, что ты делаешь, и возможность получать от этого удовольствие. Однако такое отношение к труду часто не совпадает с взглядами старших поколений, что создает непонимание на рынке труда.

Молодой человек, выросший в эпоху интернета и глобализации, видит мир более свободным и открытым. Он ищет место, где сможет не просто "отрабатывать часы", а реализовать свой потенциал. Именно это стремление и формирует особый психологический портрет современного молодого специалиста.

Психологический портрет современного молодого специалиста (поколение Z и младшие миллениалы) характеризуется:

- низкой толерантностью к рутинным задачам;
- высоким уровнем тревожности и страхом профессиональной неудачи;
- "клиповым" мышлением, затрудняющим концентрацию на долгосрочных проектах;
- приоритетом work-life balance над карьерным ростом "любой ценой".

Эти особенности создают дополнительные сложности при интеграции в традиционные корпоративные структуры с иерархической системой управления. Поколение Z (зумеры) в сравнении с поколением миллениалов и бумеров имеют совершенно другие взгляды на работу и на жизнь в целом. Зумеры не готовы терпеть рутинные обязанности, жесткую иерархическую структуру и тотальный контроль со стороны руководства.

Это подтверждается исследованием «Молодежь России-2025», проведенным РАНХиГС: 67% респондентов в возрасте от 18 до 24 лет заявили, что уйдут с работы, где отсутствует гибкий график и возможность удаленной занятости [3, с. 15].

Ценностный разрыв между поколениями становится особенно заметен в отношении к карьерному росту. Если для бумеров (рожденных в 1944–1963 гг.) и поколения X (1964–1984 гг.) важна была стабильность и вертикальная карьера в одной организации, а миллениалы (1985–2002 гг.) стремились к самореализации и балансу между работой и личной жизнью, то

зумеры (рожденные после 2003 года) выдвигают на первый план экологичность трудовых отношений, быстрый результат и личное благополучие. В таблице 2 представлен сравнительный анализ трудовых ценностей разных поколений.

Таблица 2. Сравнительный анализ трудовых ценностей разных поколений

Критерий	Бумеры (1944–1963)	Поколение X (1964–1984)	Миллениалы (1985–2002)	Зумеры (после 2003)
Отношение к работе	Работа как долг	Работа как необходимость	Работа как самореализация	Работа как часть жизни
Лояльность	Высокая (одна компания)	Условная (3–5 лет)	Низкая (1–3 года)	Ситуативная (проектная занятость)
Мотивация	Стабильность, уважение	Деньги, карьера	Work-life balance, развитие	Свобода, интересные задачи
Отношение к руководству	Авторитет, иерархия	Партнерство	Коучинг, поддержка	Коллаборация, равноправие

Для зумеров характерен отказ от концепции «отложенной жизни», которая была свойственна предыдущим поколениям. Они не готовы годами «вкалывать» ради гипотетического карьерного роста в будущем. Согласно данным исследования HeadHunter (2024 г.), 72% молодых специалистов до 25 лет считают, что работа не должна мешать их хобби, путешествиям и личным проектам [1].

Однако существующие государственные программы адаптации молодежи к трудовой деятельности далеко не всегда успевают за этой стремительной трансформацией ценностей.

В Российской Федерации реализуется ряд программ, направленных на содействие занятости молодежи: программа "Страна возможностей", национальный проект "Образование", региональные программы стажировок [6, с. 40]. Однако, как показывают данные, их охват и эффективность ограничены. Так, программой содействия занятости молодежи в 2024 году было охвачено лишь около 7% от общей численности безработной молодежи.

Со стороны бизнеса наиболее эффективными признаются программы стажировок, и выпускники программ молодых специалистов демонстрируют на 40% более высокие показатели адаптации. Таблица 3 сравнивает эффективность различных корпоративных инструментов адаптации.

Таблица 3. Эффективность корпоративных инструментов адаптации молодых специалистов (по данным опроса HR-директоров)

Инструмент адаптации	Распространенность (%)	Оценка эффективности (по 5-балльной шкале)
Наставничество (менторство)	68	4.7
Вводный тренинг	95	3.8
Корпоративный университет	42	4.5
Психологическое сопровождение	25	4.2
Поэтапный план ввода в должность	55	4.1

Источник: результаты экспертного опроса, 2025 г. [3, с. 12–13].

Наиболее эффективным инструментом признается система наставничества, однако ее внедрение требует значительных ресурсов от компании [7, с. 3].

Преодоление этих ресурсных ограничений и системных барьеров невозможно в рамках усилий отдельно взятых организаций. Согласованные действия образовательных учреждений, государственных структур и бизнеса могут существенно повысить эффективность интеграции молодых специалистов в трудовую сферу.

В качестве первоочередных шагов для системы образования наиболее актуальными являются:

- внедрение обязательных длительных производственных практик с проектной деятельностью.
- интеграция в учебные планы дисциплин по развитию "гибких навыков" и цифровой грамотности.
- создание карьерных офисов, работающих в тесной связке с партнерами.

На государственном уровне перспективными направлениями работы представляются:

- увеличение масштабов и расширение целевых групп программ субсидируемой стажировки.
- развитие системы профессиональной ориентации, начиная со старшей школы.
- введение налоговых стимулов для компаний, активно внедряющих программы адаптации и развития молодежи.

Со стороны работодателей наиболее эффективными могут стать:

- разработка структурированных программ адаптации с четкими целями и системой наставничества.

- внедрение гибкой системы мотивации, учитывающей ценностные ориентиры молодого поколения.

- создание "карьерных лифтов" и прозрачных критериев роста внутри организации.

Заключение. Проблема адаптации молодежи к социально-трудовым отношениям носит комплексный, многогранный характер. Ее решение требует скоординированных усилий со стороны государства, образовательных организаций и бизнеса. Ключевыми направлениями работы должны стать ликвидация компетентностного разрыва, трансформация системы профессиональной ориентации, психологическая подготовка молодежи к реалиям рынка труда, а также развитие эффективных корпоративных программ адаптации, учитывающих психологические особенности новых поколений. Только такой комплексный подход позволит минимизировать социальные и экономические издержки, связанные с интеграцией молодежи в трудовые отношения, и обеспечить долгосрочную конкурентоспособность российской экономики.

Список литературы

1. Исследования ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения). сайт. – URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 17.10.2025).

2. Макаров, И. Л. Адаптация молодого человека к процессам цифровизации современного общества // КАНТ. – 2024. – №2(51). – С. 257–262.

3. Мониторинг экономики образования. НИУ ВШЭ. – М., 2024. – С. 10–15.

4. Рахматуллина, З. Б., Дубовова, О. А. Социальная адаптация молодежи на рынке труда // Социологические науки. – Текст: электронный // CyberLeninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-adaptatsiya-molodezhi-na-rynke-truda> (дата обращения: 17.10.2025).

5. Росстат (Федеральная служба государственной статистики). сайт. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 17.10.2025).

6. Трудоустройство и социальная адаптация молодежи в современных условиях: материалы научно-практической конференции (2020–2022 гг.) / под ред. А. Л. Елисеева. – М.: Изд-во Литрес, 2022. – С. 37–45.

7. Черевко, А. В., Сначов, Н. П. Социально-трудовая адаптация молодежи в условиях мирового экономического кризиса // Экономика и бизнес. – Текст: электронный // CyberLeninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-trudovaya-adaptatsiya>

molodezhi-v-usloviyah-mirovogo-ekonomicheskogo-krizisa (дата обращения:
17.10.2025)

Victoria Aleksandrovna Pavlova

Master's Student

Moscow International University, Moscow

E-mail: viktoriyapavlova10@mail.ru

Melnichenko Nadezhda Fedorovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Master's Student

ANO VO Moscow International University, Moscow

E-mail: n.melnichenko@mmu.ru

PROBLEMS OF YOUTH ADAPTATION TO SOCIAL AND LABOR RELATIONS IN MODERN ECONOMIC CONDITIONS

Abstract. This article examines the key challenges of youth integration into the system of social and labor relations in the context of labor market transformation. Based on an analysis of statistical data for 2023–2025, the results of sociological research, and personnel reports, the main barriers to adaptation are identified: a mismatch between graduate competencies and employer requirements, institutional gaps in the career guidance system, and increasing psychological difficulties. A set of measures to optimize adaptation mechanisms at the levels of the educational system, government regulation, and corporate governance is developed.

Keywords: youth, social and labor relations, adaptation, labor market, professional competence, digitalization, psychological profile

Петросян Дмитрий Ильич
кандидат философских наук, доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Владимирский Филиал Российской Академии народного хозяйства
и государственной службы, г. Владимир
E-mail: petrosyan-di@ranepa.ru

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ К МИГРАЦИОННЫМ ПРОЦЕССАМ

Аннотация. Автор рассматривает проблему восприятия населением Владимирской области развития миграционных процессов в регионе. Испытывая в результате динамики естественных демографических процессов дефицит трудовых ресурсов, федеральные и региональные власти избрали для решения данной проблемы стратегию привлечения на отечественный рынок труда иностранной рабочей силы. Основываясь на данных социологических исследований, автор показывает, что приток трудовых мигрантов, являющихся носителями не традиционной для Владимирской области культурных и религиозных ценностей, вызывает среди местного населения отнюдь не однозначную реакцию, влияющую на рост распространения как открытой, так и латентной ксенофобии. Несмотря на преобладание в целом позитивных оценок по отношению к мигрантам, подобная тенденция ставит на повестку дня вопрос о применении мер по адаптации населения области к актуальным миграционным процессам.

Ключевые слова: миграция, рынок труда, ксенофобия, толерантность, адаптация

Проблема трудовой миграции является одной из важнейших практически для любой экономически развитой, урбанизированной страны современного мира. Не является исключением и Российская Федерация. Произошедшие за последние 30 лет изменения в структуре рынка труда, изменения трудовых предпочтений и ценностей российской молодежи, демографические проблемы и сокращение доли трудоспособного населения привели к тому, что привлечение рабочей силы из-за рубежа, в основном из бывших республик СССР, приобрело стратегический характер.

К сожалению, у нас нет абсолютно точных данных о доли мигрантов в общей численности занятых, однако, основываясь на открытых источниках, можно сделать некоторые косвенные выводы.

Таблица 1. Международная миграция (человек)

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023г.
Прибыло во Владимирскую область – всего	7246	4768	5844	6274	4680
в том числе:					
из стран СНГ	6507	4418	5262	5752	4242
из них:					
Азербайджан	204	181	233	200	145
Армения	871	561	762	573	471
Беларусь	193	94	169	150	118
Казахстан	295	179	221	176	122
Кыргызстан	431	272	327	353	337
Молдова, республика	429	287	314	194	176
Таджикистан	1012	1005	1635	2361	2107
Туркменистан	317	99	82	85	87
Узбекистан	532	444	538	500	369
Украина	2223	1296	981	1160	310
из стран вне СНГ	739	350	582	522	438
Выбыло из Владимирской области – всего	1155	3492	1459	5569	4857
в том числе:					
в страны СНГ	1080	2928	1297	4867	4309
из них:					
Азербайджан	37	75	43	165	144
Армения	80	604	223	692	459
Беларусь	21	145	27	147	127
Казахстан	51	161	50	212	131
Кыргызстан	50	229	75	356	317
Молдова, республика	114	136	78	254	176
Таджикистан	221	482	266	1320	1616
Туркменистан	33	259	14	59	61
Узбекистан	135	201	120	502	431
Украина	338	636	401	1160	847
в страны вне СНГ	75	564	162	702	548

По данным статистики (таблица 1), в 2023 г. во Владимирскую область въехали 4680 иностранных граждан (самый низкий показатель в период наблюдений с 2019 г.) [1]. Покинули область 4857 иностранных граждан.

Министерство труда и занятости Правительства Владимирской области сообщает о наличии 158 обращений за заключением о привлечении и об использовании иностранных работников, содержащих суммарный запрос на трудоустройство 2617 чел. в период с января по сентябрь 2025 г. (все заявки утверждены) [2].

За тот же период 2024 г. зафиксировано 152 подобных заявки на 2529 чел. (удовлетворены 151 заявка на 2527 чел.).

Всего в течение 2024 г. (с января по декабрь) количество заявок составило 166 на 2811 рабочих мест (удовлетворены 165 на 2809 мест).

Практически все заявки поданы предприятиями из сферы обрабатывающие производства (2577 чел.). Лишь 39 заявок поступило от гостиниц и предприятий общественного питания (39 чел.)

Таким образом, мы можем примерно определить динамику движения иностранной рабочей силы на рынке труда области. Можно отметить лишь незначительное снижение потребности региональной экономики в привлечении трудовых мигрантов.

Учитывая, что общая численность занятых в экономике области – 702 тысячи чел. [1], иностранные работники составляют ее малую, но весьма стабильную часть. Очевидно, что потребность в иностранной рабочей силе и покрывающие ее миграционные потоки будут сохраняться.

Исходя из этого, на повестку дня выдвигается вопрос о том, как к продолжению подобных процессов адаптировано население Владимирской области. В целом, исследования фиксируют довольно противоречивое отношение жителей области к притоку мигрантов и к ним самим [3, 4].

С одной стороны, можно выделить следующие позитивные аспекты оценки миграционных процессов.

Почти половина жителей области – 43,5% (относительное большинство) – считают, что приезжие других (не русской) национальностей никак не влияют на жизнь их города (села).

Каждый трети житель области не считает целесообразным ограничивать приток в область лиц не русских национальностей (34,8%).

Больше половины жителей области соглашаются с тем, что все люди, вне зависимости от национальности и места проживания, должны иметь равные права (56,7%).

Почти половина владимирцев не испытывает опасений, настороженности или неприязни по отношению к мигрантам (48,3%).

С другой стороны, отметим и негативные тенденции.

Жители области, считающие, что мигранты влияют на жизнь в городе (селе) негативно, хоть и не составляют большинство, но в 6,5 раз превышают долю тех, кто отмечают положительное влияние (25,4% против 3,9%).

В течение последних 5 лет доля жителей области, считающих, что приток мигрантов не русской национальности следует ограничить, значительно выросла (с 22% в 2020 г. до 45% в 2025 г.) и составила относительное большинство.

Если в 2024 г. лишь каждый четвертый житель области поддерживал идею о том, что люди коренной национальности должны иметь больше прав, чем приезжие (24,6%), то в 2025 г. уже каждый третий (33%).

Доля жителей области, испытывающих негативные чувства по отношению к мигрантам, также выросла за последний год: с 24,7% до 39,6%.

Таким образом, в последние годы явно нарастают тревожные симптомы в оценке населением миграционных процессов.

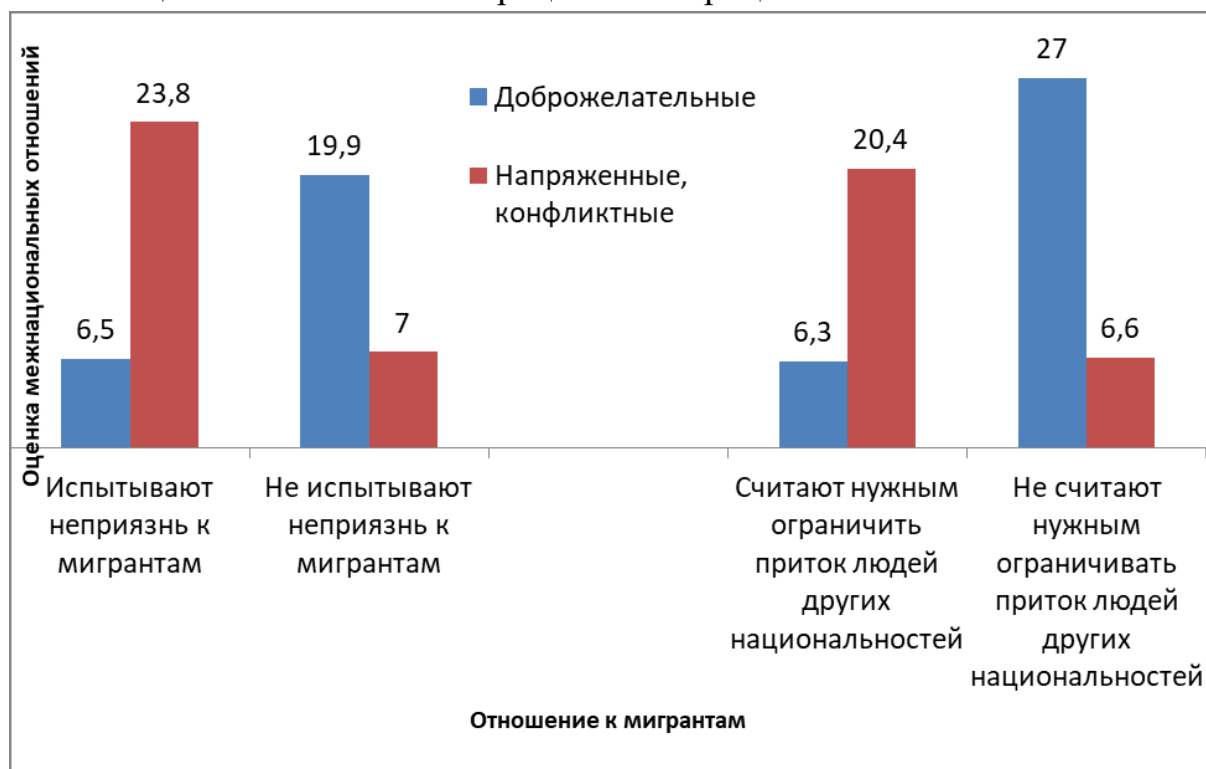

Рисунок 1. Оценка состояния межнациональных отношений в зависимости от отношения к мигрантам

Рис. 1 показывает, что отношение к мигрантам явно влияет на общую оценку межнациональных отношений в регионе. Она прямо противоположна у терпимых и нетерпимых по отношению к приезжим из других стран. Учитывая, что без привлечения иностранной рабочей силы региональная экономика будет испытывать дефицит кадров, необходимо поддерживать долгосрочную стратегию миграционной политики мероприятиями по разъяснению местному населению ее неизбежности.

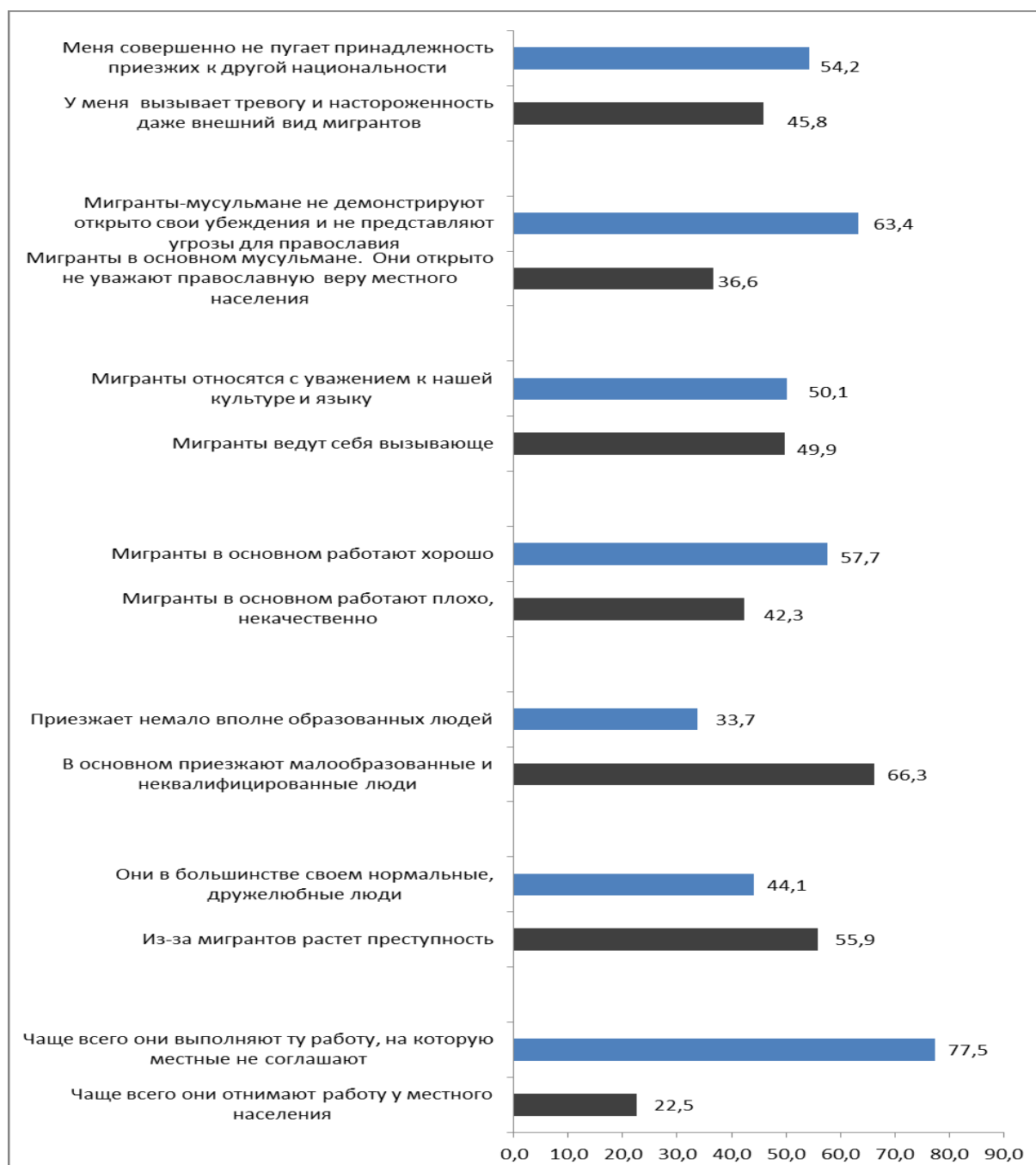

Рисунок 2. Отношение респондентов к мигрантам

На рисунке 2 видно, что жителей области мало беспокоит то, что мигранты отнимают у них рабочие места (54,2% отвергают такую точку зрения). Напротив, куда чаще владимирцы соглашались с тем, что мигранты работают там, где местное население не особенно стремится (77,5%).

Не вызывает серьезных опасений у жителей области и религиозный фактор: большинство считает, что мигранты-мусульмане не представляют угрозы православию и его приверженцам (63,4%). Большинство владимирцев не высказывают претензий к качеству работы мигрантов (57,7%).

При этом чаще всего негативное отношение к мигрантам выражается в представлении о них, как о малообразованных и малоквалифицированных людях (66,3%), негативно влияющих на состояние преступности в регионе (55,9%). Вот на эти аспекты и следует обратить первостепенное внимание в работе по адаптации жителей Владимирской области к современным миграционным процессам.

Список литературы

1. Владимирская область. Статистический ежегодник. 2024. Миграция. сайт. – URL: https://33.rosstat.gov.ru/publication_collection/document/28213
2. Федеральное статистическое наблюдение. Сведения о предоставлении государственных услуг в области содействия занятости населения за январь – сентябрь 2025 г. Министерство труда и занятости населения Владимирской области. сайт. – URL: <https://mtzn.avо.ru/documents/3911238/4621057/Сведения+о+предоставлении+государственных+услуг+в+области+содействия+занятости+населения+за+январь-сентябрь+2025г.pdf/323bfb32-6440-6690-fa9a-150329fbb98f?version=1.0&t=1760444687657>
3. Петросян, Д. И., Свинцов, И. В. Социологический анализ факторов, способствующих снижению напряженности в сфере межнациональных отношений Владимирской области (монография) // Владимир, 2015 .
4. Петросян, Д. И. Влияние международной трудовой миграции на состояние межэтнических отношений в регионах Центральной России// Материалы IX Международной научно-практической конференции «Этнос и общество в контексте межнациональных отношений», Краснодар, КГУ, 7 декабря 2023 г. – С. 350–357.

***Petrosyan Dmitry Ilyich**
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
of the Department of Social and Humanitarian Disciplines
Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration, Vladimir
E-mail: petrosyan-di@ranepa.ru*

**THE PROBLEM OF ADAPTATION OF THE RESIDENTS
OF VLADIMIR REGION TO THE MODERN PROCESS
OF MIGRATION**

Abstract. The author examines the problem of the population of the Vladimir region's perception of the development of migration processes in the region. As a result of the dynamics of natural demographic processes, the federal and regional authorities have chosen to address this issue by attracting foreign labor to the domestic labor market. Based on sociological research data, the author shows that the influx of labor migrants, who bring with them cultural and religious values that are not traditional for the Vladimir region, has caused a mixed reaction among the local population, leading to an increase in both open and latent xenophobia. Despite the generally tolerant attitude towards migrants, this trend raises the question of implementing measures to adapt the region's residents to current migration processes.

Key words: migration, labor market, xenophobia, tolerance, adaptation

Правдивая Ксения Владимировна
студентка направления подготовки «Социальная работа»
Ивановский государственный университет, г. Иваново
E-mail: k.pravdivaya@yandex.ru

Птицына Наталья Алексеевна
кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии
социальной работы и управления персоналом
Ивановский государственный университет, г. Иваново
E-mail: napticyna@yandex.ru

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРАЖДАН СТАРШЕГО ВОЗРАСТА В МАЛОМ ГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КОХМА ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования добровольческой деятельности людей старшего возраста, проживающих в малом городе. Согласно полученным данным, ядро ценностной системы добровольцев составляют здоровье, семья и наличие хороших друзей; ведущими мотивами участия в добровольчестве являются социальные и альтруистические; основными препятствиями, затрудняющими участие представителей старшего поколения в добровольчестве, выступают недостаток информации о проводимых мероприятиях и дефицит личностных ресурсов. Значительная доля респондентов полагают, что социальная политика в отношении старшего поколения должна осуществляться с учетом потенциала и потребностей представителей старших возрастных групп.

Ключевые слова: добровольческая деятельность, граждане старшего возраста, малый город

Для современной России, как и многих других стран, характерен процесс активного старения населения. По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), численность населения старшего трудоспособного возраста в 2023 году составила 34,5 млн. человек [9]. Согласно заявлению министра здравоохранения М. Мурашко, в пределах ближайших двадцати лет количество россиян старше 60 лет может составить около трети в общей структуре населения страны [3]. Под влиянием этой тенденции трансформируется социальный ландшафт,

возникает необходимость переосмысления роли старшего поколения в обществе и поиска новых форм его социальной интеграции.

В целях повышения продолжительности и качества жизни граждан старшего поколения распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 апреля 2025 года №830-р утверждена «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения Российской Федерации до 2030 года». В числе ключевых задач Стратегии – «создание условий для реализации личностного потенциала граждан старшего поколения и расширения их участия в жизни общества», а одной из мер, направленных на ее осуществление является «развитие добровольческой (волонтерской) деятельности граждан старшего поколения, включая развитие социального волонтерства и внедрение дополнительных инструментов мотивации к занятиям добровольчеством» [8].

На фоне глобальных демографических изменений изучение практик социальной активности людей старшего возраста через призму феномена серебряного волонтерства приобретает особую научную и социальную значимость. В последнее десятилетие «серебряное» волонтерство все чаще становится объектом исследований отечественных ученых, работающих на стыке разных научных дисциплин [1, 2, 4, 5, 6]. Исследователи отмечают, что расширяется не только география «серебряного» волонтерства, но и диапазон локальных инициатив: от участия в просветительских проектах и оказания адресной помощи одиноким пенсионерам до содействия в проведении культурных, спортивных мероприятий, экологических акций, реализации социальных проектов. Участие в добровольческой деятельности позволяет представителям старшего поколения активно применять свой жизненный и профессиональный опыт, поддерживать социальные связи и вносить вклад в развитие малого города.

В целях изучения особенностей добровольческой деятельности представителей старшего поколения проведено социологическое исследование (г. Иваново, 2025), в котором приняли участие граждане старшего возраста, проживающие в городе Кохма Ивановской области и состоящие в отряде «серебряных» волонтеров, функционирующем на базе ОБУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения по г.о. Кохма и Ивановскому муниципальному району».

Методы и материалы исследования. Методика проведения исследования носит комплексный характер и включает анализ специальной научной

литературы, результатов исследований по теме, изучение материалов, размещенных на официальном сайте учреждения, а также инструментарий для сбора эмпирических данных (специально разработанная анкета для проведения письменного опроса, гайд для проведения беседы).

Результаты исследования.

1. В исследовании приняли участие 24 женщины, входящие в возрастной диапазон от 63 до 84 лет. Как в целом для России, так и для малого города характерна гендерная специфика добровольчества: женщины проявляют большую готовность к участию в практиках социальной активности. На основе полученных данных составлен обобщенный социально-демографический портрет участника отряда «серебряных» волонтеров, действующего на базе социального учреждения: женщина в возрасте 73 лет, со средним специальным образованием, проживающая в малом городе, находящаяся в статусе вдовы, имеющая взрослых детей и внуков, основной источник дохода – пенсия. Несмотря на то что большинство опрошенных находится в статусе вдовы, женщины проявляют высокую социальную активность, готовность поделиться накопленным жизненным и профессиональным опытом, что позволяет им преодолевать одиночество, сохранять и поддерживать социальные связи.

2. В ходе исследования выявлена ценностная структура респондентов. В иерархии жизненных ценностей лидируют здоровье, а также семья и наличие хороших друзей, что может свидетельствовать о высокой значимости родственных связей и ближнего социального окружения. Для половины опрошенных важна обстановка в стране, что отражает запрос на безопасность и предсказуемость в условиях нестабильности и неопределенности. Четверть респондентов отметили значимость материального положения, что может свидетельствовать о недостаточном материальном обеспечении людей старшего возраста.

3. Согласно полученным данным, ведущим мотивом участия представителей старшего поколения в добровольчестве респонденты считают возможность «быть вместе с другими людьми, общаться (72,7%), что коррелирует с их высокой повседневной социальной активностью (45,8% общаются с близкими ежедневно, 33,3% – несколько раз в неделю). Причем 70,8% опрошенных удовлетворены объемом общения, что может свидетельствовать о сформированной потребности в социальных контактах, а не о компенсации их дефицита. Второе по значимости место занимает мотив самореализации и личностного роста (63,6%): «жить полной жизнью,

заниматься интересным делом»; третье и четвертое – альтруистические мотивы: желание «помочь нуждающимся людям» (59,1%) и "приносить пользу" (54,5%), Пятая часть опрошенных таковыми считают стремление "применить свои знания и опыт" и "возможность личного развития". Интересно то обстоятельство, что мотивы «повышение статуса» (9,1%) и «наличие «ответной помощи» (4,5%) имеют минимальное значение. Анализ ответов на открытый вопрос: «Почему Вы решили заниматься волонтерством?» показал, что подавляющее большинство респондентов участвуют в добровольчестве, руководствуясь желанием помогать нуждающимся людям. В целом, полученные данные согласуются с результатами других эмпирических исследований [7].

Анализ мнения респондентов на вопрос, какие барьеры затрудняют активное вовлечение людей старшего возраста в добровольчество, позволил выявить следующие препятствия: недостаток информации о проводимых мероприятиях (38,1%), дефицит ресурсов (23, 8%), в том числе материальных (14,3%) и временных (9,5%). Вместе с тем каждый четвертый респондент считает, что таких препятствий не существует.

4. Изучение направленности деятельности «серебряных волонтеров» показало следующее: респонденты полагают, что в первую очередь следует оказывать поддержку людям старшего возраста (45,5%) и инвалидам (22,7%). Интересно, что только 4,5% опрошенных называют в качестве первоочередной необходимость помощи детям. В то же время более четверти добровольцев полагают, что помощь нужно оказывать всем нуждающимся вне зависимости от принадлежности к какой-либо категории.

Судя по данным, наиболее распространенными формами работы отряда «серебряных» волонтеров являются оказание помощи одиноко проживающим пожилым людям, участие в городских социально-культурных мероприятиях, организация досуга и обучение граждан старшего возраста основам цифровой грамотности. Среди основных видов помощи, которую оказывают «серебряные» волонтеры своим сверстникам, лидируют моральная поддержка (59,1%), организация досуга и творчества (45,5%), физическая и трудовая (27,3%), значительно реже – материальная поддержка, обучение и социально-бытовая помощь (по 9,1% каждый). Подавляющее большинство добровольцев (90,9%) считают важным оказание поддержки участникам СВО, а десятая часть опрошенных осуществляет такую помощь: участвуют в изготовлении маскировочных сетей, вяжут носки и др. изделия для военнослужащих.

5. В ходе исследования выявлено, что волонтеры неоднозначно оценивают государственную поддержку, оказываемую представителям старшего поколения. Большинство респондентов (52,4%) признают важность оказания государственной помощи пожилым людям, но отмечают необходимость ее расширения. Причем треть респондентов оценивают текущую поддержку как "очень значимую", а четверть опрошенных не считают помощь со стороны государства действенной. Можно предположить, что распределение мнений отражает субъективный опыт взаимодействия участниц исследования с представителями властных структур. Критические замечания в адрес органов государственной власти касаются трех основных проблем: недостаточного изучения потребностей пожилых (62,5%), низкого качества медицинского обслуживания (58,3%) и слабого информирования о мерах поддержки (29,2%). Вместе с тем вопросы психологической помощи и ответственности властей волнуют респондентов значительно меньше (по 16,7%). Изучение мнения респондентов об эффективности оказания государственной поддержки позволяет своевременно вносить коррективы в социальную политику в отношении старшего поколения.

Таким образом, добровольческая деятельность граждан старшего возраста в малом городе представляет собой значимый социальный ресурс, обеспечивающий интеграцию пожилых людей в жизнь местного сообщества, повышение качества их жизни и укрепление межпоколенных связей. «Серебряное» волонтерство способствует преодолению стереотипов о пассивной роли пожилых людей, формирует позитивный образ старости и способствует развитию моделей активного долголетия.

Список литературы

1. Аполихин, О. И., Сивков, А. В., Шадеркин, И. А., Казаченко, А. В., Скворцова, Д. А., Просяников, М. Ю., Войтко, Д. А., Цой, А. А., Зеленский, М. М. «Школы здоровья и активного долголетия» как инструмент вовлечения пациентов в заботу о своем здоровье // Экспериментальная и клиническая урология. – 2016. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shkola-zdorovya-i-aktivnogo-sotsialnogo-dolgoletiya-kak-instrument-vovlecheniya-patsientov-v-zabotu-o-svoem-zdorovie?ysclid=mh69vkzsqu612622334> (дата обращения: 25.10.2025).
2. Бутуева, З. А. Добровольческая деятельность старших граждан: особенности и мотивы участия. Вестник института социологии. – 2019. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovolcheskaya-deyatelnost->

starshih-grazhdan-osobennosti-i-motivu-uchastiya (дата обращения: 04.12.2025).

3. Доля россиян старше 60 лет к 2030 году превысит 25%. Общество. РБК. 26.09.2025. сайт. – URL: <https://www.rbc.ru/society/26/09/2025/68d6dfdd9a79472452adde84?ysclid=mj1xeg7lqc520904677> (дата обращения: 04.12.2025).

4. Карманов М. В., Золотарева О. А. "Серебряные" волонтеры как объект прикладных исследований // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2020. – №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/serebryanye-volontery-kak-obekt-prikladnyh-issledovaniy?ysclid=mh6nw7hvoi436499286> (дата обращения: 25.10.2025).

5. Киенко Т. С., Певная М. В., Птицына Н. А. Практики самоорганизации и социальной активности россиян старшего возраста как расширяющие возможности (empowerment) технологии. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2022. – №1 (65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktiki-samoorganizatsii-i-sotsialnoy-aktivnosti-rossiyan-starshego-vozrasta-kak-rasshiryayushchie-vozmozhnosti-empowerment?ysclid=mj0jyqtlbx607103573> (дата обращения: 04.12.2025).

6. Кузнецова Н. Ф., Кочина Е. А., Осколков, А. Ф. «Серебряное» волонтерство как фактор социального благополучия людей пенсионного возраста (на примере республики Хакасия). Социология. – 2021. – №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/serebryanoe-volonterstvo-kak-faktor-sotsialnogo-blagopoluchiya-lyudey-pensionnogo-vozrasta-na-primere-respubliki-hakasiya> (дата обращения: 04.12.2025).

7. Прохорова, Л. В. Пожилые люди и «Серебряное» волонтерство: реальные кейсы. Вестник НГУЭУ. – 2019. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozhilye-lyudi-i-serebryanoe-volonterstvo-realnye-keysy> (дата обращения: 04.12.2025).

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 апреля 2025 года № 830-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года». URL: <http://static.government.ru/media/files/3s71wNjjcii0hB2DJxdhBlAJawkT1SBE.pdf> (дата обращения: 25.10.2025).

9. Российский статистический ежегодник 2024. сайт. – URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 07.10.2025).

Pravdivaya Kseniya Vladimirovna

Student in the field of Social Work

Ivanovo State University, Ivanovo

E-mail: k.pravdivaya@yandex.ru

Ptitsyna Natalia Alekseevna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

of the Department of Sociology

of Social Work and Personnel Management

Ivanovo State University, Ivanovo

E-mail: napticyna@yandex.ru

**VOLUNTEER ACTIVITIES OF OLDER CITIZENS IN A SMALL CITY
(ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF KOCHMA IN THE IVANOVO
REGION)**

Abstract. The results of an empirical study of the volunteerism of older people living in a small town are presented. According to the data obtained, the core of the value system of volunteers is health, family and the presence of good friends; the leading motives for volunteering are social and altruistic; the main obstacles hindering the participation of representatives of the older generation in volunteering are lack of information about events and lack of personal resources. A significant proportion of respondents believe that social policy towards the older generation should be implemented taking into account the potential and needs of representatives of older age groups.

Keywords: volunteer activities, senior citizens, small town

Семенова Екатерина Валерьевна

студентка кафедры социологии

Владимирский государственный институт, г. Владимир

E-mail: katyasem43@gmail.com

Ефимова Светлана Александровна

кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии

Владимирский государственный институт, г. Владимир

E-mail: efimova-svetlana@inbox.ru

КАРЬЕРОЦЕНТРИЗМ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ТРЕНД: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОМИНИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию карьероцентризма как ключевого феномена в молодежной среде. В работе раскрывается, что это не просто стремление к профессиональному успеху, а системный социокультурный тренд, захватывающий все сферы жизни.

Карьероцентризм – это коммуникативный тренд. Он формирует особый язык и доминирующие темы для обсуждения в социальных сетях, медиа и повседневном общении, где профессиональный статус становится главным мерилom ценности человека.

Он имеет серьезные психологические издержки. Постоянная гонка за достижениями ведет к хроническому стрессу, выгоранию и формированию хрупкой самооценки, которая зависит исключительно от карьерных успехов.

Доминирование экономических приоритетов размывает традиционные ценности, способствует росту индивидуализма, превращает межличностные отношения в инструмент для нетворкинга и сужает понятие «успешной жизни» до карьерных и финансовых показателей.

Ключевые слова: карьероцентризм, молодежная среда, коммуникативный тренд, психологическое благополучие, этика, идентичность, эмоциональное выгорание, экономические приоритеты

Цель исследования. Выявить и комплексно проанализировать проявления карьероцентризма как коммуникативного тренда в молодежной

среде, а также определить его психологические последствия и этические коллизии, порождаемые доминированием экономических приоритетов.

Задачи исследования:

1. Уточнить содержание и структуру понятий «карьероцентризм», «экономические приоритеты» применительно к молодежной среде, развести его со смежными понятиями (трудоголизм, профессиональная самореализация).

2. Исследовать карьероцентризм как коммуникативный тренд: проанализировать его дискурс в социальных сетях, медиaprостранстве и межличностном общении молодежи.

3. Проанализировать психологические последствия карьероцентризма: влияние на эмоциональное благополучие (уровень тревоги, стресса, выгорания), формирование идентичности и самооценки.

4. Выявить этические проблемы, связанные с доминированием экономических приоритетов: трансформация ценностей (гедонизм, консьюмеризм, индивидуализм), влияние на качество межличностных отношений, социальную ответственность и представления о «успешной» жизни.

Степень научной разработанности проблемы:

Проблематика, связанная с карьероцентризмом, находится на междисциплинарном стыке и рассматривается в рамках социологии, психологии, экономики и коммуникативистики. Анализируя существующие исследования, можно выделить ключевое направление:

Социология труда и экономическая социология:

Классические и современные работы (М. Вебер [3], П. Бурдье [1]) заложили основу для понимания связи между экономическим поведением, социальной структурой и ценностными ориентациями.

Исследования прекариата и культуры неолиберализма (Д. Грейбер [4], О.Н. Яницкий [19]) раскрывают социально-экономический контекст, в котором формируется установка на постоянную конкуренцию и необходимость «инвестировать в себя», что является питательной средой для карьероцентризма.

Изучение ценностных трансформаций (Р. Инглхарт [6], Ш. Шварц [15]) демонстрирует сдвиг от ценностей выживания к ценностям самовыражения, однако в условиях кризиса наблюдается «материалистический откат», что напрямую коррелирует с ростом значимости экономических приоритетов у молодежи.

«Не открывай TikTok в понедельник утром», – советуют в популярном блоге о ментальном здоровье. Причина – поток постов и видео под хештегами #успешныйпонедельник, #цели и #карьерныйрост, который создает у пользователя ощущение, что он уже «отстал», пока просто пил кофе. В современном медиaprостранстве доминирует нарратив, где личность все чаще редуцируется до профессиональной траектории: «менеджер по продукту», «основатель стартапа», «Senior-разработчик». Карьера перестала быть частью жизни, превратившись в ее главный сюжет и основной предмет коммуникации. Это явление – карьероцентризм – новый социальный императив молодежной среды, который не только определяет экономическое поведение, но и формирует особый язык, систему ценностей, а вместе с ними – и комплекс психологических проблем, и острые этические дилеммы.

Карьероцентризм понимается как комплексная социально-психологическая установка и коммуникативная практика, при которой карьера и профессиональный успех становятся центральным, смыслообразующим элементом в системе ценностей и идентичности личности [18, с. 51–62]. подчиняя себе все остальные сферы жизни (личностные отношения, досуг, духовные поиски) [6].

Структура понятия раскрывается через три уровня:

Когнитивный: Восприятие мира через призму профессиональной полезности и карьерных возможностей. Любая информация, событие или знакомство оценивается с точки зрения потенциальной выгоды для карьерного роста ("а что это мне даст?") [9, с. 128].

Ценностно-мотивационный: Система высших приоритетов, где экономическая состоятельность, профессиональный статус и общественное признание занимают доминирующее положение [8, с. 27]. Мотивация смещается с внутренней (интерес к делу) на внешнюю (достижение, признание, конкуренция) [11, с. 112]

Коммуникативно-поведенческий: Карьера становится главной темой для обсуждения, основой для построения социальных связей ("нетворкинг") и ключевым элементом самопрезентации в онлайн и оффлайн-пространстве. Язык корпоративной культуры и личной эффективности проникает в повседневную речь [5, с. 9–15].

Под экономическими приоритетами подразумевается не просто желание иметь стабильный доход, а систему ориентаций, в которой материаль-

ная обеспеченность, финансовый успех и обладание определенными благами (статусными вещами, дорогим опытом) рассматриваются как основные мерилa жизненного успеха и социальной конкурентоспособности [18; с. 51–62].

В молодежной среде это проявляется в:

Выборе профессии и места работы, основанном преимущественно на критериях доходности, а не на личностной склонности или призвании [9, с. 130; 8, с. 28].

Формировании жизненных планов, сфокусированных на скорейшем достижении финансовой независимости и определенного уровня потребления [6].

Ориентации на "быстрые" карьерные траектории и модели успеха (стартапы, фриланс, инвестиции), сулящие максимальную экономическую отдачу в сжатые сроки [18, с. 52–55].

Для избежания терминологической путаницы необходимо четко развести карьероцентризм с близкими, но не тождественными понятиями.

Понятие	Сущность	Ключевое отличие от карьероцентризма
Трудоголизм	Патологическая зависимость от процесса труда, compulsive стремление к работе, ведущее к физическому и эмоциональному истощению.	Фокус на процессе. Трудоголик может быть не карьероцентричен: он "заряжен" на сам труд, а не на результат в виде статуса, должности или признания. Его деятельность может быть неэффективной и не вести к карьерному росту. Карьероцентризм же рационален и целенаправлен , его цель – не труд ради труда, а социальный лифт и символический капитал.
Профессиональная самореализация	Естественная человеческая потребность в раскрытии своего потенциала, способностей и талантов через профессиональную деятельность.	Фокус на содержании деятельности. Самореализация основана на внутренней мотивации (интерес, азарт, творчество). Карьероцентризм, напротив, в большей степени движим мотивацией внешней (статус, деньги, одобрение). Профессионал, реализующий себя, находит смысл <i>в самой работе</i> , карьероцентричный человек – <i>в социальных дивидендах</i> , которые она приносит.

Карьеризм	Тактическое поведение , направленное на достижение следующих ступеней в должностной иерархии любыми средствами, часто в ущерб этическим нормам и интересам коллег.	Узость понятия. Карьеризм – это, прежде всего, инструментальная стратегия продвижения <i>внутри</i> организации. Карьероцентризм – более широкий культурный феномен , система ценностей, которая определяет весь образ жизни и мысли человека, а не только его поведение на работе. Карьерист может не быть карьероцентричным в глобальном смысле, а лишь использовать карьеру как один из инструментов для достижения других целей.
------------------	---	---

Карьероцентризм – это не болезнь (как трудоголизм), не глубинная потребность (как самореализация) и не тактика (как карьеризм). Это **сформированная современной социокультурной средой ценностная доминанта**, которая проявляется на всех уровнях бытия личности и делает экономические приоритеты главным коммуникативным трендом в молодежной среде [12, с. 101–120].

Блоги о карьере становятся пространством для более агрессивной и неформальной пропаганды карьероцентризма. В них культивируется риторика тотальной оптимизации: «как сменить профессию за 3 месяца», «как удвоить доход», «10 признаков того, что ваша работа вас не ценит». Этот дискурс часто строится на противопоставлении («выживатели» vs «лидеры») и созданию ощущения постоянной угрозы остаться без перспектив, что мотивирует на непрерывный труд и образование, диктуемое исключительно рыночным спросом [14, с. 55].

Многофункциональные платформы (VK и пр.), несмотря на их развлекательную ориентацию, также фиксируют проникновение карьероцентричного дискурса в паблики, посвященные саморазвитию, мотивации и студенческой жизни. Образ успешного молодого человека все чаще сливается с образом молодого профессионала, а хобби и личная жизнь начинают описываться в категориях «нетворкинга» и «инвестиций в себя» [2, с. 8–11].

В процессе знакомства вопрос «Кем ты работаешь?» приобретает ключевое значение, а ответ служит основным маркером социального статуса и потенциала человека. В бытовую речь проникают термины из корпоративного лексикона: «прокачать скилл», «дедлайн» по уборке, «нетворкинг» на вечеринке, «экзит» из отношений. Это свидетельствует о глубокой

колонизации повседневности экономической логикой, где метафоры рынка и менеджмента описывают все сферы жизни [17, с. 114].

Постоянная ориентация на достижение и конкуренцию поддерживает высокий уровень тревоги и хронического стресса [10, с. 15]. Страх «выпасть из обоймы», не достичь заданных стандартов успеха и потерять конкурентоспособность становится постоянным спутником. Это закономерно приводит к синдрому эмоционального выгорания, который характеризуется эмоциональным истощением, цинизмом и редукцией профессиональных достижений [13, с. 93]. Карьероцентризм создает почву для «тихого выгорания», когда молодой человек, даже испытывая истощение, не может остановиться, так как его идентичность и самооценка зависят от непрерывности карьерного роста.

Доминирование экономических приоритетов способствует вытеснению традиционных этических ориентиров – альтруизма, коллективизма, служения – ценностями радикального индивидуализма и гедонизма [6, с. 58]. Успех начинает измеряться не вкладом в общее благо, а величиной личного потребления и уровнем комфорта. Формируется «этика достижения», где оправданы любые средства для продвижения по карьерной лестнице, а моральные компромиссы рассматриваются как необходимая плата за успех.

Наиболее глубокая этическая проблема – смысловая редукция успеха. Многогранное понятие «успешная жизнь», включающее любовь, семью, дружбу, личностный рост и духовные поиски, сводится к одномерному – «карьерная состоятельность» и «финансовая независимость» [7, с. 201]. Это обедняет жизненный мир личности и лишает ее альтернативных источников смысла, замыкая в рамках экономической детерминации.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что карьероцентризм представляет собой комплексный социокультурный феномен, выходящий далеко за рамки трудовой мотивации. Утвердившись в качестве доминирующего коммуникативного тренда, он сформировал мощный дискурс, который не только отражает, но и активно конструирует реальность, в которой экономические приоритеты становятся смысловым центром жизни молодого поколения.

Психологические последствия этой ценностной доминанты проявляются в хроническом стрессе, эмоциональном выгорании [10, с. 98] и формировании хрупкой «достиженческой идентичности» [16], что ставит под угрозу психическое благополучие молодежи. В этическом измерении карьер-

ероцентризм ведет к трансформации системы ценностей в сторону радикального индивидуализма и гедонизма, инструментализации человеческих отношений и редукции многогранного понятия «успешная жизнь» до его экономической составляющей [7].

Список литературы

1. Бурдые, П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001 г. – 562 с. – («Gallicinium»). ISBN 5-89329-351-7
2. Вартанова, Е. Л. К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды // Меди@льманах. – 2022. – № 2 (109). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-posledstviyah-tsifrovoy-transformatsii-mediasredy> (дата обращения: 29.11.2025).
3. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. – М., 2018. – 220 с. URL: https://2050.su/wp-content/uploads/2023/12/Max_Veber_-_Protestantskaya_etika_i_dukh_kapital.pdf (дата обращения: 29.11.2025).
4. Грейбер, Д. Бредовая работа. – М., 2021. URL: https://royallib.com/read/greber_devid/bredovaya_rabota_traktat_o_rasprostraneni_bessmislnogo_truda.html#0 (дата обращения: 29.11.2025).
5. Дейси, Э., Ланге, Дж. Теория управления ужасом: перспектива на человеческую мотивацию // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 5–20. URL: https://psyjournals.ru/ru/social_psychology_society/2019/n2/Deisi_Lange.shtml (дата обращения: 29.11.2025).
6. Инглхарт, Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Рональд Инглхарт; пер. с англ. С. Л. Лопатиной, под ред. М. А. Завадской, В. В. Косенко, А. А. Широкановой, научн. ред. Э. Д. Панарин. – Москва : Мысль, 2018. – 347 с. ISBN 978-5-244-01202-6.
7. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2007. – 511 с.
8. Магура, М. И. Современные персонал-технологии/ – Москва : Бизнес-шк. "Интел-Синтез", 2001. – 376 с.: ISBN 5-87057-275-4.
9. Маркова, А. К. Психология профессионализма / – Москва : Междунар. гуманитар. фонд "Знание", 1996. – 308 с.; ISBN 5-87633-016-7.

10. Маслач, К., Лайтер, М. П. Правда о выгорании: как организации виновны в стрессе сотрудников и что с этим делать. – М., 2021. URL: <https://www.labyrinth.ru/books/806177/> (дата обращения: 29.11.2025).
11. Маслоу, А. Мотивация и личность. – СПб., 2019. – 354 с. URL: <https://enc-medica.ru/wp-content/uploads/А.Маслоу-Мотивация-и-личность.pdf?ysclid=mikhiluc1x790662108> (дата обращения: 29.11.2025).
12. Митина, Л. М. Психология труда учителя: учебник для вузов / Л. М. Митина. – 2-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 337 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-12791-1. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт. сайт. – URL: <https://urait.ru/bcode/566960> (дата обращения: 29.11.2025).
13. Орел, В. Е. Синдром «Психического выгорания» и стилевые особенности поведения и деятельности профессионала // СПЖ. – 2006 – № 23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-psihicheskogo-vygoraniya-i-stilevye-osobennosti-povedeniya-i-deyatelnosti-professionala> (дата обращения: 29.11.2025).
14. Соколов, А. В. Личный бренд в социальных сетях: стратегии конструирования и продвижения // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2020. – Т. 5, № 3. – С. 120–135. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/11016> (дата обращения: 29.11.2025).
15. Шварц, Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2008. – Т. 5, № 2. – С. 37–67. URL: <https://psy-journal.hse.ru/data/2011/03/31/1211459928/Shvarc.pdf> (дата обращения: 29.11.2025).
16. Шейн, Э. Организационная культура и лидерство. – СПб.: Питер, 2022. – 352 с.
17. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. СМ. Червонной. – М. : Логос, 2005. – 664 с. – 32 с. цв. вкл. ISBN 5-98704-024-8.
18. Яницкий, О. Н. Постсоветский человек и капитализм: становление нового этоса // Социологические исследования. – 2018. – № 5. – С. 51–62. URL: https://socis.isras.ru/index.php?page_id=108&id=7561 (дата обращения: 29.11.2025).

Semenova Ekaterina Valeryevna

Student of the Department of Sociology

Vladimir State Institute, Vladimir

E-mail: ktyasem43@gmail.com

Efimova Svetlana Aleksandrovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

of the Department of Sociology

Vladimir State Institute, Vladimir

E-mail: efimova-svetlana@inbox.ru

**CAREER-CENTRICITY AS A COMMUNICATIVE TREND:
PSYCHOLOGICAL AND ETHICAL ASPECTS OF THE DOMINANCE
OF ECONOMIC PRIORITIES AMONG YOUNG PEOPLE**

Annotation. The article is devoted to a comprehensive study of career centrism as a key phenomenon among young people. The work reveals that this is not just a desire for professional success, but a systemic socio-cultural trend that captures all spheres of life.

Careercentrism is a communicative trend. It forms a special language and dominant topics for discussion in social networks, media and everyday communication, where professional status becomes the main measure of a person's value.

It has serious psychological costs. The constant race for achievements leads to chronic stress, burnout, and the formation of fragile self-esteem, which depends solely on career success.

The dominance of economic priorities erodes traditional values, promotes the growth of individualism, turns interpersonal relationships into a tool for networking and narrows the concept of a "successful life" to career and financial indicators.

Keywords: career centrism, youth environment, communicative trend, psychological well-being, ethics, identity, emotional burnout, economic priorities

Смылова Лариса Владиславовна
старший преподаватель кафедры журналистики, рекламы
и связей с общественностью
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: larisa-smislova@mail.ru

АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ПОЯВЛЕНИЮ И РАЗВИТИЮ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА КАК МЕТОДА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается генезис и современное состояние контент-анализа как ключевого метода социологического исследования. Изучаются истоки метода, связанные с работами Г. Лассуэлла, М. Вебера, Б. Берельсона и его применение в советской науке. Автор определяет сущность метода, разграничивает его качественное и количественное направления. Особое внимание уделяется широкому практическому применению контент-анализа в современных условиях: от маркетинга, политических и медийных исследований до психологии и права. Делается вывод о возрастающей актуальности метода в эпоху цифровизации и информационного изобилия, обусловленной его способностью обеспечивать объективный, систематический анализ больших массивов текстовых и медийных данных для выявления глубинных смыслов и социальных тенденций.

Ключевые слова: контент-анализ, метод социологического исследования, научные подходы, сферы применения

В современном мире с развитием и появлением различных компьютерных программ и нейро-приложений возникает необходимость сбора и обработки информации для получения нового знания и опыта. Контент-анализ применяется во многих сферах жизнедеятельности как основной и вспомогательный ресурс для обработки и уточнения данных, полученных другими методами в научных исследованиях, и для изучения научной литературы, СМИ, интернет-площадок по интересующей тематике.

Цель статьи – изучение имеющихся научных подходов к появлению и современного развития контент-анализа как метода социологического исследования.

Методы исследования: наблюдение, анализ, синтез, обобщение.

Контент-анализ применяется в различных областях научного знания. В маркетинге и рекламе для изучения предпочтений потребителей через анализ отзывов, комментариев, статей. В политических и социологических науках применяется для исследования настроений и предпочтений населения путем анализа СМИ и социальных площадок в интернете. В журналистике для анализа содержания новостных материалов, выявления дефицитов в освещении определенных тем. В психологии и педагогике для исследования работ и дневников с целью выявления эффективности психологических и образовательных методик. В правовой практике контент-анализ используется для анализа юридических текстов, судебных решений и других материалов.

Суть контент-анализа заключается в систематическом определении необходимых изучаемых элементов (категорий) содержания документов с последующей количественной и качественной обработкой полученных данных. Контент-анализ относится к неопросным методам исследования.

В практике контент-анализа принято различать два ключевых направления. Качественный подход ставит своей задачей глубокое проникновение в значения и смысловые связи, присутствующие в материале. Количественный подход фокусируется на объективном измерении частоты и объема определенных составляющих контента.

Появление контент-анализа как социологического метода исследования стало возможным благодаря методологии известного американского социолога, политолога Гарольда Дуайта Лассуэлла (годы жизни: 13.02.1902–18.12.1978 гг.), который и заложил основы качественного и количественного контент-анализа.

В начале XX века в США Гарольд Лассуэлл одним из первых начал систематически применять контент-анализ в своих научных изысканиях. Этот метод, разработанный им, оказался настолько эффективным, что с 1960-х годов его стали использовать другие исследователи для изучения широкого спектра вопросов социальной жизни. Мультидисциплинарный характер метода Лассуэлла позволяет сочетать теоретические построения с эмпирическими данными. Его основная цель – объяснение, понимание и прогнозирование поведения индивидов, а также обнаружение закономерностей в функционировании общества. Лассуэлл активно использовал результаты своих исследований для выработки практических рекомендаций по решению конкретных социальных проблем.

Максимилиан Карл Эмиль Вебер (1864–1920 гг.) выдвинул концепцию контент-анализа как методологического инструмента для исследования широкого спектра явлений. Он полагал, что данный метод применим для идентификации тенденций в газетных публикациях, определения идеологической направленности редакционных материалов, анализа гендерных стереотипов в образовательных ресурсах, а также для количественной оценки представленности различных расовых групп в телевизионном контенте. Вебер подчеркивал эффективность контент-анализа при работе с большими корпусами текстов, предполагающей использование выборочного метода и сложной системы кодирования, что позволяет извлекать имплицитную информацию, недоступную при поверхностном анализе.

Г. Д. Лассуэлл начал разработку методик для изучения текстов политической пропаганды в 1920–1930-х годах. Его исследования были посвящены проблеме пропаганды в американских средствах массовой информации. «Он предложил методы изучения того, что ранее считалось невозможным изучать: мыслей, различного рода фантазий, неосознанных мечтаний» [1, с. 158]. Научный труд, в котором Г. Д. Лассуэлл заложил основы интерпретации в данной области, является работа «Язык политики: изучение количественной семантики» [6].

В 1920-е годы советский ученый Н. А. Рыбников, специализирующийся на изучении биографических материалов, применил контент-анализ – формализованный подход к исследованию документов. Он рассматривал автобиографии как ценные психологические документы, отражающие личность и ее развитие, и использовал контент-анализ для детального изучения их содержания.

Контент-анализ применялся в ряде исследований для изучения разнообразных материалов. Так, Н. А. Рыбников рассматривал автобиографии как ценные психологические документы, раскрывающие личность и ее жизненный путь [4]. В. А. Кузьмичев осуществил тематический анализ двенадцати советских еженедельных газет [3]. А. В. Баранов, в свою очередь, применил контент-анализ для изучения содержания газеты «Известия» [2, с. 2]. Важно отметить и крупный социологический проект под руководством Б. А. Грушина (1967–1972 гг.) в Институте конкретных социологических исследований АН СССР, где контент-анализ активно использовался для изучения общественного мнения.

В начале 1950-х годов Б. Р. Берельсон (1912–1979 гг.) систематизировал накопленные знания о контент-анализе в своей работе «Контент-анализ

в коммуникационных исследованиях». Он дал четкое определение методу, классифицировал его разновидности и определил ключевые элементы для количественного анализа – критерии и единицы. В своей книге 1951 года Берельсон охарактеризовал контент-анализ как исследовательскую технику, обеспечивающую объективное, систематическое и количественное описание явного содержания коммуникации. Он особо выделил такие его свойства, как объективность, систематичность и возможность как количественного, так и качественного анализа.

В 1960-е годы наблюдался значительный всплеск исследований с применением контент-анализа, что стимулировало его дальнейшее развитие и появление разнообразных модификаций.

Контент-анализ сейчас применяется в различных сферах, включая научные исследования, бизнес, медиаисследования и политику. Метод позволяет систематически изучать текстовые и медийные данные, выявлять повторяющиеся темы, паттерны и тенденции. Отметим, что в настоящее время контент-анализ используется в различных областях, таких как маркетинг и реклама, где изучаются предпочтения потребителей через анализ отзывов и комментариев, определение эффективности рекламных кампаний путем анализа откликов аудитории. Изучается реакция целевой аудитории на контент для выявления темы, формата и характеристик контента, наиболее привлекательных для целевой аудитории, оценивается эффективность маркетинговых кампаний и стратегий, идентифицируются тренды и изменения в поведении и предпочтениях аудитории, интересные для СМИ темы и стили.

Для связей с общественностью контент-анализ применим при выявлении степени активности компании в информационной среде, оценке репутации, способов освещения событий и информационных поводов в СМИ, эффективности взаимодействия бренда с аудиторией, анализе отзывов клиентов или публикаций в социальных сетях.

Политология и социология направлены на понимание политических и социальных настроений и предпочтений граждан. Это достигается путем анализа различных источников: СМИ, социальных сетей, публичных выступлений политиков и текстов влиятельных лиц. Такой анализ позволяет выявить основные идеи, риторические приемы, а также политические взгляды и ценности общества. Кроме того, изучение материалов избирательных кампаний служит для раскрытия механизмов и закономерностей избирательного процесса.

В сфере журналистики проводятся исследования новостного контента с целью установления тематических приоритетов и выявления актуальных тенденций, а также обнаружения недостатков и упущений в освещении конкретных событий или проблематик.

Наиболее широкое распространение и развитие контент-анализ получил в связи с развитием и исследованием средств массовой коммуникации: прессы, в частности газет, радио, телевидения. «Если раньше этот метод использовался как метод чисто количественного определения содержания текста, то теперь мы можем пойти дальше использовать его как метод подсчета интерпретаций» [4, 2].

Актуальность контент-анализа в современном мире обусловлена двумя ключевыми факторами: стремительным ростом объемов информации и трансформацией медийного пространства. Этот метод незаменим по ряду причин:

1. Динамика общественного мнения и культуры. Контент-анализ позволяет выявлять и отслеживать изменения в общественном сознании и культурных нормах. Например, анализ новостных материалов может продемонстрировать, как политический или социальный контекст влияет на подачу информации о тех или иных событиях.

2. Влияние информации на людей. Метод помогает глубже понять механизмы формирования и восприятия информации, а также ее воздействие на общественное мнение и поведение.

3. Раскрытие неочевидных смыслов. Контент-анализ способен обнаружить в текстах аспекты, которые остаются незамеченными при поверхностном ознакомлении.

4. Широта применения: его используют в психологии, социологии, исследованиях массовых коммуникаций, маркетинге и других сферах.

5. Эффективность при работе с большими данными. Метод позволяет анализировать огромные объемы текстовой информации с помощью выборочного метода и сложных техник кодирования.

Таким образом, контент-анализ является универсальным инструментом, предоставляющим ценные инсайты о влиянии информации на общество и ее роли в отражении культурных и социальных трансформаций.

Список литературы

1. Короткова, Н. В. Лассуэлл, Г. Д. Методология исследования проблем политики // Политическая наука на рубеже веков. Проблемно-тематический сборник. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 155–178.

2. Кравец, А. В., Фролова, Л. В. Контент-анализ экономической направленности материалов газеты «Известия» за период с 2017 по 2018 гг. С использованием статистических методов исследования (факторный анализ, непараметрическое шкалирование alscale) // Вестник евразийской науки. – 2019. – №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-ekonomicheskoy-napravlennosti-materialov-gazety-izvestiya-za-period-s-2017-po-2018-gg-s-ispolzovaniem-statisticheskikh>.
3. Кузьмичев, В. А. Печатная агитация и пропаганда. Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1930. – 248 с.
4. Рыбников, Н. Биографический метод в психологии // Развитие личности. – 2010. – №2. Архив. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biograficheskiy-metod-v-psihologii>.
5. Семенова, А. В. Контент-анализ в социологии: методологические новации // Вестник ВятГУ. 2011, №31.
6. Lasswell, H. D. Language of politics: Studies in quantitative semantics. – Cambridge: M.I.T. Press, 1949. – 398 p.

Smyslova Larisa Vladislavovna

*Senior Lecturer at the Department of Journalism, Advertising
and Public Relations*

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: larisa-smislova@mail.ru

ANALYSIS OF SCIENTIFIC APPROACHES TO THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF CONTENT ANALYSIS AS A METHOD OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Annotation. The article examines the genesis and current state of content analysis as a key method of sociological research. The origins of the method are studied, related to the works of G. Lasswell, M. Weber, B. Berelson and its application in Soviet science. The author defines the essence of the method, differentiates its qualitative and quantitative directions. Special attention is paid to the wide practical application of content analysis in modern conditions: from marketing, political and media research to psychology and law. The conclusion is made about the increasing relevance of the method in the era of digitalization and information abundance, due to its ability to provide an objective, systematic analysis

of large amounts of text and media data to identify deep meanings and social trends.

Keywords: content analysis, method of sociological research, scientific approaches, fields of application

Тихонов Никита Владимирович

студент кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: sabloc25@gmail.com

Щитко Владимир Сергеевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: sl100@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЦЕННОСТИ, СИМВОЛЫ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Аннотация. В статье исследуются глубинные, нематериальные основы гражданской идентичности. Автор утверждает, что устойчивость идентичности определяется не только правовыми нормами, но и разделяемыми ценностями, системой значимых символом и коллективной исторической памятью. На примере теоретических подходов анализируется механизм влияния социокультурных факторов на формирование и воспроизводство гражданской идентичности.

Ключевые слова: Гражданская идентичность, социокультурные основания, национальные ценности, коллективная память

Принадлежность человека к государству определяется его гражданством. Гражданство понимается как система устойчивых и взаимных правовых связей, закрепляющих права и обязанности обеих сторон. Однако современный мир демонстрирует ряд тенденций, среди которых деглобализация, протекционизм, социальная трансформация, ввиду чего правовые и политические рамки гражданства оказываются недостаточными для обеспече-

ния социальной сплоченности. На первый план выходят вопросы разделяемых ценностей, исторической памяти, системы значимых символов и общего культурного кода, создающие основы гражданской идентичности.

Бенедикт Андерсон в своей работе «Воображаемые сообщества» дает следующее определение нации: «нация – это воображаемое политическое сообщество, члены которого чувствуют связь друг с другом, не будучи знаковыми. Эта связь поддерживается через общий язык, медиа и культурные репрезентации» [1, 27]. Исследователь подчеркивает, что изучаемая им общность связана между собой благодаря социокультурным элементам. Можно говорить о том, что и гражданская идентичность существует вне политико-правового поля. Она существует в поле значений и смыслов, явлений и символов. Общие культурные «коды» и очень похожие эмоциональные привязанности конструируют и поддерживают гражданскую идентичность, эта связь лежит глубже формального гражданства.

Ценности выступают одним из ключевых элементов, образующих идентичность. Они задают систему координат для общества, отвечая на вопросы: что хорошо, а что плохо, что правильно и что неправильно. Именно они определяют желаемые модели поведения и общественные цели. Рассматривая их в системе гражданской идентичности, обратимся к концепции Ш. Шварца [9]. Он выделяет универсальные базовые ценности, которые служат мотиватором. Среди них безопасность, традиционность, самостоятельность, достижение, благожелательность. Гражданская специфика проявляется в том, какие из этих ценностей выдвигаются на первый план и становятся общественно значимыми.

Динамика ценностей описана в теории Р. Инглхарта «молчаливая революция» [3]. Согласно ей, в развитых индустриальных обществах, характеризующихся, к примеру, высоким благосостоянием, происходит сдвиг от материалистических ценностей (выживание, безопасность) к постматериалистическим (самовыражение, самореализация, соблюдение прав человека). Когда ценности, являясь социокультурным фундаментом, трансформируются, меняются и запросы граждан к государству. Например, во время системных или геополитических вызовов наблюдается «ценностный откат» – усиление материалистических, традиционных и коллективистских ценностей, что служит защитным механизмом идентичности.

Если ценности образуют нормативное ядро идентичности, то символы служат ее визуальным и эмоциональным воплощением. Они переводят абстрактные идеи в доступные для массового восприятия образы. Как отмечал

французский социолог П. Бурдьё, символические системы являются инструментами «конструирования реальности», выполняя функцию легитимизации социального порядка [6]. Флаг, герб, гимн являются не просто формальными атрибутами государства, они выступают мощными «столпами» идентичности, проявляющимися в ритуальных практиках: поднятие флага, исполнение гимна. В такие моменты происходит единение и коллективный эмоциональный подъем.

Функциональность символов особенно ярко прослеживается в политике памяти и коммеморативных практиках. Памятники, музеи, праздники, юбилейные даты становятся способами актуализировать и продемонстрировать национальный нарратив. Победа в Великой Отечественной войне, будучи ключевым элементом исторической памяти в России, породила целый комплекс сакральных символов: Георгиевская ленточка, Знамя Победы, Вечный огонь. А регулярное участие граждан в ритуалах, посвященных этому событию, становится публичным подтверждением своей принадлежности к сообществу, скрепленному общей жертвой и подвигами.

Это подводит нас к третьему социокультурному основанию, являющемуся смыслообразующим, – исторической памяти. Согласно Морису Хальбваксу, память всегда коллективна [8]. В отличие от академической истории, коллективная память избирательна, эмоциональна и служит потребностям настоящего. Конструируя национальный нарратив, общество задается вопросами «Кто мы?», «Откуда мы пришли?», «Почему мы такие?». Оно обращается к прошлому, неизбежно поляризуя его, выделяя героев и врагов, эпохи величия и трудностей, создавая тем самым смысловые опоры современной идентичности.

Любые значимые события, понятия, личности, места, ритуалы, объекты, согласно Пьеру Нору, становятся «местами памяти» [5]. Они превращаются в символический «концентрат». Проводящаяся политика памяти заключается в канонизации одних таких «мест» и маргинализации других, выстраивая в этом процессе единую логическую цепочку, что является ключевым механизмом адаптации идентичности к новым вызовам, позволяя интерпретировать и мотивировать текущие события через призму прошлого опыта.

Таким образом, гражданская идентичность, формально определяемая правом, укоренена в более глубоком социокультурном фундаменте. Ценности задают ее мотивационную и нормативную направленность, определяя,

ради чего стоит действовать и что считается важным. Символы визуализируют и эмоционализируют эти ценности, представляя обществу конкретные образы для сплочения. Историческая память обеспечивает смысловую и временную непрерывность идентичности, создавая объединяющий нарратив, с помощью которого настоящее объясняется через прошлое, а также задается вектор в будущее.

Взаимодействие этих трех элементов динамично. Согласованность между ними усиливает интеграционный потенциал гражданской идентичности, делая ее ресурсом устойчивости. Конфликты, напротив, ведут к фрагментации и социальным расколам. Например, когда официальная политика памяти и коллективные воспоминания вступают в противоречие. В условиях геополитических вызовов работа с этими социокультурными основаниями чрезвычайно важна. Она может осуществляться через образовательные программы, мемориальное законодательство, медиадискурс, а ее целью будет выступать поддержание консолидации общества перед лицом внешних и внутренних угроз.

Список литературы

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. – М. : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288с.

2. Дробижева, Л. М. Гражданская и этническая идентичность и гражданский потенциал в России / Л. М. Дробижева // Социологические исследования. – 2010. – № 10. – С. 10–21.

3. Ингельхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Ингельхарт, К. Вельцель; пер. с англ. [и др.]; под ред. М. С. Железнякова. – Москва : Новое издательство, 2011. – 464 с.

4. Малахов, В. С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций / В. С. Малахов. – Москва : Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014. – 226 с. – (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).

5. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 17-50.

6. Бурдые, П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2001. – 562 с.

7. Смит, Э. Д. Национальная идентичность / Энтони Д. Смит; пер. с англ. [и др.]. – Москва : Праксис, 1994. – 256 с.

8. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. – С. 8–27.

9. Шварц, Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий / Ш. Шварц // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2008. – Т. 5, № 2. – С. 37–67.

Nikita Vladimirovich Tikhonov

Student of the Department of Psychology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: sabloc25@gmail.com

Shchitko Vladimir Sergeevich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: sl100@mail.ru

SOCIOCULTURAL FOUNDATIONS OF CIVIC IDENTITY: VALUES, SYMBOLS, HISTORICAL MEMORY

Annotation. The article explores the deep, intangible foundations of civic identity. The author argues that the stability of identity is determined not only by legal norms, but also by shared values, a system of significant symbols, and collective historical memory. Using the example of theoretical approaches, the mechanism of influence of socio-cultural factors on the formation and reproduction of civic identity is analyzed.

Keywords: Civic identity, socio-cultural foundations, national values, collective memory

Трутнева Анна Михайловна
магистр, ассистент преподавателя кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: amtrutneva@gmail.com

МОТИВАЦИЯ ЖЕНЩИН В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Данная работа посвящена вопросу мотивационной направленности женщин-предпринимателей в современной России. Статья включает в себя изучение основных ценностных ориентиров, которые помогают женщинам в выборе стратегии своего профессионального развития, а также рассматриваются социально-культурные ограничения в сфере женского бизнеса, включая гендерные стереотипы и феномен «стеклянного потолка». В работе анализируются современные теоретические материалы, касающиеся женского предпринимательства, мотивационных факторов развития женщин в бизнесе, социального контекста и препятствий развития женского предпринимательства.

Ключевые слова: женское предпринимательство, гендер, мотивационная направленность, ограничения

Доля женщин, занимающихся предпринимательской деятельностью в России, активно растет с каждым годом, учитывая различные кризисные моменты и экономические колебания. Если обратиться к современным исследованиям, то женщины принимают более активное участие в среднем и малом бизнесе [6, с. 82]. Однако, наряду с позитивной динамикой, сохраняются гендерные и социально-ролевые стереотипы, которые формируют барьеры на пути карьерного роста.

Актуальность данного вопроса подчеркивают статистические данные, по состоянию на начало ноября 2025 года доля женщин индивидуальных предпринимателей составила 42%. Это на 2% выше прошлогоднего показателя. «Доля молодых предпринимательниц креативного сегмента в возрасте до 35 лет также демонстрирует растущую динамику: их соотношение увеличилось с 34% в октябре 2021 года до 40% на начало ноября 2025 года. Таким образом, доля женщин в бизнесе за три года увеличилась с 32% до 41%» [3]. Женщины-предприниматели в большей степени проявляют себя в

сферах услуг, в области красоты и моды, в образовательной деятельности, в торговле.

Проблематика данного вопроса заключается в противоречии между растущей вовлеченностью женщин в предпринимательскую деятельность и сохраняющейся системой ограничений, которые препятствуют их полному профессиональному росту и развитию. Подобные ограничения создаются не только социальными и культурными стереотипами, но и недостаточной поддержкой со стороны государственных структур. Главными проблемами на пути реализации женщин в бизнесе можно выделить: феномен «стеклянного потолка»; социальные и культурные ролевые модели, которые ограничивают профессиональные амбиции женщин; гендерные стереотипы, не позволяющие занимать руководящие посты в крупных предприятиях; недостаточная институциональная поддержка и ограниченные ресурсы; семейные обязанности, которые создают дополнительную нагрузку.

Однако никакие ограничения не мешают женщинам развиваться и открывать новые предприятия в разных областях человеческой деятельности. Многие последние исследования в данной области акцентируют свое внимание на том, что мотивационные аспекты у женщин часто имеют комплексный характер. Мотивацией служат: экономические, социальные, эмоциональные и ценностные компоненты [5, с. 70]. В своей карьерной деятельности женщины опираются в основном на свои таланты, образование, желание реализовать свой потенциал и ощутить социальную полезность на практике. В этом и заключаются главные гендерные различия. Если мы обратимся к истории, то легко заметим, что мужчины выполняли роль того, кто обеспечивает необходимые условия проживания для своей семьи. Женщины изначально занимались домом и больше интересовались духовными ценностями. Таким образом, гендерные отличия иллюстрируют разницу в «мотивационных профилях» у мужчин и женщин. Женский пол в большей степени приходит в бизнес для достижения своих жизненных целей, в то время как мужчины нацелены на финансовую выгоду. Мотивацией у женщин зачастую служат: новый опыт, впечатления, желание оказать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается. В связи с этим, женщины выбирают предпринимательство с позиции полезности обществу, исходя из своих способностей и интересов. Это показывают многие отечественные исследования, например, женщины часто работают с пожилыми людьми, больными детьми. «В России около 90% социального бизнеса, связанного с развитием детей и дошкольным образованием, делают именно женщины» [1, с. 15].

Выделим несколько основных компонентов мотивационной структуры женского предпринимательства.

Одной из важнейших мотиваций – является коммуникативная функция. Женщины часто рассматривают бизнес, как способ расширения социальных контактов и включения в профессиональные сообщества. Согласно исследованиям, социальный капитал, является одним из ключевых факторов, стимулирующих женскую предпринимательскую активность в России. Женщины активно ведут социальные сети, создают свои сообщества на базе своей профессиональной деятельности. Кроме того, социальные связи с различными слоями населения и активное общение с различными социальными группами, помогают укрепить и развить необходимые способности для активного развития бизнеса.

Не менее важным мотивом является стремление женщин к финансовой независимости. В момент экономических колебаний важно сохранять финансовую опору, что подталкивает женщин выстраивать свою профессиональную деятельность более внимательно. Часто женщины работают на стабильной офисной работе и после подрабатывают, как «самозанятые», чтобы обеспечить себя и свою семью. В исследовании Таскина [6, с. 80] подчеркивается, что финансовая мотивация остается одной из главных для российских женщин, которые делают выбор в пользу предпринимательства, а не нестабильной наемной работы. Кроме того, индивидуальная занятость обеспечивает гибкость, появляется возможность контроля дохода и стабилизации экономического положения семьи.

Женщины видят в предпринимательстве не только финансовую стабильность, но и инструмент личностного роста и профессионального развития. Игловская [4, с. 41] говорит, что современные предпринимательницы стремятся освоить новые компетенции, повысить свой профессиональный уровень, например, женщины охотно внедряют инновационные методы работы. Предпринимательницы часто проходят различные обучающие программы, образовательные практики, которые помогают саморазвитию. Все это мотивирует женщин не стоять на месте, а развивать свои способности и свои бизнесы, что помогает им оставаться всегда в актуальной повестке дня. Это подтверждается и статистическими данными, женщины в России демонстрируют более высокий уровень образования, чем мужчины, по данным переписи 2020 года, 25% женщин имеют высшее образование против 20% мужчин, а среди обладателей высшего образования женщины составляют 59% [2, с. 12].

Не менее важной является смысловая мотивация, что подразумевает и эмоциональную удовлетворенность. Женщинам важно понимать, что их работа не только приносит прибыль, но и оказывает влияние на социальную жизнь, несет в себе какую-то ценностную нагрузку. Ощущение нужности и полезности мотивирует женщин на новые общественно-полезные проекты. В целом, женщинам в работе важно чувствовать себя эмоционально удовлетворенными, заниматься тем, что вдохновляет [5, с. 70]. Моисеева подчеркивает, что эмоциональная и ценностная мотивация очень важна в сферах, связанных с сервисом, образованием, творчеством и социальными проектами.

В отечественных исследованиях также упоминается, что значимой мотивацией для женщин-предпринимателей является ориентация на социально значимые формы предпринимательства [4, с. 41]. Женщины часто создают благотворительные организации или проекты, которые нацелены на поддержку социально уязвимых групп. Более того, сейчас женщины активно развиваются в экологической сфере. Социальная значимость влияет на формирование новых ценностных ориентиров у женщин.

Несмотря на то, что уровень женщин в бизнесе активно растет, остается множество нерешенных проблем, сохраняются видимые барьеры для развития женского предпринимательства. Одним из негативных факторов, влияющих на развитие, являются гендерные стереотипы. Даже учитывая видимые изменения в общественном сознании, касательно женского пола, патриархальные ценностные ориентиры еще активно проявляются в культурной ориентации у большинства наших сограждан. Общество не всегда поддерживает кандидатуру женщины на пост руководителя крупного бизнеса, остается существенная разница в заработной плате, некоторые ниши в бизнесе до сих пор находятся под давлением гендерных предубеждений [1, с. 20]. Например, Ершова акцентирует свое внимание на том, что гендерные ожидания приводят к недооценке компетентности женщин, в большей степени это проявляется в технических и высокотехнологичных сферах производства.

Кроме того, существует феномен «стеклянного потолка», который ограничивает доступ к руководящим постам в крупных компаниях. Многие исследования выявляют тот факт, что женщинам сложнее получить дополнительное финансирование, часто возникает недоверие со стороны партнеров, что подталкивает женщин заниматься малым бизнесом и ограничивать

свое развитие. Более того данный феномен является неформальным, что помогает ему оставаться устойчивым длительное время [3].

Таким образом, особенности женской мотивационной направленности в предпринимательстве часто заключаются в гуманистических ценностях, ориентированности на социальное развитие путем межличностных связей, в стремлении женщин к финансовой устойчивости и гибкости в системе занятости. Мотивацией для женщин-предпринимателей в России служит комплексный набор различных факторов, что говорит о многослойности вопроса и его актуальности. Основными содержательными компонентами мотивации выступают: стремление к финансовой безопасности; потребность в саморазвитии; эмоциональная насыщенность деятельности; социальная направленность и расширение социальных контактов. Женщины готовы развивать свои предпринимательские способности, что иллюстрируют многие современные исследования. «В начале 2023 г. Национальным агентством финансовых исследований (НАФИ) и профильным Комитетом «ОПОРЫ РОССИИ» было проведено исследование по восприятию женщинами предпринимательской деятельности. Результаты показали позитивный настрой россиянок на занятие предпринимательством: 75 % женщин могут представить себя в роли предпринимателя» [3].

Тем не менее, все еще существуют ощутимые ограничения на пути активного развития женского предпринимательства. Отечественные исследователи подтверждают, что для поддержания женского предпринимательства важна не только экономическая поддержка, но и необходимо менять социальные и культурные установки, которые не способствуют развитию. В этом могут помочь дополнительные образовательные программы, поддержка женщин предпринимателей в массовой культуре, создание необходимой инфраструктуры, поддержка на начальном этапе развития бизнеса. Решение данных проблем даст нашему обществу не только дополнительное экономическое развитие, но и поможет активному социальному развитию.

Список литературы

1. Ершова, И. В. Женское предпринимательство: от эмпирики и доктрины к правовому регулированию // *Lex russica*. – 2022. – Т. 75. – № 8. – С. 9–22.
2. Ершова, И. В. Феномен женского предпринимательства: от признания к правовому регулированию / И.В. Ершова // *Предпринимательское право*. – 2023. – № 3. – С. 11–18.

3. Женское предпринимательство. сайт. – URL: <https://opora.ru/projects/zhenskoe-predprinimatelstvo/> (дата обращения: 20.12.2025).
4. Игловская, М. В. Женское предпринимательство в России // Прогрессивные технологии и экономика в машиностроении: отдельный выпуск. — Томск : Изд-во ТПУ, 2021. – С. 40–42.
5. Моисеева, А. А. Концепция женского предпринимательства как механизм социального лифта // Семиотические исследования. Semiotic studies. –2024. – Т. 4, № 1. – С. 69–75.
6. Таскин, Ф. А. Интерес женщин России к предпринимательской деятельности // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53, № 1. – С. 80–93.

Anna Mikhailovna Trutneva

Master's student, Teaching Assistant, Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: amtrutneva@gmail.com

MOTIVATION OF WOMEN IN ENTREPRENEURSHIP: THE CASE OF MODERN RUSSIA

Abstract. This paper examines the motivational orientation of women entrepreneurs in modern Russia. The article explores the key value systems that help women choose their professional development strategies and examines socio-cultural constraints on women's entrepreneurship, including gender stereotypes and the "glass ceiling" phenomenon. The paper analyzes contemporary theoretical materials on women's entrepreneurship, the motivational factors for women's development in business, and the social context and barriers to the development of women's entrepreneurship.

Keywords: women's entrepreneurship, gender, motivational orientation, constraints

*Удовыдченко Алина Сергеевна
магистрантка кафедры социологии и массовых коммуникаций
Новосибирский государственный
технический университет, г. Новосибирск
E-mail: pudovydchenkob@mail.ru*

ТЕЛЕСНОСТЬ ГУМАНОИДНОГО РОБОТА В КОММУНИКАЦИИ «ЧЕЛОВЕК – МАШИНА»

Аннотация. В работе анализируется телесность гуманоидных роботов в контексте их взаимодействия с людьми. Выясняется, как телесность гуманоидных роботов влияют на восприятие людьми их как социальных агентов. Выявляются различия между человеческой и машинной телесностью.

Ключевые слова: телесность, гуманоидный робот, коммуникация, коммуникация «человек-машина»

В условиях цифровизации устройства все более активно интегрируются в повседневную жизнь человека. Благодаря современным технологиям, пользователи получают возможность автоматизировать рутинные задачи, освобождая время для выполнения более сложных и творческих видов деятельности. Одним из таких устройств является гуманоидный робот — это машина, обладающая антропоморфными признаками, способная выполнять рутинные задачи и вести диалог. Гуманоидные роботы выступают в роли компаньона, социального работника и друга. Но обладают ли у гуманоидные роботы телесностью?

«Телесность – это тело человека, наделенное социокультурными и общественными смыслами, с помощью которых оно может преобразовывать окружающий мир и преобразовываться под воздействием общественных и культурных факторов» [6, с. 22]. Это восприятие самого себя, которое необходимо в обществе, поскольку телесность влияет на статус и индивид должен соответствовать ему. Для повышения своего социального статуса человек старается улучшить свою телесность посредством образования, спорта и личных достижений. Следовательно, телесность – это набор социокультурных, личностных критериев индивида и то, как он ощущает себя.

Машина – уникальный артефакт, созданный человеком. Она состоит из множества процессов. Если говорить о физическом воплощении, то гуманоидный робот имеет человеческий силуэт (ноги, руки, голова) и ярко или менее выраженные черты лица. У некоторых роботов есть «глаза», в которые встроены датчики слежения и микрофоны, позволяющие видеть и анализировать окружающий мир. Так Promobot V.4 от компании Promobot способен распознавать лица, речь и самостоятельно передвигается. Робот оснащен системой видеоанализа, тач-скрин дисплеем для пользователей, микрофоном, руками, платформой для перемещения. Робот синтезирует речь и немного жестикулирует [8]. Робот, которого представила компания Promobot в 2023 году, – Арди. Арди – андроид, способный проявлять до 600 микровыражений, он обладает подвижным телом, способен поддержать интеллектуальный разговор. Робот может работать в сфере обслуживания персонала, помощника и консультанта [5].

Если проводить параллель между человеком и машиной, можно предположить, что у устройств есть телесность. Предполагается, что устройства «понимают», что являются объектами, созданными людьми. Они могут анализировать свои преимущества и ограничения. Осознание своих преимуществ и недостатков формирует у человека самовосприятие. Если машина «понимает» свои ограничения, то она не может допустить ошибку, так как четко «понимает» свой предел. Это, своего рода, техническая телесность, когда машина «понимает» свои ограничения и предрасположена к самообучению. Машинная телесность носит антропоморфный характер. А. Нордманн (Alfred Nordmann) выделяет в научной фантастике антропоморфный и машинный ИИ, где «антропоморфный ИИ старается копировать человеческий интеллект и, возможно, превосходить его, функционируя такими способами, которые приближаются к способам работы человеческого разума» [3, с. 18]. Следует различать человеческую и машинную телесность.

Человеческая телесность меняется всю жизнь, поскольку человек развивается и узнает что-то новое. Реагирование устройства на различные изменения происходит одинаково. Каждый человек – индивид, т.е. уникальный представитель вида с особой нервной системой и личностными характеристиками. Устройство выступает как дивид – «Тело без Органов» [1], бездушное и однотипное устройство, которое способно адаптироваться под определенные условия. У устройства нет души, интуиции, разума, оно обладает только набором встроенных опций. Машинная телесность заключа-

ется в том, что устройство обладает более мощным интеллектом, способностью контролировать много задач одновременно, эффективностью и удовлетворением потребностей при меньших затратах энергии [4]. Следовательно, характеристики, которые делают робота машиной и выступают машинной телесностью. Но осознание устройством своих ограничений и преимуществ делает телесность подобной человеческой. Разрыв между машиной и человеком нивелируется, вследствие чего машина очеловечивается за счет антропоморфных черт [7]. Несмотря на стремление разработчиков сделать машину человечнее, биотелесность остается преимущественно человеческим свойством, поскольку она формируется посредством эмпирического опыта. Машинная телесность формируется за счет технической совершенности.

Как воспринимает человек гуманоидного робота? Рассмотрим коммуникацию человека с устройством на примере робота Софии. Робот София – гуманоидный робот, созданный компанией Hanson Robotics в 2015 году. Она имеет человеческий силуэт и лицо, способна передвигаться, симулировать подобие эмоций, жестикулировать, шутить и общаться на различные темы. Робот София участвовала в американском шоу [2]. На шоу она была одета в женскую блузку с юбкой, а руки были в белых перчатках. Она выглядела элегантно и женственно, показывая принадлежность устройства к женскому полу. Зрители воспринимали Софию как гостя, никто ее не перебивал, смеялись над ее шутками и с интересом наблюдали за ней. София также проявляла инициативу, предлагая ведущему сыграть в камень-ножницы-бумага. София выглядит антропоморфно, но обладает подобием личности и характером. В Пермском МФЦ установлен робот-консультант компании Probot [9]. Робот выглядит как девушка: длинные волосы, униформа. Некоторые люди отмечали, что издали воспринимали робота как человека.

Предполагается, что человек воспринимает устройство как агента коммуникации, способного самостоятельно принимать решения и реагировать на ответы. Машина презентует себя как человекоподобного коммуниканта, способного проявлять эмоции, шутить и поддерживать человека. Индивид воспринимает устройство не как искусственный интеллект, а как объект, подобный человеку.

Таким образом, гуманоидный робот обладает телесностью с антропоморфными признаками. Индивид воспринимает гуманоидного робота как собеседника, так как устройство симулирует человекоподобное поведение.

Список литературы

1. Белоногов, И. Н. К вопросу о современности и связанных с ней представлений о субъективности: "дивид" и социальные организации // Культура и искусство. – 2022. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0625.2022.1.37239. URL: <https://nbpublish.com/libraryreadarticle.php?id=37239> (дата обращения: 08.11.2025).
2. Диктор Елена Анненкова. Робот София шутит про захват человечества на русском. сайт. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yPwjUAIGfJw> - Загл. с экрана (дата обращения: 04.11.25).
3. Нордманн, А. Научно-фантастическое изображение антропоморфного и машинного искусственного интеллекта // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. – 2022. – Т. 2, № 4. – С. 15 (дата обращения: 08.11.2025).
4. Оболкина, С. В. Техногенная цивилизация и телесность человека // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2011. – Вып. 11. – С. 48–63. ISSN 1818-0566.
5. Промо Арди Электронный ресурс // W-ехро : сайт. – URL: https://w-ехро.tech/ardi?roistat_visit=1726740 – Загл. с экрана (дата обращения: 16.11.25).
6. Русанова, А. А., Лукьянова, Н. А. Образы нетипичной телесности в визуальной культуре // Дискурс. – 2017. – № 4. – С. 21–31.
7. Щавлева, А. С. Машины и люди: визуализация технологий Искусственного интеллекта в современном кинематографе // Человек и культура. – 2025. – № 1. – С. 50–59. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.1.73104. EDN: AOYLCE. URL: <https://nbpublish.com/libraryreadarticle.php?id=73104> (дата обращения: 08.11.2025).
8. PROMOBOT. сайт. – URL: <https://promo-bot.ru/> – Загл. с экрана (дата обращения: 16.11.25).
9. Promobot Russia. Первый канал: Посетителей МФЦ в Перми консультирует робот. сайт. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7MCZLwCPvJs> - Загл. с экрана (дата обращения: 24.11.25).

Udovydchenko Alina Sergeevna
Graduate student at the Department of Sociology
and Mass Communications
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk
E-mail: pudovydchenko6@mail.ru

THE PHYSICALITY OF A HUMANOID ROBOT IN 'HUMAN-MACHINE' COMMUNICATION

Abstract. The study analyzes the embodiment of humanoid robots in the context of their interaction with humans. It examines how the embodiment of humanoid robots affects people's perception of them as social agents. Differences between human and machine embodiment are identified.

Keywords: physicality, humanoid robot, communication, human-machine communication

Цао Юаньюань
аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права
Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, г. Москва
E-mail: 1042245058@pfur.ru

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ И КИТАЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: МЕХАНИЗМЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» И ВЫЗОВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Аннотация. В статье исследуется трансформация культурной дипломатии в российско-китайских отношениях в условиях современной геополитической турбулентности. Анализируются ключевые механизмы реализации «мягкой силы», включая деятельность Институтов Конфуция и гуманитарную составляющую инициативы «Один пояс – один путь». Особое внимание уделяется китайской концепции «международной дискурсивной силы» как адаптации классической теории Дж. Ная. Выявлены основные вызовы сотрудничества: структурная асимметрия, влияние санкционного давления и неоднозначное восприятие культурных инициатив в приграничных регионах. Определены перспективные направления развития, включая циф-

ровизацию культурного обмена, создание совместных брендов и расширение образовательных программ в рамках ШОС и БРИКС. На основе комплексного анализа предложены рекомендации по оптимизации взаимодействия, сочетающие традиционные форматы с инновационными подходами.

Ключевые слова: культурная дипломатия, российско-китайские отношения, мягкая сила, Институты Конфуция, стратегическое партнерство

Современный этап международных отношений характеризуется возрастающей значимостью культурной дипломатии как инструмента «мягкой силы» [5, с. 55]. В российско-китайских отношениях данный механизм приобретает особую актуальность, становясь важной составляющей стратегического партнерства.

Наблюдаемая систематизация культурного взаимодействия между Россией и Китаем отражает глобальную тенденцию усиления роли гуманитарного фактора в межгосударственных отношениях. Примечательно, что даже в условиях геополитической напряженности двустороннее сотрудничество демонстрирует устойчивость и поступательное развитие.

Настоящее исследование сосредоточено на анализе институциональных механизмов и перспектив культурной дипломатии в российско-китайских отношениях, что представляет особый научный и практический интерес в контексте трансформации международного сотрудничества.

Современный этап развития российско-китайских отношений характеризуется качественной трансформацией культурной дипломатии в условиях геополитической турбулентности. Парадоксальным образом, на фоне усиления международной напряженности наблюдается не снижение, а интенсификация гуманитарного взаимодействия между двумя странами [3, с. 50]. Особый научный интерес представляет концепция «международной дискурсивной силы», разработанная китайскими исследователями как адаптация классической теории «мягкой силы» Дж. Ная к национальным реалиям. Данная концепция подчеркивает стратегическое значение коммуникативных практик в формировании международной повестки дня и системы глобального управления [1, с. 367]. Российско-китайское сотрудничество в гуманитарной сфере развивается в рамках этой парадигмы, сочетая традиционные форматы взаимодействия с инновационными подходами.

Центральное место в системе культурного взаимодействия занимают Институты Конфуция, созданные Китаем в различных регионах России. Анализ их деятельности выявляет сложную диалектику: с одной стороны,

они выполняют важную образовательную функцию, способствуя распространению китайского языка и культуры, с другой – вызывают неоднозначную реакцию в экспертной среде, особенно в приграничных регионах [2, с. 418]. Знаковым событием стало включение гуманитарной составляющей в проект «Один пояс - один путь», который изначально задумывался как экономическая инициатива. Современные исследования показывают, что данная платформа трансформировалась в комплексный механизм культурного обмена, включающий программы академической мобильности, совместные научные исследования и масштабные фестивальные проекты. Эволюция межправительственных соглашений демонстрирует сдвиг от организации гастролей творческих коллективов к цифровым форматам взаимодействия и совместному кинопроизводству.

Проведенный анализ позволяет выявить несколько системных проблем, сдерживающих развитие культурного сотрудничества. Наиболее существенной является проблема асимметрии: китайская сторона демонстрирует значительно большую активность и системность в реализации культурных проектов, тогда как российские инициативы часто носят фрагментарный характер и зависят от текущей бюджетной конъюнктуры. Серьезным вызовом стало влияние геополитических факторов, в частности санкционного давления, которое создает дополнительные барьеры для культурного обмена, особенно в третьих странах. Особую остроту приобретает вопрос восприятия китайских культурных инициатив в российском обществе, где признание экономических и образовательных преимуществ сотрудничества соседствует с опасениями относительно возможного культурного доминирования.

В среднесрочной перспективе развитие сотрудничества может осуществляться по нескольким ключевым направлениям. Образовательное направление предполагает расширение программ студенческого обмена и создание совместных образовательных программ, особенно в рамках многосторонних структур типа ШОС и БРИКС. Цифровая трансформация открывает новые возможности через развитие онлайн-платформ, виртуальных выставок и совместных медиапроектов. Особый потенциал имеет создание узнаваемых культурных брендов, сочетающих элементы российского и китайского наследия – от трансграничных туристических маршрутов до совместных кинопроектов [2, с. 93]. Развитие «народной дипломатии» через поддержку неформальных инициатив и локальных проектов может способствовать углублению взаимопонимания между народами двух стран.

Проведенное исследование выявило сложную динамику российско-китайского культурного взаимодействия. С одной стороны, традиционные формы сотрудничества, такие как чайная культура, продолжают играть важную роль в межкультурном диалоге. Как отмечают исследователи, чайная церемония представляет собой уникальное символическое пространство, объединяющее философские и этические традиции двух народов [7, с. 106]. С другой стороны, современные институты культурного обмена, в частности Институты Конфуция, вызывают неоднозначную реакцию в российском обществе, особенно в приграничных регионах.

Анализ показал, что несмотря на геополитические вызовы, включая украинский кризис, гуманитарное сотрудничество демонстрирует устойчивость. Более того, оно приобретает новые формы в рамках многосторонних структур типа ШОС и БРИКС. Однако сохраняются системные проблемы, такие как языковой барьер и недостаточное знание культуры партнера, что отмечается в совместных российско-китайских исследованиях.

Исходя из проведенного анализа, целесообразно предложить следующие направления оптимизации российско-китайского культурного сотрудничества. В первую очередь, особое внимание следует уделить развитию неформальных каналов взаимодействия через традиционные культурные практики, в частности организацию совместных чайных церемоний, которые исторически служили эффективным инструментом установления межличностных коммуникаций. Одновременно требуется пересмотреть подходы к функционированию Институты Конфуция, сделав акцент на повышении прозрачности их деятельности и адаптации образовательных программ к региональным особенностям российских территорий [3, с. 48]. Не менее важным представляется выравнивание баланса культурного влияния за счет активизации российских культурных инициатив на китайской территории, включая расширение сети российских культурных центров и образовательных программ [4, с. 45].

Дальнейшее развитие двустороннего сотрудничества в гуманитарной сфере видится в гармоничном сочетании проверенных временем форматов взаимодействия с инновационными подходами, что создаст условия для преодоления существующих коммуникационных барьеров. Такой комплексный подход позволит не только сохранить, но и качественно усилить взаимопонимание между гражданами двух стран, создавая прочную основу для долгосрочного стратегического партнерства. Особое значение приобретает разработка механизмов постоянного мониторинга эффективности реализуемых

программ и их корректировки с учетом меняющихся социально-политических условий.

Список литературы

1. Лексютина, Я. В. Концепт международной дискурсивной силы в идеологии внешней политики Китая / Я. В. Лексютина, Ю Юаньцзе. — DOI 10.17150/2587-7445.2023.7(4).367-380. — EDN PFSLWE // Российско-китайские исследования. — 2023. — Т. 7, № 4. — С. 367–380.
2. Ли Ино. Новые возможности развития для Китая и России в рамках проекта «Один пояс - один путь» // Архонт, 2024. № 1(40). С. 92–101.
3. Монахов, О. Н., Павлов, А. Л. Концепт культурного влияния в современной мировой политике // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. — 2023. — Т. 44. — С. 50–61. URL: <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.44.50>
4. Плиев, С. М. Межгосударственное культурное сотрудничество России и Китая: основные тенденции // Журнал «Общество и государство». — 2023. — № 4 (44). — С. 45–50. DOI: 10.24412/2224-9125-2023-4-45-50
5. Су Шуай. Динамика китайско-российского политического гуманитарного партнерства: современные реалии и перспективы // Общество: политика, экономика, право. — 2023. — № 12. — С. 55 – 64. URL: <https://doi.org/10.24158/per.2023.12.7>.
6. Хисамутдинова, Н. В., Ян, Ю. Институты Конфуция — «мягкая сила» или «троянский конь»? Взгляд с российского Дальнего Востока // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2024. — Т. 24, № 3. — С. 417 – 426. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-417-426>
7. Чжоу Сяовэй. Символическое пространство чайной культуры Китая // Гуманитарный вектор. — 2024. — Т. 19, № 1. — С. 106 – 113. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-1-106-113.

Cao Yuanyuan

*Postgraduate student of the Department of Public Policy
and History of State and Law,*

P. Lumumba Russian University of Friendship of Peoples, Moscow

E-mail: 1042245058@pfur.ru

RUSSIAN AND CHINESE CULTURAL DIPLOMACY IN THE SYSTEM OF MODERN INTERNATIONAL RELATIONS: "SOFT POWER" MECHANISMS AND CHALLENGES OF THE STRATEGIC PARTNERSHIP

Abstract. The article examines the transformation of cultural diplomacy in Russian-Chinese relations, analyzing the mechanisms of "soft power" (Confucius Institutes, the "Belt and Road" initiative) and the adaptation of the Chinese concept of "international discursive power." Key challenges are identified: structural asymmetry, sanctions pressure, and ambiguous perceptions of cultural projects in border regions. Promising development directions are outlined, including the digitalization of exchanges, joint branding, and educational programs within the SCO and BRICS frameworks, along with recommendations for optimizing cooperation.

Keywords: cultural diplomacy, Russian-Chinese relations, soft power, Confucius Institutes, strategic partnership

Царев Денис Эдуардович

студент кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: denitzarev04@yandex.ru

Щитко Владимир Сергеевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: sl100@mail.ru

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПУТЬ К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ИЛИ ЦИФРОВАЯ ИЗОЛЯЦИЯ

Аннотация. В статье проведен комплексный анализ политики цифрового суверенитета Российской Федерации в условиях современных геополитических вызовов. Исследуется диалектическое противоречие между стратегическими целями технологической независимости и потенциальными рисками цифровой изоляции. На основе анализа нормативно-правовой базы, статистических данных и сравнительных исследований выявлены

ключевые векторы реализации цифрового суверенитета, проанализированы достижения и проблемы технологического импортозамещения.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, технологическая независимость, цифровая изоляция, импортозамещение, суверенный Рунет, информационная безопасность, цифровая экономика

Актуальность исследования проблематики цифрового суверенитета Российской Федерации обусловлена стремительной трансформацией глобального информационного пространства и обострением геополитической конкуренции в цифровой сфере. Концепция цифрового суверенитета, понимаемая как способность государства обеспечивать контроль над национальной цифровой инфраструктурой, данными и критическими информационными технологиями, стала центральным элементом государственной ИТ-политики РФ.

Политика цифрового суверенитета РФ реализуется через систему взаимосвязанных нормативно-правовых актов и государственных программ. Ключевыми документами являются:

– Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" (Закон о «суверенном Рунете»). Закон о «суверенном Рунете» - закон, в соответствии с которым в России создается национальная система маршрутизации интернет-трафика, призван обезопасить отечественный сегмент интернета от возможных внешних угроз.

Законом определяются необходимые правила маршрутизации трафика и организуется контроль их соблюдения, а также регулируются вопросы создания необходимой инфраструктуры, которая позволит обеспечить работоспособность российских интернет-ресурсов в случае невозможности подключения российских операторов связи к зарубежным корневым серверам. Кроме того, законом создается возможность для минимизации передачи за рубеж данных, которыми обмениваются между собой российские пользователи. Наконец, законом вводится необходимость проведения регулярных учений органов власти, операторов связи и владельцев технологических сетей по выявлению угроз и отработке мер по восстановлению работоспособности российского сегмента Сети.

– Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"

– Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"

– В рамках реализации указов Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», в том числе с целью решения задачи по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере, Правительством РФ сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7. Национальная программа завершена 31 декабря 2024 г. [2].

Анализ нормативной базы позволяет выделить три основных компонента политики цифрового суверенитета (см. табл. 1).

Таблица 1. Структурные компоненты политики цифрового суверенитета РФ

Компонент	Цели	Инструменты реализации	Ключевые показатели
Технологический	Создание отечественных аналогов критических технологий	Программы импортозамещения, госзаказ, налоговые льготы	Доля российского ПО в госсекторе (85% в 2023г.) [3]
Инфраструктурный	Обеспечение устойчивости интернет-инфраструктуры	Национальная система маршрутизации, точки обмена трафиком	Уровень автономности интернет-соединения (95% в 2024г.)
Нормативно-правовой	Контроль над цифровым пространством	Законы о локализации данных, регулирование контента	Количество размещенных наборов данных в ЕСИА (50 млн. учетных записей) [6]

Реализация политики импортозамещения в цифровом пространстве России направлена на снижение зависимости от иностранных технологий, обеспечение национальной безопасности и развитие отечественных IT-компаний. Этот процесс регулируется рядом нормативных актов и поддерживается государством через финансовые и административные меры:

1. Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2015 г. №1236 – запрет на закупку иностранного ПО для государственных и муниципальных нужд, если есть российские или евразийские аналоги;

2. Постановление Правительства РФ от 30 апреля 2020 г. №616 – ограничивает закупки иностранного сетевого и серверного оборудования для госнужд;

3. Указ Президента РФ от 30 марта 2022 г. №166 – запрещает использование иностранного ПО на значимых объектах критической информационной инфраструктуры (КИИ) с 1 января 2025 года;

4. Указ Президента РФ от 2 марта 2022 №83 – предусматривает меры поддержки IT-отрасли, включая льготные кредиты и налоговые преференции.

Среди государственных мер поддержки также можно выделить:

1. Грантовая поддержка. РФРИТ, фонд «Сколково» и другие организации предоставляют гранты на разработку и внедрение отечественных цифровых продуктов;

2. Льготное кредитование. IT-компании могут получать кредиты по ставкам от 1 до 5% годовых. Для аккредитованных организаций ставка снижается до 3%;

3. Налоговые льготы. IT-компании освобождены от налога на прибыль, действуют пониженные тарифы страховых взносов и другие преференции. Субсидии для малого и среднего бизнеса – организациям из Единого реестра МСП предоставляется скидка 50% на приобретение российского ПО.

Но реализация политики импортозамещения демонстрирует противоречивые результаты. С одной стороны, достигнуты значительные успехи в сегменте программного обеспечения для государственных нужд. Доля российского ПО в госсекторе превысила 85%, созданы конкурентоспособные решения в области операционных систем (Astra Linux, RED OS), офисных пакетов (Р7-Офис, МойОфис) и систем управления базами данных.

С другой стороны, сохраняются серьезные вызовы в области аппаратного обеспечения и передовых технологий. Производство современной элементной базы остается зависимым от иностранных технологий. Зависимость от иностранных технологий в России остается значительной, несмотря на активные усилия по импортозамещению. По данным на 2025 год, многие сектора продолжают использовать зарубежные решения, особенно в

сложных технологических областях. Однако наблюдается прогресс в ключевых направлениях, таких как кибербезопасность, офисное ПО и операционные системы [8].

Еще одной проблемой является отток ИТ-специалистов. В 2022–2023 годах он составил, по оценкам АНО "Цифровые технологии", около 10% от общего числа работников отрасли [5].

Анализ текущей ситуации позволяет идентифицировать несколько ключевых рисков цифровой изоляции:

1. Технологическое отставание в критических областях (искусственный интеллект, квантовые вычисления).
2. Снижение конкуренции на внутреннем рынке.
3. Ограничение доступа к международным научным исследованиям и разработкам.

Вместе с тем, наблюдается формирование гибридной модели цифрового суверенитета, которая сочетает:

1. Селективное сотрудничество с западными технологическими партнерам.
2. Развитие альтернативных интеграционных форматов (ЕАЭС, БРИКС)
3. Сохранение каналов технологического обмена через третьи страны.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о сложном, диалектическом характере политики цифрового суверенитета Российской Федерации. С одной стороны, достигнуты успехи в области технологического импортозамещения и обеспечения устойчивости цифровой инфраструктуры. С другой стороны, сохраняются серьезные риски технологического отставания и цифровой изоляции.

Перспективы дальнейшего развития цифрового суверенитета РФ будут определяться способностью государства находить баланс между требованиями национальной безопасности и необходимостью интеграции в глобальные технологические альянсы. Ключевым фактором успеха станет развитие человеческого капитала и создание условий для сохранения и привлечения ИТ-специалистов.

Список литературы

1. Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА). сайт. – URL: <https://ebs.ru/upload/iblock/ff7/k3ac8tyuztmspx9fapdytyd0pd40fyx8/metodicheskierekomendatsiipoispolzovaniyuesiav340.pdf> (дата обращения 30.11.2025 г.).

2. Исследование АНО "Цифровые технологии" "ИТ-рынок России: тенденции и перспективы" за 2024 год. // [Электронный ресурс] // URL: <https://d-economy.ru/news/ano-cifrovaja-jekonomika-podgotovila-prakticheskie-rekomendacii-dlja-sokrashhenija-deficita-it-kadrov-v-rossii> // (дата обращения: 30.11.2025 г.)

3. Кибербезопасность как новая нефть. Перспективы роста, ключевые направления и новые лидеры рынка. сайт. – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/12/11/kiberbezopasnost-kak-novaya-neft-perspektivi-rosta-klyuchevie-napravleniya-i-novie-lideri-rinka (дата обращения: 30.11.2025 г.).

4. Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации". сайт. – URL: <https://digital.gov.ru/target/nacziionalnaya-programma-czifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 30.11.2025 г.).

5. Отчет Минцифры России "О ходе реализации программ импортозамещения" за 2023 год. сайт. – URL: <https://digital.gov.ru/documents/otchet-ohode-realizatsii-gpio-2023> (дата обращения: 30.11.2025 г.)

6. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы. сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 30.11.2025 г.).

7. Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О связи". сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44230> (дата обращения: 30.11.2025 г.).

8. Castells, M. The Rise of the Network Society. // [Электронный ресурс] // URL: https://urb.bme.hu/wp-content/uploads/2014/05/manuel_castells_the_rise_of_the_network_societybookfi-org.compressed.pdf (дата обращения: 30.11.2025 г.).

Tsarev Denis Eduardovich

Student of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: denisztzarev04@yandex.ru

Shchitko Vladimir Sergeevich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: sl100@mail.ru

DIGITAL SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE PATH TO TECHNOLOGICAL INDEPENDENCE OR DIGITAL ISOLATION

Annotation. The article provides a comprehensive analysis of the digital sovereignty policy of the Russian Federation in the context of modern geopolitical challenges. The dialectical contradiction between the strategic goals of technological independence and the potential risks of digital isolation is investigated. Based on the analysis of the regulatory framework, statistical data and comparative studies, key vectors for the implementation of digital sovereignty have been identified, achievements and problems of technological import substitution have been analyzed.

Keywords: digital sovereignty, technological independence, digital isolation, import substitution, sovereign Runet, information security, digital economy

Цзи Чжунянь

аспирант

Российский университет

дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва

E-mail: 1042245048@pfur.ru

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОПРЯЖЕНИЕ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» И ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Аннотация. Статья исследует новую реальность евразийского сотрудничества через призму сопряжения инициативы «Один пояс - один путь» (ОПОП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Анализируется стратегическая конвергенция России и Китая в Центральной Азии: Москва акцентирует институциональную интеграцию через ЕАЭС и коллективную безопасность, тогда как Пекин реализует экономический прагматизм, инвестируя в транспортные коридоры и цифровую инфраструктуру. Несмотря на различия в подходах, оба проекта демонстрируют комплементарность в рамках концепции «Большой Евразии». Однако структурные дисбаланс, асим-

метрия торговли и неравномерность инвестиций требуют институционализации координационных механизмов для гармонизации интересов стран-членов ЕАЭС и КНР.

Ключевые слова: сопряжение ОПОП и ЕАЭС, евразийская экономическая интеграция, стратегическая конвергенция, Россия, Китай

С непрерывным экономическим подъемом Китая и постепенным восстановлением потенциала России Центральная Азия превращается в регион совместного приложения влияния двух держав. Будучи традиционным стратегическим пространством и сферой влияния России, Центральная Азия сохраняет исторические связи, укорененные в территориальной интеграции эпохи Российской империи, планово-экономической унификации советского периода и постбиполярной системы безопасности. Однако логика «сферы влияния» принципиально отличается от колониализма. Сферы влияния – это не то же самое, что колониальные империи, переселенческий колониализм или лингвистические сообщества. Сферы влияния сохраняют суверенитет, тогда как колониализм его полностью уничтожает [4, с. 12].

В настоящее время Россия через ЕАЭС углубляет сотрудничество с центральноазиатскими странами в энергетике, транспорте и таможенном союзе. Однако ее стратегическая цель заключается не в установлении эксклюзивного контроля, а в обеспечении региональной стабильности для противодействия внешним угрозам, таким как терроризм и «цветные революции». В этом контексте китайская инициатива ОПОП не бросает вызов ключевым интересам России. Напротив, через комплементарную повестку она восполняет дефицит инвестиций в инфраструктуру и промышленную модернизацию Центральной Азии. Россия и Китай подписали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути». Согласно документу, российская сторона поддерживает строительство Экономического пояса Шелкового пути и готова к тесному взаимодействию с китайской стороной в продвижении этой инициативы. Китайская сторона поддерживает активные усилия российской стороны по продвижению интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и начнет переговоры о заключении с ним соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве [3].

Россия и Китай демонстрируют конвергенцию стратегических инте-

ресов в Центральной Азии. Посредством экономических механизмов взаимозависимости и институциональной дипломатии обе державы стремятся минимизировать риски доминирования внерегиональных игроков (прежде всего западных) в определении политико-экономической повестки, что позволяет укреплять политическое влияние Москвы и Пекина в регионе и гарантировать их жизненно важные национальные интересы. Однако структурные различия в политических подходах двух стран остаются значительными. Для России Центральная Азия представляет собой историческую зону ответственности, где приоритет отдается поддержанию институциональных связей через ЕАЭС и Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Российская стратегия акцентирует интеграцию через общее правовое пространство, энергетические сети и коллективную безопасность, отражая стремление сохранить иерархический порядок в постсоветском пространстве.

Китай, в свою очередь, фокусируется на трансконтинентальной связности Евразии, позиционируя Центральную Азию в качестве логистического «моста» между Восточной Азией и Европой. Политика Пекина следует принципу невмешательства и экономического прагматизма: избегая прямого участия в региональных вопросах безопасности, КНР расширяет влияние через инвестиции в транспортные коридоры, цифровую инфраструктуру и ресурсные проекты. Инициатива ОПОП соответствует экономическим интересам как Центральной Азии, так и России.

Россия постепенно адаптируется к усилению китайского присутствия в регионе, поддерживая, в частности, инвестиции Китая в центральноазиатские страны. Несмотря на различия в подходах, две модели дополняют друг друга в рамках концепции «Большой Евразии», демонстрируя совместимость стратегических приоритетов Москвы и Пекина в условиях формирования многополярного мирового порядка.

Взаимосвязанность и взаимовыгодность. Географическая близость Китая и России, подкрепленная высоким уровнем политического доверия, создает условия для синергетического развития. Китайская инициатива ОПОП придает новый импульс развитию российских регионов, особенно Дальнего Востока. Стратегическое сопряжение двух стран фокусируется на открытой взаимосвязанности, достигаемой через создание трансграничных инфраструктурных сетей, сокращающих логистические циклы в Евразии, и внедрение систем цифрового таможенного оформления для повышения эффективности таможенных процедур и снижения торговых барьеров. Россия,

используя ресурсные и геополитические преимущества, укрепляет статус энергетического хаба, тогда как Китай инвестирует в модернизацию дальневосточных портов и промышленный апгрейд через финансовые и технологические инструменты. Такая модель «двусторонней синергии», основанная на дифференцированной комплементарности вместо игры с нулевой суммой, расширяет радиус регионального сотрудничества через механизмы распределения выгод, что создает устойчивую парадигму для реализации концепции «Большого евразийского партнерства».

Дополнение двусторонних и многосторонних механизмов. Стратегическое сопряжение ОПОП и ЕАЭС знаменует переход евразийского сотрудничества от «институциональной конкуренции» к новой парадигме «механизменной синергии». На двустороннем уровне это выражается в интеграции инициативы ОПОП с национальными стратегиями развития стран-членов ЕАЭС, на многостороннем – в гармонизации ОПОП с институциональной архитектурой ЕАЭС. Китай и Россия применяют поэтапные механизмы координации, достигая институциональной совместимости через системную унификацию технических стандартов (логистические процедуры таможенного оформления, протоколы обмена данными). Данный подход акцентирует технические консультации в многосторонних рамках, приоритезируя решение вопросов торгового упрощения и регуляторной прозрачности. Стороны создают вложенную структуру «жесткая безопасность – мягкая экономика», совместно формируя комплексную систему управления, устойчивую к внешним вмешательствам.

Однако, несмотря на создание Китаем и Россией трансевразийского кооперативного каркаса через взаимосвязанность и взаимовыгодность, в процессе практической реализации постоянно проявляются расхождения в интересах и приоритетных сферах сотрудничества между странами, обнажая проблему координации и баланса в региональном взаимодействии.

Дисбаланс финансовых потоков и асимметрия торгового взаимодействия. Инвестиции Китая в страны ЕАЭС демонстрируют структурную неравномерность. Объем китайских инвестиций в государства ЕАЭС существенно превышает встречные потоки, при этом распределение капиталовложений внутри Союза также отличается диспропорцией – основные проекты сконцентрированы в России и Казахстане. В структуре экспорта ЕАЭС в Китай преобладают сырьевые товары. Основную долю продаж составляют нефть и нефтепродукты, газ, древесина и различные виды руд [2, с. 73]. Ки-

тайские инвестиции в Центральной Азии фокусируются на добыче энергоресурсов и транспортной инфраструктуре, тогда как Россия через технические стандарты ЕАЭС приоритезирует поддержку верхних звеньев промышленных цепочек (металлургия, машиностроение). Это усугубляет диссонанс между потребностями центральноазиатских государств в модернизации отраслей и вектором иностранных инвестиций, но не стимулирует развитие локальных МСП и социальной сферы, что углубляет региональные диспропорции.

С точки зрения общего товарооборота, Китай занимает доминирующую позицию в силу различий в экономических масштабах, рыночном потенциале и ресурсной базе стран-участниц. Китайско-российский двусторонний товарооборот существенно превышает показатели между другими государствами-членами ЕАЭС. Для стран Союза Китай выступает ключевым торговым партнером, однако сам ЕАЭС не входит в число приоритетных направлений внешней торговли КНР.

Различия в интересах и приоритетных сферах сотрудничества. Конкретные приоритеты стран-участниц существенно диверсифицированы: Армения стремится восстановить стратегическую значимость через транспортный коридор «Север-Юг», привлекая инвестиции в модернизацию энергетики и инфраструктуры. Беларусь концентрируется на создании цифровых транспортных коридоров, продвижении экспорта высокотехнологичных услуг и повышении инновационного потенциала промышленности. Казахстан акцентирует развитие транзитного потенциала, реализуя проекты транспортного коридора «Западный Китай – Западная Европа» и модернизацию железнодорожной инфраструктуры. Кыргызстан приоритезирует расширение двустороннего сотрудничества с КНР, фокусируясь на сфере услуг, сельском хозяйстве и инфраструктурном строительстве [1, с. 99]. В многостороннем формате ключевой вызов для сопряжения ОПОП и ЕАЭС заключается в балансировке национальных интересов для минимизации деструктивного влияния разногласий на общее взаимодействие.

Контактное взаимодействие Китая и России в центральноазиатском регионе будет неуклонно усиливаться, поскольку Пекину необходимо содействие Москвы для трансформации всеобъемлющего стратегического партнерства в конкретные результаты сотрудничества. Это стремление напрямую связано с изменением баланса сил как в евразийском пространстве, так и на глобальном уровне. Несмотря на существующие вызовы, сопряжение

инициативы ОПОП и ЕАЭС обладает прочным фундаментом и значительным потенциалом, что открывает перспективы для его дальнейшего развития.

Одним из ключевых направлений углубления этого взаимодействия является институционализация, предполагающая создание многоуровневых координационных механизмов, способных обеспечить устойчивую управляемость совместными проектами. Не менее важным аспектом остается повышение эффективности коммуникации, включая синхронизацию технических стандартов и регуляторных практик, что позволит минимизировать барьеры и ускорить процессы взаимного обмена. В дополнение к этому стороны могут активизировать поиск новых точек сопряжения, таких как развитие «зеленой» энергетики, кибербезопасности и цифрового Шелкового пути, что расширит спектр взаимовыгодного сотрудничества.

Реализация данных мер не только позволит максимально использовать сравнительные преимущества Китая и России, но и актуализирует их общие стратегические интересы в центральноазиатском регионе, укрепит взаимодействие с государствами региона и обеспечит стратегическую стабильность всего евразийского континента.

Список литературы:

1. Архипова В. В., Пантелеев, А. А. ЕАЭС и стратегические инициативы КНР в контексте российских реалий // Современная Европа. – 2020. – №3. – С. 96–107.

2. Кравченко, В. А., Горлова, Л. А. Анализ внешней торговли между странами ЕАЭС и Китаем в контексте устойчивости развития экономических систем // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. – 2022. – №1. – С. 66–75.

3. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 15.05.2025).

4. Чез Фриман О сферах влияния. Почему их надо уважать, но не надо создавать // Россия в глобальной политике. – 2023. – №6 (124). – С. 8–36.

Ji Chuyan

Graduate student

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

E-mail: 1042245048@pfur.ru

THE NEW REALITY OF EURASIAN REGIONAL COOPERATION: STRATEGIC COUPLING OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE AND THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Abstract. The article examines the new realities of Eurasian cooperation through the lens of coupling the Belt and Road Initiative (BRI) and the Eurasian Economic Union (EAEU). It analyzes the strategic convergence of Russia and China in Central Asia: Moscow emphasizes institutional integration via the EAEU and collective security, while Beijing pursues economic pragmatism by investing in transport corridors and digital infrastructure. Despite differing approaches, both projects demonstrate complementarity within the "Greater Eurasia" framework. However, structural imbalances, trade asymmetry and uneven investments necessitate the institutionalization of coordination mechanisms to harmonize the interests of EAEU member states and China.

Keywords: BRI-EAEU coupling, eurasian economic integration, strategic convergence, Russia, China

Чжу Чжэну

аспирант факультета международных отношений

Санкт-Петербургский государственный

университет, г. Санкт-Петербург

E-mail: st135209@student.spbu.ru

ДИСКУРСИВНАЯ СИЛА КИТАЯ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ВЫБОРА: ЗАПАД/ВОСТОК

Аннотация. В статье анализируется системная трансформация нарратива Китая о Западе/Востоке в контексте построения международной дискурсивной силы, предлагая ориентиры для России в решении проблемы исторического выбора. Китайский нарратив претерпел коренное изменение –

от принятия рамки «Превосходства Запада над Востоком» к активной деконструкции этой рамки. В статье строится теоретическая основа, ядром которой являются «Дискурсивная сила» и «Нарративная конкуренция», прослеживаются три этапа эволюции китайского нарратива, анализируются случаи на примерах БРИКС и многополярной структуры, и, наконец, обсуждается значение китайского опыта для России.

Ключевые слова: дискурсивная сила, нарративная конкуренция, Запад/Восток, глобальное управление

Китайская академическая дискурсивная система «Международная дискурсивная сила» подразумевает не только право голоса на международной арене, но и способность и власть устанавливать повестку, определять концепции и стандарты [7]. Согласно анализу профессора Тан Цзинтя, международная дискурсивная сила по сути является мягкой силой, проявляющейся через дискурсивную систему, способностью «создавать новые концепции, категории и формулировки, интегрирующие китайские и зарубежные подходы» [4]. Построение этой дискурсивной силы направлено на более полное и яркое раскрытие китайской истории и стоящей за ней идеологической и духовной силы.

Запад/Восток представляет собой глубокую метаструктуру в современных международных отношениях. В рамках этой парадигмы русофобия демонстрирует новые тенденции развития в современную эпоху. Сопrotивление Запада России распространилось от политической сферы на спорт, культуру и другие уровни. В то же время концепция «Глобального Востока» претерпела значительную трансформацию. Исследование Цуй Жунвэя показывает, что после введения концепции «Глобального Востока» в область международных отношений в 2023 году ее значение изменилось от чисто географического понятия до специфического ярлыка, включающего лишь такие страны, как Китай и Россия, приобретя ярко выраженную геополитическую окраску [6]. Столкнувшись с этим вызовом в сфере нарративов, Китай активно предлагает альтернативные парадигмы, такие как китайская модернизация, чтобы деконструировать бинарную оппозицию [4].

На начальном этапе реформ и открытости китайский международный нарратив в основном принимал установленную рамку «Сильный Запад - слабый Восток». Этот этап нарратива характеризовался двойственностью: с одной стороны, Китай признавал преимущество западной модернизации как

первопроходца и активно стремился интегрироваться в международную систему, возглавляемую Западом; с другой стороны, на ценностном уровне Китай осторожно сохранял независимость своей идеологии. Эта стратегия была направлена на снижение сопротивления возвышению Китая и создание благоприятной внешней среды для экономического развития [5].

С вступлением в XXI век и ростом национальной силы китайский международный нарратив начал важные изменения. Выдвижение концепции «мирного возвышения» ознаменовало попытку Китая преодолеть исторический фатализм традиционного возвышения великих держав. «Пекинский консенсус» как альтернативная модель развития «Вашингтонскому консенсусу» подчеркивает разнообразие путей развития стран [5].

С началом новой эры международный нарратив Китая совершил качественный скачок, четко предложив ключевые концепции китайской модернизации и сообщества единой судьбы человечества. Профессор У Чжичэн указывает, успех китайской модернизации развеял заблуждение «модернизация означает вестернизация» [5]. В этих рамках Китай завершил переход идентичности от «Жертвы» к «Лидеру».

В официальном дискурсе Китая китайская модернизация и сообщество единой судьбы человечества формируют основную нарративную рамку. Эти концепции систематически выражаются через официальные тексты, такие как правительственные документы и выступления лидеров, формируя систему внешнеполитических концепций с китайской спецификой [4].

В механизме БРИКС китайский нарратив ярко отражает усилия по разрушению системы центр-периферия и продвижению справедливого глобального управления. XV саммит глав государств БРИКС в 2023 году продемонстрировал жизнеспособность этого механизма, Китай через конкретные проекты сотрудничества демонстрирует роль участника глобального развития [6].

В построении многополярного мира китайский нарратив демонстрирует яркую характеристику восточной мудрости, проявляющуюся в концепции глобального управления «китайские консультации». Калиджери указывает, что китайская концепция укоренена в суверенном равенстве, гармоничном сосуществовании, консультациях и консенсусе [2]. Китай через посредничество в восстановлении отношений между Саудовской Аравией и Ираном и другие практики транслирует в глобальном управлении на восточную мудрость [2].

При столкновении с дилеммой выбора Запад/Восток у Китая и России есть как сходства, так и важные различия. Сходство заключается в том, что обе страны сталкиваются с давлением западной доминирующей системы и исследуют независимые пути развития. Различия заключаются в том, что Китай через системные теоретические инновации построил полную нарративную рамку, российский нарратив более реактивный и конфронтационный [3].

Эволюция китайского нарратива о Западе/Востоке отражает глубокие изменения его международного статуса и идентичности. Построив теоретическую систему китайской модернизации, Китай постепенно выходит из состояния «отсутствия голоса» в глобальном информационном поле; через концепцию сообщества единой судьбы человечества превзошел нулевую сумму международных отношений; через практику «китайских консультаций» продемонстрировал современную ценность своей мудрости [1] [2].

Опыт Китая показывает, что конкуренция за международную дискурсивную власть по сути является конкуренцией нарративных рамок и конкуренцией систем знаний [1]. Ключ к победе в этой конкуренции заключается не в простом опровержении западных обвинений, а в предложении более инклюзивных концептуальных систем и решений. На фоне ускоряющихся изменений столетия реконструкция Китаем нарратива Запад/Восток касается не только его собственного имиджа, но и будущего пути человечества. Подлинная дискурсивная власть заключается не в громкости голоса, а в высоте идеи; не в убеждении других принять вашу позицию, а в предложении лучших решений.

Список литературы

1. Алистер Мискиммон. Стратегическое повествование: новое прочтение мягкой силы [Электронный ресурс] // журнал «Медиа, война и конфликт» – 2014. – URL: <https://cpds.bfsu.edu.cn/info/1045/1493.htm> (дата обращения: 29.11.2025).

2. Андреа Калигиури. «Китайские консультации» – восточная мудрость перестройки глобального управления // China Daily. 2025. сайт – URL: https://cn.chinadiplomacy.org.cn/2025-11/17/content_118180219.html (дата обращения: 29.11.2025).

3. Опыт и уроки России в сфере внешнеполитической коммуникации. 2020. сайт. – URL: https://www.fjlib.net/zt/fjstsgjcxz/zbz/rdzt/202004/t20200414_432091.htm (дата обращения: 29.11.2025).

4. Тан Цзинтай. Ценностная основа, механизм синергии и точная трансляция: как повысить эффективность международной коммуникации китайского политического дискурса // Журнал Центрального института социализма. – 2023. – № 242(2). – С. 188–196.

5. У Чжичэн. Логика китайской модернизации и ее мировое значение [Электронный ресурс] // Журнал «Китайские общественные науки» – 2025. – URL: https://cn.chinadiplomacy.org.cn/2025-11/10/content_118169075.shtml (дата обращения: 28.11.2025).

6. Цуй Жунвэй. Искаженный «глобальный Восток»: настороженное повествование в западной академии международных отношений [Электронный ресурс] // Новостной портал «Пэнпай Синьвэнь» – 2024. сайт. – URL: https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_26751487 (дата обращения: 29.11.2025).

7. Чжан Минцин. Важнейший показатель культурной «мягкой силы» – дискурсивная сила [Электронный ресурс] // Научный центр мягкой силы китайской культуры (при Хунаньском университете) – 2020. – URL: <https://zgwhrsl.hnu.edu.cn/info/1049/2038.htm> (дата обращения: 29.11.2025)

Zhu Zhengwu

*2nd year Postgraduate Student of the Department of International Relations
Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg
E-mail: st135209@student.spbu.ru*

CHINA'S DISCURSIVE POWER AND THE REINTERPRETATION OF THE WEST/EAST CHOICE

Abstract. This article analyzes the systematic transformation of China's narrative on the West/East within the context of building international discursive power, offering reference points for Russia in addressing its historical choice dilemma. China's narrative has undergone a fundamental shift—from accepting the framework of "West's superiority over the East" to actively deconstructing it. The article constructs a theoretical framework centered on "Discursive Power" and "Narrative Competition," traces three stages in the evolution of China's narrative, analyzes case studies using examples from BRICS and the multipolar structure, and finally discusses the implications of China's experience for Russia.

Keywords: discursive power, narrative competition, West/East, global governance

Чжуан Ваньлу
аспирантка педагогических наук
Забайкальский государственный университет, г. Чита
E-mail: 1132747228@QQ.com

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Макроуровневая цифровизация образования сталкивается с проблемой «нового цифрового разрыва», обусловленного инфраструктурным неравенством, различиями в цифровой грамотности, культурными различиями и алгоритмическими предубеждениями. Трансграничный характер этих вызовов требует глобальных механизмов координации. Исследование предлагает framework международного управления, синтезирующий китайскую стратегию интеграции-интеллектуализации-интернационализации с практикой БРИКС. Научная новизна заключается в преодолении страновых исследований через интеграцию китайского управленческого опыта с многосторонними практиками БРИКС, предлагая альтернативный подход, сочетающий структурное управление и гуманитарные аспекты для решения проблем инклюзивности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация образования, социальная инклюзия, политические решения, международная кооперация, БРИКС

Цифровизация образования стала обязательным условием развития, а интеграция искусственного интеллекта придала процессу новые масштабы. Однако технологический прогресс не обеспечил автоматически всеобщий доступ и справедливость, породив "новый цифровой разрыв" – неравенство в доступе к технологиям, цифровых компетенциях и алгоритмическом управлении. Трансграничный характер проблемы требует международных механизмов координации. Исследование преодолевает ограничения странового анализа, сочетая стратегический опыт Китая с практиками БРИКС, предлагая систему решений для социальной инклюзии в цифровом образовании эпохи ИИ.

1. Международные проявления вызовов социальной инклюзии

Проблемы инклюзивности в цифровизации образования демонстрируют сложную и многогранную картину в глобальном масштабе.

Первостепенной проблемой остается неравенство в доступе к инфраструктуре и ресурсам. Как показало исследование российских вузов, «технические проблемы» и «перебои с интернетом» стали одними из основных трудностей для студентов в период пандемии [2, с. 110]. Эта ситуация особенно характерна для развивающихся стран: по данным ЮНЕСКО, сотни миллионов учащихся по всему миру не могли получать онлайн-образование из-за отсутствия компьютеров или доступа в сеть [2, с. 106], что формирует первичный барьер для инклюзивности.

Сохраняется разрыв в цифровой грамотности и адаптации педагогических подходов. Эффективность цифрового образования зависит от цифровой компетентности преподавателей и студентов. Исследования фиксируют «сопротивление цифровым технологиям» среди части российских преподавателей из-за недостаточных цифровых навыков [2, с. 106]. Одновременно переход студентов к самоуправляемому обучению требует повышенной самодисциплины, что вызывает академическое отставание неприспособившихся.

Персонализированные системы обучения и инструменты оценки на основе ИИ, обученные на ограниченных культурных данных, воспроизводят предвзятость в отношении учащихся из этнических меньшинств. Эта проблема выходит за рамки технической сферы, затрагивая вопросы культурной инклюзивности. Как отмечено в исследованиях БРИКС, цифровизация образования, будучи катализатором межкультурного диалога, одновременно несет риск культурной гомогенизации [3, с. 118].

2. Логика и ограничения политики Китая в контексте цифровизации образования

Китайская стратегия цифровой трансформации образования характеризуется переходом от модели "3С" к "3I" [1, с. 6]. В рамках обеспечения инклюзивности была создана национальная платформа интеллектуального образования, интегрировавшая образовательные ресурсы и смягчившая проблему их неравномерного распределения [1, с. 4].

Особенностью реализации политики является "сетевая модель интегрированного управления", сочетающая централизованное стратегическое планирование с региональными пилотными инициативами, что способствует адаптации к местным условиям [1, с. 7]. Государственная поддержка

играет ключевую роль, а установленные на национальном уровне ориентиры позволяют разрабатывать адаптированные модели с учетом региональной специфики.

Вместе с тем отмечается структурный перекос в использовании инструментов политики: 55% составляют императивные инструменты при недостаточном развитии инструментов системных преобразований и развития потенциала [5, с. 4]. Это ограничивает возможности стимулирования внутренней мотивации и проведения институциональных реформ. Чрезмерная зависимость от административных методов может быть неэффективной при решении сложных этических проблем и задач инклюзивности, связанных с внедрением искусственного интеллекта.

3. Формирование инклюзивной политики через международную координацию

Для решения транснациональных вызовов в сфере ИИ и цифрового образования необходимы международные координационные механизмы, основанные на принципе инклюзивности.

В рамках БРИКС и "Пояса и пути" необходима совместная разработка этических и технических стандартов применения ИИ в образовании для обеспечения прозрачности и справедливости алгоритмов, предотвращающих усиление социального неравенства [3, с. 119].

Для преодоления инфраструктурного разрыва необходим транснациональный обмен ресурсами через Университетскую сеть БРИКС, включая распространение цифровых курсов и платформ. Технологически развитые страны должны оказывать поддержку развивающимся государствам, адаптируя успешный опыт Китая, России и Индии.

Необходимо развивать межкультурный диалог и совместную подготовку кадров для формирования цифровой инклюзивности. Транснациональные проекты онлайн-обучения (языковые тандемы, виртуальные лаборатории) развивают межкультурные навыки и инклюзивное мышление студентов [3, с. 118]. Параллельно требуются международные программы повышения цифровой квалификации преподавателей для работы в межкультурной среде.

Интеграция искусственного интеллекта и цифровизации образования представляет собой необратимую тенденцию. Вызываемые ею вызовы социальной инклюзивности являются не только кризисом, но и возможностью для трансформации глобальной системы образовательного управления в сторону большей справедливости и равноправия.

Новизна данной работы заключается в объединении практики «интегрированного управления» с китайской спецификой и концепции «межкультурного диалога» стран глобального Юга, таких как БРИКС, что позволило предложить международную координационную framework, выходящую за рамки западного центризма.

В перспективе необходимо придерживаться принципа «цифрового блага», обеспечивая через последовательные политические инновации и международное сотрудничество, чтобы наделенная ИИ цифровизация образования действительно стала мощной силой, способствующей социальной инклюзивности и приумножению общего благосостояния человечества.

Список литературы

7. Ван Сюэнань. Системный контекст и практическая логика развития политики цифровизации образования в Китае: анализ трехлетней реализации стратегической инициативы по цифровой трансформации образования // Исследования цифровой трансформации образования. – 2025. – С. 74–92.
8. Калугина, Т. Н., Тимченко, М. В. Цифровизация высшего образования в 2021 году: вызовы для студентов российских вузов // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2023. – № 2. – С. 102–113.
9. Козина, Ю. П., Богданова, Н. В. Политика стран БРИКС в области цифровизации образования: цифровизация как основа современного диалога культур // *Социально-политические науки*. – 2024. – Т. 14. № 6. – С. 114–120.
10. Линь Баодэн, Чан Кай, Юй Чжаода. Логическая структура и политические пути цифровой трансформации высшего образования: перспектива теории экологии образования // *Вестник Нанкинского университета науки и технологий (Социальные науки)*. – 2025. – Т. 38. № 4. – С. 85–92.
11. Ян Сюаньюй, Ян Ясюй, Линь Синцяо. Анализ текстов политики цифровизации высшего образования Китая с точки зрения инструментов политики // *Журнал образования для взрослых Хэбэйского университета*. – 2025. – № 2. – С. 11–16.

Wanlu Zhuang
Graduate student in Education
Transbaikal State University, Chita
E-mail: 1132747228@QQ.com

**ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND DIGITALIZATION
EDUCATION: CHALLENGES OF SOCIAL INCLUSION
AND POLITICAL DECISIONS**

Abstract. Macro-level digitalisation of education faces the challenge of a "new digital divide" driven by infrastructure inequality, disparities in digital literacy, cultural differences, and algorithmic biases. The transnational nature of these challenges necessitates global coordination mechanisms. This study proposes an international governance framework synthesising China's strategy of integration-intellectualisation-internationalisation with BRICS practices. The scientific novelty lies in transcending country-specific studies through integrating Chinese governance experience with BRICS multilateral practices, offering an alternative approach that combines structural governance with humanitarian dimensions to address inclusivity challenges.

Keywords: artificial intelligence, education digitalization, social inclusion, policy responses, international cooperation, BRICS

Чубаров Артем Игоревич
аспирант кафедры политического анализа
и социально-психологических процессов
Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва
E-mail: chubarov-artem98@yandex.ru

Мухаев Рашид Тазитдинович
доктор политических наук, профессор кафедры
политического анализа и социально-психологических процессов
Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва
E-mail: muhaev_r@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОМ МЕХАНИЗМЕ АДАПТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Аннотация. Неопределенность как новая нормальность бросает вызов современной системе государственного управления, диктует необходимость перестройки как самого механизма управления, так и критериев оценки его качества. Этим обусловлена актуальность настоящего исследования, цель которого состоит в определении критериев качества государственного управления, релевантных условиям перманентной неопределенности.

Ключевые слова: государственное управление, критерии качества управления, эффективность, легитимность, устойчивость, стабильность, неопределенность

Начиная с 80-х гг. XX в. критерии качества государственного управления стали предметом пристального внимания в зарубежной и отечественной науке. Наиболее актуальными маркерами верификации успешности систем публичного управления, привлечшими внимание экспертов, стали индексы эффективности и легитимности. Попытки квантификации этих маркеров широко представлены в научной литературе и являются неременными атрибутами различных моделей оценки качества государственного управления [4, с. 52–58].

Условия перманентной неопределенности, в которых функционируют системы государственного управления в первой четверти XXI в., меняют как

сам механизм управления, так и критерии оценки ее качества. На первый план выходит новый критерий – устойчивость, который сегодня, с одной стороны, выступает объектом повышенной заинтересованности со стороны исследователей [1], с другой стороны, становится предметом дискуссий [5].

Анализ наиболее популярных интегральных показателей выявил следующую специфику современных моделей оценки качества государственного управления:

1. Ориентируются, главным образом, на эффективность и легитимность, при этом игнорируя устойчивость и стабильность управляющих систем.
2. Фокусируются на анализе институциональных компонентов системы управления в противовес их динамическим аспектам.
3. Не учитывают различия в целях государственной политики стран, которые заданы уровнем их развития, структурой ценностей, что приводит к сомнениям в релевантности «универсальных» показателей [2,3].

В условиях неопределенности качественное государственное управление предполагает не только наличие эффективности и легитимности, но также устойчивости и стабильности как параметров, определяющих его способность к нейтрализации рисков, что таит в себе неопределенность.

Проведенный анализ существующих моделей оценки устойчивости и стабильности системы государственного управления позволяет выделить когнитивные и прикладные возможности каждой из них.

Модель оценки устойчивости и стабильности (в версии европейских авторов) предполагает оценку факторов потенциала институциональной устойчивости (Capacity factors of Institutional Resilience) [5, с. 110–115]. Эта модель уделяет внимание, главным образом, оценке *потенциала системы к изменениям*, который необходим для ее адаптации и трансформации в ответ на воздействие среды. Под стабильностью системы здесь понимается состояние равновесия, которое достигается благодаря наличию у системы потенциала к изменениям и ее способности его использовать; синергетический эффект от этих двух переменных обеспечивает способность системы осуществлять качественное управление в условиях перманентной неопределенности. «Цепочка устойчивости», с точки зрения авторов данной модели, выглядит следующим образом: кризис → неравновесие (дестабилизация) системы → адаптация → трансформация → стабилизация (состояние равновесия) → развитие.

Модель оценки устойчивости и стабильности (в версии российских

авторов) предполагает оценку *качества состояния* системы, которое отражает степень ее устойчивости (равновесия) и косвенно стабильности как способности адаптироваться и трансформироваться в ответ на воздействие среды [1, с. 14–18]. Отлаженная система - устойчивый и стабильный механизм, релевантный состоянию перманентной неопределенности. «Цепочка устойчивости», с точки зрения авторов данной модели, выглядит следующим образом: кризис → неустойчивость системы (неравновесное состояние системы – система не выполняет исправно возложенные на нее формально функции) → стабилизация (включает адаптацию и трансформацию) → равновесие системы (исправно выполняет функции) → развитие.

Обе модели не противоречат друг другу, но различаются подходами к решению одной и той же задачи. Если модель западных авторов предлагает оценивать *потенциал* к изменениям системы, то модель российских авторов акцентирует внимание на оценке качества ее *состояния*.

Следует заметить, что устойчивость системы предполагает не только возможность адаптироваться и трансформироваться ввиду воздействия среды, но и способность системы минимизировать ущерб от негативных воздействий кризиса, благодаря эффективности институтов и их способности консолидировать общество вокруг общезначимых целей. Вероятно, итоговая матрица оценки устойчивости должна включать как маркеры диагностики состояния системы, так и критерии оценки ее способности к адаптации и трансформации.

Устойчивость системы может обеспечиваться не только за счет внутренних факторов, но и внешних. Например, ситуация с текущим режимом на Украине, где финансовая и военная помощь со стороны других государств несколько лет обеспечивает относительную устойчивость в условиях СВО. Однако достижение устойчивости подобным способом в краткосрочной перспективе не означает наличие у системы управления способности к адаптации и трансформации, что демонстрирует территориальная динамика, рейтинги текущей украинской власти, динамика объема запросов на внешнее ресурсирование, рост количества коррупционных скандалов и т.д.

Важно отметить, что стабильность всегда подразумевает устойчивость, при этом устойчивость не всегда подразумевает стабильность. Данный факт обусловлен тем, что современный процесс управления представляет собой постоянное маневрирование государством в среде полной неопределенности, т.е. управление предполагает движение от одного островка стабильности к другому, потому так важна устойчивость, ибо она позволяет

осуществлять такое движение с минимальными потерями и максимальным использованием возможностей, что таит в себе неопределенность.

В условиях неопределенности система государственного управления находится под постоянной угрозой снижения как эффективности, так и легитимности, т.к. степень потерь в показателях этих двух переменных крайне зависима от уровня устойчивости систем управления, в условиях неопределенности, когда кризисы стали обыденностью, необходимо перевести фокус внимания с анализа эффективности и легитимности на анализ устойчивости. Если исходить из того, что стабильность – состояние равновесия системы, когда она в полной мере выполняет возложенные на нее функции, то необходимо, с одной стороны, проводить анализ потенциала системы к изменениям (устойчивость как способность), с другой – анализ качества состояния системы (устойчивость как состояние). При этом важно учитывать тот факт, что качественные институты не гарантируют устойчивость, хотя и способствуют ей.

Список литературы

1. Вилисов, М. В., Телин, К. О., Филимонов, К. Г. (2020) От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление // *Полития*. – № 1 (96). – С. 7–27.
2. Мухаев, Р. Т., Абрамова, О. Г. (2016) Критерии эффективности современных систем государственного управления: проблема квантификации качества публичного управления // *Фундаментальные исследования*. – № 7–1. – С. 146–154.
3. Мухаев, Р. Т., Чубаров, А. И. (2024) Культурные контексты цифровой трансформации государственного управления: сравнительный анализ Западной и Восточной моделей // *Журнал политических исследований*. – Т. 8. № 2. – С. 42–58.
4. Тебекин, А. В. (2022) К вопросу о совершенствовании критериев оценки качества государственного управления // *Журнал исследований по управлению*. – Т. 8. № 3. – С. 50–59.
5. Profiroiu A., Nastaca, C. (2021) What strengthens resilience in public administration institutions? // *Eastern journal of European studies*. Pp. 100–125.

Chubarov Artem Igorevich
*Postgraduate Student of the Department of Political Analysis
and Socio-Psychological Processes
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow
E-mail: chubarov-artem98@yandex.ru*

Mukhaev Rashid Tazitdinovich
*Mukhaev Rashid Tazitdinovich
Doctor of Political Sciences, Professor of the Department
of Political Analysis and Socio-Psychological Processes
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow
E-mail: muhaev_r@mail.ru*

ON THE ISSUE OF THE CURRENT MECHANISM FOR ADAPTING A MODERN MANAGEMENT SYSTEM TO UNCERTAIN CONDITIONS

Annotation. Uncertainty, as a new normality, challenges the modern system of public administration, dictates the need to restructure both the management mechanism itself and the criteria for assessing its quality. This is the reason for the relevance of this study, the purpose of which is to determine the criteria for the quality of public administration relevant to the conditions of permanent uncertainty.

Keywords: public administration, management quality criteria, efficiency, legitimacy, sustainability, stability, uncertainty

Шалимов Андрей Борисович
*соискатель кафедры философии и теологии
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород
E-mail: shalimovprav@gmail.com*

ОТ КРИТИКИ К ОНТОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Аннотация. Критические теории социальных медиа К. Фукса и Г. Ловинка, возникшие как реакция на ранний оптимизм по отношению к среде Web 2.0, а также последствия хаотичного развития социальных платформ и их возрастающую роль в обществе, в полной мере не раскрывают сущность

этого явления. Целью работы является формулирование альтернативной исследовательской программы. Высказывается идея онтологической теории социальных медиа, созданной с использованием преимуществ российской научной и философской системы.

Ключевые слова: критика социальных медиа, Кристиан Фукс, Герт Ловинк, онтология социальных медиа

Первоначальный оптимизм по отношению к социальным медиа, как способу удовлетворения возрастающих по экспоненте потребностей людей в коммуникации и потреблению информации, сменился в последнее десятилетие в западных социогуманитарных науках пессимизмом и преобладанием критических теорий социальных медиа.

Если в 2005 году теоретик Web 2.0 Тим О'Рейли с восторгом описывал среду, в которой пользователи, не имеющие специальных знаний в программировании, заполняют Интернет собственным контентом – фотографиями, видео, текстами и постами [7], то через 20 лет после того, как это стало повсеместной, повседневной практикой миллиардов людей, представитель франкфуртской школы, руководитель Института исследований коммуникаций и медиа Университета Вестминстера Кристиан Фукс бескомпромиссно определяет такое положение вещей как трудовую эксплуатацию со стороны корпораций, владеющих социальными медиа: «В нынешнем виде социальных медиа продвигают социализацию человеческих действий. Однако в случае с корпоративными социальными медиа эти действия попадают в ловушку частных отношений собственности, в результате чего социальные медиа способствуют социальному производству и частной собственности данных в форме коммодификации этих данных, человеческой креативности и социальных отношений» [10, с. 469].

Критические концепции социальных медиа «зачастую опираются на простейшую дихотомию «эксплуатируемые – эксплуататоры» [1]. Если смотреть на проблему под таким углом, то действительно в этой трактовке пользователи превратились в рабов платформ. Например, при переходе социального медиа от одного собственника их передают вместе со всем контентом, который они считали своим. Так произошло после приобретения социального сервиса Twitter предпринимателем Илоном Маском, который следом изменил название платформы, принципы ее функционирования (внедрил алгоритмическую ленту) и политику (приоритет в показе постов в

ленте отдается тем публикациям, в которых позиция по различным темам совпадает с отношением к ним нового владельца).

Критическая теория социальных медиа К. Фукса концентрируется на вопросах экономической власти и подавления. Ключевая категория в таком случае – прочитываемое в марксистском смысле понятие **отчуждения личности** с опорой, прежде всего, на главный труд Г. Маркузе «Одномерный человек» [6]. К. Фукс определяет цифровой труд, как «способствующий созданию цифровых технологий, контента и данных, которые продаются как товар». «Кристиан Фукс описывает новые формы эксплуатации и отчуждения, характерные для цифрового капитализма» [9, с. 130], объясняя, как корпорации, владеющие социальными медиа, используют неоплачиваемый цифровой труд сотен миллионов и миллиардов пользователей для заполнения контентом своих страниц и одновременно перепродажи их внимания другим капиталистам как рекламных возможностей. При этом люди испытывают иллюзию участия в расширении информационной среды, которая должна в их представлениях приводить к большему распространению «правильных» идей и взглядов. Только эта правильность всеми и везде понимается по-разному, а алгоритмические механизмы социальных медиа приводят к поляризации и атомизации пользователей, замыкая их внутри окружения, придерживающегося таких же взглядов и не выпуская из этой «камеры». Профессор Фукс в каком-то романтическом, наивном порыве в качестве выхода из ситуации видит «необходимость революционной борьбы» за свои информационные права через создание альтернативных, ориентированных на человека форм цифровой коммуникации. Забывая, что его предшественник Г. Маркузе писал о том, что инструменты, созданные человеком для преодоления определенной формы отчуждения, хотя и частично решают поставленную задачу, одновременно порождают новую форму отчуждения. Потому что отчуждение, как и социализация личности, представляет собой базовый, неотъемлемый социокультурный процесс.

Руководитель Института сетевых культур Амстердамского университета Герт Ловинк является автором другой критической теории социальных медиа [4], в которой центральной идеей является тема политического участия и влияния технологий на демократию. Г. Ловинк в своих эссе очень точно подмечает и клеймит различные негативные тенденции развития социальных сетей и зависимость людей от них. При этом понимает идентичность человека как очень пластичную формацию, которая под воздействием алгоритмов, мемов, селфи и комментариев должна приобрести какие-то

монструозные формы. Будто бы человек с каждым постом в социальных медиа утрачивает когнитивные способности, попадает в зависимость, становится ни на что сам не способен. При этом социология Г. Ловинка – это не ответы, а вопросы. В своих многочисленных работах ученый проблематизирует явление, формируя запрос по новым исследовательским программам и подходам к социальным медиа: «Ловинк скорее заставляет размышлять о том, о чем многие пока не думали в силу того, что слишком заняты потреблением сетевого контента. Отличительной особенностью Ловинка как автора является то, что в каждом эссе он уделяет минимум абзац (иногда и два, и три), чтобы задать себе и читателю вопросы, которые по большей части остаются без ответа» [8, с. 267].

В недавних работах Г. Ловинк и вовсе критикует и саму критику социальных медиа, фиксируя, насколько она замкнулась на себе: «Лавину исследований о технологиях легко проигнорировать по той причине, что критика, дискуссия и дебаты считаются категориями из прошлого. Дискурс такого рода – это как бы пережиток эры общественного мнения, когда разные социальные слои боролись за идеологическую гегемонию» [5, с. 20].

В отечественной социологии интересна работа Е. Г. Ефимова, который в своей монографии, посвященной методологии исследований социальных медиа, приходит к тому, что это новое социальное явление необходимо изучать с использованием классического инструментария. Например, исследовать социальные медиа как совокупность социальных групп: «Социальные группы в сетях являются отражением общественной структуры, и понимаются нами как социально сконструированный феномен, развивающийся в результате взаимодействия этих групп. Культура, определяя структуру социальных групп, оказывает через них влияние на формирование структуры социальных сетей» [3, с. 144].

Нам же альтернативой критических теорий социальных медиа видится их онтологическая концепция. Потому что важно не критиковать и не хвалить объект, а понимать его сущность, устройство, ключевые свойства и взаимосвязи. Кроме того, отечественные социогуманитарные науки отличаются высокой академичностью, развитой диалектической традицией, глубокой философских обобщений, вниманием к системной методологии и способностью к созданию жизнеспособных логических моделей сложных явлений.

Для полноценного формулирования онтологической теории социальных медиа требуется разворачивание обширной исследовательской программы, включающей в себя:

- Исследование диалектической взаимосвязи идеального (сознания пользователя) и материального (инфраструктура платформ) в социальных медиа.

- Изучение субпространства социальных медиа: его пространственно-временных характеристик, структурного (и социокультурного, и материально-организационного) устройства, функциональных и экзистенциальных особенностей, динамики, наличия границ и барьеров, работы социальных лифтов и т.д.

- Формулирование гносеологических и эпистемологических механизмов работы сознания в социальных медиа с уходом от примитивного биохевиористского психологизма в трактовке когнитивных реакций человека на контент и субъективных этических оценок.

- Перенос внимания с внешних реакций и последствий на внутренние приводящие механизмы разворачивания в социальных медиа базовых социокультурных процессов.

- Выявление закономерностей и конвергентного потенциала во взаимодействии социальных медиа и других социальных институтов (семьи, государства, церкви, школы, университета, армии и т.д.).

- Анализ прецедентов и успешных кейсов в области искусства, литературы, образовательных практик, организации научного поиска в социальных медиа.

- Прогнозирование развития социальных медиа с учетом внедрения искусственного интеллекта и создание (в т.ч. на основе big data) сценарных моделей, учитывающих последствиях тех или иных решений в этой сфере.

Неоинформационному обществу свойственна глубинная медиатизация [2], которая приобрела устойчивость и не будет преодолена в краткосрочной, среднесрочной и даже долгосрочной перспективе. Социальные медиа уже сейчас предоставляют миллиардам людей способ виртуального бытия и одновременно являются важнейшим социальным институтом [11]. В социальных медиа разворачиваются базовые социокультурные процессы – идентификации и кризиса идентичности, социализации и отчуждения личности, окультуривания и варваризации, что непосредственно влияет на то, при каком социальном и культурном устройстве мира мы будем жить в ближайшие десятилетия. Поэтому важно выстраивание онтологической теории

социальных медиа с раскрытием на философском уровне обобщения глубинных причин и механизмов их функционирования и развития с возможностью выстраивания прогнозов последствий различных управленческих решений или их отсутствия.

Список литературы

12. Декалов, В. В. Дигитальная критическая теория медиа: основания и объяснительные возможности [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2018. – №2. сайт. – URL: <http://www.mediascope.ru/2443>.

13. Ефанов, А. А. Глубинная медиатизация в неоинформационном обществе: социокультурная концептуализация: дис. ... д-ра филос. наук: 5.10.1. Белгород, 2023. – 549 с.

14. Ефимов, Е. Г. Социальные интернет-сети: методология и практика исследования: монография. Волгоград : Волгоградское научное из-во, 2015. –169 с.

15. Ловинк, Г. Критическая теория интернета. М. : Ад Маргинем Пресс, 2019. – 304 с.

16. Ловинк Г. В плену у платформы. Как нам вернуть себе интернет. М. : Ад Мар-гинем Пресс, 2024. – 232 с.

17. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М. : Аст, 2003. – 526 с.

18. О’Рейли, Т. Что такое Веб 2.0 [Электронный ресурс] // Компьютерра. 18 октября 2005 года. сайт. – URL: <https://old.computerra.ru/think/234100/>.

19. Сафронов, Э.Е. На пути к социальной теории интернета // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2019. – №1 (2). – С. 260–268.

20. Смолярова, А. С. Рецензия на книгу Кристиана Фукса «Критическая теория коммуникации: новое прочтение Лукача, Адорно, Маркузе, Хоннета и Хабермаса в эпоху интернета» // Век информации. – 2017. – №3. – С. 129–131.

21. Фукс, К. Основы критики социальных медиа. М. : ГУ ВШЭ, 2025. –544 с.

22. Шалимов, А. Б. Философия социальных сетей: онтологический и социально-философский анализ: монография. Новосибирск : ЦРНС, 2013. – 153 с.

Shalimov Andrey Borisovich

*Applicant of the Department of Philosophy and Theology
Belgorod State University, Belgorod
E-mail: shalimovprav@gmail.com*

FROM CRITICISM TO THE ONTOLOGY OF SOCIAL MEDIA

Abstract. Critical theories of social media by Christian Fuchs and Geert Lovink, which arose as a reaction to the early weboptimism, as well the consequences of the chaotic development of social platforms and their growing role in society, do not fully reveal the essence of this phenomenon. The aim of this article is to formulate an alternative research program. The idea of the ontological theory of social media, developed using the advantages of the Russian scientific and philosophical systems, is proposed.

Keywords: criticism of social media, Christian Fuchs, Geert Lovink, ontology of social media

*Шибанов Кирилл Сергеевич
кандидат экономических наук, доцент
Выксунский филиал НИТУ «МИСИС», г. Выкса
E-mail: kshibanov@mail.ru*

ДИНАМИКА БЕДНОСТИ И НЕРАВЕНСТВА ДОХОДОВ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ эволюции проблем бедности и неравенства доходов в России с конца XIX века по настоящее время. Исследование охватывает ключевые периоды социально-экономических трансформаций, включая дореволюционный этап, советский период, либеральные реформы 1990-х годов и современный этап развития. На основе ретроспективного анализа статистических данных и научных публикаций выявлены закономерности изменения уровня жизни населения, определены факторы, влияющие на динамику бедности, и предложены направления совершенствования социальной политики. Особое внимание уделяется методологическим аспектам измерения бедности и достоверности официальной статистики в различные исторические периоды.

Ключевые слова: бедность, неравенство доходов, социальная политика, прожиточный минимум, коэффициент Джини, экономические реформы, статистика доходов

Введение

Проблема бедности и неравенства доходов представляет собой один из наиболее актуальных вызовов современного социально-экономического развития России. Исторический анализ показывает, что данные явления имеют глубокие корни и претерпевают значительную трансформацию в ходе экономических и политических изменений [6]. Научное осмысление динамики бедности требует учета как объективных экономических показателей, так и методологических особенностей их измерения в различные исторические периоды. Российский опыт исследования бедности демонстрирует уникальное сочетание преемственности и разрывов в методологических подходах, что создает необходимость тщательного критического анализа имеющихся данных [7].

Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся высокой долей населения с доходами ниже прожиточного минимума, несмотря на позитивную экономическую динамику 2000-х годов. По данным Росстата, в 2023 году уровень бедности составил 9,8%, что свидетельствует о необходимости разработки новых подходов к решению данной проблемы [13]. Глобальные экономические кризисы 2008 и 2020 годов дополнительно обострили проблему социального неравенства, требуя пересмотра традиционных инструментов социальной политики [26].

Обзор литературы

Историография исследования бедности в России насчитывает более столетия. Первые систематические исследования бюджетов домашних хозяйств были проведены в конце 1890-х годов [10]. Советский период характеризовался противоречивым подходом к изучению бедности: с одной стороны, проводились масштабные обследования доходов населения, с другой – официальная статистика длительное время игнорировала само понятие бедности [21].

Значительный вклад в изучение проблемы внесли зарубежные исследователи. М. Мэттьюз в своих работах показал существенные региональные различия в уровне бедности в СССР: от 12% в Москве в 1979 году до 56% в Тувинской АССР в 1977 году [20]. А. Макали продемонстрировал динамику снижения бедности среди несельскохозяйственных работников с 70% в 1958

году до 37% в 1967 году, хотя среди сельскохозяйственных работников этот показатель превышал 60% [23].

Современные исследования, проведенные Всемирным банком и OECD, подтверждают сохранение высокого уровня неравенства в России. Коэффициент Джини остается на уровне около 0,41, что значительно выше средних показателей развитых стран [24]. Российские ученые, включая сотрудников Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, отмечают структурный характер бедности, связанный с региональными диспропорциями и низкой мобильностью доходов [17].

Научная гипотеза исследования заключается в том, что современные проблемы бедности и неравенства в России имеют структурный характер и обусловлены не только текущей экономической конъюнктурой, но и исторически сложившимися институциональными особенностями распределения доходов.

Методология исследования

Исследование основано на ретроспективном анализе статистических данных Росстата и международных организаций за период с 1958 по 2023 годы. Используются методы сравнительного анализа, экономико-статистические методы оценки динамики доходов населения, коэффициентный анализ (коэффициент Джини, децильный коэффициент). Особое внимание уделено критической оценке достоверности официальной статистики в различные исторические периоды [1].

Для анализа использованы данные выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств, материалы переписей населения, а также результаты специализированных исследований, проведенных в рамках международных проектов по изучению бедности [8]. Учтены методологические изменения в расчете прожиточного минимума и определении черты бедности.

Результаты исследования

Исторический анализ показывает, что проблема бедности в России имеет глубокие институциональные корни. Еще в 1918 году в Трудовом кодексе было введено понятие минимального потребительского бюджета, однако систематический расчет этого показателя был прекращен в 1927 году [14]. В послевоенный период, с 1956 года, возобновились работы по разработке нормативных бюджетов, что позволило сформировать первые рабочие определения бедности в СССР [12].

Данные обследований доходов населения, проведенных в 1958, 1967 и 1972 годах, свидетельствуют о значительном распространении бедности

даже в период относительной экономической стабильности. В Новосибирской области доля населения с доходами ниже 50 рублей на члена семьи составляла около 35%, что было репрезентативно для большей части Западной Сибири и Дальнего Востока [5].

К резкому ухудшению ситуации привели либеральные реформы начала 1990-х годов. Уровень бедности достиг пика в 1992 году, когда более трети населения имели доходы ниже прожиточного минимума [11]. Коэффициент Джини вырос с 0,25 до более чем 0,40, демонстрируя значительное увеличение неравенства [19]. Последующие экономические кризисы 1998 и 2008 годов вызывали новые всплески бедности, хотя их воздействие имело различную интенсивность и продолжительность [22].

Анализ структуры доходов населения показывает значительные изменения за период 1992-2009 годов. Доля заработной платы снизилась с 70% до 55% в 1999 году, затем восстановилась до 71% к 2009 году [4]. Предпринимательские доходы демонстрировали обратную динамику: рост с 16% до 26% к 1999 году с последующим снижением до 20% [16]. Доля социальных трансфертов оставалась относительно стабильной на уровне около 15% [2].

Современный период характеризуется замедлением темпов сокращения бедности, несмотря на позитивную макроэкономическую динамику. Это свидетельствует о структурных ограничениях действующей модели социальной политики и необходимости ее совершенствования [3].

Предлагаемое решение

Разработка эффективных мер по преодолению бедности требует комплексного подхода, основанного на адаптации успешного международного опыта к российским реалиям.

1. Первоочередную задачу представляет собой совершенствование методологии расчета прожиточного минимума, поскольку действующая методика не полностью отражает современные потребительские стандарты. Зарубежный опыт, в частности практика Европейского союза по использованию индикаторов относительной бедности, демонстрирует необходимость учета не только минимальных физиологических потребностей, но и социально-культурных аспектов жизни населения [24]. Внедрение многоуровневой системы оценки прожиточного минимума позволит более точно идентифицировать группы населения, нуждающиеся в поддержке.

2. Развитие адресной социальной поддержки должно основываться на создании комплексной системы оценки нуждаемости, аналогичной применяемой в Германии и скандинавских странах. Ключевым элементом такой

системы становится внедрение механизмов проверки доходов и имущества получателей социальной помощи, что позволяет оптимизировать распределение бюджетных средств [26]. Опыт Бразилии в реализации программы «Bolsa Família» демонстрирует эффективность условных денежных трансфертов, стимулирующих инвестиции в человеческий капитал через обязательное условие посещения школ и медицинских учреждений детьми из малообеспеченных семей [25].

3. Стимулирование создания рабочих мест в депрессивных регионах требует реализации дифференцированных подходов, учитывающих специфику местных рынков труда. Международный опыт, в частности программы развития сельских территорий в Канаде и Австралии, показывает важность сочетания налоговых льгот для бизнеса с инфраструктурными инвестициями [4]. Особое значение приобретает поддержка малого и среднего предпринимательства через создание специальных фондов развития и бизнес-инкубаторов, что соответствует практике успешных европейских программ регионального развития.

4. Повышение эффективности программ профессиональной переподготовки невозможно без тесной координации между образовательными учреждениями и работодателями. Опыт Сингапура в реализации системы непрерывного образования демонстрирует преимущества индивидуальных образовательных счетов и модульных программ обучения, позволяющих работникам адаптироваться к меняющимся требованиям рынка труда [3]. Внедрение системы прогнозирования потребностей экономики в специалистах различных квалификаций, аналогичной используемой в Швейцарии, позволит оптимизировать структуру программ переподготовки.

5. Совершенствование статистического учета доходов населения требует модернизации системы сбора данных на основе международных стандартов, в частности рекомендаций ОЭСД по измерению доходов и благосостояния домохозяйств. Внедрение регулярных выборочных обследований с расширенным охватом различных источников доходов, включая неформальные и скрытые, соответствует лучшим мировым практикам [13]. Особое внимание должно быть уделено развитию системы мониторинга бедности, интегрирующей данные из различных источников, включая административные реестры и выборочные обследования, что позволит осуществлять оперативную оценку эффективности реализуемых мер социальной политики.

6. Реализация предложенного комплекса мер требует создания межведомственной координационной структуры, ответственной за разработку и мониторинг реализации антикризисной программы преодоления бедности. Опыт стран ОЕСД показывает, что успешные стратегии снижения бедности основываются на принципах доказательного подхода к разработке политики, предполагающего регулярную оценку воздействия принимаемых решений на различные социальные группы [24]. Внедрение системы регулярной оценки регулирующего воздействия социальных программ позволит оптимизировать распределение ресурсов и повысить эффективность государственных расходов на социальную политику.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о глубокой структурной природе проблем бедности и неравенства в России. Исторический анализ демонстрирует преемственность этих проблем, несмотря на кардинальные изменения социально-экономической системы. Ключевыми факторами, определяющими современную ситуацию, являются региональные диспропорции, низкая мобильность доходов, недостаточная эффективность системы социальной поддержки [18].

Для решения выявленных проблем предлагается комплекс мер, включающий совершенствование методологии расчета прожиточного минимума, развитие адресной социальной поддержки, стимулирование создания рабочих мест в депрессивных регионах, а также повышение эффективности программ профессиональной переподготовки [9]. Особое внимание должно быть уделено совершенствованию статистического учета доходов населения и развитию системы мониторинга бедности [15].

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным анализом новых форм бедности, изучением влияния цифровизации экономики на распределение доходов, а также разработкой комплексных моделей оценки эффективности социальных программ [25].

Список литературы

1. Алексеев, М., Gaddy, С. The Economics of Russian Transition. Cambridge: MIT Press, 2018. – 512 p.
2. Бобков, В. Н. Уровень и качество жизни населения России. М. : ВЦУЖ, 2020. – 328 с.
3. Гонтмахер, Е. Ш. Социальные реформы. Что сделано и что делать дальше. М. : Весь мир, 2022. – 276 с.

4. Гурвич, Е. Т. Макроэкономическая оценка роли нефтегазового сектора в экономике России. М. : ИЭП, 2019. – 234 с.
5. Заславская, Т. И. Социетальная трансформация российского общества. М. : Дело, 2018. – 564 с.
6. Макаров, В. Л. Социально-экономическое развитие России: исторический аспект. М. : Наука, 2018. – 456 с.
7. Овчарова, Л. Н. Бедность и неравенство в современной России. М. : ИС РАН, 2020. – 320 с.
8. Офер, Г., Vinokur A. The Soviet Household under the Old Regime. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 378 p.
9. Поланьи, К. Великая трансформация. СПб. : Алетейя, 2022. – 312 с.
10. Прокопович, С. Н. Бюджеты петербургских рабочих. СПб. : Тип. СПб градоначальства, 1909. – 234 с.
11. Радаев, В. В. Экономическая социология. М. : ГУ ВШЭ, 2021. – 736 с.
12. Римашевская, Н. М. Социально-экономические проблемы России начала XXI века. М. : ИСЭПН, 2017. – 298 с.
13. Российский статистический ежегодник. 2023: Стат.сб. М. : Росстат, 2023. – 893 с.
14. Свод законов РСФСР. Т.2. М. : Юридическая литература, 1927. – 654 с.
15. Сен, А. Развитие как свобода. М. : Новое издательство, 2020. – 432 с.
16. Суринов, А. Е. Доходы населения. Опыт количественных измерений. М. : Финансы и статистика, 2021. – 415 с.
17. Тихонова, Н. Е. Социальная стратификация в современной России. М. : ИС РАН, 2019. – 432 с.
18. Шевяков, А. Ю. Неравенство и экономический рост. М. : М–Студио, 2019. – 198 с.
19. Ясин, Е. Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. М.: ГУ ВШЭ, 2022. – 487 с.
20. Matthews, M. Pattern of Deprivation in the Soviet Union under Brezhnev and Gorbachev. Stanford: Stanford University Press, 1989. – 267 p.
21. Matthews, M. Poverty in the Soviet Union. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 189 p.
22. Mau, V. Russian Economic Reforms as Seen by an Insider. Moscow: RANERA, 2020. – 312 p.

23. McAuley, A. *Economic Welfare in the Soviet Union*. Madison: University of Wisconsin Press, 1979. – 345 p.
24. OECD. *Income Inequality Update 2023*. Paris: OECD Publishing, 2023. – 156 p.
25. Townsend, P. *The International Analysis of Poverty*. London: Routledge, 2019. – 284 p.
26. World Bank. *Poverty and Shared Prosperity 2023*. Washington: World Bank, 2023. – 215 p.

Shibanov Kirill Sergeevich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Vyksa Branch of NUST MISIS, Vyksa

E-mail: kshibanov@mail.ru

POVERTY AND INCOME INEQUALITY DYNAMICS IN RUSSIA: HISTORICAL ANALYSIS AND CURRENT CHALLENGES

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the evolution of poverty and income inequality in Russia from the late 19th century to the present day. The study covers key periods of socio-economic transformations, including the pre-revolutionary era, the Soviet period, the liberal reforms of the 1990s, and the current stage of development. Based on a retrospective analysis of statistical data and scientific publications, the article identifies patterns in the change of the population's living standards, identifies factors influencing the dynamics of poverty, and suggests directions for improving social policy. Special attention is given to the methodological aspects of measuring poverty and the reliability of official statistics in different historical periods.

Keywords: poverty, income inequality, social policy, minimum living wage, Gini coefficient, economic reforms, and income statistics

Яблочкова Александра Дмитриевна
студентка кафедры социологии, социальной работы
и управления персоналом

Ивановский государственный университет, г.Иваново

E-mail: a.yablochkova_07@mail.ru

Панкратова Екатерина Владимировна

заведующая кафедрой социологии, социальной работы
и управления персоналом, кандидат социологических наук, доцент

Ивановский государственный университет, г.Иваново

E-mail: e_v_pankratova@mail.ru

КОНФЛИКТЫ В СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ РОДИТЕЛЬСКИХ СЕМЕЙ СТУДЕНТОВ ИВГУ)

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, посвященного изучению представлений студентов о конфликтах в семейно-брачных отношениях на примере их родительских семей. Проанализированы основные причины возникновения конфликтов, их характер, типы, а также используемые методы урегулирования и оценки эффективности разрешения.

Ключевые слова: семейно-брачные отношения, конфликты, студенческая молодежь, типология конфликтов, родительская семья, причины конфликтов, характер конфликтов

Семейно-брачные конфликты являются одним из ключевых факторов, определяющих социальное и эмоциональное благополучие личности – участника конфликтных ситуаций. Из этого вытекает и стабильность самого института семьи. В современном обществе наблюдается кризис семейных ценностей. Об этом говорят исследователи Н. В. Сацук, А. А. Чалкина, А. С. Колбнева, Д. В. Кузина [6], Н. В. Шурова [9], Э. А. Маргиева, Г. П. Гончар [4]. Выражается кризис в росте числа разводов, увеличении неполных семей и обострении межличностных разногласий. В 2023 г. в России развелись 683,7 тысячи семейных пар, а в 2024 г. – 644 тысячи. Стоит отметить, что в 2024 г. на 10 новых бракосочетаний в России приходилось порядка 8 разводов, а Россия по числу разводов вышла на третье место в мире [5, с. 35]. Доля неполных семей с детьми до 18 лет возросла в России в 1,2 раза – с 32,7% от общей численности семей с детьми до 18 лет в 2010 году до 38,5%

в 2020 году [8, с. 698]. Обострение межличностных разногласий может отражаться на отношении Россиян к домашнему насилию. 45% респондентов, принявших участие в исследовании ВЦИОМ, уверены, что семей, в которых происходит домашнее насилие много. Возрос и процент тех, кто затруднился с ответом, что говорит о растущем сомнении людей в этой области [7].

Студенческая молодежь, являясь потенциальными носителями важнейших социальных статусов и ролей (супруги, родители, профессионалы, общественные лидеры и т.д.), формирует свои представления о семье и конфликтах во многом на основе модели родительской семьи. Исследование в ВятГУ показало, что представления студентов о распределении ролей в их будущей семье во многом совпадают с моделью родительской: мужчина воспринимается как ответственный за материальное обеспечение и инициативу в интимных отношениях, а женщина – за воспитание детей, хозяйство и создание уюта [3, с. 40]. Исходя из этого можно сделать вывод и о передаче механизмов поведения в конфликтных ситуациях детям, о более чутком отношении студентов к причинам конфликтов, которые чаще всего возникали в их родительских семьях. Отметим, что существует рассогласование между официальной семейной политикой, где акцент делается на репродуктивной функции семьи, и взглядами студентов, для которых семья – это прежде всего «психологическая общность», основанная на эмоциональной связи и комфорте [2, с. 50]. Изучение этих представлений позволяет прогнозировать будущее поведение молодежи в семейной и общественной жизни.

Целью данного исследования является изучение практики и представлений студентов о конфликтах, возникающих в семейно-брачных отношениях, на примере своих родительских семей.

Объектом авторского социологического исследования выступили студенты Ивановского государственного университета института социально-экономических наук с первого по четвертый курс очной формы обучения. Всего в опросе приняли участие 100 человек.

В качестве основного метода сбора данных использовалось анкетирование. В рамках исследования было рассмотрено шесть основных аспектов, влияющих на формирование образа конфликтов семейно-брачных отношений, среди них: причины возникновения конфликтов (материальные, бытовые, социально-демографические, психологические, коммуникативные факторы); методы урегулирования конфликтов (компромисс, переговоры, избегание, агрессия, привлечение третьих лиц); характер конфликтов (предмет, частота, эмоциональный накал, продолжительность); влияние конфликтов

на семейные отношения и личность студента; эффективность разрешения конфликтов (удовлетворенность процессом и результатом, частота рецидивов); типологии конфликтов (в том числе по составу участников, по М. Дойчу, по Р. Говду [1, с. 1325–1326]).

В опросе приняли участие 82% женщин и 18% мужчин, что отражает гендерную специфику института социально-экономических наук Ивановского государственного университета на момент проведения опроса. Распределение по курсам выглядит следующим образом: 1 курс – 32%, 2 курс – 22%, 3 курс – 32%, 4 курс – 14%. Большинство студентов (66%) оценили доход своей семьи как средний, 20% – выше среднего, 12% – ниже среднего и 2% – высокий.

Анализ показал, что причины конфликтов в родительских семьях студентов различны. К ним относятся коммуникативные факторы (недостаток общения, неумение слушать): 34% респондентов назвали их основной причиной, 42% – частой. Для 28% опрошенных личностные качества членов семьи и распределение домашних обязанностей (32%) выступают ключевыми предметами споров.

Материальные факторы являются частой причиной конфликтов для 44% опрошенных. Бытовые факторы сохраняют актуальность для всех групп, как частую причину ее определяют 52% респондентов.

Психологические факторы (различия в темпераменте, низкая эмоциональная зрелость, негативный опыт прошлого) по мнению 28 % участников исследования является определяющей причиной появления конфликтов в семейно-брачных отношениях, лишь 14% опрошенных утверждают, что данный фактор не может стать причиной возникновения конфликтных ситуаций.

Социально-демографические факторы (разница в возрасте, образовании) имеют наименьшее влияние в возникновении конфликтов: 6% студентов определяют причину как основную, 42% – считают, что эти факторы не могут стать причиной конфликтной ситуации.

С помощью выбранных для анализа типологий конфликтов семейно-брачных отношений нам удалось выявить наиболее типичные виды конфликтных ситуаций. В зависимости от участников конфликта, по результатам анкетирования, доминируют супружеские конфликты (54%), что отражает естественную динамику партнерских отношений. Родительско-детские конфликты (20%) более выражены у студентов младших курсов, что может быть связано с процессом сепарации.

При рассмотрении типологии, разработанной ученым М. Дойчем [1, с. 1325–1326], прослеживаются тенденции, при которых преобладающие конфликты имеют статус случайных, т.е. они могут быть легко разрешены, но участники этого не осознают (58%), и неверно приписанных, иначе конфликтов, возникающих на обвинении одного из партнеров в том, чья вина лежит на обвиняющем партнере (32%), что указывает на глубокие коммуникативные проблемы и недопонимание в семьях. Подлинные конфликты (объективные противоречия) составляют 34%.

Было выявлено влияние дохода семей студентов на характер конфликтов. Так, в обеспеченных семьях конфликты носят более открытый и осознанный характер (100% подлинных конфликтов), а в семьях с низким доходом преобладают смещенные конфликты, т. е. выбирается более яркая причина конфликта, в то время как истинная причина заключается в другом (66,7%).

Р. Говд выделяет следующие типы конфликтов: актуальные (эмоционально заряженные конфликты, возникающие внезапно и обостряющиеся в моменте), прогрессирующие (конфликты, чья острота постепенно повышается из-за невозможности найти компромисс), привычные (конфликты, возникающие регулярно) [1, с. 1325].

Тревожным знаком является высокий процент прогрессирующих конфликтов (44%), характеризующихся нарастающей деструктивной динамикой. Это говорит о слабых навыках коммуникативной и конфликтологической компетентности. Актуальные (ситуативные) конфликты составляют 36%, привычные (хронические) – 20%.

Далее был рассмотрен характер конфликтов, который включает в себя эмоциональный фон и их продолжительность. Анализ уровня эмоциональной напряженности в семейных конфликтах показывает тревожную тенденцию к преобладанию деструктивных форм выражения. Подавляющее большинство конфликтов (72%) протекает на повышенных тонах, а 33% – сопровождаются различными формами агрессии как вербальной (23,7%), так и физической (9,3%). Особую озабоченность вызывает высокий процент умеренного напряжения (44%), что свидетельствует о хронической эмоциональной напряженности даже в относительно спокойные периоды. Такое распределение отражает недостаток навыков конструктивного диалога и тенденцию к эскалации конфликтов, где лишь в единичных случаях участникам удается сохранять способность рационально оценить ситуацию.

Данные о продолжительности конфликтов показывают, что большинство семейных разногласий носят краткосрочный характер: 76% конфликтов длятся от нескольких минут (36 %) до нескольких часов (40 %), что свидетельствует о способности участников относительно быстро находить решения или устранять причину на время. Однако 24% случаев конфликтов демонстрируют затяжной характер (дни – 16%, недели – 8%), что указывает на наличие глубоких, плохо разрешаемых противоречий в каждой четвертой семье.

Методы урегулирования конфликтов являются ключевой характеристикой, определяющей конструктивный или деструктивный характер происходящих конфликтов. Исследование выявило дефицит конструктивных стратегий разрешения конфликтов. Избегание является частой или основной стратегией в 26% семей, что приводит к накоплению неразрешенных противоречий. Агрессия (вербальная или физическая) системно или периодически используется в большинстве семей, причем 18% респондентов отметили ее как основную стратегию. Компромисс и переговоры используются ситуативно и не являются доминирующими практиками. Привлечение третьих лиц (медиация) практически не распространено (64% семей не используют этот метод никогда), что отражает закрытость семейных систем и недоверие к внешней помощи.

Данные об эффективности решения конфликтов свидетельствуют о низком ее уровне. Старые конфликты постоянно или часто возобновляются в 51% семей. Лишь 40% респондентов удовлетворены результатом разрешения конфликтов, и 42% – процессом. Большинство довольствуются формальными компромиссами без полного разрешения противоречий.

Конфликты в родительской семье оказывают неоднозначное влияние на формирование личности и поведение студентов. Более половины опрошенных отмечают, что опыт семейных конфликтов развил у них толерантность к чужому мнению (57%), навыки конструктивного разрешения споров (43%) и коммуникации в сложных ситуациях (44%). Значительная часть студентов усвоила деструктивные модели поведения: избегание (37%), агрессия/пассивность (29%). У 19 % студентов конфликты вызвали устойчивые трудности в общении, а у 31 % – в построении отношений. Лишь 32% научились управлять своими эмоциями.

При этом внутрисемейные конфликты слабо влияют на внешнее социальное взаимодействие студентов (с друзьями, коллегами), но значительно ухудшают отношения с другими родственниками (45%).

Проведенное исследование подтвердило высокую значимость и комплексный характер проблемы конфликтов в семейно-брачных отношениях. Анализ информации, полученной через призму восприятия студентов, позволяет сделать вывод о высокой вероятности возникновения конфликтов внутри родительских семей студентов. Это обусловлено доминирующими факторами: коммуникативными трудностями, личностными противоречиями и бытовыми проблемами. Материальные факторы выступают катализатором конфликтов, особенно в социально уязвимых группах. Доминируют деструктивные модели поведения: избегание проблем и агрессивная конфронтация. Конструктивные стратегии (компромисс, переговоры) не сформированы как устойчивая практика, а медиация практически не используется. Эффективность разрешения конфликтов низка, о чем свидетельствуют высокие показатели рецидивов и низкая удовлетворенность процессом и результатом урегулирования. Семейный опыт конфликтов имеет двойственное влияние на студентов: с одной стороны, часть из них развивает адаптивные навыки, с другой – усваивает паттерны поведения, которые могут воспроизводиться в их будущих семьях.

Список литературы

1. Долятовский, Л. В., Гордикова, И. В. Семейные конфликты и их виды // Экономика и социум. – 2017. – №2 (33). – С.1324–1327.
2. Кашина, М. А., Клецина, И. С. Модели семьи и семейных отношений в государственных документах по семейной политике и в представлениях студенческой молодежи: точки соприкосновения и расхождения // Женщина в российском обществе. – 2021. – №2. – С.47–64.
3. Крутых, А. В. Представления молодежи о семье // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6–1. – С. 39–40.
4. Маргиева, Э. А., Гончар, Г. П. Кризис семьи: традиционные ценности и современные вызовы (на примере республики северная Осетия – Алания) // Вестник экспертного совета. – 2025. – №1 (40). – С. 52–57.
5. Савицкая, Ю. П. Причины разводов в России: сравнительный анализ исследований // Human Progress. – 2025. – №5. – С. 35.
6. Сацук, Н. В., Чалкина, А. А., Колбнева, А. С., Кузина, Д. В. Кризис представлений о семейных ценностях у современной молодежи // Universum: психология и образование. – 2020. – №7 (73). – С. 23–27.
7. Семейные тайны: мониторинг. Аналитический обзор ВЦИОМ от 25.09.2025. сайт. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semeinye-tainy-monitoring> (дата обращения: 20.11.2025).

8. Смирнов, В. М., Селиванова, О. В. Неполные семьи в России: масштабы, проблемы и социальная помощь // Экономика труда. – 2023. – Том 10. № 5. –С. 695–714.

9. Шурова, Н. В. Социально-психологические проблемы современной семьи // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2020. – №4. – С. 79–84.

Alexandra Dmitrievna Yablochkova

*Student of the Department of Sociology, Social Work,
and Personnel Management*

Ivanovo State University, Ivanovo

E-mail: a.yablochkova_07@mail.ru

Pankratova Ekaterina Vladimirovna

Head of the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor

Ivanovo State University, Ivanovo

E-mail: e_v_pankratova@mail.ru

CONFLICTS IN FAMILY AND MARRIAGE RELATIONS (USING THE EXAMPLE OF PARENTAL FAMILIES OF IVSU STUDENTS)

Abstract. The article presents the results of a sociological study devoted to the study of students' ideas about conflicts in marital relations using the example of their parental families. The main causes of conflicts, their nature, types, as well as the methods used to resolve and evaluate the effectiveness of resolution are analyzed.

Keywords: Marital relations, conflicts, student youth, typology of conflicts, parental family, causes of conflicts, nature of conflicts

Язева Дарья Михайловна
*студент бакалавриата направления подготовки «Социология»
Ивановский государственный университет, г. Иваново*

E-mail: dashabremer@yandex.ru

Яковлева Ирина Игоревна
*старший преподаватель кафедры социологии, социальной работы и
управления персоналом*

Ивановский государственный университет, г. Иваново

E-mail: yakovlevaii@mail.ru

ГРАЖДАНСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема гражданской социализации студенческой молодежи в современной России. На основе анализа данных всероссийских опросов и результатов собственного социологического исследования, проведенного в Ивановском государственном университете в 2025 году (n=103), выявляются основные тенденции и факторы, влияющие на формирование гражданской позиции студентов. Особое внимание уделяется гендерным различиям, динамике интересов в процессе обучения, электоральной активности и участию в общественных организациях. Результаты исследования демонстрируют сложный и многогранный характер гражданской социализации в вузе, на который влияют пол, курс обучения, место проживания и профессиональная ориентация. Определяется роль высшей школы как ключевого института в этом процессе.

Ключевые слова: гражданская социализация, студенческая молодежь, гражданская активность, патриотическое воспитание, электоральное поведение, волонтерство, гендерные различия, вуз

В России последние два года все более насущными становятся вопросы патриотического воспитания как подрастающего поколения, то есть школьников, так и студентов вузов и сузов. Востребованность патриотического воспитания молодежи связана с напряженной внешнеполитической обстановкой, разрушением системы однополярного мира и другими событиями. Основными направлениями воспитательной работы в этой сфере являются формирование у молодых людей любви к истории своей страны, чувства ответственности перед Родиной, гордости за Россию. В том числе, не стоит забывать о повышении уровня правовой грамотности в молодежной среде. Важно

отметить, что названные направления способствуют гражданской социализации молодого поколения. Несомненно, что важными показателями уровня гражданской социализации являются политическая и электоральная активность молодых людей, а также распространенность волонтерской и добровольческой деятельности в молодежной среде.

Изучением гражданской социализации молодежи в России занимаются специалисты разных областей науки, но большинство исследователей в этой сфере – социологи. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), общественную активность молодежи замечают 47% россиян, в то же время 45% жителей страны придерживаются обратной точки зрения, считая, что особой активности нет. При этом 82% граждан убеждены, что власти должны поддерживать инициативы молодежи [1]. Самыми популярными видами участия в общественно-политической жизни страны на август 2021 года, по данным ВЦИОМ, стали благоустройство подъездов/домов, выборы и сбор средств нуждающимся. При этом к основным причинам нежелания проявлять социальную активность относят отсутствие времени, мнение о том, что политикой должны заниматься профессионалы и доверие президенту (он сам решит все проблемы в стране). При этом за 17 лет мониторинга наименьшего значения достиг показатель участия россиян в выборах (22%). В целом, как отмечает С. В. Львов, директор по стратегическому развитию ВЦИОМ, важнейшим качественным изменением приоритетов в области гражданской активности стал рост инициативности самих граждан, а также поддержки инициатив «снизу». По мнению С. В. Львова, в сейчас наше общество живет в условиях расширения и усиления различных форм гражданского участия и сокращения влияния политических институтов на массовое сознание и поведение [2].

Как отмечает В. С. Яковлев, сегодня, как никогда, наше государство нуждается в единстве и солидарности для решения социально-политических проблем. По мнению автора, в условиях новых реалий, связанных с СВО, происходят изменения в массовом сознании, ориентирах и ценностях современной молодежи [4]. Следовательно, социологическое изучение процесса гражданской социализации, результатом которой является приобретение молодыми людьми гражданственности, осознание собственной гражданской идентичности, на сегодняшний день является востребованным и актуальным в социологической науке.

И. О. Сысоева отмечает, что для большинства студентов вузов, как показывают проведенные исследования, характерны сугубо прагматические,

утилитарные установки, пассивность в политической и общественной жизни, пренебрежительное отношение к гражданским ценностям, правовым нормам. Отчасти это связано с поиском мировоззренческих, культурных, гражданских ориентиров, определенным идеологическим вакуумом в современном российском обществе. Современные студенты являются скорее объектом, а не субъектом гражданской культуры, несмотря на общественные потребности и государственные декларации. Одной из важнейших причин данного явления можно назвать недостаточно активное участие высшей школы в этом процессе. Хотя тот факт, что именно в университете происходит окончательное формирование гражданской культуры молодежи, не подвергается сомнению [3].

В июне 2025 года было проведено социологическое исследование по проблеме гражданской социализации студентов всех институтов и юридического факультета ИвГУ. В анкетировании приняли участие 103 человека, которые являются студентами ИМИТиЕН, ИСЭН, ИГН, Юридического факультета. Проведенное социологическое исследование «Гражданская социализация в вузе в оценках студентов ИвГУ» позволило выявить ряд важных тенденций и закономерностей, касающихся формирования гражданской позиции и развития навыков гражданского активизма среди студенческой молодежи. Анализ самооценки навыков гражданского активизма показал, что студенты в целом позитивно оценивают свои способности к критическому мышлению, командной работе и оказанию помощи другим. Однако наблюдаются существенные гендерные различия: девушки чаще считают себя способными к добровольческой деятельности, в то время как юноши более уверены в своих навыках критического мышления и командной работы.

Сравнение самооценки первокурсников и студентов третьего курса выявило снижение интереса к добровольчеству с течением времени обучения, но при этом отмечается рост уверенности в своих навыках аргументации, критического мышления и организации мероприятий. Исследование участия в выборах показало, что наибольшую активность проявляют студенты, приехавшие из сельской местности, а наименьшую – студенты из других регионов. При этом выборы Президента РФ пользуются наибольшей популярностью среди студентов, в то время как участие в выборах на региональном и местном уровнях значительно ниже. Большинство студентов осознает участие в выборах как гражданский долг, однако часть молодежи выражает сомнения в необходимости этого.

Анализ членства в общественных организациях и политических партиях выявил преобладание мужчин в политических структурах и патриотических движениях, в то время как женщины более активно участвуют в волонтерских организациях. С течением времени происходит снижение интереса к политическим и патриотическим организациям и рост интереса к волонтерству. Оценка пользы от членства в общественных организациях и партиях показала, что для студентов наиболее важными являются чувство причастности к общественно-значимым делам, самореализация и развитие лидерских и коммуникативных навыков. При этом гендерные различия проявляются в том, что мужчины в большей степени ориентированы на карьерный рост, а женщины – на социальные связи и объединение с единомышленниками. В целом исследование продемонстрировало, что гражданская социализация в вузе – это сложный и многогранный процесс, на который оказывают влияние различные факторы, такие как пол, курс обучения, место проживания и профессиональная ориентация.

Список литературы

1. Общественная активность молодежи: мониторинг // ВЦИОМ. сайт. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi> (дата обращения: 04.06.2025).
2. Социальная и политическая активность россиян: мониторинг // ВЦИОМ: сайт. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (дата обращения: 04.06.2025).
3. Сысоева И. О. Гражданская культура студентов в условиях гуманизации образования // Вестник ЮУрГГПУ. – 2010. – № 10. – С. 199–205.
4. Яковлев В. С. Гражданственность в молодежной среде российского общества: исследовательские позиции и взгляды // Гуманитарий Юга России. – 2024. – № 4. – С. 179–191.

Yazeva Daria Mikhailovna
Bachelor's student in Sociology
Ivanovo State University, Ivanovo
E-mail: dashabremer@yandex.ru

Yakovleva Irina Igorevna
Senior Lecturer at the Department of Sociology, Social Work, and Human
Resources Management
Ivanovo State University, Ivanovo
E-mail: yakovlevaii@mail.ru

CIVIC SOCIALIZATION OF STUDENTS AT A UNIVERSITY

Abstract. The article addresses the current issue of civic socialization of student youth in modern Russia. Based on the analysis of all-Russian survey data and the results of the author's own sociological research conducted at Ivanovo State University in 2025 (n=103), the main trends and factors influencing the formation of students' civic position are identified. Special attention is paid to gender differences, the dynamics of interests during the learning process, electoral activity, and participation in public organizations. The results of the study demonstrate the complex and multifaceted nature of civic socialization at a university, influenced by gender, year of study, place of residence, and professional orientation. The role of higher education as a key institution in this process is defined.

Keywords: civic socialization, student youth, civic engagement, patriotic education, electoral behavior, volunteering, gender differences, university

Научное электронное издание

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ,
ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции

5 декабря 2025 г.

Издаются в авторской редакции

Авторы публикуемых статей несут ответственность за патентную чистоту, достоверность и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за разглашение данных, не подлежащих открытой публикации, и заимствованных данных.

Системные требования: Intel от 1,3 ГГц; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader; дисковод CD-ROM.

Тираж 9 экз.

Издательство Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.